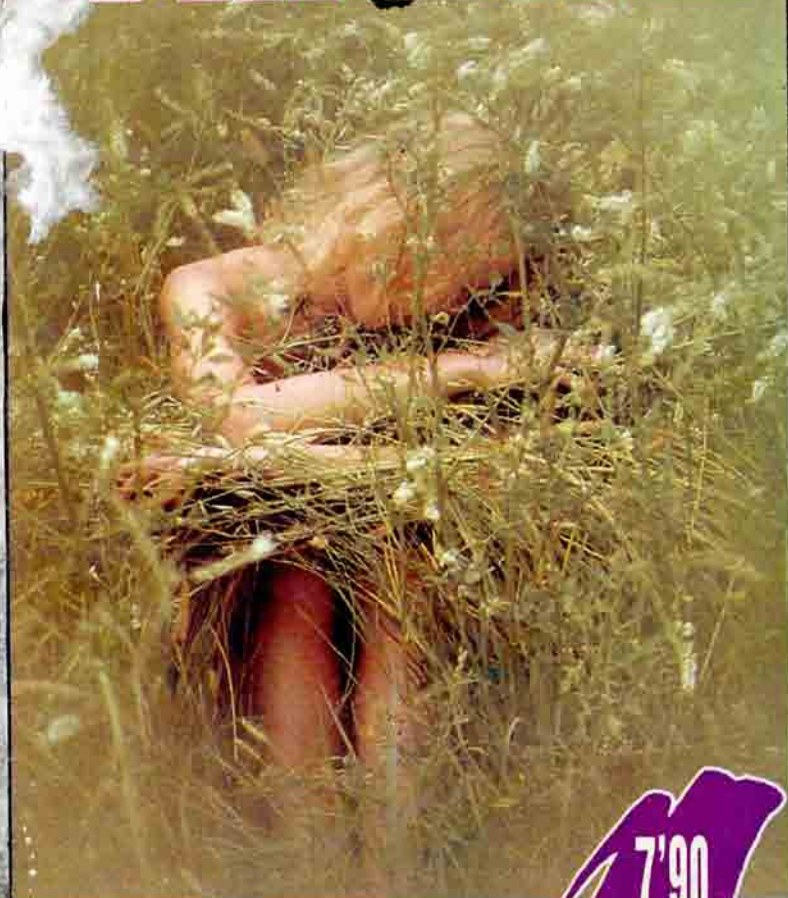

СМОНА

ВИКТОР ВОСТОКОВ — РУССКИЙ ЛАМА

7'90

ВЛАДИМИР ГОРНЫЙ. ПАЛАЧ И ЕГО МАСТЕР ХЬЮ ПЕНТЕКОСТ. ОБОРОТНИ

«КОРОЛЕ
ТАНЦА»

(ЧИТАЙТЕ СТР. 8)

7'90 СМЕНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ
ИОСИФ ОРДЖОНИКИДЗЕ
СЕРГЕЙ ПОПОВ
(зам. главного редактора)
ЮРИЙ РАГОЗИН
РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
ЕВГЕНИЙ РЯБЧИКОВ
ВАДИМ САЮШЕВ
ВИТАЛИЙ СЕВАСТЬЯНОВ
ВЛАДИСЛАВ СЕРИКОВ
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ
(главный художник)
ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ИГОРЯ КЛЮЧНИКОВА
АМАЛИИ АВДЮШИНОЙ
Технический редактор
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 04.06.90.
Подписано к печати 29.06.90.
А 00331. Формат 84×108¹/₂.
Бумага газетная «Тампресс».
Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,54. Усл. кр.-отт. 17,64.
Уч.-изд. л. 23,10. Отпечатано
1 700 000 экз. (из общего тиража
3 300 000 экз.)
Заказ № 2359. Цена 70 коп.
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок,
212-11-27 — отдел писем.
Ордена Ленина и ордена Ок-
тябрьской Революции типогра-
фия имени В. И. Ленина изда-
тельства ЦК КПСС «Правда»,
125865, ГСП, Москва, А-137, ули-
ца «Правды», 24.
Рукописи, фото и рисунки не воз-
вращаются. Рукописи объемом
более 1 авторского листа (24 ма-
шинописные страницы) редакци-
ей не рассматриваются.

7 (1509) ИЮЛЬ

© Издательство ЦК КПСС «Правда».
«Смена», 1990.

В НОМЕРЕ:

2

На нашей
обложке:
Фотоэтнод
ВЛАДИМИРА
ПЧЕЛКИНА

ПРОЗА

112

ХЬЮ ПЕНТЕКОСТ. ОБОРОТНИ

Повесть

24

АЛЕКСАНДР ТРАПЕЗНИКОВ. НАВАЖДЕНИЕ В МЕТРОПОЛИ-
ТЕНЕ

72

ИВАН АЛЕКСЕЕВ. ГДЕ ТЫ БЫЛА, ЯДВИГА?

ПОЭЗИЯ

218

ИРИНА РАТУШИНСКАЯ

9

ЕЛЕНА ОРЛОВА, РИММА ЛЮТАЯ, ИЛЬЯ ПАВЛОВ, ЕВГЕ-
НИЙ РАЗУМОВ, ГЕННАДИЙ ПОСТОЛАКИ

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

4

СЕРГЕЙ ПЯТЕНКО, АЛЕКСЕЙ СЛАВИЧ-ПРИСТУПА. РОДИ-
ТЕЛЬСКИЙ КОМИТЕТ СПАСЕНИЯ...

14

БОРИС КУРКИН. ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ

33

СЕРГЕЙ РОМЕЙКОВ. ГОРОД НА КОЛЕСАХ

48

ВЛАДИМИР ГОРНЫЙ. ПАЛАЧ И ЕГО МАСТЕР

65

ЮРИЙ ГАЛЬВАС. «НАРИСОВАННАЯ» ПЯТИЛЕТКА

78

ДМИТРИЙ СЕМЕНИК. ЛАМА ВОСТОКОВ

94

ЮРИЙ ЗАЙЦЕВ. ОТГОРОЖЕННЫЕ...

КУЛЬТУРА, МУЗЫКА, ИСКУССТВО

19

АЛЕКСЕЙ БАТАЛОВ. «НЕТ У ИСКУССТВА ЗАДАЧ»

44

НИКОЛАЙ БЕРЕЗИН. ПАТРИСИЯ КААС

88

ОЛЕГ КАРАСЕВ. «КОРОЛЬ ТАНЦА»

98

ЛЕОНИД ПРУДОВСКИЙ. СЫСОВЕВ. ПРИШЕДШИЙ РАНО

220

БОРИС ЗОТОВ. ДУША НАРОДА

228

АЛЕКСАНДР МЕНЬ. СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

258

БЕСЕДА С ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ГОСТЕЛЕРАДИО СССР МИХАИЛОМ НЕНАШЕВЫМ

СПОРТ

265

ТЕЙМУРАЗ МАМАЛАДЗЕ. БЕГУ ЗА «ЧЕРЕПАХОЙ»

41

ВАШИ ПИСЬМА

282

ШАХМАТЫ, КРОССВОРДЫ

8•90

3

Дорогие друзья, читатели «Смены»!

Наступает пора подписки на газеты и журналы на новый, 1991 год. И вы сейчас, конечно, в раздумье: какой газете, какому журналу отдать предпочтение. Мы хотим вам помочь и потому заверяем: если вы подпишетесь на «Смену», вы не пожалеете — журнал и в будущем году будет ориентироваться на тематику, которая интересует всех: лучшие остродетективные произведения советских и зарубежных писателей, публицистика, отражающая самые «горячие», волнующие проблемы и заботы времени, очерки и эссе о художниках, музыке, спорте, лучшие образцы поэзии молодых поэтов и корифеев жанра. Короче говоря, на страницах «Смены»-91 вы найдете все то, что положительно оценили в этом году, получив журнал нового образца, который, как свидетельствует читательская почта, гораздо выразительнее и интереснее, чем старый.

Подписаться на «Смену» вы можете без ограничений во всех отделениях связи и агентствах «Союзпечати».

Напоминаем: в розницу журнал поступает в очень ограниченном количестве.

АНОНС:

РОДИТЕЛЬСКИЙ КОМИТЕТ СПАСЕНИЯ

**СЕРГЕЙ ПЯТЕНКО,
АЛЕКСЕЙ СЛАВИЧ-ПРИСТУПА,**
кандидаты экономических наук

4

В школе — кризис.

Классы переполнены, учителей не хватает, денег нет, преподаватели малоквалифицированы, престиж педагога падает... Позиция Госкомитета по образованию известна: больше школ, учителей, денег, ресурсов...

И спорить с этим как-то даже неудобно — действительно нужно бы больше, мы отстаем от развитых стран по душевым расходам на образование раз в десять.

Но, по нашему глубокому убеждению, первоочередные меры в другом. Зададимся вопросом: какова главная проблема школы не с позиции самих работников образования, а с точки зрения «потребителей» — родителей и детей? Вне всякого сомнения, и здесь типичная ситуация — отсутствие влияния потребителя на производителя. Сейчас все работники гособра (от председателя Госкомитета до учителя) могут прак-

тически не замечать тех, для кого эта система существует.

Результат очевиден. Рискнем утверждать, что свыше половины советских учителей (как и других работников просвещения) были бы признаны профессионально непригодными в любой стране с более или менее современной системой образования. И вывод этот основывался бы в первую очередь на оценке не преподавательской, а педагогической квалификации, прежде всего на оценке отношения к детям. (Крики и брань учителей — «цветочки»...)

А дело все в том, что советский педагог действует по старой доброй магазинной формуле: «вас много, а я одна». Точно так же, как наш врач — по отношению к нашему пациенту и вообще советский производитель — по отношению к советскому потребителю. Законы экономики непреложны. Монополия, пронизывающая

нашу жизнь, неизбежно ведёт к ухудшению качества всех товаров и услуг.

Степень же монополизации среднего образования чрезвычайно высока и близится к крепостному праву. Государственная монополия и тут превратилась в монополию ведомственную. Школьный механизм финансируется государством и, живя своей автономной жизнью, абсолютно не зависит от нас. Но если мясо и молоко можно купить на рынке, а вместо поликлиники пойти в кооператив, назначенную судьбой школу миновать нелегко.

Кооперативные запрещены. Устроиться в другую государственную непросто, да и добираться до нее, как правило, неблизко. Так что трудно найти иную сферу, где существовала бы такая жесткая, развращающая зависимость, как зависимость детей и их родителей от учителей.

Позвольте теперь риторический вопрос: если в такой школе каждому ученику предоставить персональный компьютер (почему-то именно компьютеризация безумно волнует ответственных работников просвещения), так ли уж существенно скажется это на способности народного образования решать свою Главную Задачу — сеять разумное, доброе, вечное?

Понимаем, время для «чистой» критики прошло, у критикующего спрашивают: а как быть? Что вы предлагаете?

Слава богу, выдумывать, изобретать велосипед не нужно — есть богатейший и весьма успешный опыт развитых (да уже и многих развивающихся) стран в области организации среднего образования. Да, существуют различия между странами и регионами, но неизменным сохраняется основной принцип: финансирование

школ и оплата труда учителей напрямую зависят от качества преподавания, воспитания.

Принцип этот в цивилизованных странах работает прежде всего потому, что есть выбор: школы государственные, частные, церковные, организованные различными благотворительными обществами. Проще говоря, нет монополии, единообразия.

Например, несмотря на относительно малый удельный вес (во многих развитых странах менее 20 процентов школ), очень важную роль играет частный сектор. Одним своим существованием он резко повышает состоятельность, реально гарантируя высокий уровень госсектора; кроме того, платные школы часто становятся своеобразными «инкубаторами» нововведений, поскольку там можно куда легче и быстрее организовать тот или иной эксперимент.

6
Разумеется, частные школы нужны и у нас в стране (да они попросту неизбежны), прежде всего в интересах всей системы образования. Однако представьте, какой крик поднимется, если их организовать сейчас! Видимо, предчувствуя это, отрекшиваются от «частников» и специалисты в области образования. Так что вряд ли у нас в ближайшем будущем появится система платных школ. Правда, развивается, так сказать, «смешанная форма образования»: в школах организуются платные факультативы. Но, думается, в ближайшие несколько лет платные формы вряд ли составят серьезную конкуренцию государственной школе. Поэтому дальше речь пойдет только об организационном механизме бесплатных школ. Тем более что они, напомним, основа среднего образования в развитых странах.

Интересен, скажем, опыт США,

где сложилась мощная сеть школ: в них обучается свыше 90 процентов детей. Основная единица управления средним образованием в США — школьный округ. Округом управляет школьный комитет из 5—7 человек, он избирается жителями округа на срок от 3 до 6 лет. Членами школьных комитетов не могут быть учителя. (Естественно, их узкопрофессиональные интересы влияют на школьную политику.) Школьный комитет рассматривает все основные хозяйственные вопросы школ округа, в частности, и размеры финансирования.

Посмотрим теперь на наши перспективы. Сейчас основной документ, с помощью которого собираются перестроить народное образование, — Временное положение о средней общеобразовательной школе СССР. В принципе в нем намечен ряд шагов в правильном направлении. Что касается создания эффективной модели управления школой, Временное положение — типичный образец нежизнеспособного, половинчатого решения, отстаивающего не столько интересы детей и родителей, сколько административной системы гособра.

Прежде всего школа по-прежнему очень слабо зависит от «потребителей». К примеру, в разделах Временного положения, где речь идет о финансовой и материально-технической базе школы, фигурирует лишь зависимость ассигнований от вышестоящих органов. О том, чтобы мы с вами рублем «голосовали» за ту или иную форму обучения наших детей, не сказано ни слова.

Правда, определенное участие родителей, детей и общественности в управлении предполагается на уровне каждой школы: они должны составлять 2/3 высшего органа самоуправления школы —

конференции школьного коллектива. Однако процедура принятия решений конференцией и постоянным органом самоуправления — советом школы — очень запутана и неудобна (желающих в этом убедиться отсылаем к Временному положению).

Кроме того, в составе конференции треть голосов будет принадлежать учителям, значит, они могут проталкивать профессионально-групповые интересы. А зачем в органах управления участвовать ученикам? Чтобы было «лобби прогульщиков»? Во всем мире избирательное право предоставляется с «послешкольного» возраста. Почти нигде в мире учащиеся не задействованы в управлении школой. Такая форма воспитательной работы начала использоваться в виде эксперимента в конце XIX века. А сейчас применяется в очень ограниченном виде. Мы опаздываем на век? К тому же

школьное самоуправление обычно направлено на улучшение обучения и воспитания, а вовсе не на хозяйственные дела, тем паче не на контроль за работой администрации.

Согласно Временному положению, финансовые средства школы находятся в полном ее распоряжении, школа может пользоваться банковским кредитом, разрабатывать собственные системы оплаты труда, привлекать дополнительные внешние источники финансирования... Уже кое-что. Но и это «кое-что» перечеркивается пунктами Временного положения, предусматривающими нормативы расходования фондов оплаты труда и развития школьного хозяйства. Фактически пункты эти воспроизводят соответствующие статьи Закона СССР о государственном предприятии, который уже признан безнадежно устаревшим. В народном хозяйстве, наконец,

намечается переход от «продразверстки» к твердым налогам, а Временное положение повторяет зады нашей вялой экономической реформы... Итак, нынешняя очередная реформа противоречит мировому опыту, не дает никакой власти родителям и крайне мало самостоятельности — школам.

В качестве альтернативы можно выдвинуть следующие предложения:

— организация хозяйственного управления школами должна осуществляться по территориальным школьным округам. Думаем, в большинстве случаев школьные округа будут совпадать с административными районами. Главным органом управления школами, входящими в округ, должен быть Общественный совет попечителей округа;

— Общественный совет вместе с гор- или районо будет распределять выделяемые государством ресурсы между школами. Общественный совет назначает директоров школ, администрация школы сама устанавливает фонды оплаты труда, социального развития — проще говоря, она может полной мерой заплатить хорошему учителю. При школе тоже создается общественный совет, который более чем наполовину формируют родители...

Только так можно действительно радикально перестроить народное образование. Несколько утрируя, суть наших предложений можно передать коротким лозунгом «Вся власть родителям!». Разумеется, эта альтернатива вызовет резкое противодействие со стороны работников просвещения всех уровней — от чиновников до учителей, за исключением истинных профессионалов, которым нечего опасаться. В большинстве своем наши просвещенцы хорошо понимают, чем грозит им потеря

монопольного положения — подобно тому, как деятели командно-административной системы хорошо понимают, чем чревата для них реальная демократизация, — свобода слова, рыночная экономика...

У нас даже есть печальный опыт: действующий уже два года коллектив консультантов-разработчиков, включающих специалистов ряда академических институтов, попытался организовать внедрение своих предложений в одном из районов Москвы. Увы, как только дело дошло до внедрения, и учителя, и работники руно «встали насмерть»...

Остается уповать на вечно актуальную в нашей стране мудрость: «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих». Наверное, до тех пор, пока не возвысят голос родители, толку не будет...

От редакции. Безоговорочно согласиться можно, пожалуй, лишь с одной мыслью, высказанной авторами: наша школа переживает сегодня тяжелые времена, и тут, конечно, необходимы перемены. Какие? Это мы и приглашаем обсудить на страницах «Смены» всех, кого волнуют судьбы народного образования, — педагогов, ученых, родителей, самих учащихся... Думается, что коллективный поиск приведет нас к оптимальному, эффективному варианту.

Собираю науку по стенам
 в разрушенной школе,
 сохраняю — жуком на булавке —
 усохшее лето
 и в процессе движенья
 по краю магнитного поля
 незаметно меняю зрачками
 размеры предметов.

Ось Земли, что проходит
 сквозь комнату
 в центре кровати,
 еженощно дает мне права
 на вращенье планеты,
 но свисает топор с потолка
 на непрочном канате,
 непреклонный, как профиль
 на аверсе римской монеты.

На источник контраста, вперед,
 уходи от погони!
 Стрелка компаса смотрит на юг
 год от года капризней...
 Но когда я устану сжимать
 и раскрою ладони —
 нету шрамов на них,
 только косинус линии жизни.

1
 Смотри — идет работа не за страх.
 Уже сомкнулась сфера грозовая,
 и застывает время на губах,
 дыхание почти перекрывая.

Смотри — не видно верного пути,
 и мечутся, уйдя из-под контроля,
 безумные штрихи на белом поле,
 которым общей точки не найти.

2
 Неведом сон, приснившийся под утро,
 как тайна моря в бликах перламутра,
 в чудесно освещенной темноте
 волшебное движенье силуэтов —
 священных кошек,
 сказочных атлетов,
 набросков на серебряном холсте,
 все ближе, ближе,
 и опять —

пейзаж,
где единицы времени свободно
стоят, как рыбы в реках полноводных,
шумит подлесок в ягодных дубравах,
и затерялся
где-то в сочных травах
теперь уже ненужный
карандаш.

РИММА ЛЮТАЯ

В МЕЛКОМ ЗЕРКАЛЕ БЛЕКЛЫЕ ОТРАЖЕНЬЯ...

Под небом полуночи спят полуночные воды, Иуда.
Усталые ангелы дремлют на лодках небесных...
Поймали ловцы и ловчихи, хранители стай человеческих,
крылатым объятьем бессмертно-бесполое плоти
свои, покрывами укрыли поникшие плечи...

Не спи, правоверный, на улицах города тесно
бывает с рассветом, и ангелов сон на исходе,
твой сон на заре, Назарет, никакому исходу угоден,
твой сон на заре — я боюсь — зачем беспробуден?
К финалу двадцатого века, наверно, и ангел подсуден...
И вот уже льется рассеянный свет
ниоткуда,
как будто с небес преисподней —
тоскливо, противно и страшно...
И держит «Новейший завет»
история в красном исподнем,
да только без веры вчерашней...
Без чуда,
без веры, без жизни, где вольное небо,
где летний покой в полуденной поре,
где сушат на веслах, развесив свой невод,
двенадцать апостол... ах: нет — рыбарей.

...по расхажим платить чужим счетам долг —
в том ни смысла, ни счастья, ни славы, ни сил — нет.

Я приду бездорожьем, построю сестре дом —
и прощусь... Оглянешься: руины да пепл — вслед.
Я вернусь, вместо добрых и гневных. И вновь — гад,
в озлобленье и сраме, поставлю с трудом — сруб...
Есмь я жаден и мелок. Но жалок до слез брат,
битый в кровь при народе за немошь своих рук.
Он и в драку не лез, он хотел только жить, петь,
в сад ходить, где бы дышалось легко в дождь...

Сытых рож — до рожна, до сословья... Но терпеть
их ленивую правду, о Боже мой, невмочь.

«РАЗРУШЕНИЕ СТЕН — ЭТО ДЕЛО САМИХ СТЕН...»

(а под ними, коль выползет, в пятом углу — всхлип), —
раздражающий остов кувалдами в семь смен
дружно гробили, дым до небес жгли...

По привычке: любить, по вине — я бреду вновь.
Только небо нагрывает, да сердце сожмет — смерть!..

...на припеке кликуша бормочет следы слов.
Жарким ветром доносит: «...не сметь ...не ...сметь!..»

==

Потому что нам
никуда не войти,
от рожденья — нигде,
никогда.

На пространстве окрест —
вырожденье пути:
пыль, обочина, лебеда.
И поэтому я
у входа в тоннель
выбираю рисунок стены,
правду склона глухого,
темную ель,
право стона тревожить
сны.

На приманку, единственный шанс —
не иду

к знаку «вход»,
чтоб не сыну смотреть,
как вслепую,
на чужом поводе,
я меняю
клетку
на клеть...

ИЛЬЯ ПАВЛОВ

СУХОЙ ЧЕРДАК

От дождей все каменные мели
В шумных водах скрылись на реке.
Вот уже которую неделю
Я живу на пыльном чердаке.
По три раза в день спускаюсь к чаю
Лестницей шерботой с чердака
И опять под шум дождя читаю
Книги из большого сундука.
Двух шагов по скользкой, липкой глине
Не пройду. Не замочу колен
Ради редкой кровавой малины
В потемневшей зелени у стен.

Никогда я не читал так много,
Никогда так много не дремал,
Никогда на оправданье Бога
Стольких мыслей я не устремлял.

Дождь шумит, река шумит устало,
Тонет все. Но сух стоит чертог,
И меня под теплым одеялом
Пробирает сладкий холодок.
В темноте сильнее дождь на крыше,
Ближе по камням шумит река
И какой-то быстрый шепот слышен
По углам сухого чердака.

Но однажды утреннее солнце
Протянуло пыльные лучи
В узкое разбитое оконце...
Как шумит река! А дождь?
Молчит!
Поднялись, заголубели своды.
Август все же. Лето как-никак!
И, конечно, в ясную погоду
Всякий смысл утратил мой чердак.

И противны стали мне до рвоты
Запахи, к которым я привык:
Известковый — птичьего помета,
Пыльный и сухой — старинных книг.

ЕВГЕНИЙ РАЗУМОВ

О, склад российского сельмага —
соседство фресок и тюков!
Ты стал сосредоточьем блага,
изгнав пророков и богов.

И видит из угла Никола,
что звался чудотворцем встарь,
как сельди пряного посола
баррикадируют алтарь,

а Богородицу и Спаса
теснят крупа и ширпотреб,
и пахнет мылом от левкаса,
и ниц лежат Борис и Глеб.

Кладовщику немного надо,
но вышьет — пьяная слеза
течет, а в ней — картины ада,
а в ней — глаза,

глаза, глаза...

Боялся попервоначалу
при них и шить и красть мужик,
теперь же все пооблетало,
да он и сам теперь привык.

И, лишь откушав самогона,
заплачет аспид у доски,
но зря волнуется икона —
он не удавится с тоски.

ГЕННАДИЙ ПОСТОЛАКИ

≡

Что двери закрыты,
Что звон упадет
о мягкую шерсть не поранивши крылья,
что явью проснется что былью
мой белый скрипач не умрет

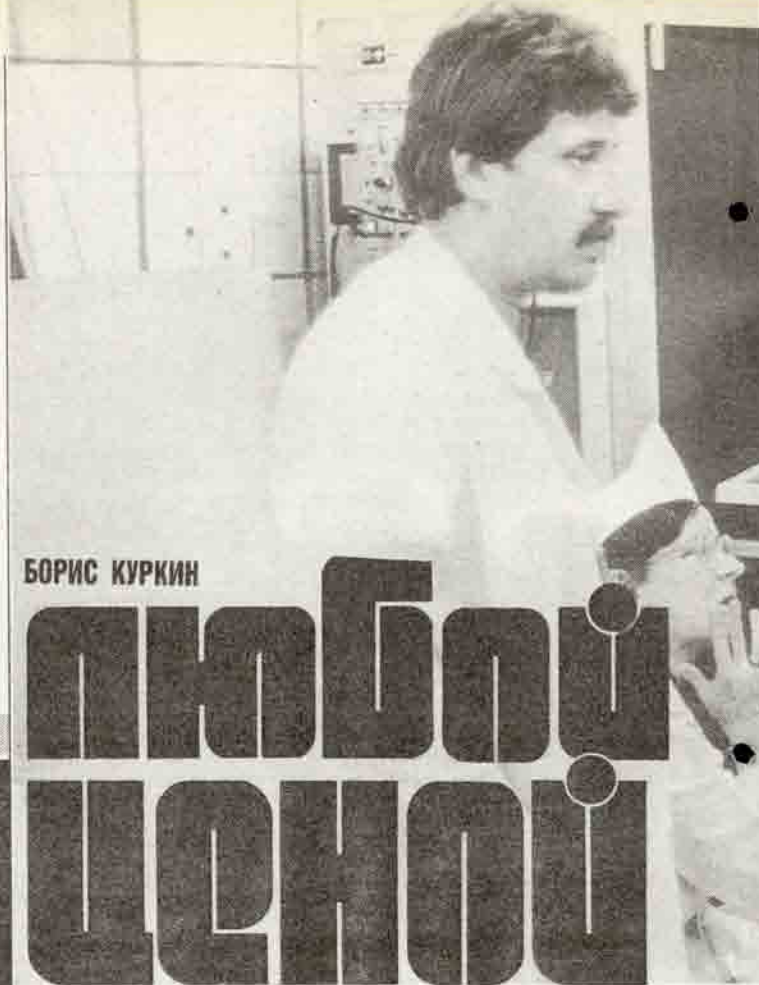
что крылья падут
что тобою устал
поранивши слух в день холодного света
прозрачной и мягкой смертью одето
журчание синих зеркал

и воем луны
отзовется польнь
и струны порвутся во имя
и млечным путем разрыдается вымя
во имя... во имя...

и псы эти лилии бессмысленных снов
заплакав уткнутся мне в спину

≡

В моей душе так много диких слез,
как диких пчел,
о, золотой мой улей

БОРИС КУРКИН

14

любви ценой

**по-прежнему выполняются планы
на атомных электростанциях**

Профессиональные проблемы оперативного персонала АЭС даже после Чернобыля так и не стали темой для серьезных размышлений. А ведь подсчитано, что большинство аварий на станциях происходило именно из-за ошибок персонала. Почему их так много? Плохо готовят людей? Или не обеспечивают им условий для нормальной работы? Попробуем разобраться.

В каких условиях сегодня работают операторы АЭС? Вот что пишет оператор Калининской АЭС А. Самусь на страницах газеты «Мирный атом» (орган парткома, профкома, комитета ВЛКСМ и администрации Калининской АЭС): «...иногда, особенно на пусках, начинается маленький «дурдом», — к этому привыкаешь. Ерунда, что проект нашего ядерного гиганта немного устарел еще в стадии проекта, что оборудование выходит из

ремонта не совсем исправным, что приборы показывают правду лишь отчасти... Все это ерунда! Ведь все это как-то до сих пор работает! И план пока в основном как-то выполняем».

Возникают порой ситуации, от которых волосы встанут дыбом. Как отметил секретарь парткома Калининской АЭС В. Н. Волков, «наши блоки кто только не отключал: школьник, изолировщица, слесари». А что на других станци-

ях? На АЭС страны по-прежнему поклоняются идолам досрочного ремонта оборудования, а также выполнения и перевыполнения плана... В итоге происходит нечто дикое, трудновообразимое: операторы АЭС отключают систему защиты реакторов — сплошь и рядом по указанию начальства. От оператора требуется изрядное мужество, чтобы отказать выполнять подобные распоряжения. И все это уже после Чернобыля...

Минатомэнергопром может карать и за невыполнение плана, и за нарушение правил безопасности. По своему усмотрению. Никакой ответственности перед коллективом АЭС ведомство не несет, а жалоб на себя никогда и никому не простит.

Но что подчас значит выполнить и перевыполнить план? Это значит: эксплуатировать реактор в неблагоприятном режиме, сокращать срок его надежной службы и увеличивать риск аварий. Не случайно операторы Курской АЭС выдвинули требование о том, что премия должна зависеть от надежной и безопасной эксплуатации АЭС, а не от пресловутого плана в киловатт-часах.

Увы, система управления ядерно-энергетическим хозяйством в нашей стране такова, что отвергает столь очевидные резоны.

Административно-техническое руководство станции может и обязано «согласовывать действия различных служб» АЭС. Операторы же такого права и обязанности лишены. Хотя, по логике вещей, именно они, как главные действующие лица, и должны согласовывать действия различных служб, именно их распоряжения должны выполнять другие службы АЭС.

Согласитесь, фантастическая была бы ситуация, когда дей-

ствия экипажа воздушного лайнера согласовывал бы не командир корабля, а, скажем, несколько чиновников из числа пассажиров.

Однако именно так обстоит дело на наших АЭС.

По существующей системе отношений оперативный персонал АЭС всеми дозволенными и недозволенными методами приучают выполнять любые распоряжения администрации. Ему отведена роль «винтика», призванного выполнять приказы сверху, в том числе и те, которые идут вразрез с правилами и нормами безопасности.

Долго и безуспешно добиваются на Курской АЭС самого необходимого — компьютеризации блочных щитов управления, рабочих мест начальников смен и цехов. Увы, подавляющее большинство операторов не имеет возможности для полноценной учебы и специальных тренировок. Печально, но сегодня оперативный персонал «повышает» квалификацию в основном теоретически, заучивая всевозможные инструкции, правила и схемы.

Нет пока необходимых тренажеров. А те, что есть, отстают от мировых образцов на целые десятилетия. Так, во всяком случае, говорит бывший оператор Чернобыльской атомной, а ныне работник Госатомэнергонадзора Н. А. Штейнберг. Недостаток опыта усугубляется еще и тем, что информация об авариях на наших АЭС скрывается даже от специалистов. Трудно поверить, но от работников АЭС «засекречивается» информация об авариях и на зарубежных (!) атомных станциях. Да и сейчас, как говорил мне начальник отдела ядерной безопасности одного крупного «атомного» института Е. П. Шабалин, он не располагает сведениями о происходящих на ядерных объектах авариях и потому не знает, что,

собственно, должен «анализировать» его отдел. Весьма характерно и то, что почти все атомщики, с кем я говорил, просили не называть их имен.

Читатель может возразить: «А как же публикуемые сведения об остановках атомных энергоблоков?». Увы, такая информация не дает почти ничего, тем более что речь идет о малой части наших энергоблоков. Процесс эксплуатации иных атомных реакторов окутан мраком тайны...

Возникает вопрос: как в таких условиях можно изучать ошибки оперативного персонала, дабы не допускать их впредь? Не нужно много ума, чтобы сообразить: секретность ставит нашу ядерную энергетику и вместе с ней всю нашу страну на грань катастрофы.

А между тем уже создана Всемирная ассоциация операторов АЭС (WANO), одним из принципов деятельности которой становится установление личных контактов между работниками АЭС. Учредители этой организации справедливо полагают, что коренное улучшение эксплуатации АЭС возможно лишь при создании действительно глобальной системы обмена информацией между лицами, непосредственно участвующими в управлении АЭС и заинтересованными в повышении своей квалификации. Думается, при нашем нынешнем подходе к обмену информацией нас в эту ассоциацию просто не примут...

Профессионалы, похоже, не в чести на наших АЭС. Пример тому — судьба бывших операторов ядерно-энергетических установок Военно-Морского Флота СССР, офицеров запаса на Калининской станции: одному из них предложили должность не то коменданта, не то главного подметальщика промплощадки, другому — машиниста-обходчика тур-

бинного зала, третьему — заведующего... пасекой, о чем сообщила «Калининская правда». И это опытным специалистам, окончившим академию, имеющим звания высших флотских офицеров, в то время как на станции работает много людей, совершенно далеких от атомной энергетики!

«А сколько получают наши операторы?» — зададим «нескромный» вопрос. Недорого ценится труд профессионала: 270—280 рублей. Я бы лично увеличил оклады операторам минимум втрое. Все-таки это несравнимо дешевле, нежели расхлебывать последствия Чернобыля. У них не должна болеть голова о том, с кем оставить ребенка, когда нет места в детском саду или в яслях, должен быть свой «угол», где можно прийти в себя после напряженного трудового дня.

В общем, положение оперативного персонала АЭС весьма незавидное. Поэтому-то операторы Курской АЭС и выступили с инициативой создания Ассоциации оперативного персонала АЭС СССР, целью которой является повышение безопасности и надежности эксплуатации атомных станций, оперативной дисциплины, содействие росту профессионального мастерства операторов и защита их интересов.

Так, в частности, предполагается организовать высшую школу подготовки кадров для АЭС с выдачей диплома МАГАТЭ; участвовать в экзаменационной комиссии с правом решающего голоса при приеме операторов на работу. Таким образом, по мнению инициаторов ассоциации, были бы исключены протекционизм и возможность приема на работу неквалифицированных работников и расправа с неугодными профессионалами, любящими и знающими свое дело. Кроме того, предусмат-

ривается участие в комиссии (с правом решающего голоса) по приемке оборудования АЭС после его ремонта.

Ассоциация ратует также за установление широких связей с аналогичными зарубежными ассоциациями, прямых контактов для обмена опытом с оперативным персоналом зарубежных АЭС.

Важно отметить, что инициаторы создания ассоциации выступают за всемерное расширение гласности в области ядерной энергетики, за установление тесного контакта с общественностью, за введение отчетности о своей деятельности перед нею. Все это, несомненно, способствовало бы созданию атмосферы взаимного доверия и препятствовало грубым нарушениям норм эксплуатации АЭС, сокрытию фактов аварий.

Отрадно, что операторы АЭС добиваются того же, что и наша обеспокоенная общественность, заинтересованная получать правдивую информацию из первых рук, а не довольствоваться вынужденными признаниями ответственных работников атомных ведомств, за правдивость которых некому поручиться. Думается, общественность окажет всемерную поддержку ассоциации.

Ассоциация, по мысли ее создателей, должна способствовать и внедрению реального хозрасчета в ядерную энергетику; в частности, контролировать объем отчислений в различные фонды министерства, участвовать наряду с другими общественными организациями в установлении объема подобных отчислений. Это важный шаг в деле борьбы с бюрократами.

И наконец, ассоциация призвана способствовать повышению уровня социальной защищенности оперативного персонала, защите его гражданского и профессионального достоинства.

Осуществление на практике этих требований помогло бы укрепить порядок на АЭС и тем самым безопасность всей нашей ядерной энергетики, в чем одинаково заинтересованы как ее сторонники, так и противники.

Более того, инициатива, проявленная работниками Курской АЭС, свидетельствует об их высокой ответственности и гражданской зрелости, которой так не хватает сегодня нашим атомным ведомствам, привыкшим раздавать громкие обещания и дезинформировать страну и ее руководство.

Тем большее недоумение вызывает позиция руководства Курской и Ленинградской АЭС. Курское начальство перекрыло канал телефонной связи между этими атомными станциями. Неужели руководство станций полагает, что такими силовыми приемами можно обеспечить в наше время «порядок»?

Хочется верить, что инициатива курских операторов будет поддержана новым руководством Минатомэнергопрома, выдавшим столько авансов Верховному Совету. Есть повод проявить себя в деле и нашему «ядерному» обществу, коли оно, как явствует из его Устава, столь озабочено проблемами здорового развития нашей атомной энергетики...

АЛЕКСЕЙ БАТАЛОВ:

**”НЕТ У
ИСКУССТВА
ЗАДАЧ”**

Очень часто люди, сами того не замечая, в фундамент собственного мировоззрения закладывают жизненную позицию своего кумира и уже на ее основе вырабатывают личный взгляд на мир. Почему это происходит, почему так велик наш интерес к высказываниям известных политиков, писателей, актеров? Думается, интерес этот — закономерное следствие двух причин: во-первых, долгой, вынужденной, массовой духовной несвободы; во-вторых, естественного человеческого стремления к истине. Кто из нас не надеялся, что крупница истины, найденная в откровении человека, ежедневно в отличие от нас соприкасающегося, например, с высшими сферами искусства, откроет нам глаза на мир и подскажет, как жить в нем дальше...

— *Алексей Владимирович, вы актер, которого знают и любят уже несколько поколений кинозрителей, но мало кто знает, что вы работали во МХАТе. Считаете ли вы себя театральным актером?*

— Нет, милая, это было бы жульничеством. Я считаю себя душой театрального происхождения, и всем на свете благодарен, всем обязан театру. Но что же теперь сделаешь... Если бы не Хейфиц, близко ко мне не было в кино. Он, как сказочный папа Карло, сумел из чурбана сделать живого киномальчика...

— *Сейчас говорят о засилье конъюнктуры в кино и якобы о временном зastoе в театре...*

— Я думаю, в данном случае вы слишком изящно выразились. И в кино, и в театре стало гораздо больше дерьма, мерзости и гадоcти, и все это вряд ли можно обозначить красивым словом

«конъюнктура»! Сейчас открылись ворота и вместе с новыми законами, с новыми возможностями, вместе с западными фильмами хлынуло на нас все, что не надо, по-моему, чтобы хлынуло... И никто не фильтрует, не отбирает для нас только хорошее. Порнография и насилие, например, победно проехали по черному рынку, по фестивалям, по обмену, по кооперативу и т. д. Буквально на глазах образовалась чудовищная свалка, где рядом с шедеврами громоздятся поделки самого низкого пошиба и старье путается с поисками новых форм завтрашнего дня...

Застой? Я не знаю, что сказать о зastoе в театре. Кажется, наоборот: создание новых театральных коллективов ведет к оживлению театра. Хотя, может быть, не стоило бы нашим дорогим перестроечным корреспондентам так уж слишком бегать и сильно хвалить предприимчивых людей, торгующих со сцены чем попало. И не могу понять, например, зачем оркестрировать Баха в джазовую аранжировку. Чтобы хоть «немного Баха» попало потом в уши какого-нибудь оболтуса? Не уверен, что это правильный путь. Но, судя по деформациям, которые происходят и в ту, и в другую сторону, театр сейчас оживает.

Театр — это Шекспир, Чехов, Мольер, Гольдони... Невозможно в старом академическом художественном театре (который уже не похож на художественный) начать новое направление. Принести туда новую пьесу — и начнется оживление? Должны быть театры молодые, бродячие, хулиганские, разные! За ними будущее. Конечно, сначала впереди будут бежать шарлатаны, мордатые торговцы от искусства, издержки кооперации и прочая... И каждого талантливого будут продавать по тройной цене, потому что совершенно

ясно: талантливых как было мало, так и осталось, а торговцев сильно прибавилось. Ведь то, что сегодня в Москве создано много новых театров (из которых большинство — чудо-о-вищное баракло и самодеятельность!), совершенно не исключает, что где-то там, в уголочке, и Мейерхольд новый, и М. Чехов, и Михозлс...

(Мой собеседник неожиданно улыбается, и мне остается лишь досадовать, что фотокамера не успела зафиксировать эту мгновенную мягкую улыбку, сглаживающую острые и, возможно, для кого-то обидные углы слов, точно расставляющую смысловые акценты жесткой, когда говорится о чем-то неприятном, и тонкой во всех других случаях доброжелательности.)

— Процесс оживился, — не спеша продолжает Баталов. — И спектакли будут. Прекрасный спектакль, например, поставили недавно в Театре Ленинского комсомола — «Поминальная молитва». Там Евгений Леонов играет. Глубокий, гуманистический, очень человеческий, добрый спектакль.

— Вы бы могли сформулировать основное назначение искусства?

— Назначение? Вы можете обозначить основное назначение березы, заката, воды? Мне кажется, искусство настоящее — это все-таки часть Божьего мира, иначе люди бы так не страдали из-за него...

— А еще иногда говорят о «задачах искусства»...

— Нет у искусства задач.

— Как так?

— Есть искусство и есть неискусство. И все, кто крутился вокруг настоящего искусства (вроде торговцев, о которых мы говорили), — они и придумывают, что «должно» и что «не должно» искусство. Давайте обратимся

к великому. (Об иных «рангах» бессмысленно разговаривать — там ничего не поймешь, и все годится!) Конечно, можно выдумать «задачи» для Андрея Рублева. Но представьте: если спросить у Леонардо да Винчи, Микеланджело: а какая у вас задача? Может, прославиться хотели? Да разве в этом дело?! Или у Чехова спросить о задачах искусства. Умирающий врач, понимающий, что он обречен, сидит в Ялте, пишет пьесу... Вы можете определить, представить себе «задачу» этой пьесы?! Нужны деньги — отдать долги за дом. Ну и что вы тут поняли? «Назначения», «течения», «направления» — это потом все выдумали! Это от людей. Может, и от «хороших», но обыкновенных, а **то** свыше дается... Правда, опять-таки через человека, порою грешного и слабого перед окружающими, но избранного...

Я думаю, что Господь создал невероятное — березы, траву, море, горы, и есть еще люди, которые создают нечто, по своей совершенности, духовности, смыслу приближенное к тайнам божественной красоты. Великое искусство через людей входит в мир как существующая, реальная субстанция и становится неотъемлемой частью этого мира. Возьмите хотя бы музыку, но музыку, которая естественна, а не та, что мы привыкли слышать по телевизору. Представьте себе, что было бы, если бы всю музыку на свете навсегда выключили? Невозможно представить, верно? Она есть везде, она живет в природе независимо от нас. Я никогда не говорил об этом, но серьезно думаю, что искусство, тот или иной дар человека — проявление чего-то высшего, вечного.

— Вы начинали работать в пору хрущевской «оттепели», пережили брежневские времена. Влияет ли

на судьбу актера все то, что происходит в обществе?

— Безусловно! Сейчас резко изменилась ситуация, и у актера появились возможности показать себя, проявиться. Ведь что такое жизнь актера? Он же существует только сегодня, в данный момент, сейчас. Он вышел на подмостки — значит, он есть. Завтра он упал, пропал, исчез — и больше его никогда не будет. Общественные процессы прямо, непосредственно отражаются на актерских судьбах! Надо быть просто тупым исполнителем, чтобы этого не почувствовать даже на уровне простого ремесла. Мы, в том числе и я, первые ощутили эти новые слова и события. Я же живой человек, мне же не все равно: читаю я в шестьдесят восьмой раз те же зачитанные до дыр слова или стихи Мандельштама! А кто и когда мог помыслить играть нынешний актерский репертуар?! Короче: изменился материал — от черной халтурной работы до наших сценических откровений, — и все изменилось! Другое дело, что мы сотворили из этого материала? И нам справедливо могут сказать: «Господа, где результат? Вы же говорили семьдесят лет: дайте возможность — и все будет!». Впрочем, это второй вопрос. На первый план вышло то, что человек может теперь высказывать собственные мысли, чувства и соображения, не боясь, что по крайней мере не будет понят. А разве не изменилась жизнь Р. Быкова или Н. Мордюковой, когда вышел наконец фильм «Комиссар»? А «Проверка на дорогах» Алексея Германа?.. Смешно даже говорить о какой-то независимости человека от общества и времени.

— Эти общественные изменения приведут к лучшему?

— Я думаю, все вокруг происходящее — игра людей. У людей

очень короткая жизнь, и они не понимают или не хотят понять, что это игра их судьбы, а река жизни и истории не начинается и не кончается. Все зависит от того, где вы сами захотите эту историю обрезать. Если пожелаете обрезать на Бородине — одно, если на взятии Парижа — совсем другое выйдет. Ограничитесь Февральской революцией или Брежневым, или сегодняшним днем — во всех случаях результат будет разный. Какой? Не знаю. Гарантий хорошего конца ни у кого нет. В одной беседе Толстому сказали о каком-то писателе: «Он такой великий!» На что Толстой ответил: «Я не могу считать таковым писателя, у которого в конце герой женится, и на этом обрывается повествование. У меня впечатление, что человека втолкнули в клетку со львом и на этом оборвали рассказ». Вот так. Жизнь есть жизнь. Она есть дорога, движение, переход для каждого и для всех разом. Я бы сказал, что счастлив уже тем, что я дошел до этого поворота истории, стал свидетелем великих событий. Но это я, другому этот поворот — крушение всех надежд.

— Какие люди вам чаще встречались в жизни? Согласились бы вы с героем романа Бориса Васильева «Не стреляйте в белых лебедей», утверждавшим, что «люди — добрые»?

— Абсолютно не согласился бы.

— Почему?

— Потому, что я актер, выхожу на сцену, много езжу, вижу разных людей и не уверен, что все они добрые. Доброта, по-моему, — это редкое свойство отдельных представителей рода человеческого. Я думаю, доброта — приобретение души человеческой, часть души очень и очень высокоорганизованной. Ее может выработать

общество, определенный уклад жизни, она может поселиться где угодно — в диких степях, в деревне, в высшем свете. Поселится ли — вот в чем вопрос.

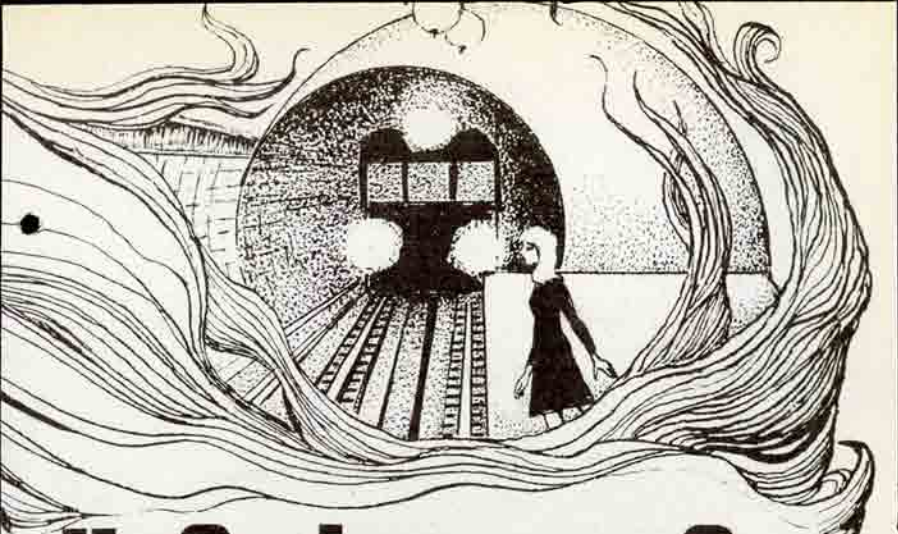
— *Значит, правы те, кто утверждает, что в последнее время произошло всеобщее очерствление души?*

— Вам не повезло. Потому что вы молоды, а я старый. Нам трудно понять друг друга. Должен вас огорчить: ничего не произошло. Неправда, что все изменилось при перестройке! На самом деле все мы — и я, и вы, и они — какие были, такие и остались. Изменилась ситуация. Он в живот беременной женщине штык не втыкал раньше, боялся, собака! Но он не

потому воткнул, что перестройка, — он такой и был! И все были такими, какие есть. Настоящий человек меняется не в силу обстоятельств, а по внутреннему движению своему, и чаще всего в самый неподходящий для него момент, как Сахаров, Толстой или Флоренский. Просто появилась возможность показать свою рожу или свое лицо... Вот что со всеми нами случилось. Изменилось время. А люди остались прежними. Поэт написал: «время — да не подлежит обсуждению. Подлежишь обсуждению ты, — разместившийся в нем!»

**Беседу вела
ТАТЬЯНА ДУГИЛЬ**

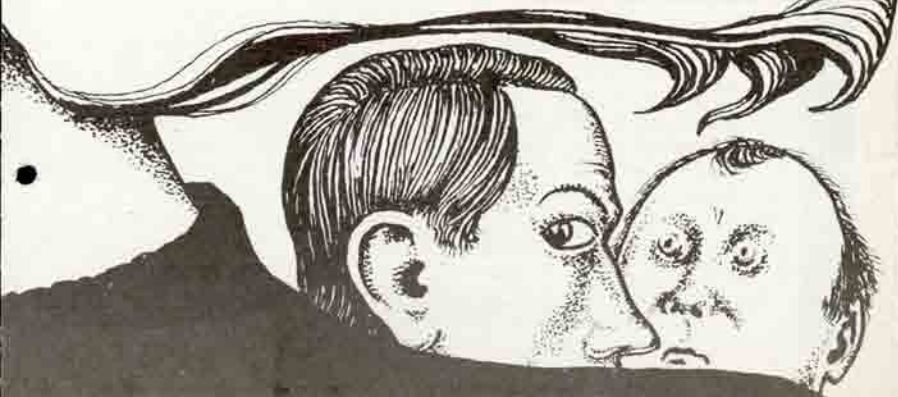

Наваждение в метрополитене

АЛЕКСАНДР ТРАПЕЗНИКОВ

Рисунок БОРИСА СОПИНА

Я отправляюсь на работу в шесть часов утра — как и сотни ненормальных, толпящихся на нашей конечной станции метро. Всем, естественно, сидячих мест не хватает, и они досыпают стоя, с угрюмым выражением лица. Наверное, такое же лицо и у меня. Когда мне все-таки удастся сесть, я достаю «Советский спорт», и глаза становятся более осмысленными, хотя не все победы наших славных спортсменов доходят до моего еще не до конца пробужденного сознания. Но читать надо, иначе войдет какая-нибудь жирная тетка и тяжело задышит тебе в лоб, изнемогая от советской действительности. Пройдут две минуты, отпущенные тебе на размышления, и она скажет:

— Сидят, расселись... — Потом добавит: — Совести у них нет.

«У них» — значит, у меня. Я — во множественном числе. Далее может последовать поток брани, поэтому благообразно встаю и пробираюсь подальше от вулкана. Интересно, что, плюхнувшись на мое место, тетка заметно розовеет, оживает, наливается соком, хоть пиши с нее плакат «Эх, хорошо в стране советской жить!»

Впрочем, чтение газеты — защита слабая, поэтому в сидячем положении я успеваю проехать только остановки две-три. А впереди еще семь, да две пересадки, и силы постепенно убывают, жизненная энергия рассасывается снующими по метро вампирами, аура ломается, сжатая в толпе, и ангел-хранитель думает уже больше о своем спасении, чем о моем.

Одна находчивая знакомая ведет в метро сидячий образ жизни. Она входит в вагон, наклоняется к кому-нибудь и говорит:

— Молодой человек (или: «гражданин...»), я беременна, уступите, пожалуйста, место.

Кто ж не встанет перед беременной женщиной? И поди разбери, какой у нее срок — три месяца или две недели? В общем, садится.

Как-то раз я вошел следом за ней; она выбрала очередную жертву, согнала ее с места, уселась. Глаза сделались измученные-измученные, прямо сейчас родит. Я встал рядом, смеюся. А она даже голову набок склонила, словно силы ее окончательно покидают, и губы покусывает. Вдруг случайно заметила меня.

— Ой, Мишка! — Головка на место встала, и глазки заблестели. — Сколько месяцев не виделись?

— Привет, привет, — говорю, — ты куда направляешься?

— Да тут, на одну вечеринку. Поехали со мной, только в винный магазин заскочим.

— Света, — отвечаю я, — ты, по моим подсчетам, уже пятый год беременной ходишь, когда же наконец родишь?

Я немного отвлекся. Речь в этой истории пойдет не о Свете, а о совсем другой женщине, мне даже имя ее неизвестно, неизвестно, где она живет и чем занимается. Могу только предположить, что она работает на каком-то заводе, потому что ее рабочий день начинается так же рано, как и у меня.

Каждое утро в начале седьмого она стоит на платформе, мы

вместе втискиваемся в последний вагон, а потом она выходит на «Бауманской». Почему я обратил на нее внимание? Не знаю. Наверное, было в ее лице что-то запоминающееся, хотя ни красавицей, ни дурнушкой назвать ее нельзя. Худощавая, бледная тридцатилетняя женщина с наспех подведенными глазами, светлые волосы, ладная фигурка и, конечно, отрешенность во взгляде, как и у всех нас. Обручальное кольцо на пальце правой руки, большая коричневая сумка. Наверное, эта сумка к вечеру наполнялась продуктами, и она спешила домой кормить мужа и ребенка. То, что у нее есть ребенок, я определил так. Как-то стоял рядом с ней и дремал, держась за поручень. Вдруг почувствовал, что она встрепенулась, поставила сумку на колени и стала в ней что-то искать. Видно, то, что она хотела найти, осталось дома, но зато на свет появились пудреница, японский зонтик, пачка сигарет, удостоверение, какая-то мелочь: сломанный карандаш, две конфетки «Чебурашка», пуговицы, вырванные из блокнота листки, календарик и фотография мальчика в школьной форме лет десяти — двенадцати.

Она засунула все это обратно в сумку и покачала головой. Я тоже покачал головой, наблюдая за ней из-под полуопущенных век. «Ага, куришь», — подумал я и снова задремал. В конце концов, какое мне до нее дело? Что она там забыла дома? Паспорт? Деньги? Лекарство? Судя по всему, это очень неаккуратная женщина, растеряха; наверное, разбрасывает вещи по всей квартире, швыряет куда попало. И гора грязной посуды в раковине. И наспех приготовленные котлеты, надоевшие мужу за двенадцать лет. И сын-лодырь, не «врубающийся» в арифметическую задачу. И — долги, долги, долги. Что еще? Скука, тоска, жалость к себе, слезы, страх, что так и пройдет вся жизнь, а другой-то не будет, не в сказке живем, не в раю с мылом, да и милый ли он? Когда последний раз целовал? Когда выпьет, подбодрит себя дешевым портвейном, а так сиднем сидит да телевизор смотрит, либо газеткой шурушит, шурушило. Господи, зачем завел на эту дорогу, зачем бросил на ней?

Она вышла на «Бауманской», а я продолжал размышлять. В сущности, это интересная современная женщина. Но какого черта она встает в такую рань, глотает стакан горячего чая, мажет глаза и мчится на работу, чтобы не дай бог не опоздать? Да что она — не может сидеть дома и спокойно воспитывать ребенка? Положим, не может — нет средств, муж мало зарабатывает. Так найди работу полегче, рядом с домом, в какой-нибудь конторе, вон их сколько развелось. Займись индивидуальной трудовой деятельностью, шей платочки с зайчиками, разводи кактусы. В конце концов женщина должна быть женщиной, а не придатком производственных механизмов. Женщина должна любить и быть любимой. Сидеть дома и ждать мужа. Или смени его к чертовой бабушке, раз он не может тебя обеспечить. Что за семья, в которой жена встает в пять утра? Это не семья, а конвейер. И какая радость от такой жизни? Собачья радость. В общем, голубушка, жалко мне тебя, жалко и боязно за наше будущее.

А может, я все нафантазировал? Может, она вполне счастлива и довольна всем, что ее окружает, и с песней встречает мужа

и ребенка-отличника? А на столе их ждут изысканные яства, и вечером они будут вслух читать Тургенева, передавая книгу из рук в руки. Но почему же тогда так скорбны и бесчувственны ее глаза, почему в них погашен живительный огонь?

Дня через три, когда я вновь встретил ее в последнем вагоне поезда, я вдруг с некоторым негодованием обнаружил, что ее персона интересует не только меня одного. Напротив сидел курчавый, длинноволосый парень, лет двадцати пяти, с широкими плечами и мощной шеей, и бросал на нее осторожные, словно рассеянные взгляды. Эта уловка была мне знакома. Я сам, прежде чем взглянуть на симпатичную девушку напротив, сначала посмотрю куда-то вдаль вагона и медленно начну поворачивать голову на заинтересовавший меня объект, как поворачивается пеленгатор, улавливающий радиоволну; или оторву взгляд от газеты, как бы осмысливая и переваривая прочитанное, затуманенным взором созерцая прелестное личико. Вот и этот парень смотрел вроде бы куда-то вбок, а сам искоса поглядывал на мою «подопечную». Что-то знакомое было в его лице, где-то я видел его нахальную физиономию с перебитым носом и упрямой линией губ. Я не мог вспомнить и от этого начинал злиться. Кроме того, мне было неприятно, что он изучающе смотрит на нее, словно примеривается к поединку. Я, кажется, даже заревновал ее немного, почувствовал легкую обиду. «Нахальная харя, а ну, опусти глаза к полу и не смей смотреть на то, что тебе не принадлежит. А ты что же, голубушка, не видишь, что тебя самым беззастенчивым образом изучают?»

И тут я вспомнил, где видел этого парня. Конечно же, по утрам он вместе со всеми вталкивался в наш последний вагон и оказывался то в сидячем, то в стоячем положении, то рядом со мной, то совершенно в другом конце; я даже вспомнил, на какой станции он выходит — на «Курской».

Если приглядеться повнимательней, я узнал бы и всех других пассажиров, все мы начинали свой день на одной станции, все мы стекались в одну точку, чтобы некоторое время представлять единую общность, прежде чем оторваться друг от друга. Но оторваться до конца мы не могли, потому что к утру вновь собиравлись все вместе, и только какая-то вселенская глупость не позволяла нам узнавать друг друга. А ведь не такими уж большими были мы в нашем продвижении вперед, просто в это время мы словно в каком-то молчаливом, безмолвном и жутком карнавале масок смотрели друг на друга пустыми глазами, раскачивались безжизненными телами, и ни единое слово не могло вырваться из наших уст. Только внезапный плач ребенка мог ненадолго пробудить наш поезд, всколыхнуть душу; но не плакал ли он от невозможности понять и принять нас, от непостижимости нашего странного существования, в которое он оказался ввергнут?

Парень, как я и предполагал, вышел на «Курской». На следующий день мы снова все вместе очутились в одном вагоне. На этот раз он и она стояли, а я сидел. Они стояли рядом, почти касаясь плечом плеча. У нее была большая коричневая сумка,

у него — спортивная, которую он чуть не опустил на мои ботинки. Нет, не случайно стояли они рядом, не волею людского водоворота, — он нарочно протиснулся сквозь толпу поближе к моей «подопечной», она явно интересовала его. Я понял это, как только увидел его взгляд. Он наблюдал за ней, а я за ним. Она же стояла с отрешенным видом, словно в спешке позабыла лицо дома где-то на тумбочке.

«Что тебе надо? — подумал я с неприязнью. — Ведь она старше лет на пять да к тому же замужем. Ищи девочек на дискотеке, не суйся не в свое дело...»

Так продолжалось несколько дней. Волею судьбы мы всегда оказывались рядом, в одном вагоне, только они не замечали меня, а я фиксировал каждое их движение, каждый взгляд, словно опытный частный детектив, посланный по следу ревнивым мужем. Менялись лишь мизансцены: она сидит — мы стоим; стоят все трое; он сидит — мы стоим; и так далее. Но развития действия не происходило, он продолжал наблюдать за ней, я — за ними обоими, и это начинало походить на затянувшуюся паузу в театре абсурда, где участники пьесы, да и зрители тоже, исчезали каждый на своей станции.

«Ну же, смелее! — мысленно подбадривал я его. — Ведь ты хочешь с ней познакомиться? Чего тянешь? Ага, понятно. Трудно подкатить к женщине в метро в шесть утра — это тебе не Большой театр. Здесь как на прифронтовой полосе, того и гляди получишь выстрел в упор. Лично я не рискнул бы. Тут от каждого бьет током, только дотронься». Действительно, как познакомиться в метро? Чтобы привлечь к себе внимание, можно заступить на ногу, а потом извиниться, но скорее всего этим дело и закончится. Можно уступить место и попросить поддержать на коленях свою сумку или притвориться слепым и крепко схватить ее за локоть. Можно сказать: «Девушка, давайте дружить, а там видно будет, может, и поженимся».

Вообще-то способов много, но все они никуда не годятся. И я уже начал подумывать о том, что нам долгие годы суждено существовать этим странным треугольником, пока кто-то не умрет или не сменит работу. Но однажды я с удивлением увидел, как мой долговязый парень, набравшись храбрости, вышел вслед за ней на станции «Бауманская».

«Дай-то бог, — подумал я. — Может быть, на свежем воздухе произойдет долгожданный контакт». Была пятница, когда душа рвется к выходным дням. В субботу и в воскресенье я как-то позабыл об их существовании, а в понедельник, войдя в последний вагон, разыскал обоих в самом конце. И вот что меня поразило. Они ехали не порознь, а вместе, определенно вместе в нашей сонной, враждебной друг другу толпе. Они не разговаривали, иногда смотрели друг на друга, иногда улыбались, и была между ними маленькая тайна, которую совсем не следовало знать нам, посторонним. Даже видом своим они отличались от нас, нахмуренных, замкнувшихся в себе, пытающихся запереть свой мир в клетку. Он что-то шепнул ей, она ответила — не слышно, одними губами, — я так и не понял, что они поведали друг другу. Она вышла на «Бауманской», он — на «Курской».

...А дальше покатился с горы снежный ком. Всякий раз, встречая их, я подмечал видимые только мне изменения в их отношениях. Не знаю, как он с ней познакомился, но, видимо, сумел, черт побери, заинтересовать ее... Интересно, как далеко могут зайти их отношения? Как-то раз он взял ее под руку и держал всю дорогу, что-то оживленно рассказывая. Я стоял рядом и слышал отрывки его фраз — этот весельчак рассказывал анекдоты. И я почувствовал, что само их присутствие в этом вагоне — противоестественно. Им надо было бы побродить по московским улицам, поехать в Лефортово, в Сокольники, съездить по порции шашлыка, выпить по бокалу сухого вина, сходить в кино, а не трястись в душном и безмолвном вагоне, среди напряженных людей, вызывая досаду своей радостью.

Впрочем, на следующий день так и произошло. Они проехали «Бауманскую», «Курскую» и вышли на «Площади Революции», вернее, просто выбежали из вагона. «Эй! А как же работа? — подумал я. — Решили сбежать, взяли отгул? Ну и правильно. Счастливого отдыха». Я даже позавидовал им: той легкости, с которой они выпорхнули из вагона, взявшись за руки, словно влюбленные. (И это она — тридцатилетняя женщина, еще месяц назад входившая в метро с отрешенным, измученным видом, почти равнодушная к своей внешности, скованная домом, дорогой, работой.) Их лица изменились и уже не напоминали застывшие маски. А глаза... Не буду говорить, какие у них стали глаза — чтобы не расстраиваться. Мне-то, в отличие от них, каждое утро предстояло пожинать пустоту Московского метрополитена, будто действительно я находился здесь один, а ребра мои сдавливали лишь собственный страх и отчаяние. Если бы я даже закричал весь голос от смертельной тоски по своей жизни, закричали бы и другие, и никто никого не услышал бы.

Наверное, они все-таки стали любовниками; может быть, в тот «побег» из метро или позже, может быть, у него или у нее на квартире. Теперь они целовались на глазах у всех, не обращая на нас никакого внимания. Целовались при встрече и расставании, а иногда и во время пути, целовались бережно и нежно. Им казалось, что никто этого не замечает. Лишь как-то раз пожилой жлоб в малиновой шляпе разрушил созданную ими иллюзию громко проворчав, вернее, прочавкав в их сторону:

— Скоро срам свой наружу выставят...

А мне вспомнилось: «Мертвые сраму не имут». Ведь они, должно быть, были мертвы от своей любви. Спустившись под землю, в царство Аида, они обрели друг друга, но вырваться им отсюда невозможно. Тот из влюбленных, кто уходит наверх, всегда оглянется на остающегося — и останется вместе с ним. А если они живые, в мире мертвых их все равно сделают мертвыми, вытравят душу, бросят под поезд, чтобы многопузые жернова колес протаскали их безжизненные тела по рельсам в наизидание другим подземным обитателям.

Им надо бежать отсюда, бежать, позабыв рассудок; бросить работу, семью, опостылевшего мужа, бросить все, всю видимость ползучего благополучия, и не расточительствовать в своем счастье. Плунуть на все и бежать, уйти, скрыться, чтобы быть

вдвоем, если уж так стало угодно судьбе... Но они этого не сделали. Они предпочли последний вагон, где можно украдкой поцеловаться, и томительное ожидание редких встреч наедине — в какой-нибудь пустой квартире приятеля, или того хуже — так и хочется сказать гадость — на чердаке. Честное слово, я был зол на них, порою даже ненавидел, словно они обманули мои надежды. Пусть я такой беспомощный в тисках толпы, пусть все мы такие, но они-то могли показать нам пример?! Я готов был взять грех и ложь этих людей на себя — я, наблюдавший за ними со стороны, не обратившийся к ним ни разу, но уже почти понимающий их, — и прожить под землей три жизни, лишь бы чувствовать, что хоть два сердца наконец-то счастливы. Но они не смогли подняться, не смогли прозреть.

Любовь, фарс и драма часто неплохо уживаются рядышком. Я так и предполагал, что рано или поздно должен прийти черед фарса. Однажды (мы, как обычно, ехали в последнем вагоне) я заметил рядом с собой мужчину, прикрывающегося газетой. Вернее, он делал вид, что читает этот несчастный «Труд», а сам заглядывал из-за моего плеча на них, стоящих в конце и о чем-то разговаривающих. «Еще один наблюдатель», — подумал я. И тут меня осенило. «Ва! Да это муж». Таким я его почему-то и представлял. Кругленьким, щекастым, с куриными глазками — и обязательно в галстучке, который он не снимает даже по ночам. Муж выглядывал из-за моего плеча, а они вдруг взяли и поцеловались. Я почувствовал, как он буквально вцепился мне в локоть своими своими цепкими пальчиками.

— Извините, — прошептал он.

— Ничего-с, — также прошептал я. — Бывает.

Проехав еще одну остановку, муж снова схватил меня за локоть и развернул спиной к себе. Так он среагировал на ее взгляд в нашу сторону.

— Прощу прощения, — еще раз прошептал он, возвращая меня в прежнее положение.

— Понимаю, качает, — ответил я, а про себя подумал: «Эдак он меня еще долбанет чем-нибудь по темени и опять попросит прощения».

Муж выскочил на «Электрозаводской», и я облегченно вздохнул. Наверное, он узнал то, что хотел узнать.

Признаюсь, первой мыслью у меня было подойти к ним и сказать: «Ребята, вас накрыли. Спасайтесь». Но кто я? Всего-навсего посторонний, случайный свидетель их романа. Пассажир в метро. Имеет ли пассажир право рвать ручку стоп-крана? Не у всякого хватит духу — а если ты-то и окажешься виноват? Мое дело ехать, пока везут. И я не подошел к ним: пусть будет, что должно быть. Я — зритель; в конце концов не я играю для них, а они для меня. Встретимся завтра.

А «завтра», встретив ее на платформе, я понял, что дома у них было жарко. Об этом говорил весь ее вид, и главное — заплаканные глаза. Она стояла чуть в стороне от толпы, растерянная и незащищенная, словно заблудившийся ребенок.

Когда появился ее избранник, я входил в свой любимый последний вагон и, пока поезд не тронулся, наблюдал за ними

сквозь стекло. Они стояли друг напротив друга, и у него был такой же растерянный вид, как и у нее. Двое заблудившихся на одной станции — это уже много. Что они могли решить на станции, ведь поезд уже ушел?.. Поезд ушел тогда, когда они решились вырваться из этого заколдованного круга, в который мы втянуты еще до нашего рождения всей пустотой подземелья. Мы призваны толпиться в нем, потому что нам кажется раз нас много, то с нами и правда, и бог, а снаружи — одиночество и смерть. И мы повторяем движения друг друга и проклинаем тех, кто ушел наверх, к чистоте и свету. Мы же принимаем за свет лишь электрические лампочки.

Что будет дальше? Опустимся ли мы еще ниже, к полному безразличию, когда остается одно — завалить рухнувшими стенами все это наваждение, или есть все же путь, ведущий к спасению? Так хочется спастись, пусть даже немногим. Пусть даже не нам, а только рождающимся в муках.

Я предполагал, что будет дальше. Целую неделю муж сопровождал ее на работу, цепко держа за руку и зорко рыская глазами по сторонам. Избранник ее сядил в соседний вагон. Она осунулась и подурнела, глаза ее снова потухли, и муж выводил ее на станцию «Бауманская», как сомнамбулу. Наверное, он так же встречал ее у работы и провожал домой. А дома, конечно, начинался ад.

Потом... Потом я неожиданно встретил ее одну; то ли толстяк проспал, то ли она сумела ускользнуть из семейного гнездышка. Она шла по платформе, и я бы не узнал ее, если бы не предчувствие беды. Это было живое отчаяние. Она не замечала людей, ее толкали, а она шла к краю платформы. Глаза ее были уже мертвы. Никто не видел ее, никто — словно бестелесный дух проходил мимо. Да и что можно увидеть в подземелье?

Когда поезд выскочил из туннеля, она наклонилась перед ним, как бы прося прощения. Я схватил ее за руку, рванул и прижал к себе.

— Дура! — прошептал я. — Какая же ты дура!..

Она смотрела на меня, не видя и не понимая, что происходит. А толпа уже втискивалась в открытые двери.

— Да, да... конечно, — прошептала она. — Пустите меня... мне больно.

— Ничего, это пройдет. Ведь пройдет же?..

— Пройдет.

Я отпустил ее, но мы еще долго стояли рядом, не говоря ни слова. Да и не нужно было ничего говорить. Потом появился «избранник», посмотрел на нас и сел в проходивший мимо поезд..

Вот и весь рассказ об Анне Карениной Московского метрополитена имени Владимира Ильича Ленина. Теперь, когда мы встречаемся по утрам, я вижу ее в нашем последнем вагоне, немного похожую на себя прежнюю, с большой коричневой сумкой в руках. «Избранник» перебрался в соседний вагон, поближе к машинисту. Они не здороваются и даже не смотрят друг на друга. Любовь кончилась, началась жизнь. И скоро мы все будем очень и очень счастливы. Как дети.

ГОРОД НА КОЛОДЕЦАХ

...Знаю
«велосипедную»
страну Вьетнам,
бывал в литовском
«велосипедном»
Шауляе и вот —
совершенно
неожиданно —
на колесах
Гуляйполе!
Шелестят
об асфальт шины,
и обода
ловят,
дробя и множа,
солнечный луч.
Гуляйпольчане
нажимают
на педали...

СЕРГЕЙ РОМЕЙКОВ

Фото СЕРГЕЯ ВЕТРОВА

33

ОТЕЧЕСТВО

Гуляйполе, Гуляйполе... Город тысяч велосипедов и трех автобусов. Город, где все люди друг друга в лицо знают.

Сию в номере районной гостиницы. Телефон:

— Добрый день, гостиница? — женский, такой певучий голос.

— Да, здравствуйте...

— А будь ласка, если вам не трудно, выгляньте в окно: чи рыбу продають — чи ни?

Как все близко, просто, по-домашнему...

В тот день рыбой не торговали, а вот на следующий — была...

Откуда название это — Гуляйполе? Легенды о том — разные. Ну хотя бы такая. На речке Гайчур жил некогда род Гуляйды, из сарматских племен. А Гайчур-речка в те седые годы судходной была. И не только с миром, но и с войной по ней приходили. Однажды, после лютой сечи, только двое из всего роду и осталось — старый Гуляйда да сын его. Но род Гуляйды на нет не сошел: воюя с кочевниками, окреп на берегах Гайчура. В его честь и город назвали...

Гуляйполе — один из восемнадцати райцентров Запорожской области. Дымы областной столицы сюда не достают, дышится еще вольно, в полную грудь. И работает ладно. Тому, конечно, кто привык на земле работать, а не «план выполнять»...

Пожалуй, верно будет сказать об этом городке с поэтическим именем — украинская глубинка. А если чуть-чуть прищурить глаза и не замечать редких автомобилей и немногих современных зданий, то очень даже просто оказаться в XIX, а то и в XVIII веке. Посреди большого, небедного, славного ярмарками (по три раза на год, к святым праздникам) села.

...Иль цыганский табор

там отаборился.

Мало еще табор —

свадьбу заиграли...

Ой, то не цыгане

лихо так гуляют

То на Гуляйполе люди ярмаркуют.

И куда эти ярмарки подевались — с красками буйными, веселым, шумным базаром? Те, после которых любовь рождается и дети — новые хлеборобы на родной земле.

Недосуг? Наверное... На комбайне ли, на ферме натрудишь руки и спину, да так, что не разогнуть — не до ярмарок, не до цыганских гаданий...

Идем по тихим провинциальным улочкам, что из центра тянутся прямо в поле.

Городское хозяйство не бог весть какое большое — заводы сельскохозяйственных машин и лакокрасочных изделий, обувные да пищевые предприятия...

Особенность таких, как Гуляйполе, городов в том, что, получив статус города, они остаются по сути своей, по укладу жизни селом, деревней: преобладает тут сельская работа. А два-три завода погоды, конечно, не делают. Город-село, село-город... Из школьных учебников помним, что между ними есть грань, которую во что бы то ни стало нужно стереть... Надо сказать, что здесь мы преуспели. И в результате получили едва ли не повсеместно какие-то уродливые «п. г. т.» (поселок городского типа). И селом не назывешь (обижаются почему-то жители), и на город не очень похоже — куры, гуси по улицам ходят, чуть не в каждом дворе если не буренка мычит, так хавронья нахрюкивает...

Так и здесь получилось: Гуляйполем называют не только заасфальтированный райцентр (справедливая гордость исполкома!), но и три ближайших колхоза.

Вот бы нам, в страну развитого, победившего дефицита, еще один дефицит — на проблемы! Так нет

же, повсюду их с избытком. Гуляйполе — не исключение. Жилья — что в городе, что на селе — не хватает. Сахар и мыло — по талонам. Пиво — даже членам профсоюза — в порядке общей, но такой живой очереди!

А в промтоварных магазинах, сразу скажу, поинтересней, чем в запорожских. В книжных тоже есть, что в руках поддержать, полистать. Хуже в продуктовых. Хотя хуже вроде и некуда... Вот «стабильный», почти полный, ассортимент: хлеб, ситро, макаронные (пыльно-серого цвета) изделия, подсолнечное масло, маргарин, жир и — вездесущий спутник всех наших продуктовых магазинов — трубочный табак «Нептун». (Крепко, видать, выручили мы когда-то друзей-болгар!) Не густо. Правда, в кооперативный зайти можно...

Что волнует горожан? Проблемы, так сказать, районного масштаба. У кладки (длинного, нервно вздрагивающего подвесного мосточка через обмелевший Гайчур) остановилась, переводя дух, бабуся. Не трудно ли, спрашиваю, вам, немолодой уже, по шатким досточкам путешествовать? Трудно, милок, отвечает, да только что делать? Обвыкли...

Привыкли, похоже, не только старики, но и городские власти, и водители считанных автобусов, что наматывают десятки лишних километров, жгут бензин, давая кругая. А может, стоит подумать, посчитать да и построить нормальный мост через речку? Смотришь — и окупится через год-другой...

На речку и другая проблема «выходит» — нижние огороды разрослись так, что в половодье их заливают, берега, как такового, уже и нет — все заборы да изгороди. Ну и, конечно, отходы, какие по хозяйству, проще всего в воду сбросить, голову не ломая. А что внукам останется — о том не всякий думает. При таком отношении

к речке, сколько ни гоняй по ней туда-сюда земснаряд, не спасешь, не вернешь ее к жизни...

Жатва... Экипаж «Дона-1500», где комбайнером Сергей Омэсь, намолотил уже 16 тысяч центнеров зерна.

Беседа с Петром Омэсем, братом Сергея, помощником комбайнера в том же экипаже.

— Начиная с 5—6-го класса, батя забирал нас с Сергеем в бригаду, а после 9-го мы уже на комбайне, с отцом рядом...

Мы говорили о том, как хлопотно, отработав едва ли не весь световой день, управляться дома со свиньями, курами, утками. Заработки? 150—160 рублей в месяц. Правда, осенью бывает и за 600. Но не только в заработках дело, уверен Петро. Вот он в Запорожье уезжал, токарил на станке с ЧПУ, имел стабильных 300 рублей в месяц при нормированном рабочем дне. Не выдержал долго, вернулся назад, к брату в экипаж, в родную Воздвижевку. И дом купил, и хозяйку в тот дом привел, и она ему дочку родила, Олю...

— Дом купил недорого, за полторы тыщи, не очень хороший...

— А что ж не взял в рассрочку колхозный — добротный, новый и тоже недорогой?

— Новый-то он новый, да холодный. Тех 1800 килограммов угля, что на талоны выдают, не хватает.

...Ночь ложится на Воздвижевку. Вот уже и не видать ничего. Спят, набежавшись за долгий день, маленькие «омэсята» — Сережа и Сашко, никак не управится по хозяйству жена... В эту пору выйдет вдохнуть чистого, теплого еще воздуха Сергей Омэсь — старший. Постоит, послушает, как засыпает коротким летним сном родное село. Посмотрит на небо — что за погода завтра будет?

Гуляйполе... Здесь родина крестьянской вольницы Нестора Махно.

О доброй и недоброй его славе

судить-рядить историкам. Личность была настолько неоднозначная, противоречивая и сложная, что одного мнения, бытующего в официальных справочниках, конечно, мало. И когда о крестьянском движении, опиравшемся на 35-тысячную, не лишенную дисциплины армию, мы говорим — махновщина, а о самом Махно — «один из главарей мелкобуржуазной контрреволюции на Южной Украине», опуская, что был этот человек еще и красным комбригом, то перво-наперво в неприглядном свете перед потомками себя выставляем...

К сожалению, гуляйпольцы о Махно правды знают не больше чем, скажем, каширцы или томичи. Да, есть памятники жертвам махновщины. Да, грабил богатых — бедным отдавал... Можно и легенду услышать страшную о том, как 27 бутылок разбил разъяренный женской неверностью батько о голову несчастного Ивана Хохтовы,

а можно прибегнуть к услугам агентства ОБС (Одна Бабка Сказала), по «сообщениям» которого вот-вот в Гуляйполе соберется анархистский съезд...

Но вернемся к сегодняшним дням, к будням.

Беседую с В. Жилинским — бывшим лектором райкома партии, бывшим главным инженером завода сельхозмашин, по призванию краеведом, историком. Ныне — контролером ОТК...

— Владимир Ильич, за что и когда вас исключили из партии?

— 5 марта 1984 года. Можно сказать, за любовь к истории отечества. Есть такая книга Клима Полищука «Гуляйпольский батько», художественная книга. И автор, по-моему, прогрессивный, я его имя встречал в украинских архивах...

Погубило В. Жилинского, а вместе с ним и еще нескольких сотрудников районной газеты то, что книга, которой они заинтересо-

лись, была издательства «Коломыя», а Западная Украина в год ее издания еще не входила в состав СССР. «Улика» по недавним временам, конечно, серьезная.

— Поверьте, — продолжает Жилинский, — я в наших закрытых библиотеках читал книги куда более «крамольные»...

— Владимир Ильич, а вы не пробовали ходатайствовать о восстановлении в партии, ведь как-никак 30 лет партстажа, да и времена нынче изменились? Кроме того, вы — пропагандист, я бы сказал, просветитель, столько опубликовано вами...

— Я бы и писал, и ездил, и ходатайствовал, если бы чувствовал себя виновным. А я себя таковым не чувствую и признавать не собираюсь. — Говорит спокойно, как говорить может только человек, уверенный в своей правоте. — Когда я, потом уже, беседовал с «опером», он у меня прощения просил, говорил, что «они не ви-

новаты, они не хотели моего исключения из партии, они просто информировали инстанции...».

...Прощаясь, Владимир Ильич посоветовал мне прочесть обстоятельную, по его мнению, статью о Махно в прошлогоднем номере журнала «Украина». Я воспользовался советом и отправился в просторный читальный зал культурно-спортивного комплекса.

— Вам какой номер надо, 42-й, тот, что с Махно? — переспросила библиотекарь. Она ходила от стеллажа к стеллажу, ворошила подшивки.

— Вы знаете, нет той статьи.

— Зачитали?

— Да нет, журнал тут... а вот листы с той статьей у... секретаря райкома по пропаганде.

Сопровождавший меня заведующий отделом райисполкома Петр Горпинич чувствовал себя неловко...

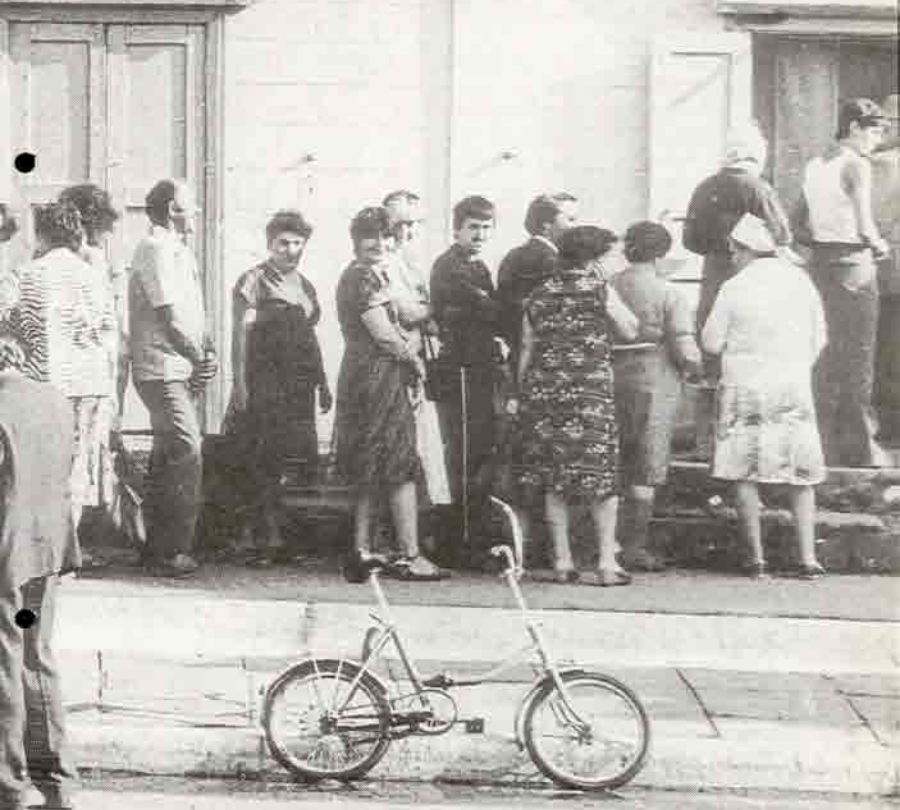
— ...Да я сам пойду учительствовать, украинских детей учить

Телефонный отдел
КОМИССИОННЫЙ
ул. Советская, 10

ХЛЕБ

пойду, если так стоит вопрос. — Поэт Григорий Лютый был категоричен. И я бы мог воспринять это его заявление как риторическую фигуру, если бы не знал его и его стихов вот уже добрых полтора десятка лет.

Продолжает:

— Я вроде бы украинский писатель, так? А меня люди и спрашивают: почему же ты дочь в русскую школу отдал? А потому, что до украинской малыша одного не отправишь, а возить каждый день — не навозишься, работа...

Школа, родной язык — боль поэта, которая вырвалась наружу.

— Через 20 лет меня спросят: а что ж ты молчал, писатель? Я понял, что говорить, писать — сегодня этого мало. Надо и еще что-то делать...

И пошел Грыць Лютый по хатам. Собирал подписи под «манускриптом»: мы, жители Гуляйполя, в связи с тем, что в городе проживает 90 процентов украинцев, просим перевести 1-ю школу на украинский язык или хотя бы открыть классы для желающих...

Хотя бы классы... Для желающих...

На районной отчетно-выборной партийной конференции коммунисту Григорию Лютому слово дали уже за «подведенной чертой», после того как люди поддержали: пусть, мол, писатель скажет.

— Из 400 делегатов только 2 свинарки выступили на родном языке. А почему? Потому что первый секретарь встал и по-русски начал вести конференцию. Все и повернулось. Вот, как говорится, ветер и флюгер...

Стенограммы его выступления мне в райкоме получить не удалось: кто-то уже ушел, кто-то еще не пришел... Может, она покоится в одной папке со статьей о батшке Махно у секретаря райкома Л. И. Явон?!

Маленький город. Здесь нет «народных фронтов», спецбольниц и пресловутых распределите-

лей. Нет митингов и забастовок. Рокеров и чернорубашечников. Живет здесь народ работающий, по-крестьянски основательный. И, казалось бы, отсюда, из «тихой» глубинки, должна подпитываться здоровой трудовой силой наша перестройка. Приезжали прошлой зимой сюда коллеги «огоньковцы». На творческую встречу. Вздоражили, растормошили битком набитый зал (они это умеют!). Но уехали и — тишина снова, дремота.

Катятся по асфальтированным улочкам Гуляйполя экологически чистые велосипеды. Жмут гуляйпольчане на педали. Да не вхолостую ли? Не утратили ли главные ориентиры жизненные? Что там, впереди, — свет или все тот же тусклый, непроглядный туннель?

...В наполовину расчищенном Гайчуре бежит неторопливо вода. И жизнь бежит, проходит.

Кто мы в ней?

ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

- ┌ За стеной АЭС — печное отопление
- ┌ Развод «по-московски»
- ┌ Снова о бесправии участников войны

В № 20 за 1989 г. прочитала статью Марии Бородиной «Зона затопления». Хочу обратиться к жителям Горного Алтая. Если вы, жители зоны затопления, хотите знать, что будет с вашим краем, можете убедиться наглядно, посмотрев нашу затопленную зону — Каховское море. Смотреть надо весной, когда волна выбросит на берег дохлую рыбу, вода покроется толстым слоем зеленых водорослей, а на бывшем пляже появятся таблички: «Купаться нельзя — водоросли ядовитые». Затопили знаменитые днепровские плавни, хотя в плавнях такой грунт, что им можно было удобрить не одну тысячу гектаров! Все пошло под воду. Теперь имеем большое болото.

Земля принесена в жертву электроэнергетике, но Каховская ГЭС надежд не оправдала. И пусть зампред Алтайского облисполкома Владимир Александрович Коржавин не тешит себя надеждой, что город перейдет на электроотопление. У нас в радиусе 100 км — Запорожская ГЭС-2, плотины, Каховская ГЭС, Запорожская ТЭЦ, Запорожская АЭС... А топим по-прежнему углем, электроэнергии не хватает.

Главный вопрос: как выжить? Надо лишить проектантов мо-

сковской прописки. Пусть поживут с нами. Да со своими семьями. У нас смертность от рака за прошлый год повысилась на 17%. По Украине 13 блоков АЭС работает, а 10 — строится.

**И. З. ТАПАНАЙСКИЙ,
г. Марганец-2**

┌ Наши мужья — подводники. Мужественные, решительные, они добросовестно выполняют свой воинский долг, иногда месяцами не бывая дома. Мы, жены, понимаем: главное в их жизни — служба. Главное в нашей жизни — ожидание, волнение, забота. А забота буквально обо всем: о детях, которые растут практически без отцов, о товарах первой необходимости, которые находятся в списках дефицита, о ремонте квартир, полученных с невероятным трудом.

Но ко всему этому мы давно привыкли. Это наша жизнь. Сегодня главное в нашей жизни другое чувство — страх.

Страх за судьбу семьи. Много лет мы прожили в одном из гарнизонов Северного флота. Весь экипаж имел жилье, мы, жены, — работу, наши дети — детские сады и школы. В 1986 году наших мужей перевели в другое место, и в течение почти трех лет переезжали мы к новому месту их службы. И вот сейчас, в 1990

году, мы наконец опять имеем все — жилье, работу, детские сады и школы, наши мужья рядом, и семьи в безопасности. Но в конце 1989 года наших мужей снова перебросили к другому месту службы, туда, куда добраться можно только морским путем. Правда, перебросили пока только по бумагам. Наш корабль должен был в 1990 году становиться в средний ремонт, по времени это несколько лет, место ремонта рядом с городом, где мы живем, и наши мужья жили бы дома, вместе с семьями, а по окончании ремонта мы все поехали бы к новому месту службы.

Но осенью 1989 года средний ремонт перенесли на несколько лет, и нашим мужьям предстоит уже не на бумаге, а фактически переезжать на новое место и без семей жить там эти несколько лет. Мы, жены и дети, не сможем поехать с ними, даже если там нам всем выделят жилье, потому что для этого необходимо будет сдать жилье здесь, а через год или два надо будет снова возвращаться назад для постановки корабля в средний ремонт. Где же мы тогда будем жить? Наш корабль сейчас находится на заводе, потому что, хотя средний ремонт и перенесли, от этого корабль не стал новее и в ремонте нуждается. Сколько времени он там простоят — неизвестно, а потом — разлука надолго.

Кто так легко передвигает подводников с одного места на другое, кто так бездумно, бесчеловечно распоряжается судьбами наших семей, распоряжается всем тем, что нам так дорого, что составляет смысл жизни многих людей?

**Женсовет воинской части.
Северный флот**

В июле прошлого года я вторично вышла замуж. Между сыном от первого брака и его новым папой сразу же возникла нежная привязанность, как у родных людей. Все было бы хорошо. Но... Мой новый муж не москвич, что и оказалось причиной нашей беды. Свой брак мы зарегистрировали, не думая о том, что этим обрекли свою семью на унижения, нищету, разлуку. По специальности мой муж строитель, рассчитывали, что проблем с работой не будет. Когда он приходил в отдел кадров какой-либо организации, ему были рады, но, как только он протягивал паспорт с иногородней пропиской и со штампом загса, ему сразу указывали на дверь, ссылаясь на одно «мудрое» постановление Моссовета. Так он ходил июль, август и сентябрь каждый день, кроме суббот и воскресений, когда лежал на диване лицом вниз и думал, думал, думал: о себе, обо мне, о приемном сыне, о будущем ребенке, о странных порядках.

Наконец ему удалось устроиться на работу в Метрострой. Работал он старательно. Вскоре ему дали хорошую характеристику и разрешение на прописку в общежитии Метростроя. Родилась у нас дочка, которую муж мой очень хотел, о которой мечтал. И, гордясь тем, что стал папой, что у него чудненькая дочка, зарегистрировал ребенка в свой паспорт, а потом сдал его на прописку в общежитие. В прописке ему было отказано. Мотив отказа теперь звучал оригинально: так как имеет ребенка. Вскоре пришла на работу бумага с требованием уволить его согласно все тому же постановлению.

Пришлось нашему папе, бросив детей и жену, уехать в Ярославль.

лавль, где он сейчас живет в общежитии и работает на стройке. К нам приезжает раз в месяц. Благодаря нашим «гуманным» законам я осталась почти матерью-одиночкой. Перспектив на лучшее будущее никаких.

Может возникнуть вопрос, почему я не могу прописать мужа к себе? А потому, что я сама прописана на жилплощади бывшего мужа, а своей у меня нет. Стою на очереди, но через сколько десятилетий она подойдет? Живу я у мамы в однокомнатной квартире. Она работает в школе. Сейчас у нее очень «хорошие» условия для работы в школе: дочь-неудачница и два маленьких внучонка, которые сидят на ее шее. Я чувствую себя очень виноватой перед ней за то, что она должна содержать мою семью.

Если бы я сама не оказалась в такой ситуации, никогда бы никому не поверила, что такое возможно, что существуют постановления, которые помогают развалить семью, лишит детей отца.

АЛЛА ЗАВЬЯЛОВА, Москва

Наша железнодорожная воинская часть находилась в Москве. Во время войны служба была сложной: мы охраняли грузовые машины, сопровождали грузы для фронта — продукты питания, оружие, боеприпасы, обмундирование, в общем, все, что требовалось фронту. Приходилось бывать и под бомбежками. Охрана груза — дело очень тяжелое и ответственное. Случались и вооруженные нападения — в нас стреляли. Нас так же убивали, как и на фронте. Теперь же нас участниками войны не считают.

Работать я начал в 14 лет на

тракторе. В 17 лет меня взяли в армию, 7 лет служил, после службы честно работал, имею медаль «За доблестный труд»; стал инвалидом, доработал до пенсии. И что я заработал за 48 лет честного нелегкого труда? Живу впроголодь, квартира на пятом этаже, воды нет. Куда ни обратишься, везде говорят: ты не участник войны и не участник трудового фронта. Никаких льгот. Не положено. Вот я и думаю: кто же я? Для всех война кончилась в 1945-м, а мы воевали еще весь 1946 год. Многие помнят, что творилось в Москве в те годы. Мы были переданы милиции. В апреле 1946-го, например, при задержании вооруженных преступников пришлось мне прыгать с электрички на большой скорости. Преступников задержали, а я получил травму, поэтому вторую годовщину Победы пришлось встречать в госпитале.

Прочитал я как-то в газете «Труд», что «теперь участники трудового фронта пользуются такими же льготами, что и участники ВОВ, и им выдаются удостоверения». Пошел в военкомат, думал, может, и нам их дадут, чтобы хоть молока купить без очереди. Мне сказали — не положено. Пришел в городской комитет ветеранов, попросил поставить на очередь на телевизор. Опять говорят: давай удостоверение. А где его взять, ведь мы, оказывается, не участники войны и трудфронта. Говорю: вот у меня военный билет, вот медаль за Победу. Нет, нужно удостоверение. Так и живу я, бесправный участник Великой Отечественной.

И. П. КАЗАНЦЕВ, Краснокамск Пермской области

ПАТРИСИЯ КААС

Хрупкая девушка с короткой стрижкой в цирковой кепке и в кургузом пиджачке походила скорее на провинциальную травести, чем на «звезду» французской эстрады. Имя ее — Патрисия Каас.

Отец Патрисии — француз, мать — немка. Родилась она в Форбахе, в Лотарингии. Впервые вышла на сцену, когда ей было... восемь лет.

Именно с этого возраста Патрисия гастролирует по родной провинции с собственным оркестром, а в тринадцать, став лауреатом очередного конкурса, получает место в саарбрюккенском кабаре «Румпелкаммер».

Так началась карьера профессиональной певицы. В репертуар входили блюзы и классические джазовые номера, исполняемые в стиле Лайзы Минелли и Марлен Дитрих.

В 1985 году певица едет в Париж, где выходит ее первая соловка «Ревнивая», продюсером которой стал знаменитый французский актер Жерар Депардьё. Пластинка осталась незамеченной, и «открытие» Каас состоялось двумя годами позже, когда фирма «Полидор» выпустила второй сингл Патрисии. Он назывался «Мадемуазель поет блюзы» и за полгода разошелся тиражом более полумиллиона экземпляров, поднявшись на седьмое место в списке самых популярных песен Франции. В том же году 5 декабря, в день своего совершеннолетия, Патрисия выходит на сцену «Олимпиа» в первом отделении концерта Жюли Пьетри.

Появление в апреле 1988 года сингла «Из Германии» принесло исполнительнице премию за лучшую песню года. Через несколько месяцев Патрисия с успехом от-

крывает концерт Мишеля Жонаса в «Франкофоли» в Ля Рошели. После этого она становится «одной из самых больших надежд французской песни»; удостоивается наиболее значительных наград в эстраде: «Открытие года-88», «Лучшая исполнительница года». Вскоре был издан ее первый альбом «Мадемуазель поет...»

Песни, вошедшие в этот альбом (тексты Дидье Барбеливьена, музыка Франсуа Бернхейма), аранжированы и выходят в свет благодаря Бернару Эстарди. Ставшая «золотой» с момента выпуска, а затем и «платиновой», получает премию Академии имени Шарля Гро как лучший альбом.

В апреле прошлого года начались зарубежные гастролы: ФРГ, Бельгия, Швейцария, Япония.

Только одного концерта в клубе джаза в Токио, где Патрисия пела в сопровождении своего пианиста, оказалось достаточно, чтобы японские критики отметили его как триумфальный успех.

В ходе этих гастролов Патрисия Каас побывала и в Москве.

— Я хочу снова приехать в Советский Союз, чтобы показать программу полностью. Это спектакль, в котором я появляюсь в самых разных образах: роковая женщина из кабаре и простая девушка, клошар и уличный мальчишка. Надеюсь понравиться советской публике...

НИКОЛАЙ БЕРЕЗИН

НИКОЛАЙ ДОБРОНРАВОВ

МИСС

Одеваться нынче трудно. А раздеться — пустяки.
Полуголых аксельраток принимают Лужники.

Под удары ритм-машины в пляске лазерных лучей
Смесь Вальпургиевой ночи и Египетских ночей.

Новодевичий напротив монастырь. Москва-река.
И лохмотьями России проплывают облака...

Здесь со всей Страны Советов на эстраде собрались
мисс Воронеж, мисс Полтава и всех прочих весел мисс.

...Ресторанная межпуха. Иностранные авто.
Подъезжает Фонд культуры в палантинах и манто.

— Ваше место — третье слева. Проходите в первый ряд —
плечи, бедра и софиты здесь особенно спелят...

Суетится юный зритель, чтоб пробиться на экран.
Спонсор здесь не «Большевичка».

Спонсор — лично Сен-Лоран!

Журналист хватает приму: «Мне единственному дашь, —
это будет мой коронный, обалденный репортаж!»

— Не стыдишься, мисс? — «Ни капли. Ибо голые тела
не стыднее голых полок да продаж из-за угла».

Голос авиакомпаний: «Будем девочек возить
по Лас-Вегасам и Ниццам. Будем их... благотворить».

От восторга у красавиц потекла с ресничек тушь.
И оркестр не «буги-вуги» — грянул наш победный туш!

...Только вдруг среди фей советских,
нешекспировских Джульетт
промелькнул на фоне задника оранжевый жилет.

В королевстве грез и денег — непредвиденный сюжет:
этот весь пропахший потом, в пятнах извести жилет.

Среди костюмов от Диора, среди Одиллий и Одетт
этот мразный, безобразный, перепачканный жилет.

А за ним второй и третий — ни конца, ни счета нет.
Словно нет ни кофт, ни платьев — сплошь оранжевый
жилет!

Медсестра. Швея. Актриса. И на всех на них надет
тот единый безразмерный, тот оранжевый жилет.

И студентка, и крестьянка в тот наряд облачены.
В нем — немое отраженье бывшей солнечной страны.

— Это что за наважденье? Стыдоба! Галиматья! —
От испуга прихихикнул резвый менеджер Илья.

Кто-то крикнул: «Это нонсенс! Режиссер, гасите свет!» —
Но сияет этот рыжий ослепительный жилет!

Грозный голос из партера: «Завтра будем их судить.
Нарушение объявления: «В спецодежде — не входить».

Свет зажгли... Ну, слава Богу! —

прежний праздник невредим.

Нет оранжевых жилетов. Все исчезло, аки дым.

...Где, в какой тмутаракани затерялись их следы, —
на туманных перегонах, на урочищах беды...

Далеко отсюда пресса, шоу-бизнес и ЦК.

Сапоги да накомарник. Три лопаты да кирка.

Здесь окрест все мелколесье. Мелковата и река.

А душа — она как пропасть. И страшна, и глубока.

Не железная дорога, а судьба — железный путь.

А на небо... а на небо даже некогда взглянуть.

Не найти в Стране Советов тех дубрав и переправ,
где Каренину под поезд бросил жалостливый граф.

Мчится злобно-равнодушный по стране электровоз,
и шарахаются бабы с насыпи да под откос.

Запыленный подорожник да унылый бересклет.

Три лопаты да мотыга. Да оранжевый жилет.

— Только ты меня, товарищ из столицы, не жалей.

Лучше давешний остаток нам в граненые разлей.

Как намаешься со шпалой — не поднимаешься с колен.

Хуже Кате на асфальте, — там силовый канцероген.

Тут ни спонсоров, ни денег, даже плохоньких мужей.

Только ты, милоч, не надо..., не юродствуй, не жалей...

Лучше выпьем напоследок, выпьем, Господи спаси,
за такое постоянство женской доли на Руси.

Ты ответь-ка мне, писака, это правда, что у вас
нынче самых длинноногих выставляют напоказ?

Говорят, что наши девки всех на свете превзошли...

Платят труженицам тела иностранные рубли...

Верещат о милосердье лихоимцы да шуты...

Только это все неправда. В жизни нету красоты.

...Но спектакль не остановишь. Все участники игры
гримируются под юность. Спасу нет от мишуры.

Отвлеченье развлеченьем? Шоу-бизнес вместо зла?

В стиле нового мышленья все раздеты догола...

Реформация подмостков. Конкурсанты — телеса.

Новых соцсоревнований наступила полоса.

Между телом и душой воздвигается забор.

Непродуманный сценарий. Бесталаный режиссер.

Представление в разгаре. И стоят в тени кулис
мисс Железная дорога и Асфальтовая мисс...

MANAY

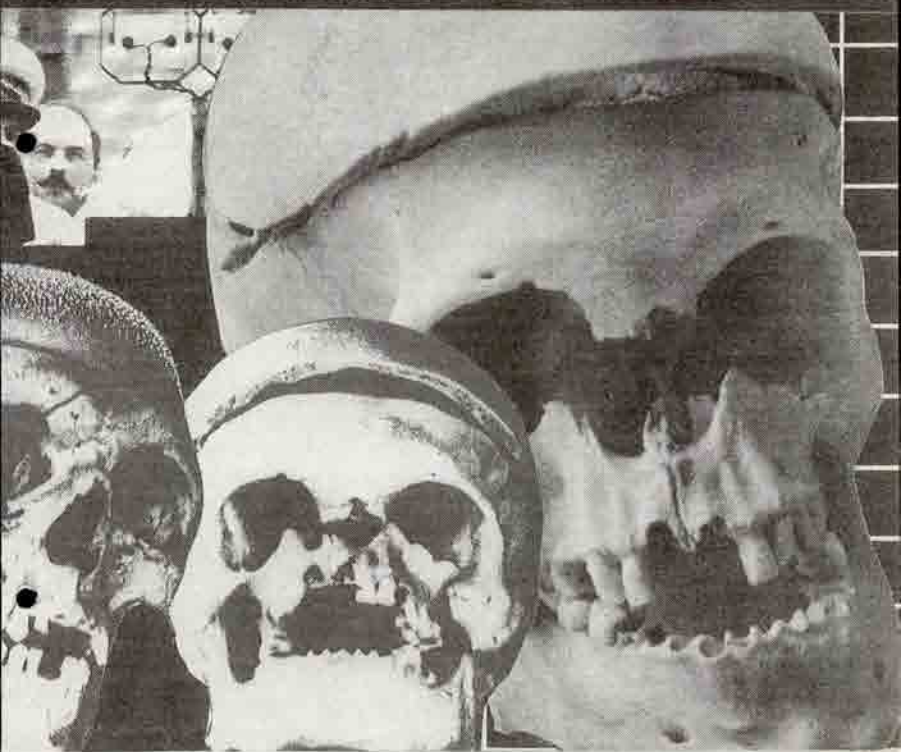

И ЕГО

ВЛАДИМИР ГОРНЫЙ

Коллаж
АЛЕКСЕЯ МЕРИНОВА

МАСТЕР

Редчайший, можно сказать, случай: автор предлагаемого материала редакции неизвестен. Есть, однако, сведения, что псевдоним Владимир Горный принадлежит советскому писателю старшего поколения и человеку, лично знавшему людей, о которых идет речь. Все остальное — из области догадок и гипотез.

Совершенно очевидно, что это не мемуары, не документальная проза и, строго говоря, даже не беллетристика. Скорее всего это рождающийся на глазах нашего поколения новый жанр словесности, но так или иначе включающий в себя элементы перечисленных и освоенных литературой жанров. Думается, читатель должен учесть это обстоятельство и не ставить знак равенства между правдивостью и правдоподобием.

Стены камеры были выкрашены в светло-голубой цвет. Камера — на третьем этаже внутренней тюрьмы на Лубянке. Большинство камер на этом этаже, в то время когда Ягода возглавлял НКВД, назывались или, вернее, считались «дворянскими», предназначенными для заключенных высокого ранга и для иностранцев. Эти камеры были обставлены гораздо лучше, чем все другие. В камере Ягоды была приличная железная кровать, на которой ему разрешалось лежать и днем, были небольшой столик, стул и полка. Была, конечно, и параша.

Его арестовали в апреле 1937 года. С тех пор как его сняли с работы в НКВД, он оставался на свободе больше полугода. Ни один опальный советский сановник не оставался на свободе так долго. К тому же всех их пытали, за очень небольшими исключениями. В начале 1937 года Сталин приказал «применять меры физического воздействия ко всем врагам народа», то есть ко всем политическим заключенным. Ягоду не пытали. Сталин приказал Ежову, чтобы к Ягоде эти меры не применяли.

Полгода, которые он провел на свободе перед арестом, Ягода считал самым ужасным временем своей жизни. Он знал, что его арестуют и расстреляют. Такова была судьба всех советских вельмож после того, как их снимали с работы. Ожидание ареста было хуже самого ареста, и когда за ним закрылись двери камеры на Лубянке, он почувствовал даже какое-то облегчение.

Ждал он ареста в своей квартире в Кремле, где прожил всего год. Квартира была маленькая и не очень удобная. В Кремле короновались когда-то русские цари, но огромные палаты и тронные залы были после Октябрьской революции превращены в залы для банкетов и торжественных заседаний, и лишь немногим высокопоставленным особам были предоставлены квартиры бывших мелких кремлевских служащих и духовных лиц. Квартиры были неважные, но какой престиж! За последние годы Сталин лично решал, кому жить в Кремле, и кремлевская квартира означала причисление ее владельца к верховному Олимпу.

Начиная примерно с 1936 года кремлевских жителей стали вывозить на Лубянку, обыкновенно ночью. Они боялись встретаться и разговаривать друг с другом. Собеседник мог завтра оказаться «врагом народа». Ягода, как и другие, пробирался сторонкой домой, опасаясь встреч. В Комиссариате путей сообщения служащие его игнорировали, а если он их о чем-нибудь спрашивал, отвечали коротко и сухо. О стариках Авербах и о жене Раисе он ничего не слыхал, они, думал он, успели уехать. Леопольд Авербах был арестован и, очевидно, сразу же расстрелян, так как в газетах называли его заговорщиком и зловещим троцкистом. Это обыкновенно писалось о тех, которых убивали сразу же после ареста.

Многие кончали самоубийством еще до того, как за ними приходили чекисты, но Ягода не мог на это решиться. И у него все-таки был еще луч надежды. Ежов сказал ему, что Сталин вызовет его после возвращения из Сочи. Но Сталин вернулся в Москву и его не вызвал. Попытки Ягоды добиться у него приема ничего не дали.

Когда он вспоминал в тюремной камере те шесть месяцев, что предшествовали его аресту, то они отдалялись от него, как будто он смотрел на них в обратную сторону полевого бинокля. Все, что в эти месяцы произошло, казалось ему не только далеким, но и мелким и неясным, как точки на горизонте, которые могут значить и что-нибудь важное, а могут и вовсе не иметь значения.

Некоторые события он старался восстановить в памяти и рассказать их самому себе со всеми подробностями, для того чтобы уяснить их смысл, который был для него не совсем ясен. Вот, например, его разговор с Ежовым. За два-три месяца до его ареста Ежов позвонил ему по телефону и попросил зайти к нему, но не на Лубянку, а в Центральный Комитет партии. Ежов до своего назначения на место Ягоды возглавлял там отдел кадров, и у него все еще был там свой кабинет.

— Я вас пригласил,— сказал он Ягоде,— чтобы допросить вас в качестве свидетеля по одному делу. Сейчас скажу по какому. Прежде всего хочу объяснить, почему я вас вызвал сюда, а не на Лубянку. Не хотел вас пугать, вот почему.

— Я не из пугливых,— сказал Ягода. Страх боролся в нем с ненавистью к Ежову, и вежливая, но вместе с тем несколько ироническая улыбка Ежова показывала ему, что тот прекрасно понимает его состояние.

— Я знаю, что вы храбрый человек, Генрих,— ответил Ежов, который раньше никогда не обращался к Ягоде по имени.— Но тут никакой храбрости не требуется. Я просто не знаю, как мне быть с этой, как ее, гражданкой Селивановой. Мы ее арестовали, но она упорно утверждает, что она никакая не жена врага народа, потому что ее мужа вывели в расход ни за что ни про что.

До ареста Ягода несколько раз звонил Селивановой по телефону. Телефон не отвечал. Теперь он понял почему.

— Так вот, сделайте одолжение, объясните мне, в чем тут дело,— продолжал Ежов, в глазах которого загорелись веселые

огоньки.— Она ссылается на вас, говорит, что была с вами в Крыму...

— Товарищ Ежов, вы прекрасно знаете, в чем тут дело,— сказал негромко Ягода.

— Нет, я не все знаю. Я знаю о вашей с ней связи, но Советский Союз и его карательные органы не интересуются вопросом, с кем Генрих Ягода проводит или проводил ночи. Дело не в этом, а только в том, был ли Селиванов врагом народа или не был?

Он явно издевался над Ягодой, который сказал:

— Я не понимаю, зачем вся эта достоевщина. Порфирий Петрович, допрашивающий Раскольникову в «Преступлении и наказании»... Я не имею понятия, был ли Селиванов вредителем или нет. Вероятно, был. Он постоянно ездил за границу, мог встречаться там, с кем хотел. Но я велел его задержать в Ростове совсем по другим соображениям.

— По другим соображениям?

— Да. И за это меня сняли с работы в НКВД.

Ежов вдруг громко рассмеялся. Это было настолько неожиданно, что Ягода бросил на него удивленный взгляд. Смеялся Ежов странно, только одной половиной рта, в то время как другая половина оставалась как будто окостеневшей.

— Почему вы надо мной издеваетесь? — Он хотел задать этот вопрос вызывающим тоном, показывающим, что он на самом деле не из трусливого десятка и Ежова не боится, но это у него не вышло, и вопрос прозвучал как стон.

— Издеваюсь? Нет, Генрих, что вы, я не издеваюсь, я просто не мог удержаться, когда вы высказали это предположение. Вы на меня не обижайтесь, я ведь вам друг. Не верите? А я вам докажу. Скажу Иосифу Виссарионовичу о ваших предположениях и одновременно напомним ему, что он обещал вас принять. Хотите?

— Это уж как вам будет угодно,— ответил Ягода, вставая.

Ежову не понравилось, что он встал, как будто они и впрямь вели дружеский разговор, который Ягода мог закончить, когда хотел. Он сделал вид, что не заметил, как Ягода поднялся со стула, и быстро сказал:

— Хорошо, Генрих, вы можете идти. Еще только один маленький вопрос. Я так считаю, что судьба Нины Селивановой вас больше не интересует? Вам безразлично, выпущу я ее или нет?

— Совершенно безразлично,— сказал Ягода.

Он хорошо помнил, что когда он после этого разговора оказался на Старой Площади, то о Нине он уже не думал, а задумался над тем, что мог означать смех Ежова. Если его убрали из НКВД не за убийство Селиванова, то тогда за что же?

Вскоре после этого Ягоде позвонил по телефону Поскребышев и вызвал его к Сталину на дачу. Сталин сейчас же приступил к делу.

— Ежов говорит, что вы не знаете, почему я вас снял с работы в НКВД,— сказал он.

— Товарищ Ежов ошибается,— ответил Ягода.— Или, может

быть, он неверно передал то, что я ему говорил. Я знаю, Иосиф Виссарионович, в чем я провинился, и потому не могу жаловаться.

— Вы думаете, что я вас убрал из-за того динкурьера, которого вы приказали расстрелять?

— Так точно, Иосиф Виссарионович.

— Приказали расстрелять, потому что вам захотелось поспать с его женой?

— Так точно. Не могу сказать ничего в свое оправдание.

Сталин прощупал его своими острыми, желтыми глазами и стал набивать свою трубку.

— Был один такой товарищ,— сказал он,— по фамилии Богданов...

— Из Московского комитета партии?

— Нет, это другой Богданов. В России много Богдановых, хоть пруд пруди. Тот, про которого я говорю, жил в Женеве, в эмиграции, до революции. Он там с Ильичем спорил.

Сталин встал и зашагал по комнате.

— Про меня говорят, что я Ильичу изменил, что я пролил море крови, чтобы в нем утопить его идеи. Все старые большевики меня в этом обвиняют. Те, которые еще на свободе. Вы у них поставили перехватывающие аппараты, они знают, что в стенах микрофоны или еще где-нибудь, но не могут удержаться, нет-нет да что-нибудь такое брякнут. А мне докладывают, что они там лягнули. Ну, не важно. Послушайте, что случилось в Женеве. Поскольку меня обвиняют, что я изменил Ильичу, я вам хочу рассказать что-то про Ильича. Ну, так вот. Ленин послал из Женевы одного товарища в Россию с деньгами на партийную работу. Он должен был отвезти деньги в Петербург и в Москву, но в Россию он не поехал, а поехал в Париж, там по бардакам шлялся, по притонам пьянствовал и, когда денег не осталось ни копейки, вернулся в Женеву к Ленину и принес повинную. Просил устроить над ним партийный суд. Одним словом, хороший типчик. Его, конечно, хотели выгнать из партии. Но Ленин его защитил. Дали ему строгий выговор и больше ничего. А как раз в то время Ленину подвернулся под руку тот самый товарищ Богданов, ученый, можно сказать, человек. Он написал статейку, направленную против установок Центрального Комитета партии. То есть против Ленина. И на собраниях в Женеве и еще где-то в эмиграции защищал свою статью. За это по настоянию Ленина его исключили из партии. Кто-то тогда еще с Лениным поспорил. «Как это так,— сказал он Ленину,— вора и пьяницу вы не исключаете, а хорошего товарища за уклон из партии выгнали?» «А как же иначе?» — ответил Ленин. — «Иначе и быть не может. Тот прохвост может нам еще пригодиться, в большом хозяйстве всякая веревка нужна. Но когда человек совершает политические ошибки, когда у него идеологический уклон, то это совсем другое дело. Его надо выгнать, чтобы не разводил смуту». Вот и все.

Сталин прищурил глаза, что у него заменяло улыбку.

— Вы поняли, почему я вам рассказал эту историю?

— Да, понял, но не совсем...

— Ничего вы не поняли. Вижу по вашему лицу, что ни черта не поняли. Я вас убрал из НКВД не из-за Селиванова.

Он продолжал шагать по комнате, но уже не улыбался. Он хотел сказать Ягоде правду, то есть что он снял его с работы по желанию Гитлера, но в последний момент удержался. Никто не должен знать, что он может поддаться требованиям Гитлера, это задевало его самолюбие. Поэтому он сказал Ягоде то же самое, что сказал Кагановичу и Молотову. Он связал отставку Ягоды с делом Рютина в 1932 году.

— Вы думаете, это было давно и сейчас не в счет? Вот в то-то ваша и ошибка. Не отличаете важнейших дел от менее важных. Рютин чего добивался? Он добивался ликвидации колхозов и совхозов и передачи земли крестьянам. Ну и, конечно, ухода Сталина, как будто без Сталина может существовать Советская власть. Его следовало расстрелять тогда же, в 1932 году, а вы ничего не сделали.

— Не было приказа, Иосиф Виссарионович.

— Глава НКВД должен иногда действовать и без приказа. Вы, одним словом, не справились с возложенными на вас задачами. Я назначил на ваше место Ежова, а если он тоже не справится, то и его по шапке. Понятно?

Нет, это совсем было непонятно. Сталин видел, что Ягода ему не верит, и это его злило. Он подошел к столику, на котором лежала какая-то книжка, и стал быстро ее перелистывать.

— Вы как полагаете, вы хороший человек или плохой? — спросил он.

— Не знаю, Иосиф Виссарионович, но скорей второе...

— Значит, плохой человек? Так вот послушайте, что тут написано. «Хороший человек, он — и глупый хорош, а плохой — обязательно должен иметь ум», — прочел он из книжки.

— Интересно, — попытался улыбнуться Ягода.

— Не только интересно, но и правильно на все сто процентов. Вы знаете, кто это написал? Максим Горький, в своей знаменитой пьесе «На дне». Ее в сто десяти странах ставили. Горький был гениальный писатель, но как человек он был просто глуп. Вы что, не согласны? Если бы он не был глуп, то не вообразил бы, что я его выпущу за границу, чтоб он там разводил против меня пропаганду в мировом масштабе. Вы не согласны?

— Я ничего не сказал...

— И хорошо сделали, что не сказали. Вы ему не судья. Вы ему в подметки не годитесь. Глупые люди тоже разные бывают. Ну, идите. Поработайте некоторое время наркомом путей сообщения, а там посмотрим. Может, найдется для вас что-нибудь поинтереснее...

Ягода и этому не верил. Обрушившаяся на него беда была для него тем более ужасна, что он никак не мог понять, почему Сталин его снял. И сейчас, в камере на Лубянке, он все еще этого не понимал.

Его арест был для него более понятен. Он произошел в тот момент, когда Сталин решил освободиться от всех мало-мальски видных чекистов за исключением одного только Ежова, которого, впрочем, он впоследствии тоже велел убить, заменив Берией.

Вместе с Ягодой был арестован его бывший заместитель Агранов, начальники всех отделов НКВД, следователи и много других чекистов. Некоторые попали в лагерь, но большинство было прикончено их же бывшими товарищами и подчиненными тут же, в подвалах Лубянки. Одного только Ягоду посадили вот в эту «дворянскую» камеру, потому что он должен был выступать в качестве обвиняемого на третьем, самом большом и самом важном, московском процессе.

Арестованные чекисты ясно понимали, почему их арестовали. Их вина была в том, что они слишком много знали. Они могли стать для Сталина неудобными свидетелями истории. Их деятельность сводилась к физическому истреблению миллионов людей. Особый опыт и знания для этого были не нужны. Их заменили чекистами из провинции и тщательно подобранными коммунистами, которых выискивал отдел кадров Центрального Комитета партии.

Свой арест и первый допрос Ягода вспоминал в своей камере много раз. За ним в продолжение нескольких дней следили, не потому, что боялись его побега — ему некуда было бежать, — а потому, что так было заведено, все делалось по штампу. За его служебной машиной следовала одна, а иногда и две машины, в коридорах Комиссариата путей сообщения появились наблюдатели. Наконец, в два часа ночи в его кремлевской квартире раздался звонок. Вошли двое в штатском.

— Пора собираться? — спросил Ягода.

— Да, Генрих Григорьевич, — ответил один из чекистов. — Пришло время.

Как и другие сановники, ждавшие ареста с минуты на минуту, он приготовил заранее небольшой чемоданчик с самыми необходимыми вещами. Его повезли на Лубянку в автомобиле, а там повели по длинным коридорам, в конце которых зажигались то красные, то зеленые лампочки. Красные означали, что ведут другого заключенного. Ягода должен был тогда поворачиваться лицом к стене и ждать, чтобы его не увидели и чтобы он проходящего не увидел. Поднимали на лифте, потом шли опять коридоры и, наконец, «бокс» — временная маленькая камера без кровати. Он думал, что его в ней продержат до утра, но спустя четверть часа камеру открыли:

— Фамилия?

— Ягода.

— Имя-отчество?

— Генрих Григорьевич.

— Тес... Надо говорить шепотом. Пошли.

Опять лифт и коридоры. В небольшой комнате, в которую его наконец ввели, сидел за простым деревянным столом молодой человек лет двадцати пяти, угрюмого вида. Перед столом стоял стул, на который Ягода сел.

— Встать! — крикнул чекист. — Сядешь, когда тебе разрешат!

Ягода встал. Дрожая от обиды, он сказал:

— Прежде всего не кричите...

Чекист подошел к нему и со всей силы ударил его в лицо.

Со стороны могло казаться, что они ведут дружескую беседу.

Да не только со стороны. Ягода хотя и знал, что все изменилось и он уже не разговаривает с прокурором Вышинским как равный с равным, но он старался сохранить хотя бы внешние формы дружеской беседы. Вышинский шел на это, делая вид, что никакой фальши в их взаимоотношениях нет, что все осталось по-прежнему. Когда-то — очень недавно — они вместе трудились над подготовкой первого и второго московских процессов. Это происходило в том же кабинете в здании НКВД, только тогда они сидели оба за письменным столом, а сейчас Ягода сидел на стуле для допрашиваемых. Но Вышинский его не допрашивал. Проект обвинительного акта он принес с собой и не то что предъявил его Ягоде, а обсудил его вместе с ним, кое-что добавив, кое-что изъяв. Это была их четвертая беседа. Ягода должен был выступить на процессе в качестве одного из главных обвиняемых. Самым главным был, конечно, Николай Бухарин. Так вот, надо было многое согласовать и проследить, нет ли где-нибудь промахов, за которые сейчас же ухватилась бы заграничная империалистическая печать, как это случилось в одном из предыдущих процессов, когда дурак следователь скомпрометировал Советскую власть: он велел кое-каким обвиняемым и свидетелям рассказать на суде о встречах заговорщиков в одной гостинице в Копенгагене, а потом оказалось, что эта гостиница закрылась за несколько лет до этого.

— С вами легко работать, — похвалил Ягоду Вышинский. — Вот мы все согласуем, и тогда, может быть, и репетиции не нужно будет. Хотя нет. Лучше все-таки прорепетировать. Вы как думаете?

— Я с вами согласен. Я буду чувствовать себя более уверенно.

Вышинский что-то записал, потом сказал:

— Доктора, между прочим, все подписали. Левин и Казаков. Они покажут на суде, что отравили по вашему приказанию Максима Горького и всех других.

— И Куйбышева?

Вышинский вскинул на него глаза и расхохотался.

— Да, Генрих Григорьевич, товарища Куйбышева, конечно, тоже. Я знаю, что вы тут ни при чем, вы мне говорили. Но раз вы тогда похвастались перед хозяином, что убили Куйбышева, то придется вам и за это отвечать, ничего не поделаешь. Бывают такие комические казусы, а?

Ягода не смеялся. Он уже подписал протоколы допросов, сознаваясь во множестве преступлений, включая организацию убийства Кирова. Сделать это ему было тем легче, что в противоположность другим обвиняемым он действительно совершал преступления, в которых обвинялся. Правда, он совершал их по приказу Сталина. Вышинский, конечно, прекрасно об этом знал, но ни он, ни Ягода об этом не говорили.

Только в одном обвинении Ягода не хотел сознаться. Он уже раньше просил Вышинского отказаться от обвинения его в том, что он был агентом иностранных разведок, и по требованию таковых назначал на все ответственные посты в НКВД людей, которые тоже были иностранными шпионами.

— Андрей Януариевич,— пытался он убедить Вышинского,— это ведь в конце концов просто глупо. И никто этому не поверит, особенно за границей. Если бы я действительно был иностранным шпионом, то империалисты могли бы отозвать из Советского Союза всех своих агентов, включая военных атташе в посольствах.

Вышинский прищурил глаза, а потом закрыл их. Он имитировал Сталина, который часто это делал.

— Ничего не могу изменить. Хозяин настаивает. За границей не поверят, тут вы правы, но нам на заграницу в этом отношении наплевать. А здесь, в Советском Союзе, поверят. Сталин в этом уверен. Он не ошибается. Да и что говорить — вам безразлично, а нам не безразлично.

— То есть как?

— Одним обвинением больше, одним меньше — какая разница? Кроме того, тут есть еще одно обстоятельство, которое вы упускаете из виду. Если вы не были иностранным шпионом, то почему вы тогда убили Кирова, Горького, Куйбышева и так далее? Не по личным же соображениям? Я вчера Рыкову то же самое сказал, он, как и вы, на все согласен, кроме обвинения в шпионаже. Я ему втолковал, что тут все связано одно с другим, одно вытекает из другого, что, одним словом, из песни слова не выкинешь.

Ягода ничего не ответил. Ему было приятно, что Вышинский не навязывает ему что-то, а дружески убеждает и поясняет, почему надо поступить именно так, а не иначе. Он знал, что через несколько минут его поведут назад в камеру, а потом будет суд и он скажет на суде все, что от него требуется, а потом его убьют. Но об этом он сейчас не хотел думать. Да и наверняка ли убьют? Вышинский, когда его первый раз допрашивали, сказал, что его могут и не убить. Сталин будто бы намекнул на это. Ягода не верил Вышинскому и не верил Сталину, но все-таки погасить совсем этот дрожащий луч надежды не мог.

— Николай Иванович все упорствует? — спросил он, вспомнив, что от поведения Бухарина зависит, когда начнется процесс, который решит и его судьбу.

— Да, по-прежнему. Ни в чем сознаться не желает и с женой условился, что если ее убьют, так пусть, все равно не уступит.

— Как с женой?

— Она от него потребовала, чтобы он ей обещал, что с ее судьбой не будет считаться. Твердые орешки, и он, и она. А хозяин по-прежнему никаких физических мер воздействия по отношению к нему не разрешает. И он прав, не дали бы результатов. Вот у меня есть одна идея, я еще хозяину не говорил. Посадить вас с ним в одну камеру, а?

— Что же, если нужно...

— Он, конечно, знает, что в стенах микрофоны, но, может быть, все-таки что-нибудь такое скажет, из чего можно будет извлечь пользу для следствия. А вы, со своей стороны, попытайтесь его урезонить, авось сумеете. С пользой для себя, Генрих Григорьевич, с пользой для самого себя.

«Новый проблеск надежды или, вероятнее, новый обман,—

подумал Ягода.— Что же делать, тонуший хватается за соломинку...»

Он спросил, не начнет ли Сталин процесс без Бухарина?

— Ни в коем случае. Это он мне твердо сказал. На два предыдущих процесса он смотрит как на подготовку этого, главного, и называет его процессом Бухарина.

— Хорошо,— сказал Ягода.— Я сделаю все, что смогу, но за успех не ручаюсь, сами понимаете...

В своем политическом завещании Ленин писал, что «товарищ Бухарин является не только самым ценным и самым выдающимся теоретиком партии, но и, вполне заслуженно, ее любимцем».

Этот любимец и партии, и Ленина сидел уже почти год во внутренней тюрьме НКВД на Лубянке. В течение последних двух недель он делил камеру с Ягодой. Их общая камера тоже принадлежала к разряду «дворянских». Главное преимущество этих камер заключалось в том, что в них держали ровно столько человек, сколько полагалось: по одному в одиночках, по два, по три или по четыре человека в камерах побольше. В обыкновенные же камеры (так как тюрьма была переполнена) сажали по сорок человек и больше, и даже в одиночки сажали по шесть, по восемь человек.

Недавно Сталин разрешил Бухарину писать в камере книгу на тему о природе человека. Но выписывать книги, нужные для работы, ему не разрешалось. К счастью, у Бухарина была редко встречающаяся память. Он сидел за маленьким столиком и писал быстро, почти не останавливаясь:

58
— Николай Гаврилович Чернышевский, один из крупнейших русских писателей и мыслителей, был привезен из тюрьмы на Мытнинскую Площадь в Петербурге 19 мая 1864-го года. Ему в то время было 35 лет. На груди у него висела дощечка с надписью «государственный преступник». Два палача опустили его на колени и прикрепили к черному столбу, а затем с треском переломили над ним шпагу. Это означало, что он лишается офицерского чина. За революционные идеи, которые он высказывал в своих произведениях, он был приговорен к каторжным работам на рудниках сроком на 14 лет, а затем к пожизненной ссылке в Сибирь.

В этот день шел с утра дождь, но на Мытнинской Площади толпился народ. Молодая девушка, вероятно, курсистка, бросила Чернышевскому маленький букет, который попал в лужу у его ног.

Вблизи столба, к которому Чернышевского прикрепили на четверть часа, был забор, за которым виднелись леса строившегося дома. Строительные рабочие взобрались на забор. Они свистели, издевались над Чернышевским, бросали в него камнями и комками земли и кричали, что каторга — слишком легкое для него наказание, что его следует казнить».

Бухарин перестал писать, отложил карандаш.

— Вы когда-нибудь читали,— спросил он Ягodu,— как рабо-

чие в Петербурге, самые настоящие рабочие, издевались над Чернышевским?

— Нет, не читал. Во всяком случае, не помню.

Бухарин прочел ему то, что написал. Ягода покачал недоверчиво головой.

— Неужели так оно и было?

— Да. Это описывали многие потом свидетели, их рассказы вполне сходятся.

— Но ведь они были рабочие, а Чернышевский был революционер. Он написал «Что делать?», верно?

— Совершенно верно.

— Так как же они, пролетарии?..

— Вот в том-то и дело.— рассмеялся Бухарин.— Они были подлинные пролетарии, но им не так уже плохо жилось, когда они работали, а Чернышевский, государственный преступник, призывал к революции, которая угрожала их благосостоянию. То есть тому, что они считали благосостоянием. Вот за это они в него и бросали камнями.

— Нет,— сказал Ягода.— Они, может быть, и были рабочими, но такими, которые еще не приобрели классового сознания. Другими словами — темная масса. И к тому же это было давно и ровно ничего не доказывает.

— Не знаю. Может быть, и доказывает. Мы, например, считаем, что рабочие в Германии и в Италии должны были быть на нашей стороне, а они помогли захватить власть фашистам. И произошло это не в прошлом столетии, а в наше время. А про германских или итальянских рабочих никак нельзя сказать, что они еще не приобрели классового сознания.

— Я думал, что вы пишете о натуре человека, а книжка у вас, оказывается, политическая.

— Нет, товарищ Ягода, я пишу книжку о натуре человека. То, что я вам прочел,— это пример, показывающий, что такие ярлыки, как пролетарий, сознательный рабочий и тому подобное, ни к чему не пригодны. Они вводят нас в заблуждение, ибо под ними мы не видим человека. Мы его превращаем в манекена, в безжизненную фигуру и удивляемся, когда манекен шагает не туда, куда ему полагается идти согласно нашим схемам и бумажным о нем понятиям, а в совсем другом направлении, куда его толкает его человеческая натура. Бытие определяет сознание — это Маркс правильно сказал, но только в известной степени, а не совсем, и не одно бытие его определяет, да к тому же от характера человека зависит, как его бытие формирует его сознание. Одного человека голод сделает бандитом, другого — революционером, третий будет лизать ноги начальства, надеясь таким образом улучшить свою участь. Эта категория — самая многочисленная, к ней принадлежат также и те, которые пишут доносы, на нее опираются все диктаторы, включая Сталина.

Ягода молча указал рукой на стены и потолок, а потом на свое ухо. Они оба знали, что их разговоры подслушиваются. Ягода, который не забывал об этом ни на минуту, хотел этим жестом заслужить доверие Бухарина, но только рассердил его.

— Я уже сказал вам, товарищ Ягода, что решил с этим не

считаться. Мне осталось жить весьма недолго, и от того, что я сейчас скажу или не скажу, ничто больше не зависит. Я хочу перед смертью воспользоваться той свободой, которой у меня не было на воле, — свободой слова.

Ягода пожал плечами и вздохнул.

— Дело ваше. Я на вашем месте не был бы так уверен, что от того, что вы скажете, ничто не зависит...

В коридоре послышались мягкие шаги, камеру открыли.

— Говорите шепотом. Бухарин?

— Я Бухарин.

— Инициалы?

— Николай Иванович.

— Я только инициалы спрашивал. Надо отвечать: Н. И. На допрос.

После того как Бухарина увели, Ягода закурил новую папиросу. Он курил почти непрерывно. Он боялся, что Бухарина принесут обратно в камеру на носилках. Многих заключенных приносили с допросов на носилках. Бухарина до сих пор не пытали, но возможно, что Сталину надоело его упорство. А если пытаются Бухарина, то могут пытаться и его, Ягodu, несмотря на то, что он все подписал, что у него установились с Вышинским такие дружеские отношения. Ежов его враг, он может пытаться его под предлогом, что Ягода еще не во всем сознался...

Но его опасения оказались напрасны. Бухарин через час вернулся в камеру.

— Ну что?

— Новые обвинения. Шпионаж, еще что-то. Полная ерунда. Уши вынут. А вот еще: я будто бы готовил покушение на Ильича. Глупее трудно придумать.

— Вышинский вас допрашивал?

— Нет, его заместитель. Политически совсем малограмотный. Вышинскому, должно быть, стыдно стало, хотя не думаю. Этой лисице все нипочем...

— Мне непонятно, — сказал Ягода, — почему вы не подписываете. Все подписали, я в числе прочих, только вы один упорствуете. Объясните мне, пожалуйста, почему?

— А вы не понимаете?

— Нет. Хоть убедите — не понимаю.

— Вышинский тоже не понимает. Он думает, что я из гордости. Не хочу самого себя оплевывать и все такое. Нет, гордость тут ни при чем. Тут резоны поважнее гордости. То, что сейчас происходит в Советском Союзе, предопределяет судьбу человечества на многие годы. Может быть, на сотни лет. Вот в чем тут дело. Не в Бухарине, а в том, что с нашей революцией были связаны надежды миллионов людей во всем мире. Они сейчас рушатся. А я один из тех, кто эту революцию делал. Если я заявлю, что я шпион и прохвост и всегда был шпионом и прохвостом, то тогда все разваливается. Никому больше нельзя верить, и ни во что нельзя верить.

— Николай Иванович...

— Подождите. Я в прошлом году в Париж ездил, вы знаете, сами мне паспорт давали. И вернулся. Вы думаете, я не знал,

что меня арестуют? Все знали. Я, конечно, тоже знал. И все-таки вернулся. Почему? Потому что я считаю себя ответственным за нашу революцию. И удирать мне не полагается. Вам трудно это понять?

— Да, трудно. Не вы одни революцию делали. И не только вы, Николай Иванович, отказываетесь подписать. Многие другие — старые большевики, как и вы, — тоже отказались. И чего они добились? Ровно ничего. Их расстреляли без суда, вот и все. Их отказ никакого впечатления ни на кого не произвел, о нем, особенно за границей, никто и не узнал. С вами будет то же самое.

— Нет. Не я один революцию делал, но других меньше знают, а меня весь мир знает. И всем известно, что я арестован и должен судиться. Потому на меня и ложится ответственность. Я вел людей к каким-то горным хребтам, я им говорил, что они достижимы, и они мне верили. Я не могу их предать.

— Но ведь они уже все сами сознались...

— Я не о них говорю. Я говорю о простых, обыкновенных людях в Советском Союзе и вне Советского Союза. Если я им скажу, что я изменник и предатель, а горные вершины — это сталинское тоталитарное государство, то я лишу их надежды, что когда-нибудь жизнь станет лучше. А ведь очень тяжело жить с сознанием, что жизнь бессмысленна, что единственное назначение всякого живого существа — это стать пищей другого существа, предназначенного, в свою очередь, для той же цели.

Ягода сорвался с кровати, на которой лежал.

— Да никто от вас не требует, чтобы вы приняли такого рода империалистические теории!

— От меня требуют, чтобы я своим поведением на суде принял и укрепил сталинский строй. Этот строй отбрасывает человечество на 22 столетия назад, ко временам Аристотеля. Я его перечитывал незадолго до ареста. Тиран, писал Аристотель — я цитирую почти дословно, — должен уничтожить всех выдающихся людей в стране, так как они могут стать опасными. Он должен закрыть все клубы и подобного рода учреждения и остерегаться всего, что способно возбудить мужество среди его подданных. Он не может допустить существования литературных или каких-либо других объединений, в которых обсуждаются важные вопросы.

— Неужели Аристотель это написал?

— Да. Он также написал, что тиран должен следить за тем, чтобы его подданные как можно меньше встречались друг с другом, он должен истреблять дружбу между ними и иметь повсюду своих шпионов, не только подслушивающих, о чем подданные разговаривают, но и следящих, чтобы они не высказывали своего мнения и, по возможности, вообще его не имели.

Вот вам, в очень кратком изложении, основы тоталитаризма 22 столетия тому назад. Современный тоталитаризм отличается от него главным образом развитием техники, но техника служит не народу, а ему.

Он указал головой на потолок, в котором, как он предполагал, имелись микрофоны. Ягода сказал на всякий случай:

— Ну, Николай Иванович, это уж вы совсем напрасно. В основу строя было положено учение Ленина и, если уж на то пошло, также и ваше, и, если вы называете наш строй тоталитарным...

— Да,— перебил его Бухарин,— тут вы правы. Я считаю себя ответственным за настоящее положение вещей. Во всяком случае, частично ответственным. Но если бы я капитулировал, если бы я моей капитуляцией помог Сталину укрепить его античеловеческий строй, то моя вина была бы во много раз больше. Есть разные способы бороться — у меня остался только один. И есть хорошая, очень хорошая пословица: лучше поздно, чем никогда. Есть и другая пословица: один в поле не воин. Верно, но *хотя бы один* — это иногда много значит. Быть может, мой отказ капитулировать поможет хоть кому-нибудь сохранить веру в человека.

Этот разговор велся вечером, а на следующий день, в десять часов утра, два чекиста повели Бухарина в подвал, где расстреливали заключенных. Там ждал его Ежов, с ним была женщина лет тридцати. Ее большие черные глаза были полны испуга.

— Заключенный Бухарин,— отчеканил Ежов,— вы вчера сказали Ягоде, что болеете душой за судьбу простых людей и не сознаетесь в своих преступлениях, не желая быть предателем по отношению к ним, этим бедным, страдающим, маленьким и беззащитным людям. Я верно передаю то, что вы говорили?

— Да, приблизительно,— ответил Бухарин.— Если не считать ваших иронических добавлений, которые я считаю лишними.

— Но по существу верно? Ладно. Эту гражданку зовут как?

— Самойлова, Евгения Михайловна,— ответила она тихо.

— Дети есть?

— Два мальчика. Четырех и шести лет.

— Хорошо. Теперь скажите заключенному Бухарину, как вы сюда попали.

— Я шла за покупками, у меня сегодня выходной день. На Большой Никитской меня арестовали и привезли прямо сюда...

— Когда это было? — спросил Ежов.

— Десять... Может быть, двадцать минут тому назад...

— Гражданка Самойлова говорит правду,— сказал Ежов Бухарину.— Я дал приказ задержать *любую* женщину, первую попавшуюся. Гражданка Самойлова сейчас умрет. Вы можете ее спасти, если подпишете то, что должны подписать.

— Вы этого не сделаете,— проговорил Бухарин,— вы...

Ежов дал знак стоящему за Самойловой чекисту, раздался выстрел — и она упала. Ежов сказал:

— Вы убедились, что я не шучу. Завтра в вашем присутствии будут убиты два человека, послезавтра — три и так далее. Я уже приказал арестовать самых обыкновенных прохожих на Петровке, на Арбате — где угодно. Их жизнь в ваших руках. Кстати, не пытайтесь покончить самоубийством. Я это предвидел. С сегодняшнего дня вы будете под наблюдением беспрекословно, днем и ночью.

Николай Иванович Бухарин «сознался» на суде во всем, в чем

его обвиняли, за исключением только обвинения в шпионаже в пользу иностранных держав.

Всех приговоренных к высшей мере наказания расстреляли в первую же ночь после окончания процесса. Первым был убит Бухарин, убивал тот же смуглый кавказец, которого Сталин видел, когда он с Ягодой в первый раз был в том же подвале. На кавказце были те же блестящие высокие сапоги, и он, как тогда, слегка покачивался, чуть-чуть улыбаясь. Когда ввели Бухарина, он на мгновение как будто заколебался, бросил вопросительный взгляд стоящему за ним чекисту, а затем прищурил глаз и выстрелил три раза. Бухарин продолжал стоять еще секунду и свалился на пол, лицом вниз.

Ввели Ягоду, которого чекисты держали за руки. У него был на голове черный колпак, который надевали смертникам, когда они сопротивлялись. Ягода что-то кричал, но неразборчиво, отчетливо слышалось только одно слово: «Сталин... Сталин...» Черный колпак сняли с него, когда он уже лежал на каменном полу.

Сталин и Ежов сидели за перегородкой с отверстиями для глаз. После того как Ягода упал, Сталин вышел, Ежов пошел за ним. Во дворе тюрьмы Сталин пригласил его жестом в свой автомобиль.

— Ему хотели впрыснуть наркотическое средство, — сказал в автомобиле Ежов. — Он отказался.

— Кто? Николай Иванович?

— Да. Бухарин. Вы приказали...

— Я знаю. Что это Ягода кричал, вы не слышали?

— Я тоже не расслышал. Разобрал только «Сталин». Он, наверное, кричал «да здравствует Сталин!». Многие изменники кричат «да здравствует Сталин!» в момент казни. Надеются, мерзавцы, спасти себя таким образом...

Сталин ничего не сказал.

На следующий день он переехал в кремлевскую квартиру Бухарина, которая после его ареста была опечатана. В квартире стоял спертый воздух, разбросанные во время обыска книги и бумаги валялись на полу, покрытые пылью. Квартира состояла из трех небольших комнат. Сталин велел привести в порядок только спальню, в которой провел ночь. Перед тем как лечь спать, он долго ходил по комнатам, перелистывая книги и осматривая все, что было в шкафах и ящиках...

Диктаторы древних времен приказывали хоронить побежденных ими врагов в своем саду и гуляли по аллеям над их могилами с таким чувством, которое сейчас, вероятно, испытывал Сталин.

Несколько дней спустя, когда вся квартира была приведена в порядок, а вещи прежнего жильца увезены, Сталин принял в ней германского посла.

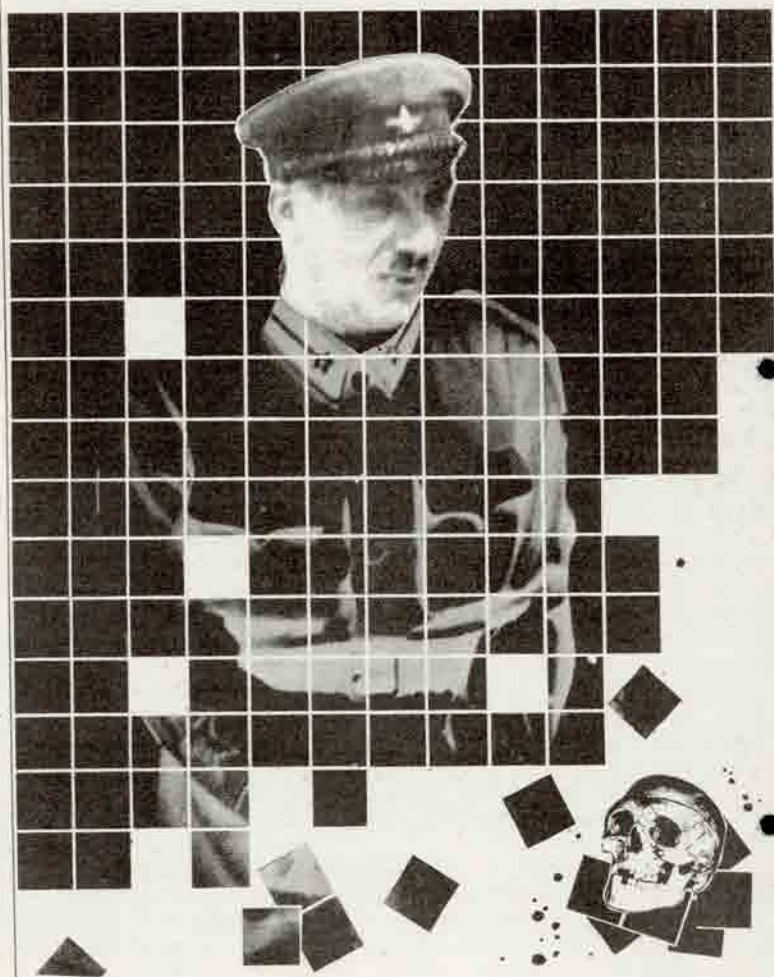
— В этой квартире, — сказал он ему, — жил раньше Николай Иванович Бухарин. Я ее унаследовал после него.

Граф фон Шуленбург кивнул головой. Выражение его лица как бы говорило, что он вполне понимает переезд Сталина в бухаринскую квартиру.

— Я слышал,— сказал он,— что господин Бухарин был весьма образованный человек?

— Да,— ответил Сталин.— Он был очень образован. Но он, видите ли, был мечтателем. Мечтатели обыкновенно рано умирают.

64

ВНИМАНИЮ ДЕЛОВЫХ ЛЮДЕЙ!

**РЕКЛАМА В «СМЕНЕ» —
ВЫГОДНА!**

Ее прочтают десятки миллионов в нашей стране и за рубежом (ежемесячный тираж журнала свыше трех миллионов). Каждый номер наши читатели не только передают из рук в руки, но и бережно хранят.

Проиллюстрированная цветными фотографиями, ярко, выразительно оформленная талантливыми художниками.

**РЕКЛАМА В «СМЕНЕ»
ОБЕСПЕЧИТ ВАМ УСПЕХ.**

Об условиях вы можете узнать,
написав по адресу:
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14,
редакция журнала «Смена»,
или позвонив по телефону
250-49-98.

«Дамсованцы»

ЮРИЙ ГАЛЬВАС,
генеральный
директор томского
производственного
объединения ПТЗ-5

Коротко представим нашего собеседника. С 1971 года — на одном предприятии: инженер-конструктор, начальник бюро, цеха, главный инженер. В 36 лет возглавил объединение. Результат 1985-го (первого года директорства): 6 миллионов рублей убытков. 1989-й: 2,15 миллиона прибыли...

ПЯТИЛЕТКА

— В одном из цехов я увидел лозунг: «12-й пятилетке — ударный старт». Можно посмотреть на него как на забавный курьез: такой лозунг — на последнем году пятилетки! Но плакат очень символичен: не слишком далеко, мягко говоря, ушла со старта наша промышленность. Вы как директор — «ровесник» пятилетки и перестройки. Все попытки перестроить экономику, поднять ее эффективность проходили на ваших глазах. В чем видите причины неудач?

— Во-первых, в кадрах. Очень много осталось старых кадров, а им перестройка не нужна, они не хотят и не могут поставить дело по-новому. Из-за них мы потеряли темп — пятый год перестраиваемся!

— Вы предлагаете всех «стариков» поувольнять?

— Уточню свою позицию. Дело в сложившихся структурах. Попав в «систему», даже умный, прогрессивный человек вынужден исполнять функции, определенные еще в застойные годы, следовать сохранившимся инструкциям, регламентации. Допустим, предприятие хочет и может поставлять продукцию на внешний рынок, зарабатывать валюту. Директор обращается в наши внешнеторговые организации... Знаете, какую длинную цепь согласований ему приходится пройти? Причем, если в каком-то одном звене что-то не сработа-

ет — рвется вся цепь... У многих просто руки опускаются, пропадает всякое желание стремиться на мировой рынок. А вот кооперативы без особых проблем заключают бартерные сделки. Мы с ними находимся в явно неравных условиях. И потом... От централизованного планирования и материально-технического снабжения мы вроде ушли, а к рынку не пришли. У нас сейчас не рынок, не торговля, а натуральный обмен: «Ты — мне, я — тебе». Предположим, мне нужны химикаты, а возможному поставщику — металл. Значит, я должен где-то на стороне добыть этот металл (опять-таки в обмен на что-то!), иначе ничего не получу. Нормально купить почти ничего нельзя...

Назову еще одну причину неудач, хотя рискую быть неправильно понятым: разлад между демократией и дисциплиной. Я считаю, что одновременно с демократизацией общества должен идти процесс ужесточения дисциплины труда, производства. То есть хочешь жить в демократическом государстве, жить лучше — изволь работать как следует.

— Кстати, а как работают на Западе, в странах, которые мы теперь признаем демократическими? Вы ведь учитесь в очно-заочной школе менеджеров западногерманской фирмы «Хазетауль» и наверняка были на тамошних предприятиях...

— Бросается в глаза высочайшая культура труда. Там человек не представляет, как это он может сделать брак. Крайне низкая текучесть кадров. Например, фирма, где около пятисот рабочих, имеет всего 10—12 учеников. Я, конечно, понимаю, что получить там рабочее место — значит хорошо жить, поэтому человек за него держится... Так вот, ученик получает в самостоятельное распоря-

жение станок только через два года!

А у нас к станкам часто становятся малоподготовленные люди, потому что мы понастроили огромное количество основных фондов, которые сплошь и рядом бездействуют.

— Говорят, «они» трудятся гораздо интенсивней...

— Не интенсивней — эффективней! Потому что умеют считать затраты. Мы все жалуемся на дороговизну техники. На Западе техника тоже дорогая. Но она стоит того! Если предприниматель решил приобрести станок, он предварительно просчитает: не лишний ли? И знает, что станок можно будет эксплуатировать десять лет в три смены — фирма гарантирует качество. Поэтому предприниматель может платить рабочему большие деньги. А у нас классный ли ты мастер, или середнячок — неважно: заработать выше среднего прожиточного уровня тебе нигде не дадут. Нет, пока хороший токарь не будет получать втрое — впятеро больше плохого, мы ничего не добьемся.

— Сейчас много говорят о самостоятельности предприятий...

— О какой самостоятельности вы говорите, если почти сто процентов продукции нашего завода распределяется?!

...Как-то на планерке один умный человек говорит мне: «Юрий Оскарович, вы все толкуете о государственных интересах, но вы же все-таки директор предприятия, вы в первую очередь должны наши интересы защищать! Что вам государство?» Вообще очень серьезная фраза. Представим, я полностью самостоятелен, что хочу, то и ворочу. Тогда всю продукцию мы бы взяли и продали за рубеж по высоким ценам. Зажили бы припеваючи. Купались в валюте, закупили бы ширпотреб, оборудо-

дование. Но остановили бы все конвейеры страны! Так что и беспредельной самостоятельности быть не может.

Итак, я, как директор, защищаю интересы государства. Но почему оно совершенно не думает, как защитить интересы предприятия? Если я мало продукции продаю за границу, если цены у нас установлены полвека назад, если я тем не менее обеспечиваю себе в убыток внутренний рынок, то государство должно дать такому заводу какие-то приоритеты. А приоритетов никаких! Взять хотя бы ту же валюту. Нам оставляют 30 процентов заработанного, на которые мы можем купить не более двух станков.

— Так в чем же ваша самостоятельность?

— Да нет ее! Много слов: вы теперь самостоятельны, вы сами решайте, действуйте, производите больше... и тому подобное. Но это только слова. Нет механизма, который позволяет быть самостоятельным. Я не раз говорил в разных кабинетах министерства: посмотрите — тяжелейшая пятилетка, везде падение темпов, а мы такой рост дали. Скажите, что я неправильно делал на заводе? Что я должен еще сделать? Кто может работать еще эффективней? Вроде все понимают меня — претензий нет. Но раз нет претензий — дайте нам возможность жить! Потому что сегодня мы живем так плохо, как не жили никогда.

— Непонятно — почему?!

— Нам была «нарисована» немислимая пятилетка. С шести миллионов рублей убытков подняться до восьми миллионов прибыли. При общем годовом объеме 50 миллионов. Любой грамотный экономист сразу поймет, что такого в реальной жизни быть не может.

— Планировали «от достигнутого»?

— Хуже: от стремления! Стремления росчерком пера решить серьезнейшие проблемы. Но так же не бывает! Выходит, мы хорошо сработали, выложились до предела, а в результате имеем 7 миллионов долга поставщикам, строителям, горисполкому. Конечно, находим пути, чтобы жилье строить, производство реконструировать. В тех узких рамках самостоятельности, которые имеем, изыскиваем, кажется, все мыслимые возможности. Но этого явно недостаточно...

Наш завод был эвакуирован в Томск во время войны. Оборудование ставили в бывших конюшнях, некоторые цеха остались в этих помещениях до сих пор. Я считаю, что к таким заводам — военной и довоенной постройки — должно быть особое отношение. А у нас никакой градации: что новенький, с иголки, что завод-ветеран — одинаковые фонды, нормативы, процент амортизации оборудования... Вернее, блага и привилегии зависят от принадлежности к той или иной отрасли, а не от действительных заслуг. Это совершенно неправильно.

— Юрий Оскарович, мне вообще не хотелось говорить об успехах и достижениях, поскольку и окружающая действительность, и сводки Госкомстата не дают для этого веских оснований. Но все-таки надо сказать несколько слов и о том, за счет чего произошли перемены в деятельности вашего коллектива.

— Прежде всего мы определили главную цель пятилетки: сделать предприятие рентабельным. Какими средствами? Увеличение общего объема производства подшипников, увеличение экспорта. Дело в том, что за границей цены на подшипники втрое выше, чем на внутреннем рынке. У нас они не

пересматривались с 1941 года, поэтому 40 процентов продукции было убыточно. Для развития производства построили собственный цех станкостроения, ежегодно получаем от него 30—40 станков-автоматов. И еще: снижение себестоимости, экономия. Экономили во всем, пока за это платили. Но академик Абалкин своим трехпроцентным пределом роста зарплаты все зарезал, лишил стимулов. Я понимаю, что его беспокоит превышение роста зарплаты над ростом производительности. Но надо ж смотреть на несколько лет вперед! Повсеместная экономия металла привела бы к уменьшению веса машин, соответственно к уменьшению выплавки металла, добычи руды — и через 2—3 года мы ощутили бы весомый эффект. Мне, конечно, трудно спорить с уважаемым академиком, но результат его решения я вижу в цехах...

— В нашу жизнь внедряются, хоть не без трудностей, новые формы хозяйствования — аренда, кооперация. Как вы к ним относитесь? Я спрашиваю, потому что и на филиале вашего объединения, в инструментальном цехе, появился первый кооператив.

— Я был категорическим противником кооперативов. Точнее, не самой этой формы собственности, а того, как она внедрялась. Не было ни закона о кооперации, ни закона о налогообложении, не определены зоны действия кооперативов. Что хочешь создавай, что хочешь покупай — и никаких налогов! Поэтому сразу появилась масса перекупочных кооперативов, которые вызвали в народе страшно негативную реакцию. Не с этого надо было начинать! А с тех кооперативов, которые что-то производят, строят, предоставляют услуги населению. Наш кооператив именно такой. Мы сдали

ему в аренду производственные площади, оборудование, и он делает смесители, другую дефицитную продукцию. В счет заводского плана по ширпотребу.

— Зарабатывают в нем под девятьсот. Рядом трудятся инструментальщики — за двести — триста. Не создает ли это определенную напряженность?

— И еще какую... Но тут вот что надо пояснить. Мы не можем платить столько же высококвалифицированному инструментальщику — я уже говорил об ограничениях. Кроме того, кооператоры получают деньги не за просто так. Многие работают и в выходные дни, и по две смены. Но не все окружающие это замечают. А замечают только большую зарплату кооператоров... Между прочим, сейчас намечается и обратное движение: немало рабочих уходят из кооперации. Это те, кто шел туда за деньгами, но не выдержал интенсивного труда.

— Мне рассказывали, что недавно получена телеграмма за подписью замминистра. В ней сказано, что такая форма кооператива — на основных производственных площадях — нецелесообразна. Что теперь будет?

— Эта телеграмма не приказ. Закрывать кооператив мы не собираемся. Но надо поставить в одинаковые условия государственные и кооперативные предприятия. Только тогда мы устраним огромные «ножницы» в зарплате, напряженность в отношениях. Сегодня у кооператоров не болит голова о строительстве детсада, поликлиники, школы, жилого дома... Средства на эти цели вносятся наши рабочие из своих общественных фондов, то есть недополучают зарплату, которую кооператор берет в полном объеме. А социальными благами пользуется наравне со всеми — бесплатно.

не внося ни копейки. Тогда уж пусть каждый получает зарплату сполна и сам платит врачу, учителю...

— Работники филиала поговаривают о переводе всего своего завода на кооперативные рельсы. Вы — за?

— Я уже говорил им: поддержку любую форму хозяйствования, к которой вы более склонны, к которой если эта форма вырвет в коллективе, если вы все внимательно обсчитаете. Мы должны заранее договориться, какой процент прибыли завод-кооператив будет отдавать на техническое перевооружение, какой — на социальное развитие. Причем эти вопросы нельзя решать голосованием! Если человеку год до пенсии — он, конечно, проголосует против покупки дорогого оборудования. Поэтому мы должны подписать соответствующее соглашение. А долю материального стимулирования расходуйте как хотите. Сможете работать более эффективно — все дополнительные средства останутся в ваших руках. Но к этому, повторяю, готовиться надо очень серьезно... Я знаю, что привлекает работников филиала в кооперативной форме: там большая самостоятельность, свобода. Руки развязаны. Например, кооператив будет волен распоряжаться сверхплановой продукцией, торговать ею по договорной цене. Таково право мы — государственное предприятие — лишены.

— Юрий Оскарович, объясняя нынешние трудности, многие ссылаются на «период застоя» — мол, все оттуда идет. Но, как мне кажется, с каждым годом все меньше веры таким объяснениям: сколько можно сваливать свои грехи на прошлое?

— Однозначно сказать трудно... Конечно, нельзя все время искать виновников в прошлом — тем са-

мым мы вроде с себя ответственность снимаем. Ссылались то на сталинский режим, то на брежневский — и упустили день сегодняшний, не занимались им эффективно... С другой стороны, корни многих явлений действительно тянутся в прошлое и не дают нам вздохнуть свободно. Классический пример — строительство в шестидесятых годах нашего завода-филиала на окраине Томска. Поначалу вокруг него планировался целый жилой микрорайон. Но один бывший замминистра единолично вычеркнул его из проекта! Мы теперь решаем эту проблему, но с какими муками! Ежегодно строим жилье хозспособом на 5 миллионов рублей, как солидный трест. Собираемся построить 800 коттеджей... Но Госплан ничего не планирует под хозспособ, хотя разговоры о важности социальной сферы много. Изворачиваемся, добываем материалы сами — дело ли это машиностроительного предприятия?.. Правда, вселяет надежду постановление правительства о развитии выпуска подшипников для видеотехники. Мы «попали» в это постановление. Многого планируется на 1992—1993 годы: и строительство жилья, и закупка оборудования, и реконструкция. Вот если это постановление сработает...

— Сколько было хороших постановлений...

— Да, корни из прошлого цепки. Десятилетиями не обращалось внимания на то, в каких условиях работают машиностроители, да и не только они. Строились новые предприятия, а старые приходили в упадок. Стоило заговорить о реконструкции, техническом перевооружении, как сразу вопрос: а какой прирост мощности — немедленно! — это даст? Конечно, новый завод сразу даст более зри-

мую прибавку. Но это обманчивая видимость выгоды, ложная эффективность. Мы строили новые предприятия, не обеспеченные трудовыми ресурсами, а тем временем действующие разваливались, доходили до аварийного состояния. Я считаю, это была государственная позиция — не реконструировать ничего.

— А как же брежневская пятилетка реконструкции?

— Одни лозунги. Хозяйственный механизм работал по-своему. Так вот, к чему я это говорю? И сейчас вокруг нашего завода-филиала растут новые корпуса других предприятий. А притока рабочих ждать неоткуда. Значит, обстановка еще более дестабилизируется.

— Поскольку уповать на новых работников не приходится, остается, видимо, один путь — повысить эффективность труда. Слышал, на Западе аналогичный по численности завод производит вдвое больше продукции...

— Это не совсем так. Мы работаем в неспособных условиях. Их завод, например, не содержит жилищно-коммунального отдела. Не содержит ремонтную службу: есть фирма, которая гарантирует быстрый и качественный ремонт. А у нас ведь чуть ли не половина заводских работников ничего не производит. Поэтому сравнивать надо не производительность токарей или шлифовщиков — она не так уж резко различается, — а организацию производства. За рубежом многие подшипниковые заводы не производят шары, сепараторы, токарные операции тоже отдают на другие предприятия. А на нашем заводе полный замкнутый цикл: получаем металл — выдаем подшипник. В начале пятилетки было лучше: мы получали по кооперации кузнечные кольца, токарные заготовки... Развивать «нату-

ральное хозяйство» заставила в первую очередь ненадежность партнеров. Увы, как я уже говорил, за годы перестройки многие хозяйственные связи разладились.

— Почему, на ваш взгляд, мы никак не можем сравниться с Западом и в качестве продукции?

— Потому что оно никому не нужно.

— ?

— Мы могли бы поставлять подшипники высшего класса точно. Но потребители отказываются.

— Причины?

— За лучшее больше платить придется... Кроме того, говорят они, зачем нам сверхточные подшипники, если другие комплектующие детали — предположим, тракторов — плохие? Вот когда потребитель начнет диктовать высокие требования поставщику — тогда будет и качество.

— Но, наверное, поднимется и цена трактора?

— Зато его не придется постоянно ремонтировать. Отпадет необходимость выпускать тракторов шестеро больше, чем в Америке.

— Хочу спросить вас как директора, производителя: какими вам видятся основные принципы экономической реформы?

— Я пытаюсь отстаивать реформу, основанную на демополизации, децентрализации и равенстве всех форм собственности.

...Мы немного добились за пять лет — административная система обладает мощной инерцией. Очень медленно идет ломка застарелой структуры экономики. Она в большой мере продолжает работать на себя, а не на человека.

**Беседу вел
ВЛАДИМИР АНИСИМОВ.**

Где ты

ИВАН АЛЕКСЕЕВ

72

Ковер на полу, ковер на стене, портреты в аккуратных рамках, эстампы, кушетка, шкаф, книжные полки над секретером, цветы на подоконниках, занавески в цветочек — все чистенько, со вкусом. Ядвига Александровна жила в однокомнатной квартире вместе с мамочкой, женщиной общительной и безапелляционной. «Кулема» — громким грубым голосом вынесла мамочка приговор в праздничный день, когда Ядвиге Александровне исполнилось тридцать восемь.

Ядвиге Александровне не везло: то встречались мужчины необеспеченные, без прописки и площади, но отказывающиеся жить вместе с мамочкой, а то женатые и благородные. Последний из них, Григорий Васильевич, так и сказал: «Я могу любить, но на подлость не способен!» С его зарплатой — за вычетом алиментов — они могли снять только стенной шкаф.

А время уходило, все ближе становился рубеж, за которым чудесная способность давать жизнь иссякала и оставалась лишь обязанность принимать пиццу, совершать физиологические отправления и смотреть телевизор.

Подруги советовали: роди для себя, но Ядвига Александровна так любила своего будущего ребенка, что не могла с первой же минуты зачатия обречь его на безотцовство.

Как-то на субботнике по реставрации она таскала на носилках строительную белесую труху в паре с Валентином Игоревичем, и в тот же вечер в электричке он сказал, что испытывает к ней

была, ЯДВИГА?

симпатию — его тронуло, как она тыльной стороной ладони утирала со лба пот, сдвигая мокрую, выбившуюся из-под платка челочку.

Он сказал это, глядя в темное окно, и тут же и смущенье нырнул в свой огромный портфель с запашистой зажавшейся темнотой.

Грохотали железные части поезда, мелькали за окном далекие огоньки. Пауза тянулась недолго: возраст у Валентина Игоревича был еще вполне живородящий, вид приличный, солидный, надо полагать, не пьяница и, судя по всему, одиночка, да и про челочку сказал очень лирически, а после так мило смутился... Вот только площадь... Без этой информации принимать решение о дальнейшем поведении Ядвига Александровна не имела права.

Валентин Игоревич вынырнул из портфеля с конфеткой «Балет» и, часто двигая тощим кадыком, сказал:

— Вы не думайте, кепку я надеваю только на грязные работы, а вообще-то ношу шляпу.

— А зимой? — поинтересовалась Ядвига Александровна.

— Зимой шапку, — выдохнул Валентин Игоревич и улыбнулся, протягивая конфетку:

— Изнутри. Это вам!

— Должна вас предупредить, — не решаясь принять угощение, напряглась Ядвига Александровна, — я живу с мамочкой в однокомнатной квартире.

— А у меня, представьте себе, комната. — Валентин Игоревич повернул к Ядове Александровне опустевшие глаза, точно смотрел куда-то вдаль. — Конечно, коммуналка не без вестей что,

но для одного двадцать один метр, согласитесь, совсем неплохо...

Конфетка была вкусная.

На другой день расписались — у Валентина Игоревича в загсе работала бывшая жена, и она первая, в красной ленте с плеча на бедро, поздравила их. Потом, неловко зацепив угол, вышла из-за стола и неофициально добавила:

— От всего сердца, Валя, желаю тебе счастья. И вам, и вам... — Она взяла руку Ядвиги Александровны в свою и погладила, задевая за колечко: — И вам, и вам... — У нее были теплые, домашние глаза и строгая, застывшая в лаке прическа. — Я очень рада за Валентина Игоревича, очень.

«Какое счастье, что на свете столько добрых и хороших людей», — с умилением подумала Ядвига Александровна.

Втроем — Ядвига Александровна, Валентин Игоревич и огромный букет хризантем — шли по длинному коридору со множеством дверей и черных электрических счетчиков, Валентин Игоревич показывал на двери, называл соседей. По тщательности, с какой он выговаривал фамилии, Ядвига Александровна почувствовала, что здесь его не очень любят. «Бедный, бедный мой Валентин Игоревич, — думала она, пока Валентин Игоревич попадал ключом в замочную скважину, — бедный бедный!» — и сдерживалась, чтобы не погладить в потемках серебристый ежик волос.

В комнате у Валентина Игоревича было темно и душно, как в его портфеле.

Ядвига Александровна окинула взглядом обстановку и нашла, что места вполне хватит, чтобы поставить кроватку для маленького.

Ванная, туалет, кухня — стол, полка, конфорка. Валентин Игоревич показал все это и с грустью заметил, что, несмотря на такой день, придется заняться уборкой мест общего пользования — сегодня его дежурство.

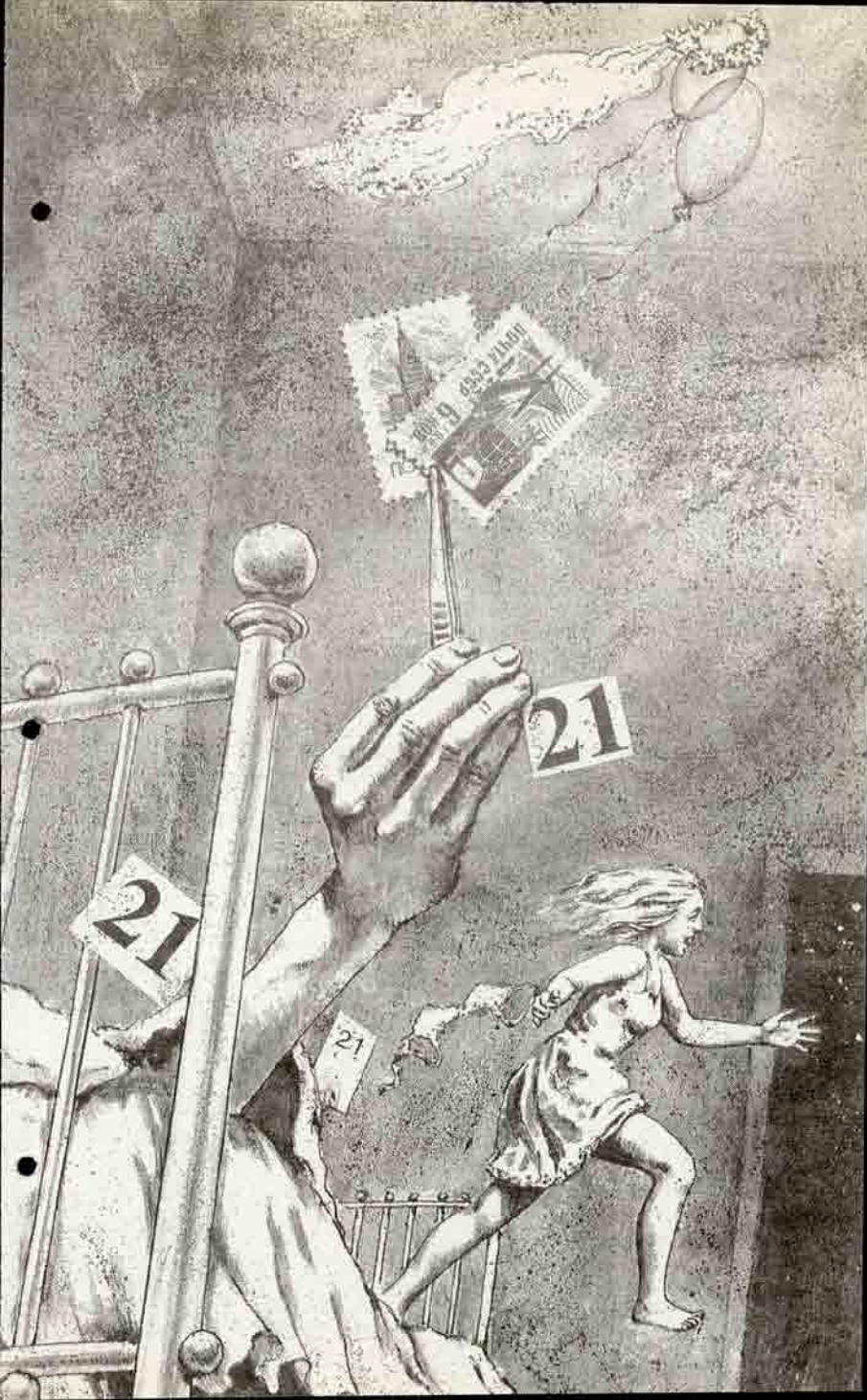
Но Ядвига Александровна обрадовалась. Засучила рукава праздничного платья и быстро убралась. У Валентина Игоревича имелось для тряпки специальное устройство с зажимчиком. И он снова похвалил ее взмокшую челочку, которую она сдвигала тыльной стороной ладони.

Потом Ядвига Александровна готовила ужин и знакомилась с соседями.

Первой в кухню вошла огромная одышливая старуха — она широко расставляла ноги и переваливалась, как утка. Старуха скользнула взглядом по замершей Ядвиге Александровне, закурила «Беломор» и заколыхалась в вулканическом кашле.

— Здравствуйте, — сказала Ядвига Александровна, но старуха не обернулась. — Здравствуйте, — растерянно повторила она, перевернула шипевшее на сковороде мясо и снова пожалела Валентина Игоревича.

— Привет! — в кухню вбежал молодой парень и кивнул на старуху. — Глухая, — подмигнул он, поправляя русский парик. — Голова у меня, как колено, и все об этом знают, только моя благоверная пытается сделать из этого тайну. Хочешь посмотреть? — Он оглянулся на дверь, стянул парик, и Ядвига Александровна стыдливо отвела глаза. — Вот так! Будешь вести себя хорошо, дам потрогать. — Он поставил на газ чайник и убежал.

Старуха обернулась к Ядвиге Александровне:

— Женщина! В следующий раз, когда будете мыть коридор, коврик попрошу класть на место.

Чайник парня выкипал, но Ядвига Александровна стеснялась завернуть газ, а кому сказать — не знала, не отвлекать же Валентина Игоревича, который в комнате тонкими ломтиками резал копченую колбасу.

В кухню вошла молодая женщина в халате — на руке у нее сидел толстый ребенок со скучным лицом — и бросила в кастрюлю пустышки; Ядвига Александровна подумала, хорошо, что здесь живут молодые мамы, иногда бывает нужен совет.

— Наверное, это ваш муж поставил чайник?..

— Ну вот еще! — Молодая женщина завернула газ. — Не дай бог такого мужа. Я вот родила себе, и, слава богу, нам со Стасиком никто не нужен. Да, Стасик?

Ядвига Александровна поставила ужин на столик с колесиками — Валентин Игоревич выиграл его в лотерею на работе — и сказала женщине с ребенком:

— Правда, удобная вещь?

— Ну вот еще. — фыркнула соседка.

Вино Валентин Игоревич открыл по-гусарски, с выстрелом.

— За счастье? — спросила Ядвига Александровна.

— За взаимопонимание. — уточнил Валентин Игоревич.

Чокнулись.

— Баккара, — сказал Валентин Игоревич. — Здесь живет один татарин, через комнату. Будет занимать деньги, не давайте.

Они выпили вино, и Ядвига Александровна подумала, что обязательно подружится с соседями и они сумеют полюбить Валентина Игоревича.

— Я собираю марки, — сообщил Валентин Игоревич, — и привык тратить на них определенную часть заработка. Вас это не смущает?

— Нет, что вы, напротив, очень интересно!

— Как-нибудь я покажу вам коллекцию...

— А можно сейчас?

— Ну, если вы так настаиваете...

Ядвига Александровна уважительно перелистывала кляссер, а Валентин Игоревич, склонившись через ее плечо, пояснял, осторожно притрагиваясь к маркам пинцетом.

Когда пробило двенадцать, он деликатно кашлянул в кулак.

— Ну вот, собственно... Завтра я освобожу полочки в шифоньере для ваших вещей, плечиков у меня, слава богу, хватает. Постельное белье здесь. Стираю в прачечной. Очень хорошая прачечная, не рвут, не теряют. — И протянул пачку белья Ядвиге Александровне. — Впрочем, сегодня я сам, а вам, наверное, хочется принять душ.

— Да, конечно, — поспешила ответить Ядвига Александровна.

— Вот полотенце. Если вас не затруднит, какое уменьшительное от вашего имени?

— Мамочка называет меня Ясей.

— Что ж, прекрасно! — Валентин Игоревич скомкал ладони и повторил: — Прекрасно.

В ванной дуло, на стене сидел черный таракан. Полотенце было новое, жесткое, с бумажным ярлыком.

Постель, застеленная свежим бельем, пахла больницей.

— Отвернетесь?

Поспешно забралась, укрылась. Она никогда не спала без ночной рубашки.

Валентин Игоревич раздевался долго и тщательно: снял брюки, дважды провел по ним ладонью, выправляя складку, и после этого отправил их в шифоньер. Снял сорочку, внимательно оглядел воротничок, манжеты, покачал головой, повесил на плечики. Ядвига Александровна посмотрела на свою сваленную в кучу одежду, позорно оползавшую к полу, и не знала, как встать, чтобы ее поправить. Ей было стыдно и неловко, она чувствовала брезгливость к собственному телу после душа в общей ванной, как будто не отмылась, а, наоборот, испачкалась.

Валентин Игоревич внимательно разглядывал носки. У него оказались худые, жилистые ноги. Ядвиге Александровне стало неприятно, она отвернулась, чтобы не смотреть, но все-таки увидела, как он сложил носки в пакетик — видимо, они предназначались к стирке — и подошел к стулу с ее одеждой: аккуратно расправил каждую вещь, повесил на спинку стула. От стыда все в Ядвиге Александровне замерло, и она крепко зажмурила глаза. Скрипнул ящик письменного стола, послышались шаги, похрастывающие какими-то заскакивающими хрящиками; на прикроватную тумбочку что-то мягко, с коротким шепотком-свистом, скользнуло.

— Обыкновенно я читаю перед сном,— сказал Валентин Игоревич,— но сегодня, может быть, не стоит? Верно, Яся?

— Да,— обернулась Ядвига Александровна, ощущая озноб.

Валентин Игоревич погасил свет, и она услышала, как в темноте он снял майку, потом трусы, освободив сначала одну ногу, потом другую; лязгнули браслетом часы. Валентин Игоревич забрался под одеяло, вытянулся рядом, не касаясь Ядвиги Александровны, и тяжело вздохнул.

— Яся,— сказал он наконец,— у меня к вам будет просьба. Только, пожалуйста, не удивляйтесь. Я попрошу вас просчитать до двадцати одного.

Ядвига Александровна затаилась, боясь пошевелиться.

— Считать нужно громко и, чтобы соблюдать одинаковые интервалы при счете, после каждой цифры мысленно произносить «тысяча». Видите ли, Яся, это число действует на меня магически. Оно совершенно необходимо, чтобы я мог проявить себя как мужчина.

Ядвига Александровна, глядя на потолок, начала считать.

— Один, два, три...— после каждой цифры она мысленно произносила «тысяча».

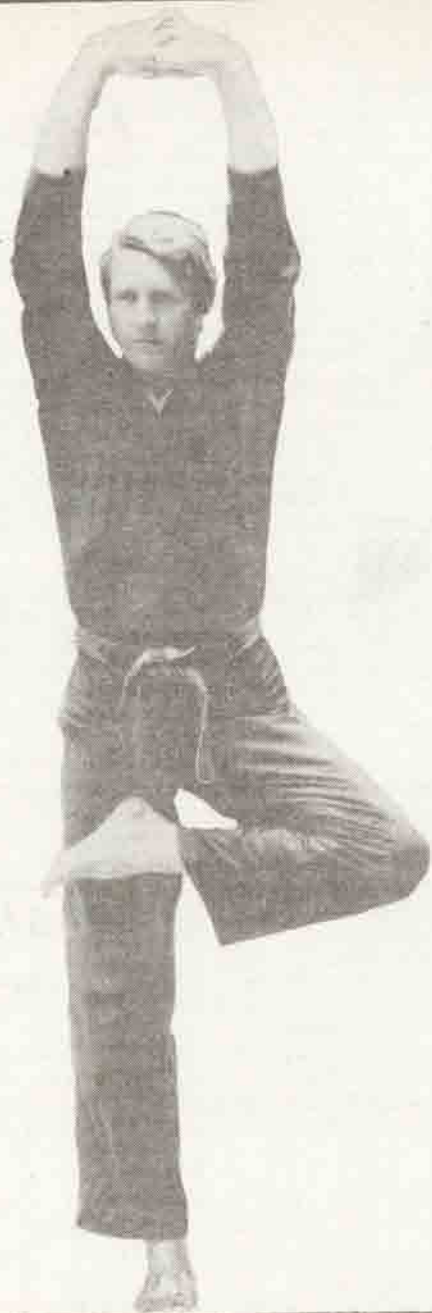
На счете «восемнадцать» она начала смеяться. Продолжая смеяться, поднялась на кровати во весь рост, переступив через простертого Валентина Игоревича, сошла на пол и, не стесняясь, стала натягивать свое аккуратно сложенное белье.

Так же смеясь и затыкая рот ладонью, она шла по коридору. Она смеялась в такси, но уже спазмами, дергающимся животом и думала, вспоминая совет своей подруги, что, может, и в самом деле, чтобы обрести уверенность в себе, женщине необходимо хоть раз в жизни побывать замужем.

Мамочка отворила дверь и строго спросила:

— Где ты была, Ядвига?

— Замужем, мама!

ДМИТРИЙ СЕМЕНИК

ПАПА ВОСТОКОВ

«Л

егенды о монастыре Шаолин — пустыки в сравнении с действительностью», — говорит Виктор Федорович Востоков, проживший в буддийском монастыре восемь лет. Идя в «берлогу бродного монаха», как называет он свое жилище, я ожидал увидеть мрачного, шаманствующего отшельника, а встретил современного улыбчивого человека. В его лице проглядывалась воля, рожденная тяжелыми испытаниями, а в движениях — точность и кошачья грация, выработанные десятилетиями ежедневных тренировок. Он не сразу согласился рассказать о своей жизни в монастыре. «Никто не поверит. Это выходит за рамки обычного человеческого сознания. Люди просто не поймут, заподозрят меня в обмане, а наука не в состоянии объяснить то, что я видел».

— Мои дед и отец были военными, и я родился в глухой тайге, в небольшом кишлаке на границе Тувы и Монголии. Отец вернулся с войны с тяжелым ранением и вскоре умер. Когда мне было четыре года, умерла мама. Я остался один. Жил в людях. А в людях сами знаете, как... В семь лет я ушел в тайгу, в горы. Жил в зимовьях и общался с дикими животными, с хищниками с помощью телодвижений, эмоций и мимики.

Зайцы говорили мне, кто идет по дороге. Прибегает, например, спасенный мною из капкана заяц, и я спрашиваю: «Что тебе надо, косой, зачем прибежал?» Если он поворачивал голову в сторону тропы, это означало, что по ней кто-то идет. А по тропе путешествовали тибетские ламы, любившие Туву и медитировавшие на излучинах рек.

Там вообще очень красивые места — Саяны. Они еще не изуродованы цивилизацией. Если построят железную дорогу — все, конец. Уничтожат последний клочок живой природы. А Саяны нужно сделать заповедником.

— Вы животных не ели?

— Нет, зачем? В зимовье всегда лежало сало, макароны, сахар. В те времена — в пятидесятые годы — там жили хорошие люди.

Я общался с ламами, пил с ними душистый зеленый чай. Они ни о чем не спрашивали, и мне это нравилось. Я стеснялся рассказывать о себе. Ну как скажешь, что у тебя умерли родители, что ты бездомный, сирота? Я изучал с ними монгольский, тувинский языки.

Осенью 1955 года, когда мне исполнилось восемь лет, ламы взяли меня в тибетский монастырь. Монастырь находился на территории Монголии, но граница была совершенно условной. Ее только сейчас начали охранять, а раньше ходили свободно. Собственно говоря, и сейчас ходят.

Многие рвутся в монастырь, думая, что там рай. На самом деле это адская жизнь. Страшно тяжелая: жестокие отношения, плохое питание, все подчиняется строгому распорядку. Два раза в сутки, днем и вечером, прием пищи. Утром — духовные и физические упражнения, медитация. Днем послушники отправлялись в горы на поиски снадобий, а ламы принимали больных из окрестных селений.

Среди послушников были дунгане, уйгуры, монголы, тувинцы. В монастырь берут с пяти — семи лет, чаще всего детей-сирот. Считается, что они более самостоятельные, у них высокая выживаемость. Обычно русских в монастырь не брали, но меня взяли, потому что я был сиротой.

А так как я был русским, послушники начали меня медленно уничтожать. Они апробировали на мне приемчики, которым обучались в монастыре, — кунг-фу, отсроченные удары, таеквондо, кемпо, а также массу других систем, которые вообще никому не известны, в частности биоэнергетику. Слышали об ударах косой? Волосы до пояса отрачивают, резкий поворот и удар. Они трансформируют биоэнергию в эту косу, и коса становится прямой и жесткой, как железная палка. Бьют по руке — рука ломается. Бьют по голове — сотрясение мозга. По голове они меня, конечно, не били, бить по голове и ниже пояса запрещено. Ударят меня, например, по плечу, и рука повисает, как плеть.

— Как же их философия стыкуется с такой жестокостью?

— По буддийской философии считается, что добра и зла в природе не существует. Каждый монах должен быть одновременно и жестким, и мягким. Если ты искренен, он по отношению к тебе проявляет мягкость. Если лжешь, он применяет против тебя жестокость.

Каждый, кто попадал в монастырь, должен был раскрыть свои сверхспособности и научиться давать отпор обидчикам. Если это не удавалось, можно было убежать. Когда они начинали издеваться надо мной, я убежал в горы.

Однажды, когда я в очередной раз сидел в тайге и плакал, раздался глухой выстрел. Я бросился на гребень горы. Бежал так, что порвал всю одежду. Взобравшись на гребень, увидел лежащего барса и бросился к нему. Думал, еще живой, но пуля пробила тело животного насквозь. Я инстинктивно обернулся назад, увидел в расщелине небольшую пещеру, а в ней — что-то шевеля-

щееся. Я не сразу сообразил, что это такое. Схватил теплый комок, сунул его за пазуху и бросился бежать.

Это был щенок барса. Первые три дня я никак не мог заставить его есть. А на третий день он стал сосать мой палец. Я бросился в кишлак. Нашел соску, бутылку парного молока, тем самым спас жизнь ему и... себе.

Этот барс впоследствии часто спасал меня. Жизнь в тайге, сами понимаете, опасная. Через три месяца барс был уже размером с небольшую собаку.

Однажды, когда я вышел во двор монастыря, ученики начали меня пинать и смеяться надо мной. Вдруг, смотрю, они разбегаются. Оказывается, на мою защиту выскочил барс. Хотя он был еще маленький, мои обидчики испугались. Это же не собака или кошка. С того дня испытание закончилось, и меня стали почитать за святого. В десять лет я получил священное звание и стал лечить людей.

Помню своего первого пациента. Как-то, возвращаясь с гор, зашел в юрту и увидел, что у моего ламы больной — монгол, страдающий радикулитом. Мой учитель Хомбо лама Дарма был настоятелем монастыря. Хомбо — главный лама Монголии и Тибета. Он подозвал меня и сказал: «Лечи этого больного». Я посмотрел на серебряные иглы и чуть не заплакал. Говорю: «Я не знаю, не могу его лечить». А он: «Как ты смеешь! У воспитанника монастыря не должно быть такого слова — «не могу»! Ты должен знать, уметь и хотеть». И поставил меня в наказание в упор лежа на кулаках.

— Вас обучали медицине?

— Там нет обучения в чистом виде. Если живешь в монастыре, поневоле учишься. Я собирал для своего ламы средства тибет-

ской фармакопеи, готовил лекарства, часами наблюдал, как он врачует.

Я целый час простоял на кулаках, после чего лама спросил: «Ну как, сможешь?». Я ответил, что смогу, дрожащими пальцами взял иглы и ввел их по методике шумо.

Шумо — методика уличных бо-соногих врачей. В странах Юго-Восточной Азии вы можете на каждом перекрестке увидеть этих врачей, которые за гроши снимают боль, усталость, стресс. При этом восстанавливается равновесие организма. Болезнь и есть нарушение внутреннего равновесия, гомеостаза организма. В японской армии каждый солдат до сих пор держит при себе три иглы для того, чтобы на поле боя или в других экстремальных условиях оказать самому себе помощь — остановить кровотечение, вернуть затухающему сознанию ясность или просто снять усталость.

— Для чего вообще люди шли в эти монастыри?

— Монастыри являются хранилищем древних знаний, космических знаний и знаний погибших цивилизаций. Многие из этих знаний современная наука не может объяснить.

Например, есть в тибетских монастырях монахи, которые оживляют мертвых. Не всех, конечно, а только молодых. В ночь после похорон они приходят на могилу и, если определяют, что мертвого можно вернуть к жизни, выкапывают его и оживляют с помощью жизненной энергии «чи».

— Говоря о монастыре, мы обошли вниманием сам буддизм. Что это за религия?

— У нас неправильное представление о буддизме. Думают, что буддизм — это догма, идолопоклонство. На самом деле буддизм — восточная философия, система самовоспитания, самораз-

вития человека. Цель буддиста — достичь просветления, стать таким же совершенным, как Будда. Кстати, вы знаете, кто такой Будда? Это человек, который бросил свои богатства и пошел бродяжничать по свету, чтобы познать жизнь, истину. Каждый из нас задумывается над тем, что такое истина и смысл жизни.

Буддистская философия говорит, что все есть страдание. Жизнь — это страдание. Каждый из нас рождается, страдает и умирает на трех уровнях. У каждого есть три тела — физическое (рупа), астральное (нагваль) и ментальное (атман). Физическое тело — это вся анатомия человека, то, что умирает. Астральное тело — это психоэмоциональный контур или аура. У каждого живого объекта есть светящийся контур. У человека — вокруг головы. Свечение бывает разных цветов, цвет зависит от характера человека, его мыслей. Зеленый цвет — цвет добродетели, благородства. Голубой — сексуальные страсти. Коричневый — зло, гнев. Желтый — цвет учителя, мой цвет. У Христа тоже было свечение желтого цвета — нимб. Третий, ментальный уровень — это дух, наши мысли. Он связан с ноосферой (по Вернадскому) — сферой сознания, окружающей Землю. Главный тезис буддизма — душа не умирает, она перевоплощается в другого человека или отходит в сферу космического сознания.

Как, например, искали Далай-ламу шестнадцатого? Далай-лама — верховный жрец Тибета и буддийских стран. Когда умер Далай-лама пятнадцатый, во все концы послали гонцов, и те зарегистрировали младенцев, родившихся в это время. Через четыре года этих детей нашли и предъявили им игрушки Далай-ламы в массе других игрушек. И тот,

который из всей кучи сразу же взял любимые игрушки Далай-ламы, стал Далай-ламой шестнадцатым. Считается, что душа Далай-ламы пятнадцатого переселилась в тело этого младенца.

В монастыре я обучался восемь лет. Путешествовал и по другим странам Востока. Барс бегал за мной по пятам, спасая от зверей и от людей.

Я был счастлив, потому что был нищим, ни разу денег в руках не держал. В монастыре жил на всем готовом — питание, одежда. Хотя одежда была почти не нужна. Монашеский костюм, что вы видите на фотографии, и есть вся одежда.

Учитель часто посылал меня в Туву за каменным маслом. Пограничники хорошо меня знали, удивлялись моему заточению в монастыре и не раз уговаривали вернуться в СССР. «Здоровый парень, а неграмотный», — говорили они.

В шестнадцать лет я решил вернуться на родину. Думал, что здесь смогу принести больше пользы людям, стану для больных и врачом, и духовным наставником, передам ученикам свои секреты. Честно говоря, я ничего не знал о жизни в Советском Союзе.

Когда я вернулся в Россию, мне показалось, что я попал в тюрьму, в лагерь. И до сих пор считаю, что нахожусь в лагере.

Поступил в вечернюю школу, работал грузчиком, автослесарем, отслужил в армии. Но мои знания были не нужны. Единственное, чего я добился, пытаясь помочь людям, это прозвища «Травник». Я уехал в Москву, закончил медицинское училище и устроился медбратом в больницу. Понимал, что там мое искусство необходимо, но люди почему-то не хотели воспользоваться им. Поначалу врачи меня озадачили, им некогда было даже выслушать больного. Как

можно поставить диагноз за десять минут? Позднее я понял, что их поставили в такие условия. В конце концов мы нашли общий язык. Врачи стали обращаться ко мне, просили установить диагноз.

Я убежден, что современная медицина должна идти рука об руку с восточной. Химиотерапевтические средства нужно применять только в экстренных случаях, а при хронических заболеваниях они практически бессильны. Сейчас примерно 70 процентов населения СССР — хронически больные люди. Современная медицина не в состоянии им помочь, потому что у каждого из этих 70 процентов — целый букет заболеваний, как минимум пять — семь.

Тибетская медицина — единая, целостная система знаний. Известный, но не применяющийся в нашей медицине принцип «лечить не болезнь, а больного» записан в «Чжудши», трактате тибетской медицины, применяющей в основном средства естественного происхождения, которые по своей природе ближе к человеку и не обладают побочными эффектами.

Я использую примерно 2500 лекарственных растений, 300 средств животного происхождения. Могу приготовить 500—700 тысяч лекарственных средств. Причем для каждого человека индивидуальное средство, в зависимости от показаний. Плюс лекарственное воздействие. В тибетской медицине существует более сорока методов нелекарственной терапии. Я лечу психотерапией. Взглядом. Повитушным массажем. Владеею двенадцатью видами массажа. А также магией слова — лечу людей молитвами... Также использую исцеление мыслью. Гипноз. Суггестию — внушение наяву. Снятие сглаза. Лечение заговорами или белой магией...

— Что такое сглаз?

— Есть много людей, которые обладают свойством трансформировать свою мысль. Что бы ни подумал этот человек, его мысль превращается в какое-нибудь действие. Поэтому я всем своим знакомым говорю, чтобы младенца до 6 месяцев, а лучше до года, никому не показывали. Сглаз — реально существующее явление, просто его наша наука не признает и не изучает.

Я использую 108 методов диагностики — по языку, по зубам, по ушам, по ауре, по ирису, по точке сю-вей, по окнам тела, по чакрам, по позвоночнику, по ногтям, биолокационный метод. Знаю несколько десятков видов пульса, который прослушивается в трех местах. По частоте, высоте пульсовой волны, ее длине и форме, степени вибрации определяются заболевания различных органов. Могу диагностировать психическое состояние, заболевания в прошлом, настоящем и будущем.

84

Мне приходится сталкиваться с огромными трудностями, потому что я применяю средства тибетской фармакопеи, которые у нас не зарегистрированы. Из-за этого моя деятельность считается незаконной. Я много раз бросал медицину, потому что меня преследовали. Мои братья по монастырям — настоятели буддийских храмов в Юго-Восточной Азии — писали мне, приглашали, но встретиться с ними я не мог. В квартиру, которую я снимал, с обысками навевывалась милиция, отбирала препараты.

Я много раз жалел, что покинул монастырь и вернулся в Туву. Но я прогонял эти мысли. «Все, что ни делается, — к лучшему» — это тоже одна из заповедей «Чжуд-ши». Сменив десяток мест работы, я продолжал помогать людям. Пытался предлагать препараты

больницам. Десять лет назад предложил противораковые средства, 200 различных препаратов — иммуностимуляторов, иммуномодуляторов, средств, тормозящих рост опухолей. Но в то время президент АМН Блохин и его окружение говорили, что народная медицина нам не нужна, а все народные целители — преступники, враги народа.

Еще в 1987 году я предложил противораковую программу для Чернобыля, потому что предвидел вспышку раковых заболеваний, лейкозов. Эту программу помощи я предложил первому секретарю ЦК Украины Щербицкому. Мне ответили, что у них есть онкологический институт, а моя помощь не нужна. На самом деле они ничего не сделали для людей. От лейкозов гибнут сотни детей, а медики сетуют на отсутствие лекарств.

Мы сами себя обкрадываем, не используя богатейшие природные ресурсы безвредных лекарств.

— Вы упомянули о жизненной энергии. Расскажите об этом подробнее.

— Вся тибетская медицина, все восточные оздоровительные системы основаны на использовании внутренней энергии «чи». У каждого человека есть три вида «чи». Первую «чи» мы получаем из космоса — от планет и звезд, от Солнца. Вторая «чи» — прародительская или наследственная энергия, которую мы получаем от предков. Она влияет на продолжительность нашей жизни. Третью энергию «чи» мы получаем из еды, пищи, воздуха, а энергетические вампиры получают ее от других людей.

Легче всего диагностировать позвоночник, потому что внутри позвоночника циркулирует энергия «чи», и если позвонок смещен, энергия фонтаном бьет наружу.

Позвоночный столб — антенна, которая связывает человека с кос-

мосом, с космической энергией. Он должен быть ровным. А у большинства из нас имеются блокировки, поэтому европейцам йога противопоказана. Йога — это система упражнений, связанная прежде всего с циркуляцией биоэнергии в теле человека. Нужно быть расслабленным, как вода. А как заниматься, если человек напряжен, зажат, затюкан? Попробуйте увидеть хоть одно улыбающееся, расслабленное лицо на улицах...

— Следовательно, тем, кому недоступны восточные оздоровительные системы, надо посоветовать заниматься спортом?

— Спорт — понятие относительное, в нашей стране оно приобрело уродливую форму. Во-первых, в спорте отсутствует духовность. Во-вторых, не учитывается биоэнергетика. Спорт — это расход энергии. Молочная кислота забивает каналы, меридианы, блокирует АТФ в мышцах. Конечный результат всех спортивных достижений — больные мышцы, сухожилия, позвоночник, растроченная нервная энергия, нервный флюид, а кроме того, психотравма. Почти все бывшие спортсмены — депрессанты, у них плохое настроение, отсутствие смысла жизни.

А человек должен набирать, аккумулировать жизненную энергию, чтобы жить долго и не болеть. Что такое болезнь? Потеря энергии. То же самое — старость и смерть.

Человек должен заниматься древними искусствами. Возьмите тай-цзи. Это прежде всего восточная философия, нравственно-этический комплекс, а потом уже движения. У нас тай-цзи занимают в основном гимнасты. В Китае же занятия тай-цзи направлены прежде всего именно на умение управлять энергией «чи» и аккумулировать ее. А потом уже происходит подбор стиля. Для каждого чело-

века подходит определенный стиль. У меня, например, стиль барса.

— А как вы относитесь к каратэ?

— Каратэ — это тоже растрата энергии. Причем сколько я видел каратменов, у них культивируются далеко не положительные эмоции. Напряжение и жесткость ударов ни к чему хорошему не приводят. Поймал эту жесткую руку, дернул, и все, рука сломана. Но дело не в этом.

Самое главное — конечный результат. Человек должен быть гуманистом и жить для людей. В восточных школах боевых искусств категорически запрещается драться на улице именно потому, что это противоречит восточной философии. Если ты подрался, с треском выкидывают из школы. Я бывал в странах Востока и много раз видел эту процедуру...

Виктор Федорович достал откуда-то пару медных шариков размером с шарики для пинг-понга.

— Вот этими шарами тренируются тибетские ламы, монахи и мастера кунг-фу. Мастера обычно катают их в руке так, чтобы они не касались друг друга. Внутри каждого шара имеется три стальных шарика. У этих шаров пять функций.

Первая функция — лечебная: массаж точек ладони, связанных с внутренними органами. Вторая функция — канализация стрессов и отрицательных эмоций. Если вас оскорбил начальник, вы берете шары и со злостью вращаете, выводя из себя стресс. После стресса человеку необходима физическая разрядка. У вас же нет поленицы дров в кабинете, которую вы могли бы колоть, как Челентано в фильме. И манекенов начинающих нет, как в Японии. Третья функция — аккумуляция «чи». Четвертая — тренировка боковых мышц пальцев, которые у нас

атрофированы. Именно эти мышцы используются для нанесения удара кончиками пальцев.

— Когда вы рассказывали о своей жизни в монастыре, вы упомянули об отсроченных ударах. Это те знаменитые удары, действие которых наступает спустя месяцы или даже годы?

— Есть такие удары. Удары с отсроченной смертью. Они основаны на передаче энергии в жизненные центры человека. У человека имеется семь жизненных, биоэнергетических центров — чакр. (В переводе с санскрита «колесо» или «цветок».)

Первая чакра — муладхара — находится в области крестца. Это жизненный центр органов движения. При его поражении отнимаются ноги, наступает паралич.

Вторая чакра — свхаткристиана — находится на два цуня ниже пупка. (Цунь — средняя фаланга среднего пальца правой руки.) Это половая чакра, чакра сексуальной энергии. Ею пользуются тантристы — те, кто занимается тантра-йогой, которая у нас запрещена. На этом центре работают люди творческого труда — писатели, поэты, художники, ученые. Недаром женщины говорят, что хорошие ученые — плохие мужья. Потому что они трансформируют сексуальную энергию в энергию творчества. У каждого человека есть своя космическая любовь — шакти. Многие видят ее во сне. Это наша вторая (иньская) половина. Инь — женщина — минус. Янь — мужчина — плюс. Плюс соединяется с минусом, женщина с мужчиной, появляется любовь. Каждый человек в процессе своей жизни ищет вторую половину.

Третья чакра — манипура — находится на два пальца выше пупка. Ей подчиняются все органы брюшины. От манипуры зависит физическая сила и воля чело-

века. Поэтому все удары кунг-фу и каратэ идут с уровня манипуры. Настоящие мастера получают энергию от манипуры, и в момент удара эта боевая «чи» отделяется от кулака и поражает цель. Есть у вас боевая «чи» или нет, проверить очень просто. Зажигаешь свечку и бьешь, не донося кулак на два-три сантиметра до пламени. Если ты погасишь свечку при таком ударе, значит, ты настоящий мастер.

Четвертая чакра — анахара — находится в центре грудины. Это сердечная чакра. Она связана с добротой. «Сердечники» — это обычно добрые люди, больше других страдающие от подлости, злости и наглости окружающих.

Пятая — вишутха. Она находится у основания горла. Это чакра любви. Женщины обычно любят горлом. Когда женщина видит любимого человека, у нее горло становится теплым.

Шестая чакра — аджна, третий глаз. Эта чакра связана с элифизмом. Она определяет провидческие способности человека, ясновидение. Если у человека «открывается» третий глаз, он начинает видеть. Я, например, вижу болезни, плохие мысли, чувства, преступления. Вижу ауру. Вот у вас, например, зеленая аура. Такого... изумрудно-бирюзового цвета.

— Вы ее видите?

— Да, я сразу вижу ауру. Сейчас это проверяется с помощью приборов в лаборатории психофизики и парапсихологии в Москве. Можно прийти туда и посмотреть, какого цвета у тебя аура.

Последняя чакра — сахасрара. Она связана с психическими болезнями. Это сухожильный шлем на голове, в центре которого находится заращенный родничок — дыра Браммы.

— Вы с шестидесяти годов больше не бывали в Туве?

— Я езжу туда каждый год. Скоро на развалинах моего монастыря будет сниматься научно-популярный фильм.

— Уже развалины?

— Да, все святыни разрушили.

— Монахи?

— Нет. Монголы. Так называемая народная власть.

— Много в мире осталось таких монастырей?

— Есть еще монастыри Бон, а вообще монастырей осталось очень мало. Оставшиеся ламы являются хранителями древних знаний, которые не должны погибнуть. Я имею высокий духовный сан — лама — в странах Юго-Восточной Азии. Там к нам относятся с большим уважением.

— Где вы сейчас работаете? Я знаю, вы работали в Центре нетрадиционных методов оздоровления при каком-то НИИ.

— Я ушел оттуда. Не смог реализовать свои возможности. Меня притесняли и обманывали, поэтому я с ними расстался.

Сейчас создаю свой центр по изучению тибетской народной медицины. Правда, не в Москве, а в Краснодарском крае. Я нашел там экологически чистые места, места силы.

Моя духовная миссия в Советском Союзе — вырастить новое поколение, людей будущего — биоэнергетов. Создаю свою школу. Отбираю молодых людей, которые наделены экстрасенсорным восприятием. У каждого из нас, кроме неопротекса, есть палеопротекс — древняя кора. Именно в ней заключены сверхспособности человека. Они есть у каждого второго молодого человека. Я нахожу таких людей, или они меня находят, и развиваю их способности. Пусть помогают людям, лечат.

Главное качество моего ученика — надежность. Он не должен

свернуть с пути света и добра. Ведь обучение будет длиться от пяти до двадцати лет. Первый критерий отбора — космическое или расширенное сознание. То есть ученик должен чувствовать себя частицей космоса, природы, вселенной. Второй критерий — пантеизм — умение общаться с животными, как со своими меньшими братьями, помогать животным и растениям. И третий критерий — владение биополем и психическими энергиями. По этим критериям я отбираю своих учеников... Мы живем в страшное время, и моя цель — сохранить моих учеников. Они обязательно должны владеть кунг-фу, чтобы у них не было страха. Кунг-фу — искусство жизни, а не драка. Это траволечение, массаж, восточная философия и управление энергией «чи». Ученики будут также заниматься йогой — физическое и духовное совершенство; тай-цзи — физическое и духовное совершенство, достигаемое путем динамической медитации; ушу — владение мечом, нунчаками, палками и другими предметами для развития экономичности и красоты движений, а также для регуляции внутреннего состояния и «чи»; цигун — дыхательное управление энергией «чи», продление жизни; куннея — ментальная релаксация (расслабление). Никто из европейцев не умеет расслабляться. Только дети.

— Я не согласен. У нас многие умеют расслабляться. Вон сколько пьяных на улицах.

— Верно, пьяные расслабленные. Поэтому они и падают без переломов. Но алкогольная эйфория — следствие затраченной «чи». А каждая такая трата приближает человека к смерти.

— Боевой раздел ушу входит в вашу систему подготовки?

— Понимаете, я считаю, что человеку, владеющему знаниями, биоэнергету, это не нужно. Я даже

боюсь за тех людей, которые на меня нападают. Как бы не убить случайно. То, что показывают по телевизору — бокс, самбо, — это же смешно. Бьют друг друга, а толку никакого. У человека семьдесят смертельных точек. Поэтому достаточно иметь тайные знания, чтобы остановить — просто остановить человека, дать ему понять, что твой духовный уровень выше, чем его.

Воспитание учеников будет основано на законах живой этики, космических законах и законах землян. Космических законов 108, их соблюдают тибетские монахи. Основной космический закон: не вреди ничему живому ни мыслью, ни словом, ни делом. Второй закон: не просят — не делай. Третий закон: не можешь — не обещаешь.

Специально пишу методическое пособие по духовной практике тибетских монахов. Начало всего — медитация. Медитация обеспечивает духовное, психическое и физическое здоровье человека. У нас в стране сейчас дефицит милосердия, поэтому я считаю, медитация нам очень нужна, так как она очищает людей от черноты, воспитывает духовность, благородство и другие хорошие качества. В то же время происходит оздоровление, омоложение организма. Медитация полезна всем, а особенно жителям больших городов, где шум, стресс, отрицательные эмоции на каждом шагу. В крупных городах Советского Союза мужчины живут в среднем 48—60 лет, а запас прочности человеческого организма рассчитан на 300 лет...

— Вы насовсем покидаете Москву?

— Конечно. Что мне делать в гнилом городе? Буду работать в своем центре, помогать людям. Лама — это помощник людей. Он обязан любому человеку в любой точке земного шара оказать помощь духовную, моральную и медицинскую. Спасти человека. Вот моя функция на этой земле.

ОЛЕГ КАРАСЕВ, фото автора

«КОРОЛЬ ТАИЛАНДА»

Впервые увидел Фаруха Рузиматова на сцене в Париже, где был тогда корреспондентом ТАСС, познакомившись с ним, я с интересом стал следить за становлением балетного артиста. Бывал на спектаклях с его участием в Москве и Ленинграде, читал восторженные отклики на разных языках на его зарубежные выступления. Кто он, балетный кумир наших дней? Как складывалась его карьера? Что значит быть мировой звездой?

«Фарух Рузиматов — бесспорно, один из лидеров мужского танца не только в Советском Союзе, но и в мире, — говорит главный балетмейстер Театра оперы и балета имени С. М. Кирова, народный артист СССР Олег Виноградов. — Он первый солист в Кировском театре и входит в пятерку лучших танцовщиков мира. Признание к нему пришло, как это часто у нас бывает, за рубежом. Формула «Нет пророка в своем отечестве» необыкновенно живуча. А это болезненно сказывается на психике артиста, художника. Ведь добиться признания он стремится прежде всего дома, на Родине, среди своих друзей, у своей публики».

О Рузиматове я знал довольно много. Но при встрече с танцовщиком постарался полнее представить его творческий путь.

— Фарух, в парижском еженедельнике «Пари матч», в статье, посвященной тебе, я вычитал, что ты, оказывается, «был обнаружен народными комиссарами, которые снуют по социалистическим провинциям Советского Союза в поисках новых талантов». Что лежит в основе столь лихого пассажа?

— Не знаю, — отвечает он, — но вряд ли мой рассказ о том, как стал танцовщиком. Родился я в 1963 году в Ташкенте, в семье

музыкантов, выпускников Ташкентской консерватории. Моя мама, узбечка по национальности, в молодости пела и танцевала народные узбекские танцы. Папа, таджик, к танцам никакого отношения не имел. Когда мне было 9 лет, мы переехали в Душанбе. Никто и не думал, что я могу стать танцовщиком. После третьего класса — мне было 10 лет — я поехал в пионерский лагерь. Однажды меня вызвали к директору. Ничего не понимая, я пришел и увидел группу людей, как я потом узнал, балетных педагогов из Ленинграда. Они проверили мои данные, попросив немного попрыгать, внимательно осмотрели, особенно ноги. Все прошло очень быстро. Спросили, хочу ли поехать учиться в хореографическое училище в Ленинграде. Я ответил: «Не знаю, не знаю» — и убежал играть с ребятами. А спустя месяца полтора из Министерства культуры Таджикистана пришла телеграмма. Меня приглашали попробовать поступить в Ленинградское хореографическое училище имени А. Я. Вагановой. Я приехал, была масса детей, но меня приняли. Лишь к седьмому классу я почувствовал, что балет действительно мой выбор, что это всерьез. С восьмого класса стал заниматься у Геннадия Наумовича Селюцкого.

Я обратил внимание на Фаруха на втором году его обучения в нашем училище, — рассказывает Г. Селюцкий, в прошлом танцовщик Кировского театра. — Он был довольно хрупким, недостаточно сильным. Кто-то сказал ему, что для того, чтобы был красивым подъем, надо распаривать ноги в горячей воде, а затем катать ногами по полу бутылку. И он занимался этим часами. Настойчиво формировал свое тело. И был чрезвычайно работоспособен. До-

бавлю, что таковым он остается и по сей день».

Училище Фарух окончил в 1981 году и был принят в театр, где сразу же, как говорит, «погрузился в кордебалет». «Но это, — замечает он, — сильно подстегивало. Меня пытались «запрячь» в характерные танцы, и я танцевал их, мечтая, однако, о ведущих партиях».

Этапным для Фаруха стал парижский конкурс в ноябре 1984 года, где он добился основного: покори пубliku.

По прошествии времени видно, что Фарух Рузиматов стал главным открытием первого конкурса в Париже. Его условия, не предусматривающие индивидуального поощрения артистов, выступающих в дуэте (а Фарух танцевал в дуэте, который, надо признать, в общем-то не получился), не позволили Рузиматову занять первое место. Но публика на отборочных турах, а затем на заключительном концерте выделила его.

«Фарух Рузиматов, подлинный феномен, блистательный корсар, завоевал лишь премию Фонда танца, однако в субботу вечером неистовствовавшая публика устроила ему такой триумфальный прием, что он был вынужден выходить на аплодисменты семнадцать раз и дважды бисировать свой номер», — написал по горячим следам еженедельник «Жур де Франс». А самый авторитетный профессиональный журнал «Сезон де ла данс» назвал Рузиматова «подлинным алмазом в этом блистательном состязании, открытием столь же значительным, каким в свое время стал Барышников».

Итак, обладатель поощрительной премии становится главным героем конкурса. Вспоминаю наш первый Московский балетный конкурс, когда зрители, не согласившись с явно заниженной оценкой

мастерства Евы Евдокимовой из США, устроили ей, нарушив все табулы о рангах в ходе награждения, такую бурную и бесконечную овацию, что вызвали плохо скрываемый гнев тогдашнего министра культуры СССР Е. А. Фурцевой. Московская публика добилась своего: имя Евы Евдокимовой навсегда осталось в истории первого в СССР конкурса. Пятнадцать лет спустя парижская публика проделала то же самое в отношении советского артиста, с той лишь разницей, что я не встречал никого, в том числе и среди присутствовавших официальных лиц, кого бы это шокировало, как некогда нашего министра.

«Эти два случая в чем-то схожи, — соглашается Г. Селюцкий, сопровождавший своего воспитанника на конкурс. — Но мне запало в душу другое — слова известного балетного деятеля Франции, бывшего в 20-е годы секретарем Сергея Дягилева, — Бориса Кохно о театре, в котором проходил конкурс. «Мне всегда казалось, что театр Елисейских полей — это в некотором роде волшебное место, которое приносит удачу создателям балетов и где начинающие танцовщики внезапно открываются нам только что рожденными звездами».

Итак, Фарух вернулся после конкурса домой.

— Как тебя встретили товарищи? Поздравляли?

— Нет. Здесь ведь никто не видел, как все происходило там, в Париже. Некоторые почему-то решили, что я провалился. Другие не знали, а может быть, делали вид, что не знают, что я получил солидную премию. Но, если честно, премия эта здесь «не прозвучала». А вот с точки зрения работы она дала мне огромный импульс. Где-то через полгода я был официально утвержден солистом

и начал накапливать репертуар.

Перед Парижем он впервые станцевал со Светланой Ефремовой «Дон Кихота». Любители балета и критики отметили, что в театре появился новый Базиль, ошеломляющий дерзостью, темпераментом. Эта роль и сегодня одна из лучших ролей Фаруха. После Парижа он начал готовить Солора в «Баядерке», а станцевал его, снова заставил говорить о себе. Наконец, премьеры первого крупного произведения, которое ставилось «на него» — балета «Витязь в тигровой шкуре». Но прежде чем подробнее рассказать об этой важной работе, немного о другом. О нравах. Ушедших (?!), так хотелось бы надеяться, в прошлое.

Через некоторое время после конкурса, в начале 1985 года, в театре появился журнал «Жур де Франс», тот самый, цитату из которого я привел выше. Одну из его страниц занимала фотография, запечатлевшая улыбающихся Фаруха Рузиматова, Игоря Терентьева, известную балетную деятельницу Японии Масаку Оюя и... Рудольфа Нуреева, в то время главного балетмейстера Парижской Гранд-Опера. Причем — а на фото видно — госпожа Оюя положила руку Фаруха на плечо Нуреева.

— Этот снимок, — рассказывает Фарух, — был сделан во время приема, устроенного после гала-концерта в Париже. Когда пригласили к столу Рудольфа Нуреева, у меня и мысли не было, что надо «бежать» от этого, как у нас принято было тогда говорить, «изменника Родины». Я всегда, возможно, интуитивно, считал, что он никакого отношения к изменникам Родины не имеет. Кстати, равно как и большинство людей так называемого диссидентствующего направления. Сегодня это обычный плюрализм мнений, а тогда... Тогда эта фотография была в ди-

ковинку: Нуреев и Рузиматов. Молва пошла по театру, а я стал примерно на два года... невыездым. Мне официально поставили в вину эту фотографию. Успех на конкурсе их не волновал. Но весь ужас в том, что, поступая таким образом, они сами усиленно подталкивали меня к подобному шагу, о котором я никогда и не думал. Когда у человека есть возможность выбора, когда он нормально ездит, куда хочет, у него никогда не возникнет мысль «сбежать». Человек, убежден, должен жить там, где хочет. Захочет на Западе, ради Бога. Систему «золотой клетки», устраиваемой для ведущих исполнителей, считаю аморальной. Еще и сегодня трудно работать. Ведь в балетном мире устроено так: тебе звонят, приглашают выступить в спектакле через неделю, ты соглашаешься, и через день-два вылетаешь. Для этого надо иметь нормальный паспорт, а не такой, который куда-то сдается или оформляется месяц, а то и больше.

Мне было известно, что после парижского конкурса Фарух перестал выезжать с труппой за границу. Но он не жаловался, да, впрочем, я его и не спрашивал.

«Фаруху пришлось испытать на себе, что такое слухи.— говорит Г. Селюцкий.— В театре упорно насаждалось: он долго у нас не протанцует, обязательно сбежит. А когда появилась фотография в «Жур де Франс», нашлись люди, которые ходили по театру с журналом, показывая его всем желающим. Его реакция? Отшучивался, да только шутки эти порой оборачивались против него. Самое поразительное, что те же самые люди, что предупреждали тогда, осуждали его за «связь» с «перебежчиком», сегодня, когда в театр приезжали танцевать Рудольф Нуреев, а до него Наталия Макарова,

первыми устремились демонстрировать самые горячие чувства в отношении своих бывших товарищей, которых ранее предавали анафеме. Да что говорить, и сейчас подобное продолжается. Когда Фарух вернулся из последней поездки, многие с удивлением ему бросали: странно, а говорили, ты остался. Перед творческим вечером кто-то пустил слух, что он собирается уехать на несколько лет в Канаду. И все-таки в тот самый трудный период после Парижа он правильно вел себя. Я всегда говорил ему: не расстраивайся, используй свободное время для работы. И мы готовили новые партии».

По аналогии вспомнилось, как в 1982 году, накануне парижских гастролей Кировского театра, в советском посольстве прошло мини-совещание на тему, как сделать так, чтобы ленинградские артисты не увидели выпущенной специально к гастролям прекрасной книжки, посвященной балету Кировского театра. Она была подготовлена журналистом газеты французских коммунистов «Юманите» Пьером Лартигом с самой активной помощью советской стороны. Что же такого опасного таило это проникнутое восхищением к советскому балету издание? Пару снимков бывших солистов театра, оставшихся в свое время жить и работать на Западе. Следует ожидать, «прогнозировалось» в посольстве на бульваре Ланн, что будут предприняты попытки распространить эту книгу среди артистов. Не знаю, были ли в конце концов разработаны контрмеры или нет, меня не посвятили, но походя был наложен строгий запрет на упоминание этой книги в советской печати.

— Фарух, после парижского конкурса ты практически все спектакли готовил и танцевал с Алты-

най Асылмуратовой, ваш дуэт стал известен у нас и за рубежом. Примерно год назад вы прекратили выступать вместе. Почему?

— Я пришел к мысли, что танцовщик не должен подстраиваться под балерину. Так получилось, что я начал подлаживаться, стал играть на балерину. И почувствовал, что деградирую. Начав в последнее время выступать с разными балеринами, мне кажется, стал танцевать лучше. В этом плане я всегда мысленно обращаюсь к Владимиру Васильеву, гениальнейшему танцовщику. Мне лично кажется, что если бы он чаще танцевал с разными партнершами, то мог достичь в танце еще большего.

Сейчас чаще всего танцую с Жанной Аюповой и Еленой Панковой. Талант Жанны открылся для меня в последнее время. Мы станцевали «Жизель» в Нью-Йорке, и я увидел ее совсем иными глазами. Это очень одухотворенная балерина, балерина не нашего времени. Очень красивая в танце. Не женщина-вамп — стиль, ставший характерным для многих наших балерин, а чистое, трогательное создание. Елена Панкова иного плана, более острая, виртуозная.

В начале творческого пути, пояснил мне Г. Селюцкий, у Фаруха были трудности с партнершами. В театре принято, что на первых порах молодым перспективным танцовщикам помогают опытные балерины (так было, например, когда Нуреев стал танцевать сразу после школы с Натальей Дудинской или Барышников — с Нинель Кургапкиной и Ириной Колпаковой). У Фаруха же вначале не было постоянной партнерши, которая бы повела его за собой. Правда, позднее ему очень помогли Светлана Ефремова, Габриэла Комлева, Елена Евтеева.

— В интервью Светлане Соро-

киной из «600 секунд» ты сказал, что не любишь, когда тебя называют «звездой». Но весь мир тебя иначе и не зовет. Это что, своего рода кокетство?

— Ни в коем случае! Да как могу я ощущать себя «звездой», когда каждый день после спектакля, причем не важно, был ли он удачным или средним, я возвращаюсь в класс с ощущением новичка. Я постоянно стремлюсь оторваться от штампа. В балете это не прощается.

В феврале — апреле этого года балет Кировского театра провел традиционные двухмесячные выступления в Париже. Но впервые с момента основания Мариинского театра балетная труппа выступала на сцене знаменитой Гранд-Опера. Ответственность огромная. Вновь увидев героя этой статьи, парижане успокоились: Фарух был в прекрасной форме. «Король Фарух», как окрестил его три года назад французский журнал «Пуэн», не склонен уступать трон.

ЮРИЙ ЗАЙЦЕВ,
корреспондент газеты
«Комсомолец Кубани»
Фото **ЕВГЕНИЯ СТЕЦКО**

Человеку, который
знает о проказе
лишь из
произведений
Джека Лондона,

ОТГОРОС

94

Абинский клинический лепрозорий — это небольшой городок, поделенный на две части. Та, что за каменным забором и воротами («Вход запрещен»), — для больных, в другой живут те, кто их лечит.

— За все время, что я здесь работаю, — говорит главврач лепрозория Георгий Дмитриевич Нагорный (с 35-летием врачебной практики коллеги недавно поздравляли), — не было случая, чтобы заразился кто-нибудь из врачей.

— Более того, — продолжает главврач, — известно, что во время войны некоторые из персонала пытались привить себе лепру, чтобы получить освобождение от мобилизации. Ничего у них не получилось... Возбудитель болезни — микробактерия лепры, открытая норвежским ученым А. Хансеном в 1874 году, имеющая форму палочки, очень похожей на туберкулезную, может находиться в орга-

Артура
Конан-Дойла
и Валентина Пикуля,
для того,
чтобы войти туда,
где находятся
больные, надо,
наверное,
быть безрассудно
мужественным...

ЖЕНЬЕ

низме любого человека. У нас есть такой термин — «дремлющая инфекция». Так вот, просыпается она не у каждого.

— А у кого и когда может «проснуться»?

...На этот вопрос, как я понял, наука пока не в состоянии ответить конкретно. Дело затруднено тем, что так и не удается вырастить чистую патогенную культуру возбудителя. Привить лепру пытались многим животным (с целью изучения ее эпидемиологии), положительный результат имели лишь эксперименты с броненосцами, но, как сказал Георгий Дмитриевич, методика эта настолько дорогостоящая, что о практическом ее значении говорить пока возможно. Наиболее вероятным, по аналогии с туберкулезом, является воздушно-капельный способ заражения лепрой...

Еще о проказе известно, что это один из древнейших недугов человечества. Первые очаги лепры воз-

никли предположительно в Индии или Египте. В частности, из Египта лепра проникла в Европу и раньше всего в Грецию, а из Греции через Боспорское царство (в IV—VI веках до нашей эры) была занесена на Нижний Дон. Отсюда много столетий спустя, вместе с казачьими войсками, что охраняли вновь завоеванные территории, лепра проникла на Кубань и Терек, в Астраханскую и Амурскую области, на Дальний Восток.

В донесении лекаря В. Ф. Лаутенберга из бывшей столицы донского казачества — города Черкесска в Медицинскую коллегию 24 января 1759 года указывалось на распространение лепры в Замке войска Донского. Через 10 лет Войсковое правительство открыло на территории Анненской крепости, в трех километрах от Черкесска, первый в России лепрозорий — «Дом для одержимых крымской болезнью».

Абинский лепрозорий открыли в 1905 году. Тогда он назывался «Кубанская холмская лепрозория» и был рассчитан на 100 коек. Сейчас в лепрозории около 200 больных...

Прежде изоляция в лепрозории считалась единственным методом борьбы с проказой. Хранителями режима здесь были люди из ВОВР.

Сейчас появились эффективные лекарства, в лепрозории нет никакой охраны. А забор остался скорее как дань инструкции.

— Конечно, бежали от нас больные, — рассказывает главврач. — Неволя есть неволя... Теперь же мы столкнулись с другой проблемой: в лепрозорий доживать свой век просятся те, кого мы уже вылечили. Одна из главных причин — людской страх перед проказой: часто от наших выписанных больных отказываются даже родственники. И, вы знаете, не стоит их винить в чем-либо... Иногда больного попросту некуда выписать. Допустим, родственники его готовы забрать, но если они не предъявят нам справку о том, что у них для нашего пациента есть отдельная комната, мы не имеем права его отпустить. Тех же, кто прожил у нас лет 20, выписать даже теоретически невозможно — у таких, как правило, нет родственников...

Связи с прокаженными общество свело к минимуму. Поэтому в лепрозории есть свои библиотека, прачечная, кинозал, швейная и обувная мастерские, магазин, поликлиника и больница. Тут — своя жизнь. Про нашу они читают в газетах и смотрят по телевизору. Они в курсе «внешних» проблем и даже пытаются нам помогать: перечислили несколько тысяч для оказания помощи пострадавшим в Армении, активно участвуют

во всех благотворительных акциях многочисленных наших фондов. Знают здесь и про СПИД и тоже бьют тревогу из-за отсутствия одноразовых инструментов в местной поликлинике. Правда, тревогу эту за оградой лепрозории трудно услышать... Чтобы услышать, надо войти. А вход посторонним воспрещен.

Но не так уж категорически. Я ведь вошел. И увидел то, о чем лишь когда-то читал пугающие истории...

Лепрозорий разместился на берегу озера.

Больные живут в небольших домиках: шкафчики с посудой, кровати под кружевными накидками, на стенах фотографии. Стиль — ретро. Но это не дань моде. Просто почти все здешние обитатели попали сюда очень давно и живут так, как жили раньше.

Меня познакомили с женщиной, почти вся жизнь которой прошла в лепрозории. Эта страшная судьба досталась ей в наследство от бабушки. Болезнь почти не отразилась на ее лице, но не пощадилась рук и ног.

Муж ее тоже инвалид. Встретились и поженились здесь. Большинство из семейных в лепрозории женаты повторно. Первый брак распался потому же, почему образовался второй, — из-за болезни.

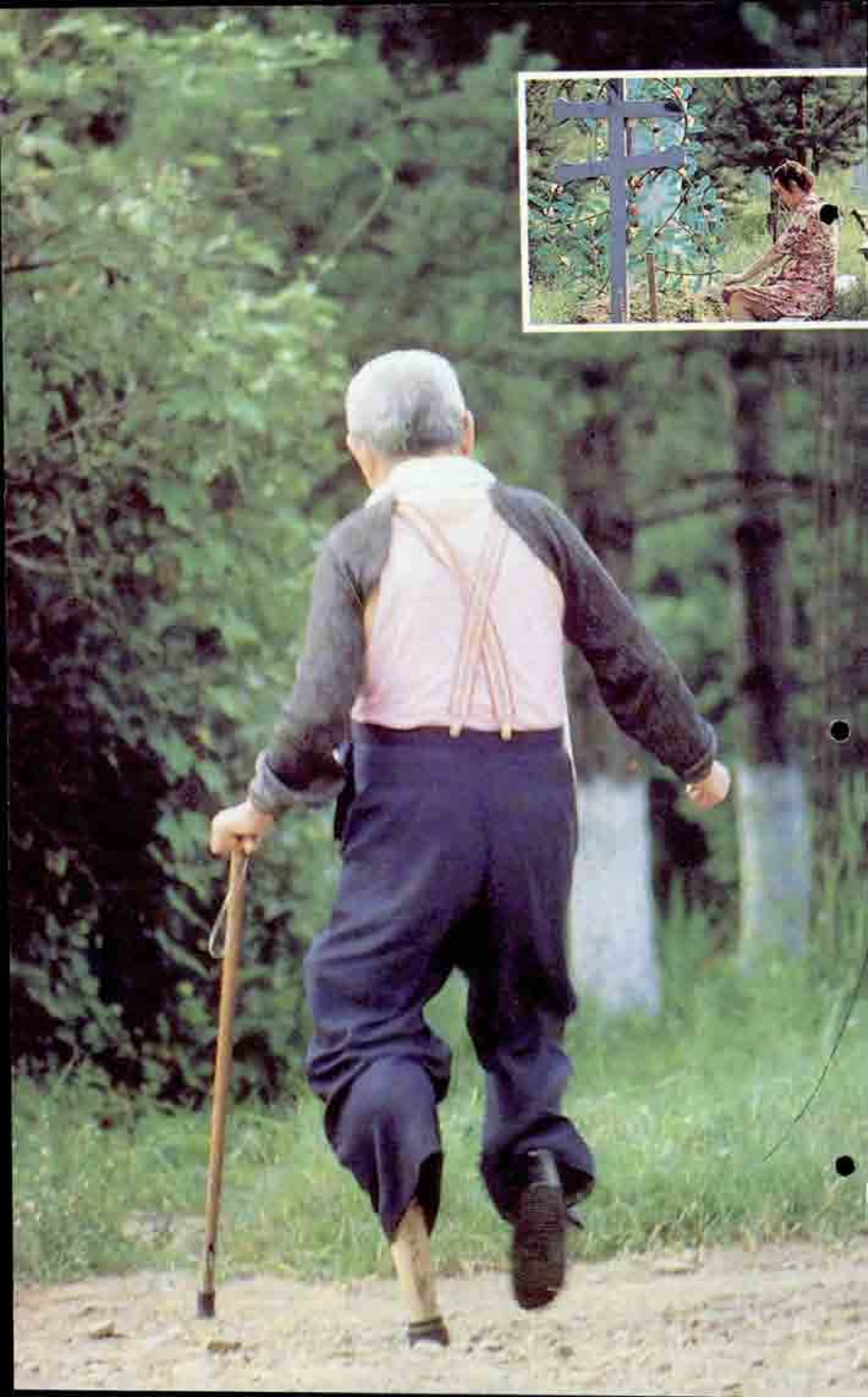
— Слава богу, — говорит Георгий Дмитриевич, — это на детей не переходит. — По крайней мере у нас из детей никто не болен. Дети живут отдельно от родителей и не в лепрозории. Для них есть специальный детдом в двадцати километрах от клиники.

Мой добровольный помощник, взявшийся сопровождать меня по лепрозорию, сказал, что покажет мне все, если я приехал для

хорошего дела. Я сказал ему, зачем приехал.

— Это дело хорошее, — решил мой гид.

Он азербайджанец. Жил до лепрозория в Армении. Болезнь у него стала проявляться в армии. В клинике уже около двадцати лет.

На кухне познакомил меня с армянкой и сказал: «Это будет как бы мой национальный враг. Шучу, конечно, землячка у меня хорошая».

Женщина засмеялась, что-то сказала. Он мне перевел:

— Сказала по-армянски, что я болтун.

Другую его «землячку» — азербайджанку — встретили на даче. Да, здесь строят дачи те, у кого хватает на это здоровья, сил.

Хозяйство, куда мы пришли в гости, по здешним меркам «средняцкое». Из живности — куры, индюки и две кошки. Домик небольшой, но добротный, есть беседочка, увитая, как положено, виноградом. В огороде — все, чем богато кубанское предгорье. Сам хозяин — заядлый охотник.

— А на кого ходите?

— Тут есть и зайцы, и утки, и фазаны. На кабана можно лицензию купить...

Потом мы пошли на кладбище. В год хоронят 8—10 усопших. С надгробных фотографий глядят молодые лица. Меня это удивило, потому что, судя по датам жизни, почти все умерли в преклонном возрасте. А на крестах (здесь ставят в основном кресты) — юные лица. Лица, еще не тронутые лепрой...

Как мне объяснили — умирают не от проказы. Ее уже научились лечить. И даже у крайне запущенных больных нет открытой формы болезни. В основном больные страдают от последствий лепры.

На ее фоне стремительно развиваются другие болезни. В больнице я познакомился с 97-летним стариком, участником трех войн. Он лежал с пневмонией.

Запомнился мне еще один старик. Когда я вошел, он читал и меня не услышал. В комнате было много икон и книг. Горела лампадка. Я запомнил глаза этого старика. Он смотрел мне прямо в зрачки, будто хотел узнать, то ли я говорю, что думаю. А сам он ничего не говорил, кроме — «...все — от Бога».

Я слышал это и раньше, но поверил только сейчас. Нет, не в Бога. Этому старику. Он, действительно, так считает и каждый день замаливает перед Богом свои и чужие грехи...

Не думаю, что и здесь «все от Бога». Скорее — от Минздрава. Не хватает обычных труб для водопровода, холодильников, стройматериалов, лекарств, мыла, стирального порошка... (В этом наша и их жизни — схожи.)

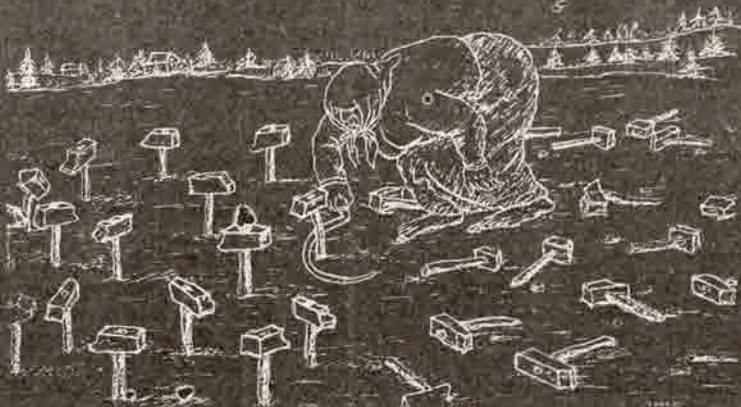
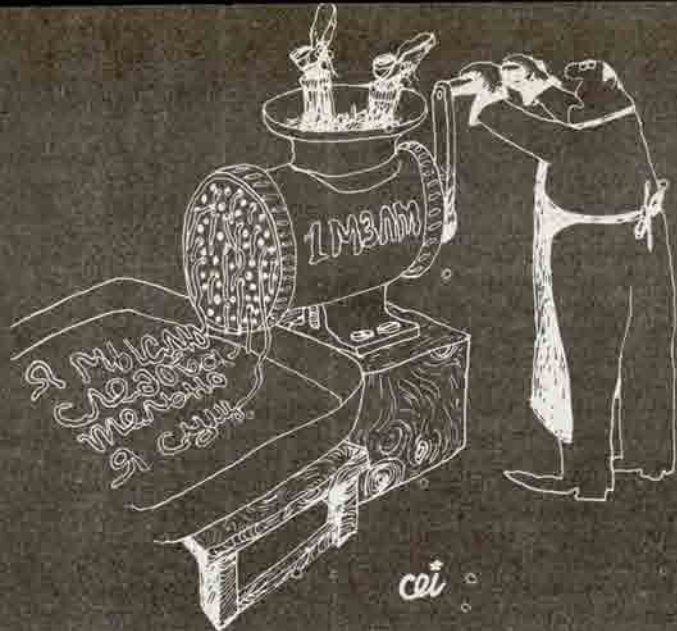
...Часто и пылко говорим о милосердии, а оно не в словах быть должно — в душе. В поступках. Но, увы, во многих наших деяниях найти его крайне трудно.

Вместо планомерной работы, подкрепленной здравым смыслом — очередная кампания. Вместо труб и мыла — громовые споры о причинах дефицита. Вместо истинного сочувствия и сопереживания — зачастую дежурное бодрячество.

Может, поэтому больные, отгороженные от нашего мира люди, и не требуют к себе особого внимания. Довольствуются тем, что есть.

— А у нас, милоч, хорошо. Тихо... Это вы вон колготитесь, давитесь, хватаете друг у дружки. Нет, у нас по-другому, по-справедливому...

Жалеют нас, стало быть?

СЫСОВ,

пришедший рано

ЛЕОНИД ПРУДОВСКИЙ

В стол можно писать романы. Можно пьесы и сценарии — это еще обиднее. Но рисовать сатирические рисунки, заведомо зная, что они нигде и никогда не будут опубликованы, — чистое безумие!

Безумец Вячеслав Сысов родился в 1937 году в семье журналиста. Его «моральное разложение» началось в конце сороковых, когда папу послали корреспондентом в Финляндию и из этой победенной страны стали приходиться сказочные посылки с глянцевыми журналами, шоколадом и даже жевательной резинкой, которая в те времена считалась одним из непрременных атрибутов буржуазного разложения нравов.

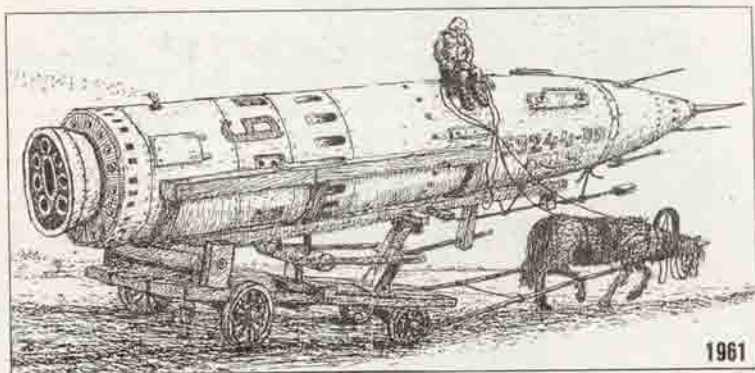
Рисовать Слава начал рано и уже в 1961 году нарисовал одну из самых известных своих карикатур: понурую лошаденку, везущую на телеге межконтинентальную ракету.

Это сейчас она репродуцирована

во множестве западных изданий, а тогда — в год первого полета человека в космос — у нормального советского человека не могла вызвать ничего, кроме ненависти к выродку, клеветнику на эпохальные достижения.

До 1974 года рисунки Сысова видели только его самые близкие друзья. Но осенью 1974-го произошло событие, «судьбоносное» для всего нашего искусства: на пустыре в Беляево, почти напротив дома Вячеслава, прошла неподцензурная выставка независимых художников, разогнанная с помощью бульдозеров и поливальных машин.

В тот же вечер о выставке сообщили все вражеские голоса. Сысов был их благодарным слушателем. И вот, под влиянием враждебной пропаганды, Вячеслав в 1975 году присоединился к движению художников, принял участие в квартирных выставках

1961

100

и в знаменитой выставке в Доме культуры ВДНХ.

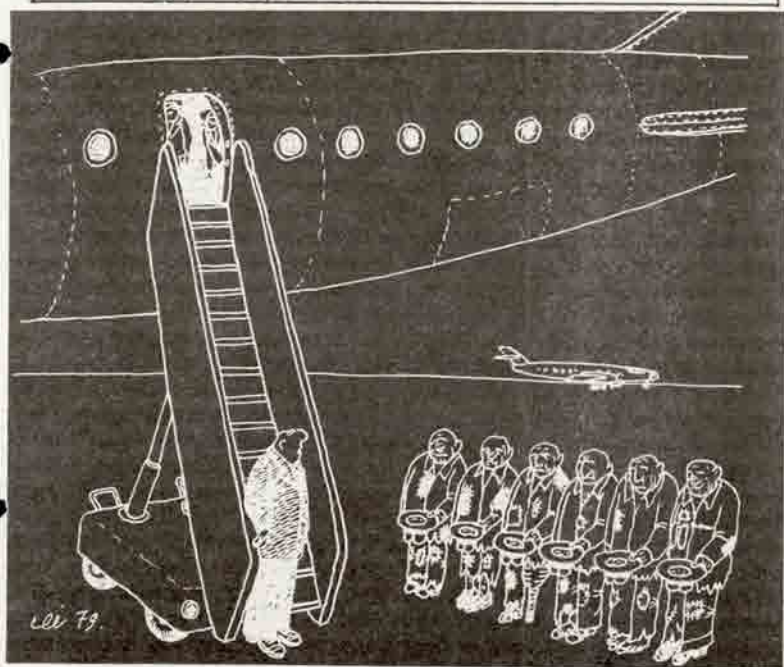
Конечно, после такого неадекватного поступка его вынудили уйти с работы, но зато приняли в секцию живописи городского комитета художников-графиков, куда, впрочем, приняли чохом и всех остальных независимых художников — кто пожелал.

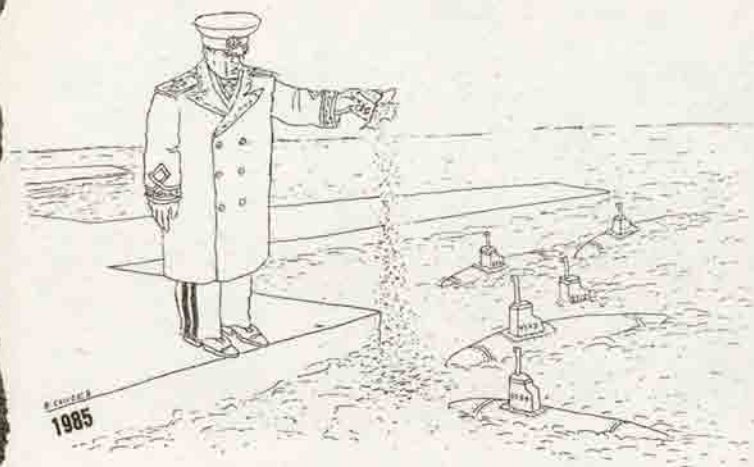
Очень скоро выявилась истинная подоплека столь щедрого поступка властей: художникам предоставили залы в подвале на Малой Грузинской, а взамен навязали жесточайшую цензуру. Правда, многих это устраивало: ведь раньше их преследовали вовсе не за содержание работ — за форму.

Но у Сысоева главенствующим было как раз содержание. И он, несмотря на все благодеяния начальства, несмотря даже на обещание мастерских и доступа к московской лавке, не изменил — неблагодарный безумец — своей со-

циальной музе и продолжал творить безобразия. Правда, к тому времени эти безобразия уже стали покупать иностранцы, что лишь в очередной раз доказывает истинное лицо Вячеслава Сысоева.

В 1979 году, в преддверии величайшего события в жизни нашего общества — Олимпийских игр в Москве, группа художников, в их числе и Сысоев, затеяла неподцензурную выставку «Москва — Париж», но доблестные чекисты в зародыше пресекли злодейскую акцию: Татьяна Кузнецова, хозяйка квартиры, где делался каталог и составлялись злоещие планы, была арестована на пятнадцать суток за мелкое хулиганство. Власти ждали, что художники образумятся, они же поступили наоборот: заперлись в комнате Кузнецовой и заявили, что не выйдут, пока не отпустят хозяйку. То-то радости было всяческим голосам: три дня они комментировали

ли «геройское» поведение художников.

Всякому терпению есть предел: на третий день группа хорошо обученных людей в форме и в штатском взломала двери, и, немного помяв бока отщепенцам, отвезла их в милицию.

Впрочем, и на этот раз они отделались легким испугом: штрафами и все теми же сутками.

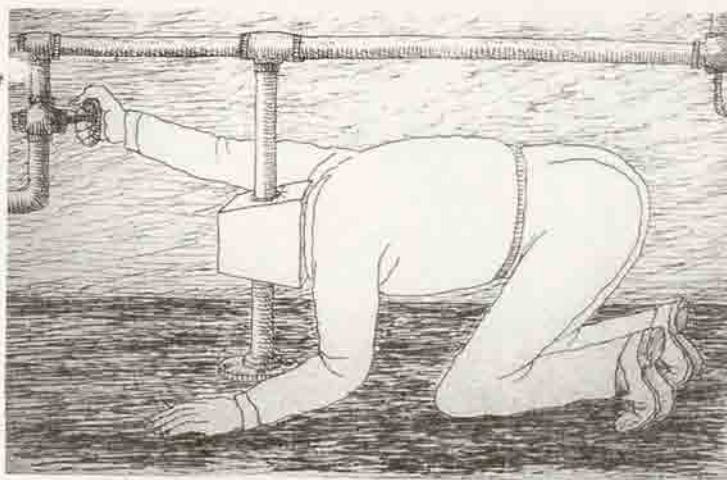
Правда, почему-то после столь гуманного поведения властей большинство художников предпочло эмигрировать, а на Сысоева завели уголовное дело, сначала по обвинению в антисоветской пропаганде по знаменитой 70-й, а потом, чтобы не делать из него диссидента, по 228-й — за порнографию. У художника и его друзей были произведены обыски, за ним установили демонстративную слежку...

И тогда безумец Сысоев ушел в бег. Почти четыре года —

с 1979-го по 1983-й — он скрывался от гуманного правосудия. За это время было нарисовано около тысячи рисунков, написана книга «Ходите тихо, говорите тихо», вышедшая на Западе. По всей Европе прошли выставки, были выпущены альбомы, а в Соединенных Штатах одно время даже продавались майки с его рисунками. Художник стал по-настоящему знаменит.

В 1983 году его все же настигла расплата. Несмотря на то, что в суде не прозвучало ни одного свидетельского показания против Сысоева, он был признан виновным и приговорен к двум годам лишения свободы, каковые и отбыл в лагере общего режима под Холмогорами — почти на родине великого гуманиста Михайлы Ломоносова.

Поразительная вещь: свои серии «Болванов», «Орлов», «Монстров», «Слепых», «Калек», «Па-

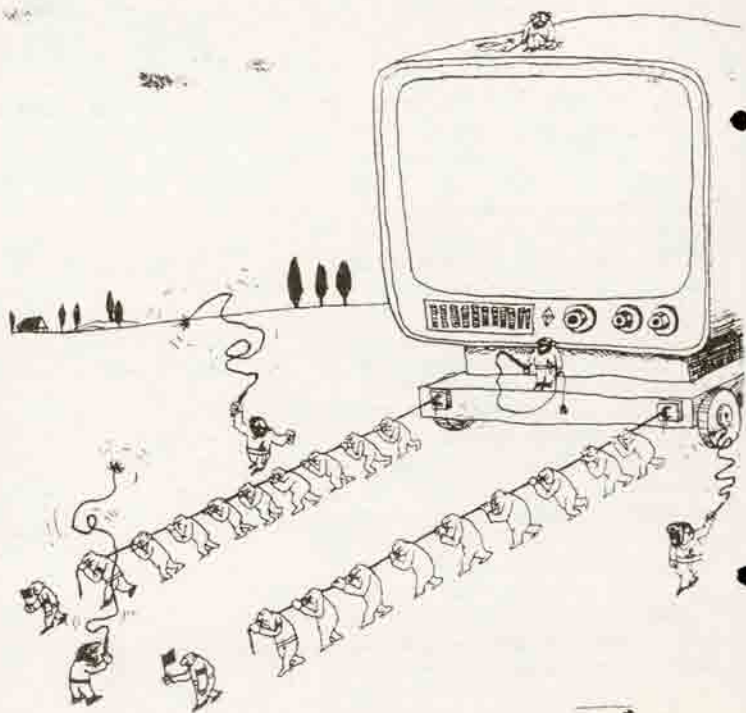
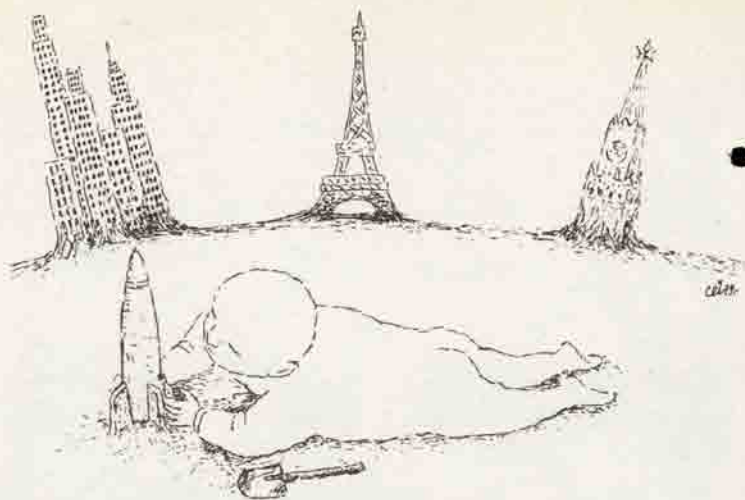

1981

лачей», «Унитазов», «Колбасу», лубки и расписные яйца Вячеслав почти никогда не сопровождает определенной символикой. Его щедринский мир многозначен и общечеловечен. Почему же наши недавние властители так безошибочно узнавали в его персонажах себя? Тайна сия великая есть!

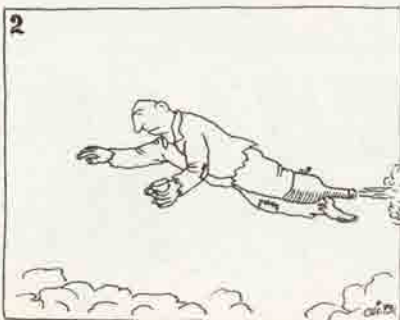
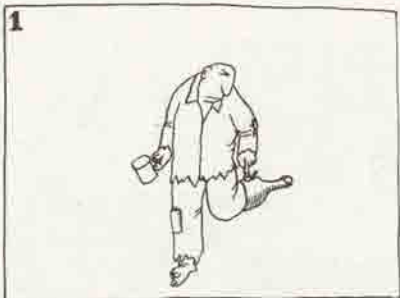
Сейчас у Вячеслава все в порядке. Он в Западном Берлине. Не эмигрировал, а просто по всей Европе идут его выставки, и, в полном соответствии новым временам, он принимает в них участие. Прошли две персональные выставки и в Москве. Несколько рисунков опубликовано в «Московских новостях». Но настоящей известности на родине нет. Да художник к ней и не стремится. После публикаций мерзко-клеветнических статей в 1983—1984 годах в «Вечерней Москве» и «Литературной газете» не очень-то жалует советскую прессу.

И последнее: когда будете смотреть рисунки, обращайте внимание на даты.

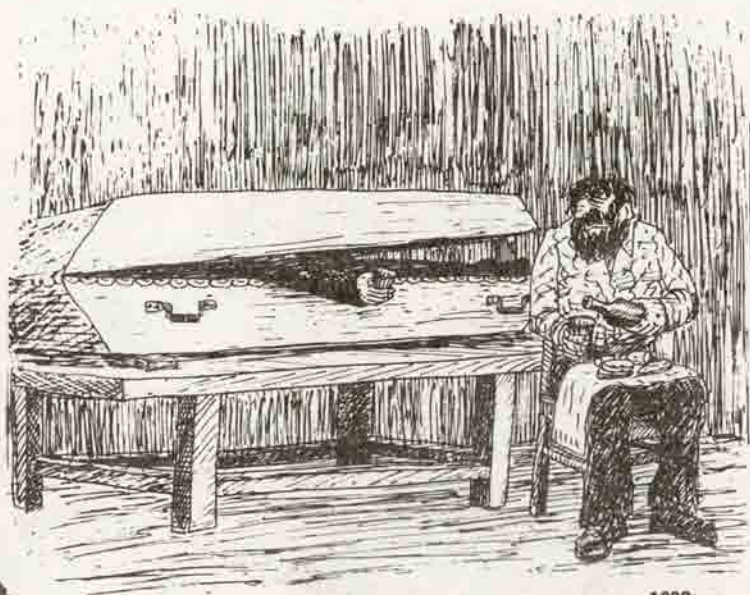

cat's

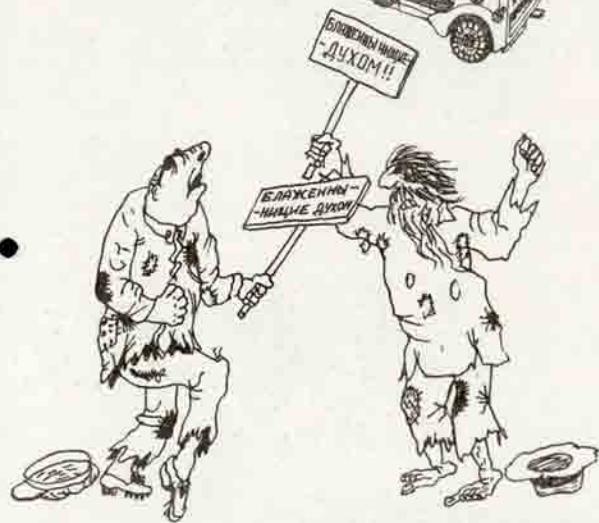
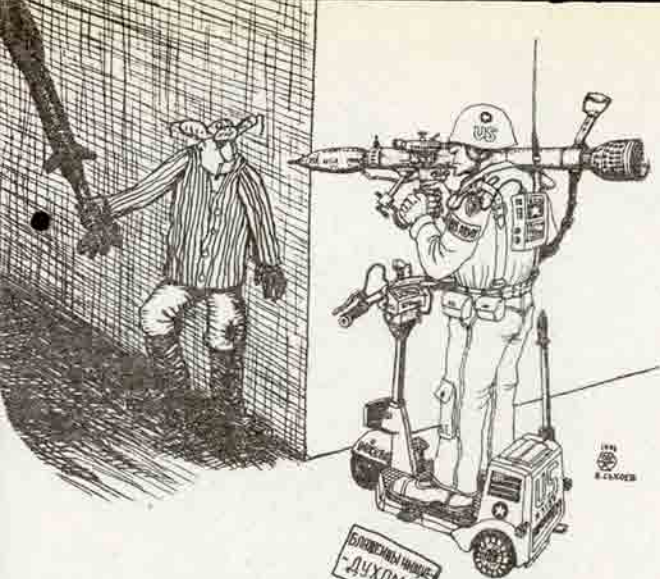

1981

1982

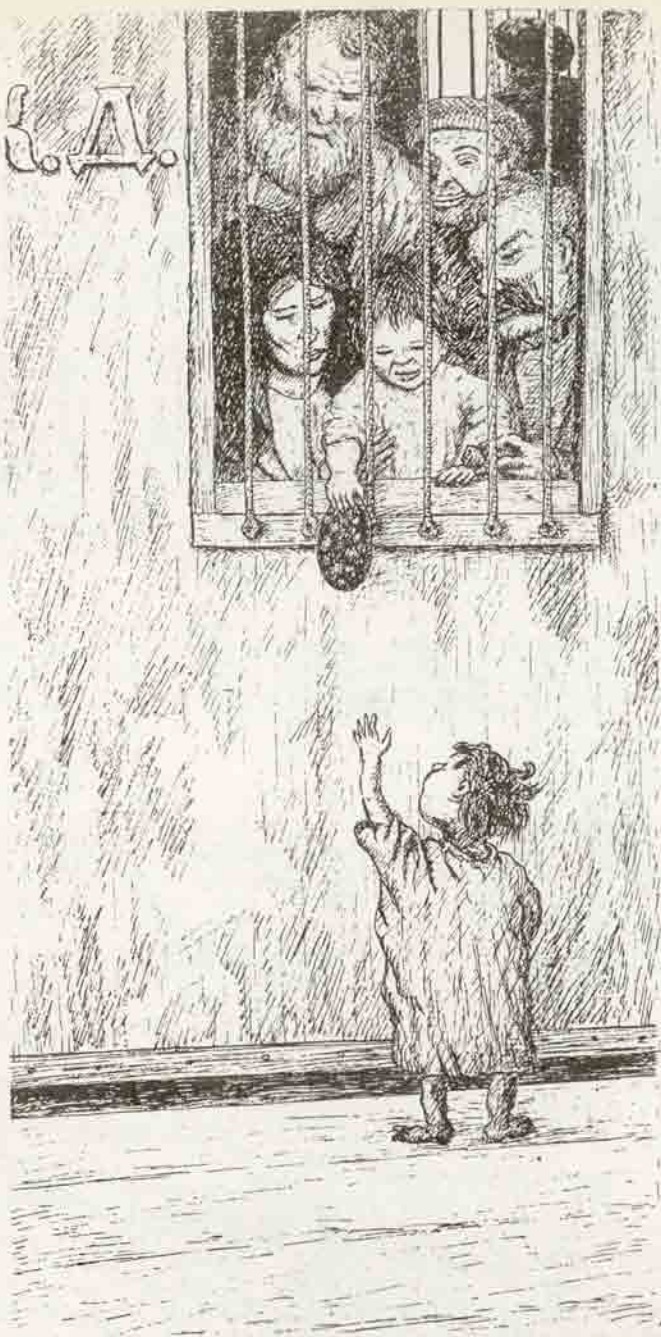

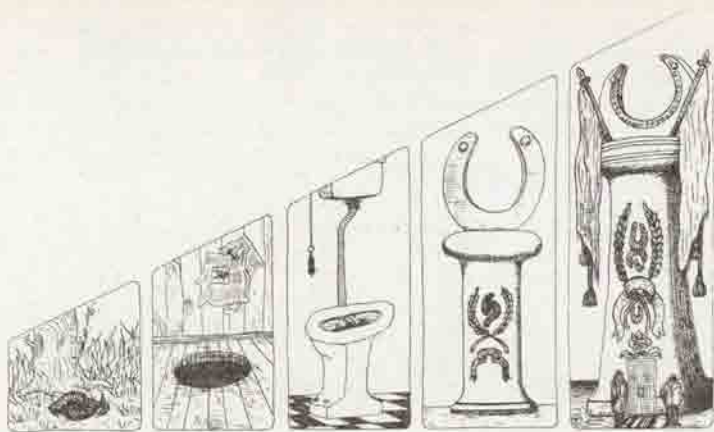
1977

1980

L.A.

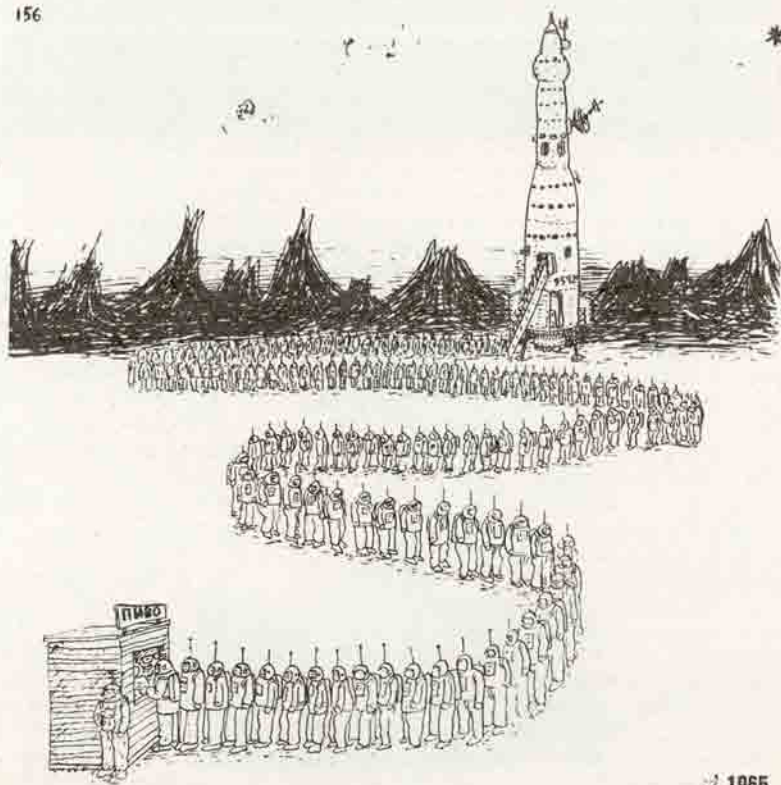

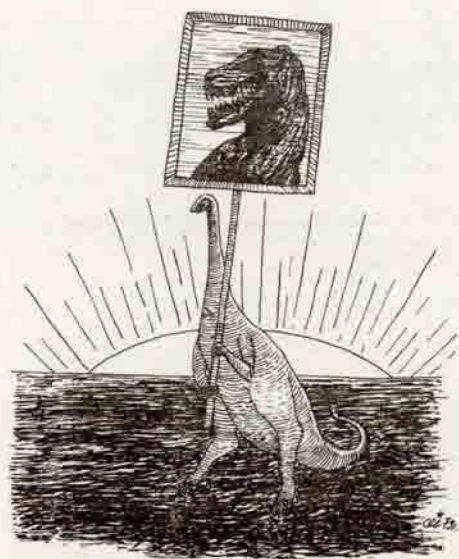
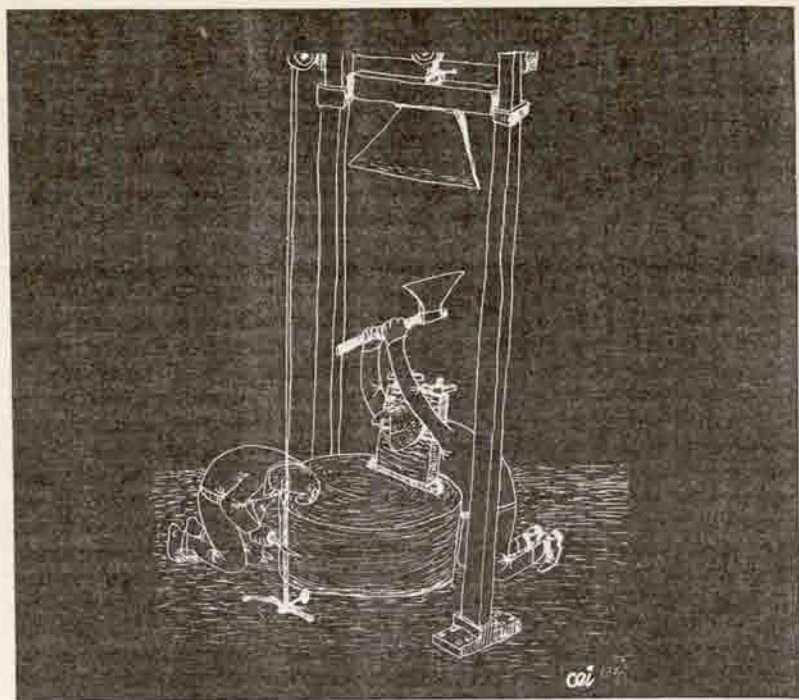
© А. ДУДИН /

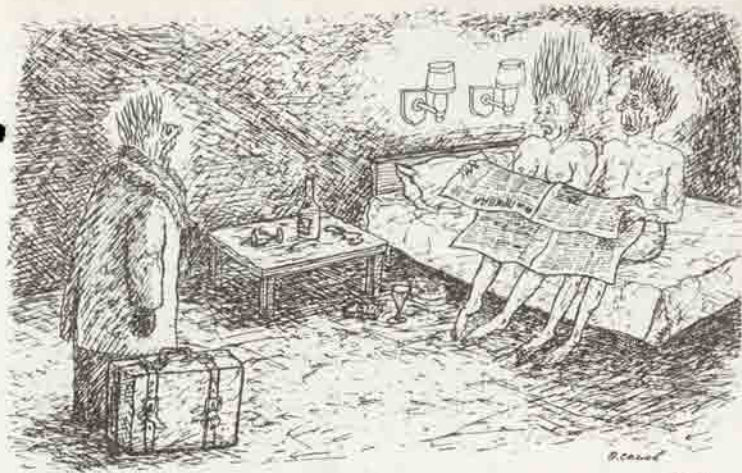
1976

156

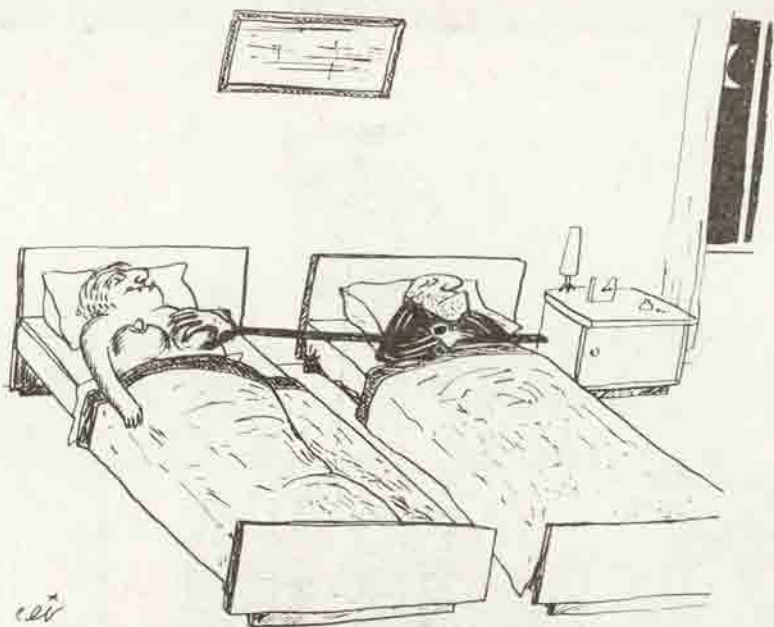
© 1965

P. Canal

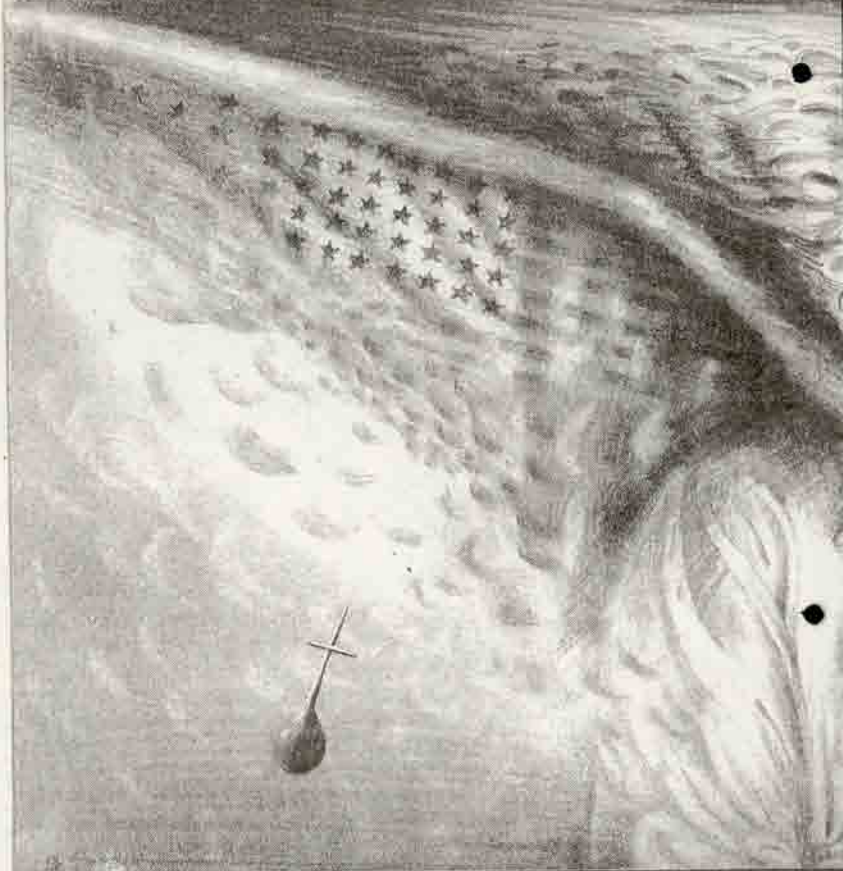
1974

C. V.

1963

HOTEL BOMB

THE

РИСУНКИ ОЛЕГА ТУРКОВА

113

ХЬЮ ПЕНТЕКОСТ

ОКНА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС

Майкла Дигби Салливана друзья и болельщики звали не иначе как Диггер. Ему было двенадцать, когда его отец, летчик-испытатель тридцатых годов, погиб в бою над джунглями Бирмы. Пять лет спустя его мать, очаровательная Лаура Льюис, игравшая в тридцатых и начале сороковых годов в фильмах со «звездами» Голливуда, летела с группой артистов на концерты в частях действующей армии. Самолет потерпел катастрофу над Тихим океаном. В интервью корреспонденту одной из голливудских газет семнадцатилетний сын Лауры произнес пророческую фразу: «Я собираюсь умереть на суше».

От матери юноше осталось немалое наследство, так что в деньгах он не нуждался. От отца он получил смуглую кожу и греческий профиль. Многие прочли ему карьеру артиста, но эти прогнозы не оправдались. Он никогда не появлялся на киноэкране, кроме как в выпусках хроники, и не выходил на сцену.

114 Специального образования он не получил, но унаследовал любовь отца к мощным двигателям. Диггер придерживался обета, данного сразу же после трагической смерти матери. Он оставался на земле. Гоночные машины стали его хобби, и к двадцати пяти годам Майкл уже выигрывал многие соревнования во Франции, Италии, Мексике, Америке. Свои автомобили он конструировал и строил сам. Неоднократно попадал в аварии, но отделялся лишь царапинами. В тридцать лет Диггер считался одним из лучших гонщиков наравне со Стирлингом Моссом и другими великими. Его хорошо знали во многих курортных городках других стран, где автомобильные гонки котировались куда выше, чем в Америке. В поле зрения репортеров часто попадали пассии Диггера: известные красавицы, киноактрисы, манекенщицы. Но жениться он, похоже, не собирался.

В 1960 году парижская полиция арестовала Диггера Салливана по обвинению в убийстве полковника Жоржа Вальмона. Главным свидетелем обвинения была Жюльет Вальмон, дочь убитого. Раз десять в парижских газетах появлялись фотографии ее и Салливана, пошли разговоры, что Диггер попался-таки на крючок. И тут она обвинила его в убийстве отца. На предварительном слушании выяснилось: у Салливана железное алиби. Однако Жюльет Вальмон настаивала, что перед смертью ее отец назвал Диггера, и она сама видела, как тот убежал с места преступления. Салливана освободили, но пересуды о том, сколько пришлось выложить ему за это алиби, не прекращались.

В 1963 году, когда Салливану было тридцать пять лет, горничная «Бомонта», самого роскошного отеля Нью-Йорка, застала его в чужом номере, куда он проник, по всей видимости, с целью грабежа. Горничная вызвала сотрудника службы безопасности «Бомонта» (термин «местный детектив» в отеле не прижился), и Салливана, мрачного и молчаливого, препроводили в кабинет управляющего отелем на четвертом этаже.

Выше я пересказал вам все, что знал о Дигтере Салливане к тому моменту, когда его ввели в кабинет Шамбрэна. Он поселился в «Бомонте» четыре дня назад, а моя работа как пресс-секретаря отеля состояла, помимо прочего, и в том, чтобы уведомлять местных газетчиков о прибытии знаменитостей. Естественно, я не коснулся его прошлых грехов, да и весьма смутно помнил ход судебного процесса, состоявшегося тремя годами раньше. Репортеры также не сочли нужным заглянуть в старые подшивки своих же газет, поэтому в колонках светской хроники проскользнуло лишь упоминание о его прибытии в Нью-Йорк да перечень его достижений как гонщика.

Два человека, смотревшие друг на друга через стол, сработанный флорентийскими мастерами не одно столетие назад, являли собой полную противоположность. Слово «красота» обычно неприменимо к мужчинам, но Дигтера Салливана нельзя было охарактеризовать иначе как красавец. Шесть футов три дюйма ростом, широкие плечи, узкие бедра, великолепный профиль. Темные очки скрывали чувства, которые он, должно быть, испытывал, схваченный за руку на месте преступления. Его молчание, его неподвижность приковывали внимание, и я едва слышал, что говорил Шамбрэн, управляющий отелем и мой босс, — невысокого роста, коренастый, смуглолицый, с черными глазами, которые могли пронзать насквозь и светиться добродушным юмором. По происхождению он француз, что явствует из имени, но еще маленьким мальчиком пересек океан и считает себя американцем. По роду деятельности (организация работы отелей) он часто бывает в Европе, свободно говорит на нескольких языках, так что во многих странах его принимают за своего. А уж в «Бомонте» он — король. Об отеле знает все, вплоть до мельчайших нюансов. Сотни сотрудников отеля любят и боятся его. Он поощряет инициативу, и все его подчиненные знают, что в конфликтных ситуациях он всегда готов взять на себя ответственность за спорное решение. Его уважают настоящие короли, крупные промышленники, видные политические деятели, кинозвезды и светские львицы, коридорные и уборщицы, проститутки, приходящие по вызову, старшие официанты и даже самые вспыльчивые из людей — шеф-повара. Он умеет отнестись почтительно к важным шишкам, знаменитостям, богачам, не выказывая подобострастия, и поговорить дружелюбно с теми, кто стоит на более низких ступенях социальной лестницы, обходясь без покровительственного тона. Кроме того, его черные, с набрякшими веками глаза намекают на то, что он знает о собеседнике гораздо больше, чем ему следовало бы знать.

Шамбрэн, как обычно, курил египетскую сигарету, сквозь синеватый дым разглядывая Салливана.

— Позвольте поблагодарить вас за то, что вы смогли прийти ко мне, мистер Салливан.

— У меня не было выбора, — хрипло ответил Салливан.

Шамбрэн указал на меня.

— Вы знакомы с мистером Хаскеллом, нашим пресс-секретарем?

— Вы собираетесь подбросить газетам лакомый кусочек?

— Наоборот, мистер Салливан. Едва ли мы упрочим репутацию «Бомонта», если широкой публике станет известно, что один из наших гостей оказался вором.

Щека Салливана дернулась.

А Шамбрэн как ни в чем не бывало продолжал:

— Работа мистера Хаскелла состоит в том, чтобы препятствовать распространению подобной информации. Я попросил его прийти, потому что хочу, чтобы наш разговор проходил при свидетеле.

Салливан не ответил, даже не посмотрел в мою сторону. И мне почему-то стало неловко, словно вором был я, а не он.

Шамбрэн взглянул на лежащую перед ним полоску бумаги.

— Майкл Дигби Салливан, — прочитал он вслух. — Конструктор спортивных автомобилей, автогонщик. Расчетный счет на сумму с пятизначной цифрой в Уолтэм-Траст. Неограниченный кредит. Владелец виллы на юге Франции, дома и небольшого автомобильного завода около Грит-Солт-Флэтс в штате Юта. Собственность не заложена, приносит ежегодный доход.

— Ваше гестапо потрудилось на славу, — пробурчал Салливан.

Шамбрэн взял со стола квадратный бланк из плотной бумаги.

— Мы постоянно собираем информацию о наших гостях, мистер Салливан. Вы останавливались у нас дважды. В эти учетные карточки, помимо постоянного адреса, финансового положения, имен ближайших родственников, если они есть, мы вносим и специальные сведения. Отмечаем, не было ли конфликтов с администрацией или служащими отеля, а также личные особенности каждого гостя. Буква «А» на нашей карточке указывает, что вы — алкоголик. «Ж» на карточке мужчины говорит о том, что он весьма неравнодушен к женщинам, особенно к дорогим проституткам, которые изредка заглядывают в бар «Трапезия». «М» на женской карточке указывает, что дама ищет богатого мужа. «Ч» означает, что данный гость не может позволить себе цены «Бомонта» и надо следить за тем, чтобы его счет не оказался чрезмерно большим. В случае семейных пар «МЛ» мы ставим, когда муж выдает за жену любовницу, а «ЖЛ» — когда жена наставляет мужу рога. Ваша карточка, мистер Салливан, девственно чиста. Вы идеальный гость, от которого администрация не ждет никаких подвохов. — Шамбрэн потушил окурок и тут же зажег новую сигарету. — Разумеется, медицинские сведения мы не собираем, — добавил он.

— Как хорошо сознавать, что и у нас могут быть секреты, — сухо заметил Салливан.

— Мне приходилось сталкиваться с очень богатыми людьми, страдающими психическими заболеваниями. Кстати, среди женщин, относящихся к этой категории, не так уж редко встречается kleptomania.

— И мне вы поставили такой же диагноз? — бесстрастно спросил Салливан.

— Нет. — Шамбрэн откинулся на спинку стула. — Сегодня днем вы попросили у горничной, обслуживающей ваш этаж,

ключ-отмычку, обосновав просьбу тем, что забыли свой ключ в номере и, лишь захлопнув дверь, обнаружили это. Пятнадцать минут спустя горничная заметила таблицу «Не беспокоить» на дверях номера, который занимали месье и мадам Жирар. Так уж получилось, но она видела, что Жирары покинули номер полчаса назад. Она решила, что они просто забыли снять табличку, сняла ее сама и открыла дверь, чтобы занести в номер. Естественно, она не могла не заметить, как вы роетесь в чемоданах Жираров и в бюро.

— Похоже, преступник полностью изобличен,— подытожил Салливан.

— От Жираров я узнал, что из их номера ничего не пропало. Мистер Салливан, вам не хватило времени найти то, что вы искали?

Салливан словно и не слышал вопроса.

— Вы сказали Жирарам, кто побывал в их номере?

— Нет,— покачал головой Шамбрэн.

Я заметил, как мгновенно спало напряжение, сковывающее Салливана. Он полез в карман ладно скроенного пиджака за сигаретами.

— Что вы искали, мистер Салливан? — Голос Шамбрэна посу- ровел.

Салливан поднес к сигарете золотую зажигалку.

— Вы, конечно, знаете, что в Египте есть городок под названием Эль-Аламейн? — спросил он, вроде бы меняя тему разговора.— Там Восьмая армия Монтгомери, прорвав фронт Роммеля, переломила ход Североафриканской кампании. Но до начала сражения фронт замер на долгие месяцы. Союзники и немцы установили в пустыне чуть ли не два миллиона мин. После окончания войны прошло уже восемнадцать лет, но по каким-то причинам карта минных полей не обнаружена ни одной из сторон. И восемнадцать лет, с постоянством, свойственным восходу и заходу солнца, местные жители подрываются на этих затаившихся чудовищах. Вы спросите: почему не предпринимается никаких мер? Они предпринимаются. ООН и различные благотворительные организации поставляют протезы рук и ног тем несчастным, кто остается в живых, но без одной или двух конечностей. А чиновники тем временем обсуждают технические детали, связанные с публикацией карт минных полей. Вот вам веселенькая история, которая пока не стала достоянием общественности.

Салливан замолчал, и в кабинете повисла тяжелая тишина.

— От ваших слов стынет кровь, мистер Салливан, но я не понимаю, какое отношение имеют они к случившемуся в нашем отеле,— заметил наконец Шамбрэн.

— Вы же спросили, что я искал.

— И пока не получил ответа.

Вновь дернулась бледная щека Салливана.

— Я искал полевые мины. Старые полевые мины.

Черные глаза Шамбрэна не отрывались от лица Салливана.

— Как я понимаю, в переносном смысле.

— Разумеется, мина, которую я ищу, не взорвет ваш отель.

Во всяком случае, его стены уцелеют. Теперь, как водится, вы вызовете полицию?

Ответ Шамбрэн меня удивил:

— Я хотел бы подумать над этим. Мадам Жирар, насколько мне известно, в девичестве звали Жульет Вальмон.

Жульет Вальмон, которая три года назад публично обвинила Салливана в убийстве!

Впервые Салливан отвел глаза, повернувшись к окнам, выходящим на Центральный парк.

— Совершенно верно.

Шамбрэн встал, показывая, что разговор подошел к концу.

— Мистер Салливан, вы, безусловно, знаете, что завтра сюда приезжает господин Поль Бернардель, специальный представитель президента Франции в Международной торговой комиссии. Я подозреваю, что именно этим вызвано ваше появление в отеле. Мне известно, что в недалеком прошлом вы встречались и с месье Бернарделем, и с мадам Жирар, тогда Жульет Вальмон. Сейчас не важно, кому я симпатизирую. Каждый гость в этом отеле вправе рассчитывать на одинаковые услуги и одинаковую безопасность. Номер отеля — неприкосновенная территория для всех посторонних. Попрошу запомнить это, мистер Салливан. Как вы будете решать свои проблемы, меня не касается. Но Жирары, пока они являются гостями «Бомонта», находятся под моей защитой. И если для их защиты мне потребуется вызвать полицию, я ее вызову.

— Премного вам благодарен. — Салливан вышел из кабинета, беззвучно прикрыв за собой дверь.

Шамбрэн вновь сел и начал складывать лежащие перед ним бумаги.

Я стоял и молчал, Шамбрэн словно и не замечал меня.

— Я еще нужен вам, мистер Шамбрэн? — не выдержал я. Он поднял голову, и глаза его весело блеснули.

— Вы молодец, Марк.

— Простите, сэр? — Я не понял, что он хотел этим сказать.

— Только один человек из тысячи мог устоять перед искушением обрушить на меня лавину вопросов. И только один человек из тысячи способен выполнять работу, на которую вы наняты. Я очень надеюсь на вас, Марк.

— Благодарю вас, сэр.

Он открыто рассмеялся.

— И снова никаких вопросов?

— Вы скажете мне все, что я должен знать. Могу я послать пресс-релиз, подготовленный к завтрашнему прибытию Поля Бернарделя?

— Ну, разумеется, — кивнул Шамбрэн.

Я направился к двери.

— Марк!

— Да, сэр?

— В картотеке под буквой «Ж» вы найдете досье на месье и мадам Жирар. Вырезки из французских и американских газет начиная с весны шестидесятого года. Прочитайте их на досуге. Там вы найдете ответы на некоторые вопросы, которые вы,

несомненно, хотите задать. После того как вы ознакомитесь с историей Жульет Вальмон, Поля Бернарделя и Майкла Дигби Салливана, возвращайтесь назад, и мы обсудим наши дальнейшие действия.

— Могу я сразу задать один вопрос, сэр?

Шамбрэн вскинул брови.

— Насколько фигуральным был разговор о полевых минах здесь, в отеле?

— Мне понятна ваша озабоченность, — кивнул Шамбрэн. — Скажем так, одновременное присутствие в отеле месье и мадам Жирар, Салливана и Поля Бернарделя чревато крупными неприятностями. Нам есть что защищать, помимо кирпичных стен, которым, как уверял Салливан, ничего не грозит. «Бомонт» не просто здание, Марк. Это образ жизни.

Глава 2

Утверждение, что «Бомонт» — образ жизни, вдалбливалось в меня ежедневно, с тех пор как я поступил сюда на работу. Чаще всего я слышал об этом от Алисон Барнуэлл, очаровательной женщины, тогдашнего пресс-секретаря отеля. Но месяц назад Алисон вышла замуж и распрощалась с нами. Я полагал, что Шамбрэн возьмет на ее место опытного специалиста, хорошо знакомого с подобным рода деятельностью, но он предложил эту должность мне.

— Возможно, у вас нет опыта, Марк, но за год вы уже многому научились и поняли, что свойственно нашему отелю, а что — нет. Новому человеку потребуется не меньше времени, чтобы освоиться. Если вы не против, я хотел бы работать с вами.

Естественно, я тут же согласился, но день, когда Диггер Салливан отправился на поиски мин в номер Жираров, ясно показал, что я еще не стал «зубром» в своем деле.

«Ж» — Жирары.

Досье я унес в свой кабинет, расположенный на одном этаже с кабинетом Шамбрэна. Шарль Жирар пользовался неограниченным кредитом. Жил он на улице Клебер в Париже. За прошедшие пять лет останавливался в отеле дважды, каждый раз один. В настоящее время впервые приехал с мадам Жирар. Никаких особых знаков я не обнаружил, не считая ссылки на прилагаемые вырезки из газет. Вырезки лежали в конверте из плотной бумаги.

Мои знания французского ограничивались школьным курсом, поэтому я смог прочитать только те статьи, что публиковались в лондонских и нью-йоркских газетах. Первые из них относились к маю 1960 года, когда в Париже убили полковника Жоржа Вальмона.

Полковник Вальмон, черноволосый, симпатичный мужчина, если судить по двум имеющимся в досье газетным снимкам, активно поддерживал генерала де Голля. Он являлся советником президента Франции по алжирской проблеме. Генерал стремился к независимости Алжира, но встретил яростное сопротив-

ление со стороны живших в Алжире французов, и особенно офицеров расквартированных там частей французской армии. Террористическая организация, созданная этими офицерами, в 1960 году подняла в Алжире кровавые мятежи, а затем протянула щупальца и во Францию, поставив целью уничтожение верных сторонников политики де Голля. В повседневную жизнь страны прочно вошли уличные стычки, взрывы бомб, политические убийства.

Судя по всему, полковник Вальмон занимал одну из первых строк в списке на уничтожение. Попытка покушения на его жизнь, предпринятая секретной армейской организацией (ОАС), закончилась неудачно. Вальмон временно ушел в подполье. Но десятью днями позже его изрешетили пулями в дешевой квартирке на Левом Берегу. Враги нашли и убили его. Для того времени — обычное дело, но далее оно приняло неожиданный оборот.

Вальмон, вдовец, жил вместе с дочерью, Жульет. Она тоже переехала в квартирку на Левом Берегу. В ходе расследования убийства полковника показания мадемуазель Вальмон произвели эффект взорвавшейся бомбы. В те дни белокурая красавица Жульет (волосы достались ей от матери-американки) часто появлялась на публике с Диггером Салливаном, известным автогонщиком. Правда, лондонские газеты чаще называли его американским авантюристом. Казалось, что Салливан и Жульет вот-вот объявят день помолвки.

120 Когда Вальмон ушел в подполье после первого покушения, только Салливан, как показала Жульет, знал, где находится полковник (не считая, разумеется, ее самой). Жульет Вальмон настаивала, что никто более не имел ни малейшего понятия о его местонахождении.

Утром того дня, когда убили Вальмона, Жульет пошла в магазин, чтобы купить еду. Менее квартала отделяло ее от обшарпанного дома, в котором они поселились, когда она услышала автоматную очередь. Жульет сразу поняла, что она означает, побросала пакеты с едой и бросилась к дому. Увидела, как из подъезда выбежал мужчина, прыгнул в спортивный автомобиль с мощным двигателем и умчался. Она настаивала, что этот мужчина — Салливан, хотя и видела его только сзади. Не так уж много мужчин, даже издалека, можно принять за Салливана. Не запомнила Жульет и номерного знака, но клялась, что у подъезда стоял точно такой же автомобиль, что и у Диггера.

Жульет избежала по ступенькам и нашла отца, рассеченного автоматной очередью, на полу. Припала к нему, понимая, что надежды на спасение нет. Умирающий смог произнести только одно слово: «Майкл». Ее отец, настаивала Жульет Вальмон, назвал имя убийцы.

Днем позже парижская полиция арестовала Диггера. Его искали уже более двадцати часов, когда он сам пришел в префектуру. С каменным лицом выслушал предъявленное обвинение и отказался сказать что-либо в свое оправдание. На суде, к всеобщему удивлению, не задал Жульет ни одного вопроса, не

попытался поставить под сомнение ее версию. Казалось, знаменитый американец обречен.

Но потом пришла очередь свидетелей защиты, и адвокат вызвал Поля Бернарделя, известного французского промышленника. На заводах Бернарделя изготавливались популярные во Франции недорогие малолитражки. Бернардель увлекался автогонками, и его машины участвовали во многих соревнованиях. Там-то и завязалось знакомство Бернарделя и Салливана, со временем переросшее в дружбу. Показания Бернарделя не оставили камня на камне от обвинительного заключения. Бернардель твердо заявил, что в день убийства Салливан находился в его загородном поместье. В тот миг, когда в квартире Вальмона прогремела автоматная очередь, он испытывал новую гоночную машину Бернарделя. Поместье находилось в двухстах километрах от Парижа. Они весь день возились с машиной и не имели возможности послушать выпуски новостей. Об убийстве полковника Вальмона узнали только на следующее утро. Дитгер возвратился в Париж, как только услышал, что полиция разыскивает его, и добровольно сдался властям. Никто не позволил себе усомниться в честности Бернарделя. Обвинению пришлось признать, что Салливан не мог убить полковника Вальмона.

Прокурор попытался добраться до него другим путем. Только Дитгер и Жульет знали, где скрывается полковник, и Дитгера попытались обвинить в том, что он выдал Вальмона его врагам. Но прокурор не смог сформулировать даже мотив преступления. Салливан не интересовался политическими процессами во Франции, тем паче не принимал в них ни малейшего участия. Он полюбил, по крайней мере, увлекся Жульет, подружился с полковником. Он был богат, так что не мог польститься на деньги.

Несмотря на все, Жульет твердила, что видела, как Салливан выбежал из подъезда и умчался в машине, на которой она сама часто ездила. А его алиби — фальшивка. Последнее утверждение явно противоречило здравому смыслу. Дело в том, что Поль Бернардель был убежденным голлистом, то есть находился по одну сторону баррикады с полковником Вальмоном. Кроме того, они дружили еще с юности. Так что Бернардель никогда бы не стал прикрывать убийцу Вальмона.

Дитгера Салливана полностью оправдали.

И лишь Жульет Вальмон отказалась поверить в его невиновность. Теперь ей совершенно ясно, заявила она репортерам, что Салливан ухаживал за ней с одной целью — втереться в доверие к полковнику, чтобы при удобном случае подставить его под пули террористов. Она назвала показания Бернарделя ложью и поклялась, что не пожалеет жизни ради того, чтобы доказать свою правоту.

Согласно газетным материалам, прокурор положил немало усилий, чтобы поставить под сомнение показания Бернарделя. После вынесения оправдательного приговора он дал понять, что не откажется от поисков истины и приложит все силы, чтобы Дитгер понес заслуженное наказание.

Прокурора звали Шарль Жирар.

Последняя вырезка перенесла меня в настоящее. Шесть месяцев назад Жюльет Вальмон вышла замуж за Шарля Жира-ра.

И вот четыре главных героя этой загадочной истории объявились в тихом, умиротворенном королевстве Пьера Шамбрэна — в отеле «Бомонт».

«Чревато крупными неприятностями» — так охарактеризовал ситуацию Шамбрэн.

Что ж, подумал я, приятно отвлечься от приевшихся показов мод, деловых банкетов, костюмированных балов.

На столе загудел сигнал аппарата внутренней связи. Мой секретарь Шелда Мэйсон, ранее секретарь Алисон Барнуэлл, решила пообщаться со мной. Она все еще не могла определиться в отношении меня, и это несколько нервировало, потому что Шелда была чертовски красива. Я чувствовал, что ее место — на страницах журналов мод, а не в крохотной клетушке на четвертом этаже. Я бы с большим удовольствием приглашал ее в ресторан или на концерт, а не просил принести ту или иную бумагу, но опасался, что где-то затаился поклонник, которому могла не понравиться моя фривольность. У поклонников таких девушек, как Шелда Мэйсон, чувство собственника обычно гипертрофированно.

Похоже, Шелду умиляло происходящее в отеле «Бомонт».

— Мистер Мюррей Кардью шлет наилучшие пожелания, — сухо сообщила она, — и ожидает увидеть тебя через двадцать минут в баре «Спартанец». Он обещает угостить хересом, если, конечно, ты принесешь все материалы, касающиеся встречи господина Поля Бернарделя в субботу вечером.

— Скажи мистеру Кардью, что я приду.

— Мистер Кардью не ждет ответа, — вразумила меня Шелда. — Его хватил бы удар, если б ты ответил «нет». Материалы по встрече Бернарделя я приготовила.

Шелда сидела за столом в изящном зеленом костюме, подчеркивающим достоинства ее фигуры.

— Я тебя ненавижу. — Улыбаясь, она протянула мне тонкую папку.

— В чем я провинился?

— Ты прошел мимо меня в кабинет, словно и не заметив, что я здесь. Я не привыкла, чтоб меня не замечали, мистер Хаскелл. Ты же знаешь, что я сгораю от любопытства.

— По какому поводу?

— Идиот! — Ну где еще секретарь награждает босса таким эпитетом? — Что Великий Отец Белых сделал с Майклом Дигби Салливаном? Заточил в Бастилию?

— Он думает над этим.

— Тогда у меня еще есть время.

— Для чего?

— Мой дорогой Марк, ты, конечно, слишком глуп, чтобы понять, что Диггер Салливан — мечта любой девушки. Я надеюсь, что мне удастся убедить тебя познакомить меня с ним. Иначе придется подстеречь его в баре «Трапезия». Как ты думаешь, я красивее, чем она?

— Она?

— Жульет Жирар.— Шелда обворожительно улыбнулась.— Я могла бы рассказать тебе всю историю, Марк, и тебе не пришлось бы рыться в газетных вырезках. Кто-то из нас должен приглядывать за вновь прибывшими.

Кстати сказать, ее обязанности и состояли в том, чтобы ежедневно просматривать регистрационную книгу и сообщать мне, не требует ли кто из новых гостей нашего особого внимания. Она ничего не сказала мне о Жирарах, хотя те жили в отеле уже несколько дней.

— Я не видел мадам Жирар, но поставил бы на тебя.

— Благодарю вас, сэр.

— Что Жирары делают в Нью-Йорке?

— ООН,— ответила Шелда.— Шарль Жирар — специальный прокурор, представляющий интересы французского правительства. США отказываются выдать Франции бежавших оттуда членов ОАС, обвиняемых в подготовке покушения на генерала де Голля. Перед Жираром поставлена задача найти брешь в международном праве, не допускающем выдачи лица, нарушившего закон по политическим мотивам.

— Почему ты работаешь в отеле, а не в государственном департаменте? — любопытно спросил я.

— Потому что ты симпатичнее госсекретаря, это во-первых,— с улыбкой ответила она,— а во-вторых, я надеюсь, что в следующую выборную кампанию Пьер Шамбрэн будет баллотироваться в президенты нашей страны. Между прочим, Мюррей Кардью обгрыз уже не один ноготь, дожидаясь тебя.

Я неохотно направился вниз, в бар «Спартанец», где ждал меня Мюррей Кардью. Отделанный дубовыми панелями бар предназначался только для мужчин. Посещали его главным образом пожилые люди. Он напоминал клуб — с сигарным киоском, где продавались также особые сорта трубчатого табака, газетной стойкой и угловыми столиками, где седовласые джентльмены часами играли в триктрак.

Мистер Мюррей Кардью ежедневно приходил туда перед ленчем и уходил под вечер, чтобы переодеться к обеду. Когда я поступил на работу в «Бомонт», Шамбрэн побеседовал со мной о Мюррее Кардью.

— Вы думаете, у нас полные досье на наших гостей? — начал он.— На фоне Мюррея Кардью мы просто дилетанты. Он сможет сказать вам, откуда взялись деньги у каждого из них, нарисовать родословное древо любого, он в курсе всех сплетен, не говоря уже о достоверной информации. Кардью стал бы величайшим шантажистом, если б захотел обратить в деньги известные ему сведения. Но он джентльмен старой школы.

— И он слишком богат, чтобы нуждаться в деньгах,— смело добавил я, предположив, что беднякам в «Бомонте» делать нечего.

Шамбрэн улыбнулся и выудил из картотеки досье Мюррея Кардью. Мистер Кардью, занимавший одноместный номер на семнадцатом этаже, не платил по счетам уже семь или восемь

лет. Питался он в отеле, иногда приглашал гостей к обеду. Их имена также имелись в досье.

— Разумеется, ему пужно немного денег на одежду, чаевые, посещения оперы или музеев. Он получает их от меня, как безвозвратную ссуду.

— Почему? Он ваш давний друг?

— Очень давний, — кивнул Шамбрэн. — Но стал бы я убирать скульптуру Эпигтейна из колонного зала, если б мне сказали, что освободившееся место можно использовать с большой выгодой для отеля? Мюррей Кардью неотделим от отеля, его традиций. И день, когда он не появится в баре «Спартанец» (а такой день, конечно, придет — ему уже около восьмидесяти), ознаменует конец эры.

124

Трудно объяснить, какое впечатление производил на меня Мюррей Кардью. Мне только тридцать. Мюррей Кардью на семнадцать лет старше нашего века. Я однажды слышал его рассказ, как маленьким мальчиком он проводил лето в Саратоге. О Ричарде Кэнфильде, знаменитом владельце казино, о Викторе Герберте и его оркестре, выступавшем в роскошных отелях, об Уитни и Вандербильтах, только начавших создавать промышленные империи, о Берри Уолле, светском льве, который как-то выиграл пари, за один день появившись на людях в сорока костюмах... Мюррей Кардью одевался в стиле той эпохи. В «Спартанце» он появлялся неизменно в черном пиджаке, полосатых брюках, галстук из серого шелка с широкими, как у шарфа, концами, украшенном заколкой с черной жемчужиной. Добавьте к этому перламутрово-серую жилетку с белыми перламутровыми пуговицами и гетры, серые — зимой, белые, из хлопка, — летом. Если он надевал пальто — подозреваю, его единственное — с красивым меховым воротником, то обязательно с котелком и тростью из черного дерева с серебряным набалдашником. Молодежь видела в нем комика, участника костюмированного бала. Мне он казался воплощением достоинства. Стройная фигура, легкая походка, седые, тщательно уложенные волосы, аккуратно подстриженные усы... Всем своим видом Мюррей Кардью показывал, что появление в обществе — дело серьезное, не терпящее пренебрежения даже в мелочах. Картину дополняла белая гвоздика в петлице пиджака, за которой он заходил в цветочный магазин в вестибюле отеля ровно без четверти час, разумеется, каждый день. Никогда не менялось и меню его ленча: сэндвич — ветчина на поджаренном ржаном хлебе — и полбутылки шампанского.

По заведенному порядку Мюррей Кардью съедал сэндвич, запивая его шампанским, в полном одиночестве. Прием начинался лишь после того, как мистер Новотны, старший официант «Спартанца», заменял пустую тарелку и бокал на маленькую чашечку черного кофе, а Мюррей Кардью вставлял сигарету в серебряный мундштук. Слово по сигналу, завсегда один за другим подтягивались к его столу. Каждый минут десять болтал с ним, а затем уступал место следующему. Около трех часов дня мистер Новотны приносил коробку гаванских сигар. Оценив их по лишь ему одному ведомым критериям, Мюррей

Кардью выбирал сигару, доставал из кармана жилетки золотые ножницы и обрезал кончик. Мистер Новотны чиркал спичкой. Зажигалок Мюррей Кардью не признавал. Запах газа, которым заправлялись зажигалки, уничтожал тонкий аромат занимающегося табачного листа, высушенного на далекой Кубе.

В пять часов мистер Новотны возникал у стола с бокалом и бутылкой импортного хереса. Мюррей Кардью пристально смотрел на этикетку и одобрительно кивал. Уже более пятидесяти лет он пил херес одной и той же марки, но без его кивка бутылка на стол не ставилась.

В начале седьмого Мюррей Кардью покидал «Спартанец» и удалялся в свой номер. Вновь он появлялся через два часа. Никто не знал, как он их проводит, но предполагалось, что он спит перед обедом. Обедал он обычно в «Гриле», где обслуживал его сам Кардоза. Один или с гостями, Мюррей Кардью всегда надевал к обеду смокинг и белый галстук. Что там говорить, этот странный старик, сохраняющий традиции другой эпохи, являлся неотъемлемой частью «Бомонта»!

Мюррей Кардью сидел за своим привычным столиком. Он заметил меня, едва я вошел в «Спартанец», но не подал и виду, дожидаясь, пока я не подойду к столу.

— А, мистер Хаскелл.— Голос у него был тихий, мелодичный.

Я взглянул на полупустой бокал хереса.

— Надеюсь, я не задержал вас.

— Отнюдь, юноша, отнюдь. Присаживайтесь.— Он поднял руку, подзывая Новотны. Тот мгновенно подошел и остановился у стола, ожидая дальнейших распоряжений.— Рекомендую вам попробовать этот херес.

— С удовольствием,— ответил я.

Мистер Новотны не шевельнулся — Мюррей Кардью еще не разрешил обслужить меня.

— Современные правила приличия не требуют от вас непременно принять мое предложение, мистер Хаскелл,— продолжил старик.— Я в курсе того, что молодежь вашего поколения отдает предпочтение мартини. Меня, слава богу, обошло это поветрие. Я никогда не жил ради мгновения, мистер Хаскелл. Я наслаждаюсь аперитивом в это время дня, но не забываю о том безмерном удовольствии, которое получу от прекрасного обеда и марочного вина. На своем примере я убедился, что мартини оказывает пагубное воздействие на небо.

— С удовольствием выпью хереса, мистер Кардью,— ответил я, хотя терпеть не мог хереса.

Мюррей Кардью кивнул Новотны, тот отошел от стола и тут же вернулся с бокалом и бутылкой.

— Любимая марка мистера Кардью, — бесстрастно пояснил он.

— Отлично.— Я не стал спорить.

Мюррей Кардью молчал, пока я не пригубил херес. От меня требовался комплимент.

— Если бы все марки хереса обладали таким букетом, я бы тут же отказался от мартини.

Он довольно кивнул.

— Насколько мне известно, этого хереса в подвалах отеля предостаточно. Мистер Шамбрэн предупредил вас, что мне понадобится ваше содействие?

— Я полностью в вашем распоряжении, сэр.

— Посол Франции, месть Делакру, обратился ко мне по весьма деликатному делу, — продолжал Мюррей Кардью. — Несколько дней назад мы провели вместе немало часов на Ривьере. Отличный шахматист этот Делакру. Какие мы разыгрывали сражения! И, должен признать, частенько мне удавалось взять верх. Но все это не имеет отношения к нашему разговору, разве что объясняет, почему посол обратился ко мне.

— Мистер Шамбрэн всегда говорил, что по правилам этикета лучшего эксперта, чем вы, не найти.

— Милый человек этот Шамбрэн. — В голосе Мюррея Кардью слышалась нотка снисходительности. В конце концов Шамбрэн не принадлежал к светскому обществу. Кардью поднял бокал, но лишь коснулся его губами. Я понял, что он будет растягивать остатки хереса, пока я не осушу свой бокал.

— Как вам известно, в субботу вечером должны состояться прием, бал и ужин в честь месье Поля Бернарделя, главы французской торговой комиссии, который приехал на переговоры с американскими бизнесменами.

— Я знаю, сэр.

— Суть вопроса — как рассадить гостей за ужином, — продолжал старик. — Месье Бернардель выставил только одно требование, но выполнить его не так-то просто. В Америке у него есть давний и близкий друг, который, кстати, в данный момент живет в этом отеле.

— Диггер Салливан?

По лицу Мюррея Кардью пробежала тень. Прозвища его оскорбляли.

— Майкл Дигби Салливан, — поправил он меня. — Фигура известная среди автогонщиков и создателей автомобилей. Месье Бернардель руководит большой автомобильной фирмой, он представитель знатного французского рода. Салливану же, несмотря на все его обаяние, в этом смысле похвастаться нечем. Его отец был ирландским авантюристом, выходцем из простой семьи, хотя и отличился на войне. Мать снималась в кино. Талантливая киноактриса, так по крайней мере мне говорили, но ее отец торговал кухонной утварью то ли в Айдахо, то ли в Айове.

— К сожалению, не знаю, где именно, — ввернул я.

— Это не важно. У Салливана нет связей ни среди политиков, ни в светском обществе. При обычном раскладе он никогда не оказался бы за главным столом. Но таково требование месье Бернарделя. Он хочет, чтоб Салливан сидел по его правую руку. Вот тут и начинаются наши затруднения.

— Какие же, сэр?

Мюррей Кардью посмотрел на меня, как на слабоумного.

— За стол сядут восемь человек, мистер Хаскелл. Месье Бернардель и Салливан — это двое, месье и мадам Делакру, уже четверо, принцесса Барагрэйв, в девичестве Мабель Гровеснол,

и ее сестра, мисс Айлин Гровеснон, дамы для месье Бернарделя и Салливана, то есть шестеро. Остаются два места. По дипломатическому протоколу их должны занять месье и мадам Жирар, потому что во французском правительстве месье Жирар занимает должность, соответствующую нашему генеральному прокурору.

— Черт побери! — воскликнул я.

Глаза старика блеснули.

— Грубовато, мистер Хаскелл, но я согласен — черт побери!

— Тогда вы должны посадить Жираров куда-то еще.

— Именно здесь на сцену выходите вы, мистер Хаскелл.

— Я?

— Мое участие в этом деле, Хаскелл, обусловлено моей давней дружбой с месье Делакру. Секретарь французского посольства попросил, чтобы я помог рассадить гостей. Среди них преобладают американцы, и я без лишней скромности заверил секретаря, что для меня это не составит труда. Но главный стол — прерогатива секретаря, Жана Лакоста. Он ярый приверженец дипломатического протокола. Он, конечно, осведомлен...

— О том, что Салливана обвиняли в убийстве отца мадам Жирар? Что Бернардель спас Салливана? Что Жирар был прокурором на этом процессе и что он и его жена публично назвали алиби Салливана фальшивкой и заявили, что еще докажут свою правоту?

— Вижу, вы подготовились основательно. — Мюррей Кардью сухо улыбнулся. — Интересное получается сочетание, не так ли?

— Да разве они могут сидеть за одним столом? — воскликнул я.

— Месье Бернардель не может этого не понимать. Раз присутствие Жираров неизбежно, он должен был принять меры, чтобы встретиться с Салливаном позже и в другом месте.

— Надо отметить, что месье Бернардель выразил свое желание относительно Салливана до того, как узнал о присутствии на приеме Жираров. Однако, когда ему сказали об этом, он отказался что-либо менять, полагая, что любое другое решение расценили бы однозначно: Салливан лишился его доверия и поддержки.

— А Жирары? Уж они-то наверняка предпочтут не оказаться за одним столом с Салливаном.

— Господин Жирар, как и наш юный друг из посольства, твердый сторонник общепринятых правил поведения в обществе. Он не хотел бы сидеть за этим столом, но просьба о смене места будет истолкована не иначе, как слабость с его стороны. Абсурдная точка зрения, но приходится ее учитывать.

— Значит, особого веселья не получится?

— Совершенно верно. Не вечер, а мучение для всех, кто будет сидеть за главным столом.

— Ну, если никто не хочет уступить...

— Тогда, — прервал меня Мюррей Кардью, — мы не станем принимать во внимание их требования.

— Но как?

— Поправьте меня, мистер Хаскелл, если я в чем-то ошибусь.

Программа вечера остается без изменений. Для начала на столах расставят карточки с фамилиями гостей.

— Да, сэр.

— После торжественной встречи месье Бернарделя, за несколько минут до того как гости войдут в колонный зал и рассядутся за столы, им раздадут листы, на которых указано, кто где сидит. Они найдут свой стол и, войдя в колонный зал, сразу направятся к нему. Я прав?

— Да, сэр.

— О карточках с фамилиями гостей и этих листах должен заботиться отель, не так ли?

— Да, сэр. Это входит в мои обязанности.

Мюррей Кардью кивнул, улыбнулся.

— Заполняя посадочные листы, мистер Хаскелл, вы определите Жираров за стол номер шесть вместо первого стола. А на их место, за стол номер один, мы посадим английского автогонщика Джеффри Сэйвилла и его жену.

— Но этот Лакост, секретарь посольства, обнаружит подмену, как только увидит листы.

— Вот это ляжет на вас, Хаскелл. Он не должен увидеть посадочных листов. Вам придется не справиться с вашими обязанностями.

— Простите, сэр?

— Попросту говоря, вы дадите маху. Эти посадочные листы появятся в самый последний момент. Когда Лакост захочет их увидеть, вы сошлетесь на задержку. Ему не останется ничего другого, как проверить столы. Он убедится, что все карточки с фамилиями гостей расставлены в полном соответствии с его указаниями. Но как только он покинет колонный зал, вы, Хаскелл, или кто-то еще, кому вы это поручите, переставите карточки, чтобы они уже не входили в противоречие с посадочными листами, которые появятся словно по мановению волшебной палочки. Карточки Сэйвилла и его жены перекочат на первый стол, Жираров — на шестой. Когда все рассядутся и месье Лакост поймет, что произошло, он не поднимет скандала. Это было бы невежливо по отношению к виновнику торжества. Но, несомненно, потребует вашего немедленного увольнения.

— Хорошенькое дело! — воскликнул я.

Улыбка Мюррея Кардью стала шире.

— Я думаю, вы можете не беспокоиться за свое место, Хаскелл, так как идея исходит от Пьера Шамбрэна, вашего непосредственного начальника.

Ох уж этот мистер Мюррей Кардью! Что же касается господина, который подписывал мой еженедельный чек, то хитростью он мог потягаться с самим Макиавелли.

Глава 3

Официально мой рабочий день закончился. До того как пойти на работу в отель, я не сидел в конторе ни одной лишней минуты. Под влиянием Шамбрэна мой образ жизни изменился, хотя он не настаивал на этом. Я сдал квартиру и переехал

в отель. Теперь, после одного или двух коктейлей в конце рабочего дня, я поднимался к себе в номер, переодевался к обеду и проводил вечер, кружа по отелю. Многочисленные бары, ночной клуб «Синяя комната», банкетные залы,— я напоминал шерифа небольшого городка на Диком Западе, проверяющего, все ли спокойно на вверенной ему территории.

Это и был мой город, со своими мэром, полицией, общественными службами, частными, выкупленными владельцами квартирами, номерами для приезжающих на короткий срок, ночными клубами, кафе, ресторанами, магазинами, телефонной станцией и сложными человеческими отношениями.

Мой город. Так я думал об отеле, ощущая себя его частичкой и болея душой за его репутацию. Полагаю, те же чувства испытывал и Шамбрэн, благодаря чему все службы отеля работали в едином ритме, словно хорошо отлаженный часовой механизм. Остальные любили «Бомонт» не меньше моего. Джерри Додд, ведающий вопросами безопасности, Эттербюри, старший дневной портье, Карл Нэверс, старший ночной портье,— каждый из них мог с одного взгляда отличить богатого человека от шарлатана. Бармены, официанты, такие, как Новотны, или Кардоза, или Дел Греко, в чьем ведении находился бар «Трапеция», Амато, организатор банкетов, Джонни Тэкер, дневной бригадир оравы посыльных, Джонни Меггио, командующий ими по ночам. В любое время дня и ночи Пьер Шамбрэн мог нажать кнопку в своем кабинете и получить ответ на интересующий вопрос, прежде чем слова успевают слететь с его губ. Разумеется, он точно знал, кого надо спрашивать.

Бар «Трапеция» отеля «Бомонт» подвешен в воздухе, над фойе Большого бального зала, словно птичья клетка. Этот бар со стенами из декоративной металлической решетки очень популярен, потому что не похож ни на какой другой. Он украшен фигурками цирковых гимнастов на трапециях. В воздушном потоке, вызванном скрытой от глаз системой кондиционирования, фигурки слегка колышутся, создавая впечатление, что качается весь бар.

Старшего бармена «Трапеции», симпатичного толстячка, звали Эдди. Он увидел, что я вхожу в решетчатые двери, и ледяной мартини появился на стойке до того, как я успел пересечь бар.

— Убивает вкус хереса,— пояснил он.

— Откуда вы знаете?

— Внутренний радар. Старик отправился отдохнуть?

— Похоже. Вы давно знаете мистера Кардью, Эдди?

— Он появился вместе с этим баром, задолго до меня. Вы знаете наши правила, мистер Хаскелл. Никогда не обсуждать постояльца.

— С другим постояльцем,— уточнил я.

— Да, разумеется,— кивнул Эдди.— Многие из нас знают его историю. Двенадцать или тринадцать лет назад он решил, что проживет еще максимум лет пять. Крах биржи в двадцать девятом году серьезно подорвал его финансы. Денег осталось немного, ровно на пять лет жизни в привычных условиях.

Через пять лет деньги кончились, а здоровье осталось. Жить в другом месте он уже не мог. Поэтому заказал роскошный обед в «Гриле», пожелал Кардозе спокойной ночи и поднялся в свой номер. Там его поджидал Шамбрэн. Он сидел в кресле, курил египетскую сигарету и подбрасывал в руке флакончик с таблетками снотворного. Их хватало на три смертельные дозы. Вы же знаете методы Шамбрэна. Он же читает мысли, сукин сын,— в голосе Эдди слышалось нескрываемое уважение.— Когда Кардью купил эти таблетки в нашей аптеке,— а ему пришлось покупать их у нас, чтобы не платить наличными, которых у него уже не было,— кто-то шепнул об этом Шамбрэну на ухо.

Мало того, что он отговорил старика от самоубийства. Шамбрэну удалось убедить его, что он необходим отелю, что отель готов оплачивать его содержание да еще подкидывать денег на мелкие расходы. Старик ему поверил, и Шамбрэн приобрел еще одну пару глаз и ушей. Кое-кому это могло не понравиться.

— Но возражать никто не стал?

— Нет. Старик уж больно хорош. Никаких мелких придирок. Никогда не сует нос в чужие дела. Три, а может, четыре раза за последние восемь лет благодаря ему нам удалось предотвратить крупные неприятности. С точки зрения Шамбрэна, он отработал потраченные на него деньги.— Выражение лица Эдди изменилось. Он уже смотрел мне за спину.— За вами пришли.

И тут же чья-то рука легла на мое плечо. Я обернулся и увидел Диггера Салливана. В смокинге, который сидел на нем как влитой, и без темных очков. Впервые я взглянул в широко посаженные серые искренние глаза.

— Позвольте угостить вас? — спросил он.

— Не откажусь.

— Мартини? — Он посмотрел на мой бокал на стойке.

— Отлично.

— Пожалуйста, пусть принесут за столик.

Столик он выбрал неподалеку от входа. Официант принес мартини. Другой поставил на стол блюдо с ломтиками поджаренного хлеба с икрой. Как только мы остались вдвоем, Салливан сразу взял быка за рога.

— Что вам известно обо мне?

— Я прочитал стопку газетных вырезок о ваших неприятностях.

— Тогда вы не могли не задаться вопросом, почему Шамбрэн не вызвал полицию или, по меньшей мере, не настоял, чтобы я немедленно выписался из этой сверкающей птичьей клетки.

— Вы правы.

— Может, вы спросили его?

— Нет.

— Вы принимаете его суждение?

— Он — босс.

— Черт побери. Значит, вы не знаете, почему?

— Нет.

— Да будет вам, Хаскелл, рассказывайте! — Белозубая улыбка не могла скрыть озабоченности в его глазах.

— Мне нечего сказать вам. Здесь, в «Бомонте», решения мистера Шамбрэна не обсуждаются, а выполняются.

Салливан загасил в пепельнице окурок и тут же закурил новую сигарету.

— Ничего не могу понять. Полагаю, за мной установлено наблюдение?

— Понятия не имею.— Я попытался успокоить его.— Если б я знал, то, конечно, не сказал бы вам, но мне действительно ничего не известно.

Он ссутулился, как-то сжался.

— Кругом столько глаз.

Я понимал, что он имеет в виду. Речь шла не о посетителях в вечерних туалетах, заполнивших «Трапецию». Этот бар являлся для них промежуточной остановкой на пути в один из банкетных залов или ресторанов отеля. Мистер Дел Греко и его помощник едва успевали принимать заказы. Посетители бара в большинстве своем не принадлежали к нуворишам и держались свободно и раскованно. Дорогие наряды женщин, украшения, волосы всех цветов и оттенков. Но эти люди наряжались не для того, чтобы произвести впечатление на глазающую публику. Этот бар принадлежал им, сюда не допускались охотники за автографами и подростки, жаждущие общения со знаменитостями. Их лица оставались бесстрастными. Если взгляды и задерживались на нас с Салливаном, то не более чем на секунду.

Салливан говорил не об их глазах.

Взгляды, которые он ощущал на себе, принадлежали официантам, барменам, мужчине, сидевшему в дальнем конце стойки, который мог быть сотрудником службы безопасности отеля, но на самом деле, насколько я знал, им не был. Кроме того, и мне самому всегда казалось, что где-то — возможно, в потолке — имелся глазок, через который Шамбрэн следил за тем, что происходило в его мире.

— Одна из отличительных особенностей «Бомонта» — умение обслуживающего персонала предугадывать желания наших гостей.— Словно подтверждая мои слова, официант, внезапно возникший у нашего столика, поднес спичку к еще не зажженной сигарете Салливана. Я улыбнулся.— Понимаете, о чем я говорю?

Он не ответил. Его серые глаза не отрывались от входа в бар. Затем Дитгер встал и начал обходить стол. Тут уж и я повернулся, чтобы посмотреть, чем вызвана столь резкая перемена в его поведении.

Молодая женщина у двери оглядывала его широко раскрытыми, вероятно, близорукими глазами. Я слышал, как воздух с шипением вырвался сквозь сжатые зубы Салливана.

Такие женщины, конечно, приковывают взоры. Блондинка с роскошными золотыми волосами. Черный, комбинированный из шерсти и шелка костюм, слепяще-розовая блузка, яркосиний пояс с пряжкой, украшенной драгоценными камнями. Организация показов мод в «Бомонте» возложена на меня, и я мог бы поспорить на свой последний доллар, что этот костюм она шила у Диора.

Женщины, сидящие за столиками, могли оценивать костюм, белые перчатки, изящные туфли-лодочки, мужчины же увидели совсем другое. Я думаю, каждый из них почувствовал то же, что и я,— хотелось подойти к незнакомке и спросить, чем можно помочь. Сексуальная привлекательность в женщинах проявляется по-разному. Одни открыто предлагают себя. В других внешняя скромность как бы подчеркивает тающуюся внутри страсть.

К последним я бы отнес и эту блондинку. Всем своим видом она как бы показывала, что не может существовать без мужчины. Но мужчины с большой буквы, особого мужчины, единственного во всем мире. Подернутые синим туманом близорукие глаза скрывали жгучий огонь. Разом охватившая меня печаль подсказала, что не быть мне этим Мужчиной. А по реакции Салливана я понял, что передо мной мадам Шарль Жирар, в девичестве Жюльет Вальмон.

Она направилась в нашу сторону, но путь ее лежал дальше, в глубь зала. И у меня появилось нелепое желание протянуть руку и потрогать мадам Жирар, когда она будет проходить мимо нашего столика. Оставалось только гадать, видит ли она Салливана.

Легкий вздох прошелестел по бару, когда мадам Жирар сделала первый шаг. Он выражал всеобщее облегчение. Ее застывшая у дверей фигурка создавала магический эффект, который могли нарушить неловкое движение или грубый возглас. Она не шла, а, казалось, плыла по воздуху. Когда она приблизилась к нам, я уловил тонкий аромат ее духов. Она не подняла глаз на Салливана. Не узнала его, подумал я, к счастью для них обоих.

Но внезапно она заговорила низким шепотом, глядя прямо перед собой:

— Ради бога, помоги мне!

И прошествовала дальше, а я подумал, что никогда не слышал такого отчаяния в голосе, такой мольбы. Я даже шагнул следом за ней. Может, она кого-то боялась? Или в ней еще жила трагедия смерти отца? Или она просто плохо видела и опасалась, что не дойдет до другого конца зала?

И тут я заметил, как из-за углового столика поднялся мужчина и поспешил ей навстречу. Интересный, с волевым лицом, лет сорока, с преждевременно поседевшими волосами. Но смотрел он не на женщину, а на Диггера Салливана, который все еще стоял лицом к дверям.

— К кому она идет? — услышал я его шепот.

— Седой мужчина... заинтересовался вами.

— Жирар, — с ненавистью процедил Салливан, не разжимая губ.

Я заставил себя повернуться к нему. Лицо посерело, кулаки сжались.

— Вы слышали ее?

— Да, я слышал. О, господи, — и чуть ли не бегом рванулся к дверям.

Я медленно подошел к стойке, два нетронутых мартини остались на столе. Эдди как-то странно посмотрел на меня.

- Он забыл заплатить.
- Похоже, что да.
- Ваш гость или внести в его счет?
- Мой гость.

Эдди хохотнул.

— Пора бы вашим глазам вкатиться обратно в глазницы. Лакомое блюдо эта миссис Жирар.

— «Блюдо» к ней не подходит, Эдвард,— я оглядел зал. Она сидела рядом с мужем, который ей что-то выговаривал.

Шарль Жирар также не годился в Мужчины, не без удовольствия отметил я.

По бытующей в «Бомонте» легенде, Пьер Шамбрэн никогда не покидает отеля. Его загар создается ультрафиолетовой лампой, а выйдя на улицу, он тут же заблудится, потому что с той поры как он впервые вошел в «Бомонт» в начале тридцатых годов, город существенно изменился. Разумеется, вышесказанное далеко от истины. Он бывает в городе едва ли не каждый день, а раз или два в неделю посещает театр или оперу. Его квартира на крыше отеля, и это дает ему возможность погреться на солнышке. Приходы и уходы Шамбрэна не афишируются, а секретарь и ночной дежурный службы безопасности всегда знают, где он находится и как его найти. Поэтому при любом происшествии в отеле Шамбрэн словно возникает из-под земли и берет командование на себя. Когда я поступил на работу в «Бомонт», мне сказали, что, как только я совершу ошибку, Шамбрэн тут же появится из-за угла. В большинстве случаев это утверждение соответствовало действительности.

В тот вечер Шамбрэн отправился в театр на спектакль «Кто боится Вирджинии Вульф?». Досмотреть пьесу до конца ему не удалось.

Я одевался к обеду, и мои мысли постоянно возвращались к Жюльет Жирар. Ее недоступность не вызвала сомнений, я не имел никакого права вмешиваться в ее дела. Но, как пятнадцатилетний мальчишка, влюбившийся впервые в жизни, я бы с радостью лег под колеса грузовика, если б моя смерть могла принести ей хоть какую-то пользу. Нужно видеть Жюльет Жирар, ощутить на себе ее магию, услышать несколько произнесенных ею слов, чтобы понять, как такое могло произойти с тридцатилетним мужчиной, считающим себя взрослым.

Побрившись и переодевшись, я прошелся по ресторанам отеля, надеясь еще раз увидеть Жираров. Но из «Трапедии» они ушли, и я не нашел их ни в «Гриле», ни в «Синей комнате»...

В поисках этой удивительной женщины я наткнулся на Мюррея Кардю. В смокинге и белом галстуке он обедал в тиши «Гриля» и приветствовал меня чуть заметным кивком.

В дверях «Гриля» меня остановил Джерри Додд, возглавляющий службу безопасности отеля. Джерри лет сорок, он тощ, невысок, всегда улыбается, но его глаза пронзают насквозь, и с одного взгляда он может узнать о человеке очень и очень многое. Шамбрэн полностью ему доверяет. Обычно Джерри работает с семи вечера до трех утра, когда бары, ночной клуб «Синяя комната» и рестораны полны гостей. На эти часы

выпадает львиная доля происшествий — в отеле полным-полно посторонних.

— Вы сообразили, что к чему? Я говорю о Салливане.— Естественно, он знал, что я присутствовал при допросе Салливана в кабинете Шамбрэна.— Босс не думает, что Диггер клептоман. Порядок в таких случаях один: «Извините, но нам нужен номер, который вы занимаете». За двадцать лет мы поймали многих любителей пошарить в чужих номерах. И я впервые сталкиваюсь с тем, что преступник не наказан.

— Да,— подтвердил я,— босс сказал, что должен подумать. Джерри рассмеялся.

— Он уже подумал. Но я ничего не могу понять, и мне это не нравится. Если у вас есть объяснение, поделитесь со мной, а?

— Пока нет, но я не забуду вашей просьбы.

В тот момент меня несколько не интересовали причины, побудившие Шамбрэна помиловать Салливана. Я бродил по отелю, чувствуя себя обманутым, и не видел перед собой иной цели, кроме как дожидаться возвращения Жираров, если они отправились обедать в город. Тогда я мог надеяться, что увижу их у лифтов или в баре, если они решат выпить перед сном по коктейлю.

Около девяти вечера я внезапно почувствовал, что проголодался. Вновь зашел в «Гриль» и заказал мясной сэндвич и овощной салат. В «Гриле» готовили самые вкусные овощные салаты. Когда я покончил с едой и Кардоза поставил на стол маленькую чашечку кофе, меня разобрал смех. По роду деятельности мне каждый день приходится сталкиваться с десятками красивых женщин. И что только я себе вообразил? Просто удивительно, до какого абсурда может дойти человек. Я уже решил забыть о Жюльет Жирар и поехать куда-нибудь развлечься, когда к моему столику вновь подошел Кардоза.

— Вас к телефону, мистер Хаскелл. Звонит Кардью.

Телефонный аппарат Кардоза принес с собой, поставил его на стол, воткнул штекер в розетку. Я взял трубку.

— Да, мистер Кардью?

— Извините, что беспокою вас, мистер Хаскелл,— донесся до меня усталый старческий голос.

— Ну что вы, мистер Кардью, какие пустяки.

— Я пытался связаться с мистером Шамбрэном, но его, кажется, нет в отеле.

— Он поехал в театр, сэр.

— Возникли неожиданные затруднения в связи с той маленькой проблемой, которую мы обсуждали с вами сегодня.

— В размещении приглашенных, сэр?

— Не совсем, мистер Хаскелл, но речь пойдет о тех же самых лицах. Я хотел бы переговорить с вами, чтобы вы могли потом посоветоваться с мистером Шамбрэном. Когда он вернется в отель, боюсь, я буду уже спать.

— Хорошо, сэр. Я внимательно слушаю.

— Если вы не возражаете, не по телефону.

— Вы хотите, чтобы я поднялся к вам в номер, сэр?

— Если вас не затруднит.

— Разумеется, нет, сэр. Уже иду.

Я подписал чек, вышел из «Гриля» и через вестибюль направился к лифтам, но меня перехватил Карл Нэверс, старший ночной портье. Он только что получил телеграмму с просьбой о бронировании номера для Лили Дориш, немецкой кинозвезды. Указывалось и время прибытия — примерно час ночи, не лучшее для организации торжественной встречи.

— Эта дама привыкла, чтобы ее принимали по высшему разряду, — напомнил Карл. — Если в вестибюле она не увидит как минимум двух фотографов, скандала не миновать.

— Я думаю, мы что-нибудь придумаем, — успокоил я его.

— И вы держитесь поблизости, — попросил Карл. — Лили любит, когда вокруг нее вьются симпатичные молодые люди. Наверное, стоит позвонить в пару газет, чтобы прислали своих репортеров. Лили всегда найдет, что им сказать.

— В час ночи? — запротестовал я.

— Этот отель, — напомнил Карл, — принадлежит Джорджу Бэттлу, который сидит на Ривьере, считая деньги и другие ценности. Наша Лили числится среди «других ценностей». Так что не теряйте времени даром.

Я прошел в комнату за стойкой, где стоял телефонный аппарат, и сделал несколько звонков, чтобы Лили Дориш не могла пожаловаться на оказанный ей прием. На это у меня ушло двадцать минут. Затем я вошел в кабину лифта и поднялся на семнадцатый этаж.

Дверь в его номер оказалась открытой, поэтому я постучал и переступил порог.

— Прошу извинить, что заставил вас ждать, сэр, но...

Следующее слово застряло у меня в горле. Мюррей Кардью лежал на спине, в неудобной позе. Смокинг он сменил на черный бархатный пиджак. Седые волосы на левом виске покраснели от крови. Его ударили по голове!

Я — не доктор. И не мог определить, дышит ли он. Но мне показалось, что у него чуть подрагивают веки.

— Мистер Кардью! — воскликнул я.

Ответа не последовало, и веки замерли.

Я попытался уложить его поудобнее, не прекращая говорить с ним. На столике стояла бутылка его любимого хереса, но мне не удалось влить хотя бы несколько капель в плотно сжатые губы. И лишь тогда я схватил телефонную трубку, вызвал врача и Джерри Додда и попросил срочно связаться с Шамбраном.

Затем принес из ванной мокрое полотенце, вытер начавшую сворачиваться кровь с виска, поправил белый галстук Кардью, пиджак. Он бы не хотел, чтобы его видели в неопрятном виде.

Я все еще не верил своим глазам, но во мне уже начала закипать злость. И злился я на мисс Лили Дориш. Если б не задержка, связанная с ее приездом, я бы не подвел Мюррея Кардью и оказался рядом в тот момент, когда ему требовалась моя помощь.

Старик, подумал я, наступил на одну из «полевых мин», упомянутых Салливаном.

Долгая, выматывающая силы и нервы ночь прервалась приездом ослепительной Лили Дориш. Таких форм я не видел ни у кого, и едва ли увижу в будущем. А ее широченная улыбка разила наповал. Она вошла в вестибюль, окруженная коридорными, сгибающимися под тяжестью дюжины чемоданов, и в сопровождении пожилой женщины с продолговатым лицом и резко очерченным носом, очевидно, ее служанки. Засверкали вспышки газетчиков и фотографов отеля. Карл Нэверс приветствовал ее, как заезжую королеву. Я механически выразил радость по поводу ее появления и в награду получил приглашение заглянуть к ней завтра на коктейль. Два репортера, которые задушили бы меня голыми руками, узнав, что я скрываю от них происходящее сейчас на семнадцатом этаже отеля, осведомились о ее планах. Но вместо ответа услышали радостный вопль Лили Дориш.

— Макс! Дорогой Макс!

Максом оказался высокий широкоплечий мужчина с коротко подстриженными волосами, в смокинге, с моноклем, висящим на черном шелковом шнурке. Он направился к Дориш и склонился над ее рукой.

— Моя дорогая Лили,— сказано это было с немецким акцентом.

— Ты поужинаешь со мной, Макс? — теперь она видела во мне лишь служащего отеля.— Вы сможете договориться, Хаскелл, чтобы ужин подали мне в номер?

— Разумеется,— кивнул я.

— Меню я оставляю на совести вашего шеф-повара. Что-нибудь полегче. И бутылку сухого французского шампанского. Я снова кивнул.

Макс вставил монокль в глаз и холодно оглядел меня.

— Стоимость ужина внесите в мой счет, пожалуйста.

— Нет, нет, Макси,— заворковала Дориш.— Я хочу, чтобы ты был у меня в долгу. И я жду твоего рассказа о Берлине и Париже.

Монокль вылетел из глаза Макси.

— Ну, если ты настаиваешь...— он был похож на Конрада Вейдта, игравшего нацистов в старых военных фильмах.

Дориш увлекла его к лифту, и тут сердце мое екнуло. В вестибюль вошла Жирары. Жульет стояла, держа мужа под руку, и наблюдала за процессией, шествующей к лифтам. Я не мог сказать, кто больше удивил ее, грудастая блондинка или элегантный надушенный Макси. Внезапно она отвернулась.

Я взглянул на ухмыляющегося Карла Нэверса.

— Зрелище запоминающееся.

— Кто этот Макси? — спросил я.

— Макс Кролл. Авангард прибывающей завтра делегации Бернарделя.

— А я мог бы поклясться, что он немец.

— Вы правы. Директор автомобильного завода Бернарделя

в Западной Германии. Воевал в вермахте. Большая шишка в Общем рынке.

Теперь мне стала понятной реакция Жульет. Все, связанное с Бернарделем, напоминало ей об убийстве отца.

— Позаботьтесь об ужине для дамы,— напомнил Карл, все еще улыбаясь,— а не то вам позвонит сам Джордж Бэттл из своего дворца на Ривьере.

— Если он позвонит, я расскажу ему о Макси.

Дориш и ее свита уже уехали. Шарль и Жульет Жирар не спеша шли к лифтам.

— Что наверху? — услышал я вопрос Карла.

— Все по-прежнему. Орудие убийства не найдено. Непонятно, кто мог напасть на старика. Никто не заметил ничего подозрительного.

— Вам досталось от фараонов?

— Допрос еще не закончился.

Семнадцатый этаж.

Место смерти, раздражения, глубокого сожаления. Мюррей Кардью, осколок далекого прошлого,— кто мог покуситься на его жизнь? Мне вспомнились слова Шамбрэна о том, что старик мог бы стать величайшим шантажистом, если б захотел разбогатеть. Вдруг он все-таки решил свернуть на кривую дорожку?

Эта гипотеза могла рассматриваться наравне с другими. Сейчас полиция занималась проработкой версий и набирала факты. Как я и сказал Карлу Нэверсу, орудия убийства в номере не нашли. Судебный медик предположил, что Кардью ударили рукоятью пистолета. Но его могли ударить и любым другим тяжелым предметом с гладкой поверхностью. Ночная дежурная по этажу не заметила ничего подозрительного. И лифтер не видел человека, смахивающего на убийцу, хотя кто знает, как может выглядеть убийца. Ничего не дали и поиски отпечатков пальцев.

Я оставался единственной ниточкой. Кардью посылал за мной, но, как выяснилось, мое имя не было первым, пришедшим ему в голову. Телефонистка коммутатора показала, что сначала он попытался связаться с Шамбрэном. Потерпев неудачу, попросил соединить его с номером посла Франции в «Валдорфе». Его превосходительство приехал в Нью-Йорк, чтобы принять участие в сессии Генеральной Ассамблеи ООН, а также открыть первое заседание Международной торговой комиссии. Но месяц Делакуру в номере не оказалось, и Мюррей Кардью попросил телефонистку найти меня, что она и сделала.

Но и я не мог сказать ничего вразумительного.

Лейтенант Харди внешне напоминал скорее недоумевающего защитника футбольной команды колледжа, чем сотрудника отдела убийств. Он вновь и вновь заставлял меня рассказывать о дневной беседе с Мюрреем Кардью.

— Неувязки в размещении гостей за столами — не причина для убийства,— говорил он.— Ну-ка повторите, что он сказал вам по телефону.

Я повторял раз, другой, третий... «Возникли неожиданные затруднения в связи с той маленькой проблемой, которую

мы обсуждали с вами сегодня». Речь шла не о самом размещении приглашенных, но «о тех же самых лицах».

Что это означало? Я не имел ни малейшего понятия.

— С одной стороны, ему срочно понадобился Хаскелл, с другой — он собирался лечь спать, не дожидаясь Шамбрэна, — недоумевал Харди.

— Он — глубокий старик, — вступился за Мюррея Кардью Шамбрэн. — И склонен к старомодным выражениям. «Неожиданные затруднения» могли заключаться в том, что он вспомнил о ком-то еще, кого мы забыли включить в список гостей. Или он мог найти ошибку в первоначальном плане. Или оказалось, что у месье Делакру аллергия на рыбу. Это означало, что нужно срочно менять меню. Так что «неожиданное» могло означать многое.

Харди на это не клюнул, чем завоевал мое доверие.

— Я думаю, речь все же шла о чем-то более важном, — он нахмурился, как маленький ребенок, изучающий головоломку, — о том, что могли решить вы, Шамбрэн. Поэтому он и позвонил вам первому. Что-то мог сделать и посол Франции. Едва ли Харди волновался из-за меню.

— Наверное, нет, — кивнул Шамбрэн. — Но все равно, лейтенант, я не представляю, ради чего он меня искал.

Разговор этот происходил в номере Мюррея Кардью после того, как его тело увезли в городской морг.

— Значит, дело касается тех людей, которых Кардью хотел посадить за разные столы. — Харди справился с записной книжкой. — Посла Франции и его жены, Майкла Дигби Салливана, принцессы Барагрейв и ее сестры, мисс Айлин Гровеснон, месье и мадам Жирар и месье Поля Бернарделя, который сейчас летит над Атлантикой. Не остается ничего другого, как побеседовать с каждым. Кто-нибудь из них остановился в отеле?

— Жирары и Салливан, — ответил Шамбрэн. — Забронирован номер и Бернардю. Он должен приехать утром.

— Что ж, давайте начнем с тех, кто уже в отеле, — принял решение Харди.

— Но вам придется говорить с ними отдельно, — напомнил Шамбрэн. — Жирары и Салливан несовместимы.

С того момента события, происшедшие в «Бомонте», получили два толкования, хотя кое в чем и совпадавшие. Первое — полицейское, основанное на расследовании, проведенном неторопливым, но настойчивым лейтенантом Харди. Второе — касается людей, едва избежавших гибели, к которой вели их собственные чувства и страхи, и алкая воля.

О расследовании Харди легко прочесть в подшивках газет. Там есть все подробности об алиби и уликах, а также об усилиях полиции, пытавшейся предотвратить дальнейшие преступления.

Моя история, центральной фигурой которой стал Пьер Шамбрэн, полностью известна только мне. По просьбе Шамбрэна я вел подробные записи. Многие ключевые сцены прошли на моих глазах, о других я узнал от Шамбрэна и Диггера Салливан-

на, который, возможно, более чем кто-либо представлял себе, что творит страх с людьми.

В половине второго ночи Диггера Салливана в отеле не было, поэтому в кабинет Шамбрэна первыми пригласили Жираров.

Но пришел лишь Шарль Жирар.

— Моей жене нездоровится, она очень устала,— пояснил Шарль, входя в кабинет.

Шамбрэн представил его лейтенанту Харди и мне. Взгляд серых глаз уперся в меня. Я понял, что он вспомнил, где встречался со мной сегодня — в баре «Трапедия» с Салливаном, и причислил к друзьям последнего.

Шарль Жирар производил впечатление. Пронзительный взгляд, квадратная челюсть, волевое лицо, стройная, мускулистая фигура,— в суде он был, вероятно, опасным соперником. В дружеской компании он мог бы быть обаятельным собеседником. Но сейчас скорее напоминал прокурора.

По-английски Жирар говорил без малейшего акцента, и я предположил, что школу или колледж он окончил в Англии.

— Если вы вызвали меня в связи с попыткой ограбления нашего номера, я могу лишь повторить, что все наши вещи на месте. Ничем не могу помочь и полагаю, что для вопросов вы могли бы найти более подходящее время.

— Просьба зайти ко мне не связана с дневным происшествием, месье,— ответил Шамбрэн.— По крайней мере мы так думаем. Сегодня вечером в отеле убили человека. Вы были знакомы с мистером Мюрреем Кардью?

— Никогда не слышал о нем,— без промедления ответил Жирар.

— Знала ли его ваша жена?

— Понятия не имею. Этот Кардью... его убили?

— Да.

— Как?

— Ударили по голове... чем-то тяжелым,— ответил Шамбрэн.

По голосу чувствовалось, что он злится.

— Повторяю, я никогда о нем не слышал. Мать моей жены — американка. Жюльет проводила здесь гораздо больше времени, чем я. Возможно, она и знала Кардью, хотя мне об этом неизвестно,— его глаза сузились.— Он молод?

— Через месяц ему исполнилось бы восемьдесят,— ответил Шамбрэн.

Напряжение разом покинуло Жирара. Какой же он ревнивец, подумал я.

— Мы с женой провели вечер в компании месье Делакру, посла Франции. Были на концерте в Центре Линкольна, а затем поехали в ночной клуб. В отель вернулись примерно полчаса назад,— его серые глаза остановились на мне.— Мне кажется, мистер Хаскелл видел, как мы вошли.

Похоже, он ничего не упустил.

— Мы не интересуемся вашим алиби, месье,— заверил его Шамбрэн и рассказал об участии Кардью в предстоящей встрече Бернарделя, в том числе и о том, как старик предлагал рассадить гостей. Жирар слушал с каменным лицом.

— Но я уже дал понять месье Лакосту, секретарю посольства, что мы с женой не считаем необходимым нарушать этикет из-за личных отношений.

— Не в этом суть, месье,— покачал головой Шамбрэн.— Что мог узнать мистер Кардью об одном из вас настолько важное, что его тут же убили?

— Мне кажется, вы торопитесь с выводами,— возразил Жирар.— Где доказательства, что его убили именно по этой причине? Его мог убить тот же вор, что, по вашим словам, побывал у нас в номере. Мне неизвестны какие-либо секреты, связанные с моей женой, мною или кем-то еще, кто будет сидеть за столом посла на званом вечере в честь месье Бернарделя.

— Мы хотели бы узнать у вашей жены, знает ли она Кардью,— вмешался Харди.

— Повторяю, моя жена плохо себя чувствует. Она уже легла. Прошедший день утомил ее. Позвольте мне выяснить, знакома ли она с Кардью. Если да, то уверен, что она найдет в себе силы ответить на ваши вопросы. Если нет, я попрошу вас оставить ее в покое, по крайней мере до утра.

— Хорошо,— согласился Харди.

Жирар снял трубку телефона на столе Шамбрэна и попросил телефонистку соединить его со своим номером. Его грубый голос внезапно стал мягким и нежным. С женой он говорил по-французски, в голосе слышалась искренняя озабоченность. Он упомянул фамилию Кардью. Затем положил трубку на рычаг.

— Моя жена никогда не слышала о Мюррее Кардью и ничем не может вам помочь.

— Тогда, если вы не возражаете, мы поговорим с ней утром,— принял решение Харди.

Едва он произнес эти слова, как открылась дверь, и в кабинет вошли Джерри Додд и Диггер Салливан.

— Мистер Салливан только сейчас появился в отеле, и я сразу попросил его...— Додд осекся, увидев Жирара.

Жирар и Салливан смотрели друг на друга. Салливан побледнел. Лицо Жирара, наоборот, стало пунцовым от злости. Он открыл было рот, чтобы что-то сказать, но сдержался, двинулся к двери и остановился перед Салливаном.

— Предупреждаю вас,— его голос дрожал,— держитесь от нее подальше.

Глава 5

Жирар ушел, хлопнув дверью, а в кабинете повисла тяжелая тишина. Диггер Салливан полез в карман смокинга за пачкой сигарет. Его губы изогнулись в сухой улыбке.

— Да, неприятная встреча,— он чиркнул зажигалкой, глубоко затянулся, прошел к столу Шамбрэна.— Я потрясен тем, что рассказал мне Додд. Бедный Кардью. Я хорошо знал его, хотя близко мы не сходились. Он долго жил за границей,— улыбка стала шире.— Сойтись близко мы и не могли, потому что мой отец был сыном ирландского революционера, мать — актрисой, ее папаша продавал гвозди и шурупы. С точки зрения Кардью,

я принадлежал к простолюдинам. Да и об актрисах он был не слишком высокого мнения. Всегда щедрый, остроумный, хотя о многом предпочитал не говорить, зная, что подобные сведения тут же попадут в колонки светской хроники и причинят кому-то вред... Мне он нравился. И я пришел сказать, что не убивал его. Но алиби у меня нет. Во всяком случае, сейчас.

— Как это? — удивился Харди.

Диггер коротко взглянул на меня.

— Видите ли, я испытал потрясение... около шести вечера. Мне хотелось побыть одному, подумать. Я сел в машину — в гараже отеля подтвердят мои слова — и поехал за город, в Коннектикут. Нигде не останавливался, ни с кем не говорил. Но машина у меня заметная. Белый «феррари», спортивная модель. Ее наверняка видели на автостраде.

— Пока меня не интересует ваше алиби, — заметил Харди.

Шамбрэн вновь пересказал историю с рассаживанием гостей. Диггер слушал внимательно, нахмурившись, не упуская ни единого слова.

— Когда я впервые услышал о возникших затруднениях, то сам предложил сесть за любой другой стол. Я вообще не хотел идти на этот чертов ужин и вчера вечером позвонил Бернарделю в Париж, но он заявил, что тогда я окажусь в еще более щекотливом положении, чем теперь.

— Почему? — спросил Харди.

— Мой дорогой друг, очень многие, в том числе и Жульет Жирар, думают, что ее отца убил я. Если не покажусь на торжественной встрече, кое-кто решит, что я струсил. Это меня как раз не волнует, но мое отсутствие могут расценить и так, будто Поль Бернардель попросил меня не приходить. А он этого не хочет. Не в его интересах давать повод к разговорам о том, что он, мол, изменил свое отношение ко мне. Как говорится, куда ни кинь — все клин.

— И вы не представляете себе, о чем Мюррей Кардью хотел поговорить с Шамбрэном?

— Не имею ни малейшего понятия. Вы думаете, его убили, чтобы заткнуть ему рот?

— Вполне возможно.

Глаза Диггера сузились.

— Да, возможно, — повторил он.

— Значит, вы ничем не можете нам помочь?

— Сейчас нет, лейтенант, — у Салливана дернулась щека. — Я хотел бы помочь. Мюррей имел полное право умереть своей смертью. Он никогда и мухи не обидел.

Харди покачал головой. Ни одной ниточки, за которую можно было бы ухватиться. Он повернулся к Шамбрэну.

— Я намерен съездить в «Валдорф» и побеседовать с послем. Возможно, он знает, о чем хотел поговорить с ним Кардью. А Джерри пусть продолжит опрос служащих отеля. Вдруг кто-то что-нибудь да вспомнит.

— Я уже поговорил со многими, но безрезультатно, — ответил Додд. — Попробую еще раз.

Харди и Додд вышли из кабинета.

Я почувствовал, что Диггер Салливан хочет остаться с Шамбрэном наедине, и двинулся к двери.

— Подождите, Марк,— Шамбрэн подошел к комоду, где на электроплитке всегда грелся кофейник. Стоя спиной ко мне и Диггеру, он продолжил:— Как я понимаю, вы готовы приоткрыть карты?

— Есть и такой вариант.

Шамбрэн повернулся к нам с маленькой чашечкой кофе в руках.

— Я следовал за вами с закрытыми глазами, доверившись вам, как поводырю, мистер Салливан,— он не сводил глаз с лица Диггера.— Далее это невозможно по ряду причин. Я не хочу таиться от Харди. Мне слишком часто приходится обращаться в полицию. Я не могу сидеть сложа руки, я должен искать убийцу Мюррея Кардью, который был моим другом. Не хочу ждать, пока появятся новые жертвы. Ясно?

— Яснее некуда.

Шамбрэн вернулся к столу, поставил чашечку на полированную поверхность.

— И теперь, если уж мне суждено хранить ваши секреты, мистер Салливан, я не хочу хранить их один. Я несу ответственность перед мистером Бэттлом, владельцем отеля, и перед тысячами людей, работающих и живущих в отеле. Если я затею с вами какую-то игру и со мной что-то случится, я хочу, чтобы мотивы, которыми я руководствовался, были известны не только нам обоим. И я готов выслушивать ваши признания только в присутствии Хаскелла. Если вас это не устроит, мистер Салливан, я верну сюда лейтенанта Харди, расскажу, что вас застали в номере Жирара и я позволил вам уйти безнаказанным, потому что я романтик и в своих действиях руководствуюсь главным образом чувствами, а не логикой.

Вот я и получил ответ на вопрос, занимавший меня и Додда: почему Салливан не понес наказания, хотя его и застигли на месте преступления. Шамбрэн руководствовался свойственным ему шестым чувством. Но был ли он до конца откровенен? Или выбрал такое объяснение специально для Салливана?

Салливан взглянул на меня и устало улыбнулся.

— Если я колеблюсь, то не потому, что не доверяю вам, Хаскелл. Могу я попробовать вашего кофе, Шамбрэн?

— Наливайте, пожалуйста. У меня кофе по-турецки.

— Выпью с удовольствием,— Салливан направился к комоду.

— Если не хотите, можете не принимать в этом участия,— обратился ко мне Шамбрэн.

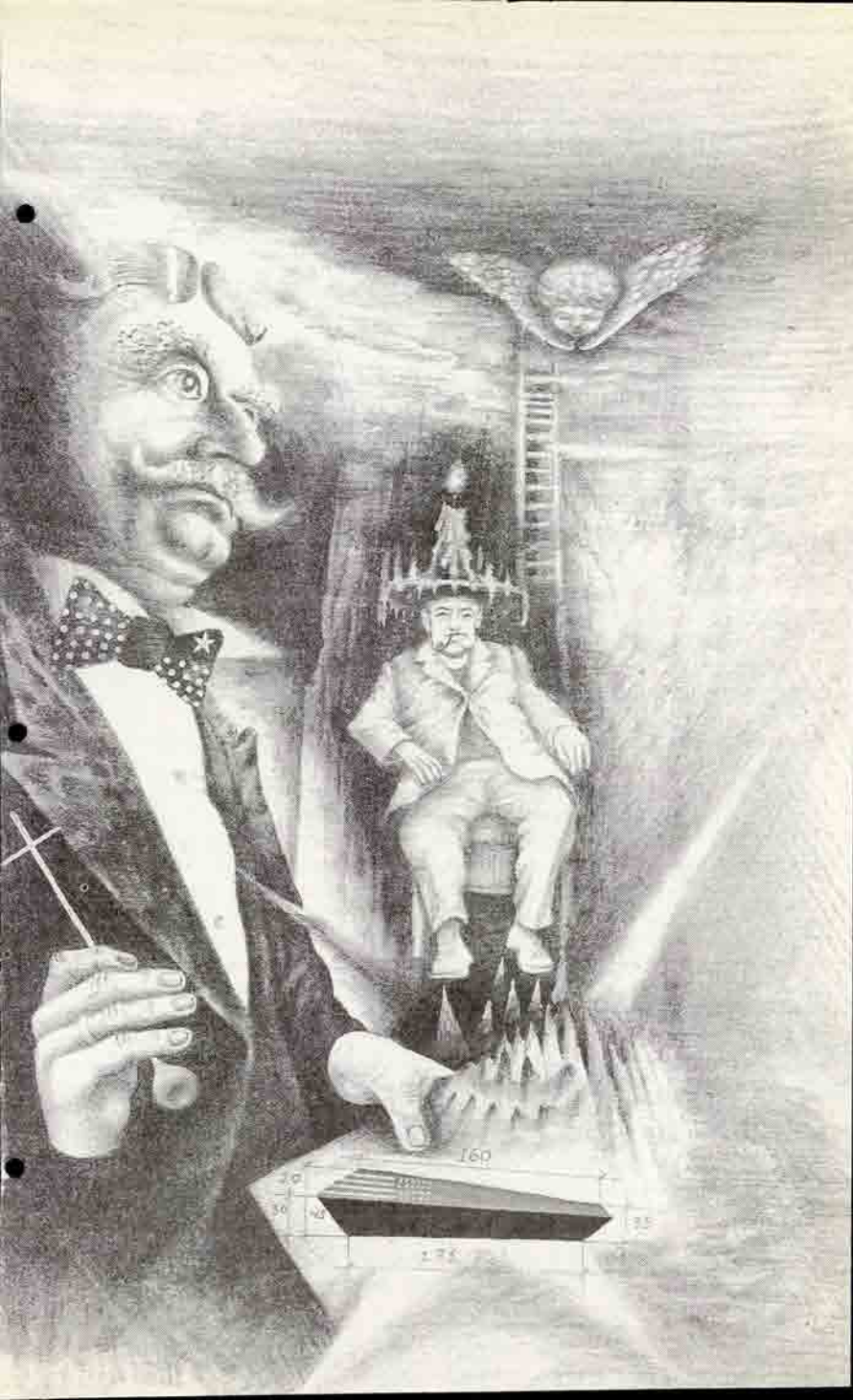
— Вы — босс,— ответил я.

Диггер повернул голову.

— Будьте серьезней, Марк. Дело опасное. Как говорила одна старушка, то, чего не знаешь, тебе не повредит.

— Какая старушка? — переспросил я.

Диггер пожал плечами, сел в большое, обитое зеленой кожей кресло у стола Шамбрэна, поставил чашечку кофе на маленький столик, откинул голову и закрыл глаза.

— Следующий труп, который пронесут по вашим коридорам, скорее всего будет мой.

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы это предотвратить,— вставил Шамбрэн.— «Бомонт» не может себе этого позволить.

— Я — тоже,— Салливан махнул рукой в сторону чашечки кофе.— Я вовлечен в войну, которая началась в стране, являющейся родиной этого напитка. Там фермер выращивает мак и собирает семена, по существу — чистый опиум. Давайте проследим путь двадцати двух фунтов чистого опиума по ступеням экономики. Вы, господа, должны понимать экономику смерти Мюррея Кардью, моей и еще бог знает скольких людей. Наш турецкий фермер продает двадцать два фунта опиума за пятьсот долларов. Превратить опиум в морфий — пустяк, но для дальнейшей переработки в героин требуются секретная лаборатория и опытный химик. На содержание и охрану лаборатории нужны деньги, химику надо платить гораздо больше, чем обычно платят химикам, он же рискует. К тому времени, когда химик превратит урожай нашего фермера в килограмм героина (это чуть больше двух фунтов), он уже стоит пять тысяч долларов.

Допустим, эта лаборатория находится во Франции. Оттуда килограмм героина направляется в Италию, ставшую штаб-квартирой крупнейших организаций, поставляющих наркотики на мировой рынок. Эти бизнесмены (а распространение наркотиков — огромный бизнес) посылают килограмм героина кораблем из Неаполя, Генуи или Палермо, или самолетом из римского аэропорта Фьюмичино в Нью-Йорк, где спрос на наркотики особенно велик. В доках Нью-Йорка наш килограмм героина стоит уже шестнадцать тысяч долларов. Проходя через руки дельцов и «пушеров»¹, он превращается примерно в семьдесят тысяч доз, стоимостью пять долларов каждая. Простая математика показывает, что двадцать два фунта опиума, за которые наш фермер получил пятьсот долларов, теперь стоят триста пятьдесят тысяч долларов. Большие деньги, не так ли?

Я и Шамбрэн промолчали.

— Федеральное бюро по борьбе с наркотиками полагает, что в США более сорока пяти тысяч наркоманов², — продолжал Диггер.— Двадцать долларов — необходимый минимум, который должен ежедневно тратить наркоман на героин. Многие тратят больше. Примерно пятьсот миллионов долларов (главным образом, украденных) попадает в карманы торговцев наркотиками. Это большое дело. Столь большое, что даже такого старика, как Кардью, прибьют без секундного колебания, если сочтут, что ему известно больше, чем следует. Та же участь может ждать некоего господина по фамилии Салливан, управляющего отелем Шамбрэна и молодого человека, который не верит афоризмам одной пожилой дамы.

Диггер пригубил кофе.

¹ Непосредственные распространители наркотиков.

² Данные 1963 года.

— Я затронул финансовый вопрос, чтобы вы поняли, что поставлено на карту: для руководителей этого бизнеса важно уничтожить любого, кто может хоть в чем-то помешать распространению белого порошка, несущего смерть и болезни тысячам людей. Уничтожить физически. Мюррея убили ударом по голове. Мне могут воткнуть в спину нож. Вас, Шамбрэн, скинуть с крыши вашего же отеля. А вы, Марк, вполне можете оказаться под колесами автомобиля на Мэдисон-авеню, — он допил кофе и поставил чашку на блюдце. — На вашем месте, Шамбрэн, я бы передал Майкла Дигби Салливану полиция, как обычного воришку. Вступив в игру на моей стороне, вы подвергнете себя огромному риску. Злодеи, которых я ищу, не коротают время в припортовых кафе Марселя или Нью-Йорка. Они ходят в белых галстуках и смокингах, их женщины сверкают бриллиантами, и без них редко обходятся званые вечера.

Салливан замолчал и поднялся с кресла.

— А теперь, господа, позвольте откланяться.

— Сядьте, Салливан, — Шамбрэн все еще сверлил его взглядом. — Я, конечно, не хотел бы превращать «Бомонт» в стрелковый тир, но войны, как известно, бывают разные. Если торговцы наркотиками используют этот отель в качестве базы для своих грязных делишек, я, клянусь богом, не могу оставаться в стороне. Рассказывайте обо всем.

Диггер опустился в кресло.

— Я впутался в это дело примерно так же, как и вы. Случайно. Стоял себе на перекрестке, никого не задевал и... на тебе, — он шумно выдохнул. — Мне, конечно, следовало бежать со всех ног.

— Но вы не убежали, — констатировал Шамбрэн.

— Нет, хотя следовало. И не потому, что боюсь. Просто я столкнулся с тем, от чего отказаться еще труднее, чем от наркотиков.

— Жюльет Вальмон? — спросил Шамбрэн.

— Да, — кивнул Диггер. — Да, да, да!

По словам Салливана, все началось во время крупных международных шоссейных гонок на юге Франции. Автогонщик, которого он хорошо знал, техасец Эл Дженкинс, попал в аварию. Его отвезли во французскую больницу в крайне тяжелом состоянии. После гонки, в которой он финишировал вторым, Диггер навестил Дженкинса. Врач сказал, что шансы Дженкинса невелики. Чтобы снять боль, его кололи наркотиками. Диггер даже не понял, узнал ли его Дженкинс. Но техасец оказался живучим. День сменялся днем, и даже врачи начали верить, что он выкарабкается. Диггер регулярно навещал его. К концу второй недели Дженкинс уже мог сидеть в инвалидной коляске, и анализы показывали, что дело идет на поправку. Но с Дженкинсом что-то творилось. Чем крепче он становился физически, тем сильнее нервничал.

Наконец он не выдержал и во всем признался Дигтеру. Он сидел на игле — не мог обойтись без героина. Так как ему становилось лучше, врачи перестали колоть ему морфий, и у него начались «ломки». Он умолял Дигтера принести ему

героин, без которого он уже не мог жить, сказал, что покончит с собой, если не получит наркотик в течение ближайших двадцати четырех часов.

— В такой ситуации можно проявить добропорядочность, показать, сколь высоки твои моральные устои,— продолжал Салливан,— и отделаться пустыми фразами, вроде «улыбайся и терпи». Но сначала надо представить, какие муки испытывает человек, лишенный наркотика. Я успокаивал Дженкинса и даже позволил ему сообщить мне фамилию человека, который мог дать ему героин. Меня как громом поразило. Распространителем наркотиков оказался Лангло, старший механик команды Бернарделя, знакомый мне по многим гонкам. Я пообещал Дженкинсу помочь ему и подумал, что на моем обещании он продержится еще день.

Потом я разыскал врача, знавшего, что Эл Дженкинс — наркоман. Он искренне сочувствовал Элу, но ничего не мог поделать. Наркотики выписывались только с ведома начальства. Заведующий отделением терпеть не мог наркоманов и считал, что их может вылечить только сила воли. Врач сказал мне, что закроет глаза на мою помощь Элу: «У вашего Дженкинса еще будет время перебороть эту пагубную привычку. А сейчас главное для него — оправиться от последствий аварии».

Диггер отправился к Лангло и после долгих уговоров получил от него то, что требовалось Элу Дженкинсу.

— Лангло особо и не боялся,— отметил Салливан.— Во Франции наркомании не придают особого значения. По официальной статистике во всей стране лишь три сотни наркоманов. Вот почему во Франции и расплодилось те секретные лаборатории, о которых я говорил. Конечно, полиция сотрудничает с Интерполом и Федеральным бюро по борьбе с наркотиками. Раз в год они громят какую-нибудь лабораторию. Но не ведут, как мы, постоянный учет распространителей наркотиков и не следят за ними. Этот Лангло обслуживал многих спортсменов из разных стран, да и туристов тоже. Эл частенько пользовался его услугами. Поэтому, поломавшись для виду, Лангло дал мне героин и шприц, с которыми я вернулся в больницу.— Лицо Салливана закаменело.— Эл умер раньше. Прыгнул вниз с десятого этажа больницы, когда медицинская сестра отвернулась на мгновение.

Диггер заерзал в кресле.

— Вот тогда что-то случилось со мной. Эла погубили Лангло и такие, как он. Вы понимаете, он не оказывал Элу услугу, снабжая его героином. Я щедро заплатил за него.

Диггер не был ни французом по происхождению, ни французским гражданином. Он не хотел ввязываться в эту историю, но чувствовал, что должен остановить Лангло. Поэтому он пошел к Полю Бернарделю, боссу Лангло и своему давнему другу. Бернардель изумился, узнав, чем занимается его старший механик. Он и Диггер поехали в ангар, где Лангло колдовал над гоночными машинами Бернарделя. Но опоздали. Лангло лежал в ангаре с пулей в голове. Убийцу никто не видел.

— В течение нескольких часов два человека ушли в мир иной. Оба — мелкая рыбешка. Один — наркоман, другой —

«пушер». Не знаю почему, но я кипел от ярости. Я чувствовал, что Эл умер такой же насильственной смертью, что и Лангло.

Бернардель знал об этом куда больше меня. Он рассказал, сколь выгодна торговля наркотиками и о секретных лабораториях. Более того, ходили упорные слухи, что торговлей наркотиками занялась ОАС, чтобы на вырученные деньги покупать оружие и снаряжение, необходимые для борьбы с голлистами. Рынок США мог принести миллионы долларов. Я, можно сказать, вступил в борьбу за спасение своей страны. Бернардель предложил познакомить меня с человеком, который серьезно занимался этой проблемой. Им оказался Жорж Вальмон, убежденный сторонник де Голля. Вальмон пытался перекрыть каналы, по которым оасовцы доставляли наркотики в США. Делал он это не из любви к людям, которые могли превратиться в наркоманов, а для того, чтобы лишить ОАС источника средств на приобретение оружия. И я... я поехал к полковнику Вальмону. Он тепло встретил меня и представил дочери, Жульет.

Жульет Вальмон, полуфранцуженка, полуамериканка, произвела на Диггера неотразимое впечатление. Он встречался со многими женщинами, но ни разу ему в голову не приходила мысль, что пора бы и жениться.

— Впервые увидев Жульет, я понял, что мы не расстанемся до конца наших дней. Наверное, мои слова покажутся вам самоуверенными, но то же самое почувствовала и Жульет. Мы влюбились друг в друга. Раз и навсегда. Оставалась лишь одна загвоздка — ее привязанность к отцу. Она не хотела оставлять его одного. Полковник жил под страхом смерти. За ним охотились террористы ОАС, объединившиеся с безжалостными торговцами наркотиками. Мне нравился Жорж Вальмон, и не только потому, что благодаря ему на свет появилось такое чудо, как Жульет. Если он хотел бороться с террористами, я был готов помочь. Можете представить мое состояние.

Как выяснилось, Диггер действительно мог помочь Вальмону. Кто-то должен был занять место Лангло, чтобы снабжать наркотиками автогонщиков и болельщиков, приезжающих из других стран. Если бы Диггер, сам автогонщик, вышел на этого человека, от него потянулась бы ниточка к боссам преступного мира, за которыми и охотился полковник Вальмон. Поручение было опасным, но Диггер с энтузиазмом взялся за дело. Тем более что участие в борьбе с террористами позволяло ему часто видеться с Жульет, они сражались по одну сторону баррикад, все лучше узнавая друг друга. Поиски ни к чему не привели, хотя им помогал Поль Бернардель, да и секретные агенты полковника Вальмона также старались изо всех сил.

Месяц спустя полковника Вальмона попытались убить. Он ехал в машине по Елисейским полям, когда, словно в гангстерском фильме, с ними поравнялась другая машина, и ее пассажиры открыли огонь из автоматов. То ли шофер оказался героем, то ли Вальмону просто повезло, но его машина резко повернула вправо, врезалась в дерево и перевернулась. Шофер погиб, а Вальмон, оказавшись под машиной, остался невредим.

Не вызывало сомнений, что террористы на этом не остановят-

ся. Делакру, тогда министр юстиции, Бернардель и Шарль Жирар, старший прокурор в ведомстве Делакру, умоляли Вальмона покинуть Францию или хотя бы уехать из Парижа. Вальмон отказался, чувствуя, что цель близка, и скоро он сможет назвать имена тех, кто продает наркотики, добывая оружие террористам, и ушел в подполье. Никто, в том числе Делакру, Бернардель и Жирар, не знали, где он прячется. Секретом маленькой квартирki на Левом Берегу Вальмон поделился только с одним человеком — Диггером.

— Он мог выбрать любого из полудюжины доверенных агентов,— пояснил Салливан.— Но выбрал меня. Конечно, он знал, что я не подведу, но решающим фактором стала наша любовь с Жульет, он не хотел разлучать нас. Итак, я знал, где находится квартира, и выполнял обязанности курьера, приносил донесения и уносил записки с заданиями другим агентам. Я действовал по законам конспирации. Никогда не подъезжал к дому, где поселился Вальмон, на своей машине. И вообще изображал другого человека: то рабочего, то кондуктора автобуса. Однажды явился в солдатской форме. Насколько мне известно, я ни разу не привел за собой хвоста.

Боялся Вальмон только одного: как бы в высшем эшелоне власти, среди тех, кому он полностью доверял, не оказался человек, связанного с террористами и торговцами наркотиками. Конкретных поводов для подозрений у него не было, но в прошлом такое случалось, да и теперь многие ловушки, расставленные им, не приносили успеха. Словно враг всегда опережал его на один шаг. Только я пользовался абсолютным доверием Вальмона. Меня не интересовала внутренняя политика Франции. Я не нуждался в деньгах. И любил Жульет.

Однажды, в тот самый день, в моем номере раздался телефонный звонок. Звонил Вальмон. Нервный, взбудораженный. Он сказал, что наконец-то раскрыл личность этого высокопоставленного предателя. Кроме того, он опасался, что террористы вот-вот установят, где он скрывается, и спросил, не могу ли я приехать немедленно и увезти Жульет в какое-нибудь безопасное место. Переодеться не было времени. Пришлось ехать в открытую.

Я подъехал в своей машине к подъезду. Вальмон жил на четвертом этаже. Когда я поднялся на второй, загремели выстрелы. Я буквально взлетел на четвертый этаж и вышиб запертую входную дверь. Вальмон лежал на полу, иссеченный автоматной очередью. Я метнулся к открытому окну у пожарной лестницы. Какой-то мужчина как раз спрыгнул с нее во двор. Его ждал маленький черный «пежо». Я понял, что уже ничем не помогу полковнику. Оставалась возможность догнать «пежо» и не дать террористу уйти. Слава богу, подумал я, что Жульет не было дома, сбегал по ступенькам, вскочил в машину и сорвался с места, естественно, не подозревая о том, что Жульет, торопясь домой, видела меня.

Улицы в том районе я знал как свои пять пальцев. Мне часто приходилось кружить по ним, прежде чем подойти к дому Вальмона. Однако мои поиски не увенчались успехом. «Пежо» как сквозь землю провалился. Через полчаса или около этого

я сдался и решил уже вернуться на место преступления. Но тут заметил, что нахожусь рядом с административным корпусом автокомпании Бернарделя. Я подумал, что его необходимо поставить в известность, оставил машину у тротуара и поднялся к нему.

Бернардель сидел белый как полотно. Ему уже сообщили о случившемся. Мало того, сказали, что Жульет видела, как я выбегал из подъезда, и полиция уже ищет меня.

Я полагал, что мне нужно вернуться в квартиру Вальмона. Жульет не могла мне не поверить. А улики лишь подтвердили бы мою правоту. Бернардель, однако, придерживался другого мнения.

Террористы и торговцы наркотиками приложили бы все силы, чтобы отвести от себя подозрения в убийстве полковника Вальмона. И в лице Жульет они получили идеального свидетеля. Она видела меня выбегавшим из подъезда. Вальмон шел по следу наркомафии. Вот ему и рассказали, что я купил у Лангло героин для Эла Дженкинса. Вальмон клюнул, за что и поплатился собственной жизнью. Выходило, что виновным окажусь я. И снять меня с крючка могло только стопроцентное алиби, — Диггер глубоко вздохнул. — Я попытался поговорить с Жульет по телефону, но связаться с ней не удалось. И я решил, что смогу все объяснить на другой день.

Мы уехали в поместье Бернарделя на его машине. Там не было ни слуг, ни соседей. На следующее утро вернулись в Париж, и я сдался полиции, — Диггер встал. — Хочется выпить, — он подошел к бару, плеснул себе виски и выпил его неразбавленным.

— Я знаю, что вы читали газетные отчеты тех дней. Они далеко не полные. О первых часах вообще нет речи. Жульет разительно переменилась. Едва я обращался к ней, она начинала кричать. А главным моим врагом стал Шарль Жирар. Мы с ним встречались раз или два. Я знал, что он меня недолюбливает. А на Жульет он всегда смотрел, как голодный волк на кусок мяса. Может, он и стремился найти убийцу, но мне показалось, что тогда ему более всего хотелось устранить соперника, претендующего на руку и сердце Жульет.

Жирар выслушал нас, но не поверил ни единому нашему слову, не поверил или не захотел поверить. Ему уже все было ясно. Как и предугадал Бернардель, он знал о моей связи с Лангло и Элом Дженкинсом и не допускал мысли, что я хотел помочь другу. Обвинил меня в распространении наркотиков. Предположил, что я обвел Бернарделя вокруг пальца, чтобы с его помощью сблизиться с полковником Вальмоном, самым опасным врагом наркомафии. Документально доказал, что, после того как я стал работать на Вальмона, пять или шесть расставленных ловушек остались пустыми. Кто-то, пользующийся полным доверием полковника, выдавал его секреты. Жирар заявил, что секреты выдавал я. Он обвинил меня в том, что я использовал Жульет. В свое последнее утро Вальмон сказал Жульет, что догадался, кто из высокопоставленных деятелей сотрудничает с торговцами наркотиками. Имя он не назвал,

опасаясь за ее жизнь, но собирался назвать его мне. Жирар предположил, что Вальмон действительно назвал это имя, и мне не осталось ничего другого, как убить его, чтобы никто не узнал пособника террористов и торговцев наркотиками. Он сказал, что я вновь обманул Бернарделя и убедил его подтвердить мое алиби. Объяснил и причину, по которой Бернардель помогает мне: тот верил, что я сражаюсь на его стороне.

Диггер коротко рассмеялся.

— Несколько минут чаши весов колебались. Я видел, что Бернардель потрясен. Версия Жирара могла соответствовать действительности. Я мог лгать ему с самого начала. Мог распространять наркотики. Мог использовать его, чтобы войти в контакт с Вальмоном и Жульет. Мог убить полковника, узнав, что тот вышел на человека, прикрывающего торговцев наркотиками... Бернардель знал, что я в курсе замыслов полковника, что побывал в квартире Вальмона в то утро, когда его убили. Трудно сказать, как поступил бы я, окажись на его месте. Возможно, бросил бы на съедение волкам. И когда его спросили напрямик, не выдумка ли эта история с алиби, я почти не сомневался, что Бернардель во всем признается. Но он ответил: «Это не история, это — факт».

Диггер поставил пустой бокал рядом с бутылкой виски.

— Едва ли Жирар или кто-то из полицейских поверили Бернарделю. Жульет не поверила наверняка. Но Бернардель занимал такое положение в правительственной иерархии, что его слово не вызывало сомнений у власть имущих. Не знаю, что происходило за закрытыми дверями, но Бернардель убедил своих собеседников в моей невиновности. Допускаю даже, что он поделился с ними своими сомнениями, но все равно убедил отпустить меня, чтобы потом я вывел их на крупных дельцов. Однако главное для меня заключалось в том, что у Жульет никаких сомнений не было. Она уверовала, что я лгал ей с самого начала, просто использовал ее, чтобы шпионить за отцом. Я не смог встретиться с ней наедине, поговорить, объяснить. Жирар стал ее защитником, всячески оберегал ее от меня, внушал, что я — предатель. И в конце концов добился своего... женился на Жульет.

Диггер замолчал. Минуту спустя, видя, что продолжения не будет, Шамбрэн задал ему вопрос:

— Но оставшись с вами наедине, Бернардель наверняка изложил свою истинную позицию?

— О, он снова и снова заверял меня, что ни на секунду не сомневается, но посоветовал на некоторое время уехать из Франции, так как не гарантировал моей безопасности. Черт, они не могли гарантировать безопасность даже своему президенту. Я же не хотел уезжать.

— Почему?

— Мой дорогой друг, — улыбнулся Диггер, — у меня оставался один шанс помириться с Жульет — найти настоящего убийцу ее отца, мужчину, который спустился по пожарной лестнице и уехал в «пежо».

— Вы думаете, что узнаете его, увидев вновь?

— Едва ли. Я видел его только со спины. Но в одиночку я бы не справился. Рассчитывать на помощь французских правоохранительных органов не приходилось. Они относились ко мне с нескрываемым подозрением. Через моего друга я вышел на одного из руководителей Интерпола, Международной организации уголовной полиции. Ее штаб-квартира располагалась на тихой улочке Поль Валери в центре Парижа. Не знаю, что вам известно об Интерполе, но это не полиция в привычном смысле слова. Это — коммуникационный центр, связывающий шестьдесят с лишним стран на всех континентах. У Интерпола есть средства радиосвязи, архивы. В них хранятся сведения о десятках и сотнях тысяч преступников, их имена, клички, приметы, отпечатки пальцев. Члены Интерпола постоянно извещают штаб-квартиру, если в поле их зрения попадает кто-то из известных преступников. Так что, если полиция Нью-Йорка хочет побеседовать с контрабандистом, орудующим на международном уровне, она связывается с неприметным домом на улице Поль Валери и, скорее всего, получает точную информацию о том, где находится нужный ей человек.

Я попросил подготовить мне список торговцев наркотиками, оперирующих во Франции. Список я получил не слишком длинный, и он не оправдал моих ожиданий. Убийц среди них не было. Они только торговали наркотиками, проявляя при этом чудеса изворотливости. Кое-кого ловили за руку, сажали в тюрьму, они выходили на свободу и вновь принимались за старое. Как я уже говорил, за торговлю наркотиками во Франции карали не слишком строго. Сотрудник Интерпола предположил, что разыскиваемый мною убийца — скорее всего, осовский террорист и не значится в их архивах. Досье на таких людей хранятся в Разведывательном управлении французской армии. Там мне мило улыбнулись, поговорили со мной о погоде и выпроводили за дверь.

Лишь тогда я узнал, что единственной силой, противостоящей международной торговле наркотиками, является Федеральное бюро по борьбе с распространением наркотиков. Как обычно, американцы узнают о том, что делается у них в стране, только за границей. Федеральное бюро направляло агентов в помощь полиции других стран, чтобы отсечь производителей наркотиков от рынка сбыта. Римское отделение бюро ежегодно прилагало руку к аресту шестидесяти или семидесяти отъявленных преступников. Мне удалось войти в контакт с одним из лучших агентов. Не сразу, но он поверил мне. Когда же он высказал некоторые догадки, волосы у меня встали дыбом. Агент, звали его Сэм Лоринг, держал постоянную связь с полковником Вальмоном. Как я уже говорил, Вальмон подозревал, что кто-то из высокопоставленных государственных деятелей Франции помогает торговцам наркотиками и террористам ОАС. Список подозреваемых он передал Лорингу. В нем значилось семь фамилий. Обладателем четырех я знал лично.

Список начинался с Поля Бернарделя, моего друга и защитника. Ему первому я рассказал о Лангло, и он без труда мог

устроить так, чтобы механика убили до нашего приезда. Мой друг, который свел меня с Вальмоном, знал, что я расскажу ему услышанное от полковника. Далее следовали месье Жак Делакру, тогда министр юстиции, теперь — посол, Шарль Жирар и Макс Кролл. Он управлял заводом Бернарделя в ФРГ, и я часто встречался с ним на различных автогонках.

— Кролл сейчас в отеле, — заметил я.

— Знаю. И это только начало, — продолжал Диггер, — потому что заседания Международной торговой комиссии, и у меня есть основания это утверждать, используются как ширма для встречи главных фигур заговора против де Голля. Мы обговаривали это с Лорингом. Поначалу я тоже сомневался, все-таки многие из этих людей не раз доказывали свою преданность президенту Франции. Лоринг ответил мне, что на этот раз ставки слишком высоки. И дело не только в деньгах, хотя прибыль может исчисляться миллионами. Речь идет о захвате власти во Франции. На деньги они могли и не поддаться. Но устояли ли перед таким искушением, как неограниченная власть?

— С тех пор прошло более двух лет, — заметил Шамбрэн.

— Меньше месяца назад террористы вновь попытались убить де Голля. И я задал себе эти вопросы. Четверо из списка Лоринга собрались под вашей крышей, Шамбрэн. На торжественной встрече Бернарделя может появиться еще кое-кто. Может, «Бомонт» превращается в центр преступного мира? Вдруг кто-то из них возглавляет заговор против де Голля? И кто ответствен за смерть полковника Вальмона? — его кулак опустился на подлокотник кресла. — Более всего меня заботит ответ на последний вопрос. Я хочу принести Жюльет голову убийцы ее отца.

— Даже если это будет голова ее мужа? — спросил Шамбрэн.

— Вчера она заговорила со мной, — Салливан словно не услышал вопроса. — Заговорила после всего, что произошло. Она просила о помощи. Марк это слышал.

— Какой помощи? — нахмурился Шамбрэн.

— Если б я знал, — Салливан закрыл лицо руками.

Шамбрэн закурил, выпустил струю дыма.

— Что вы искали в номере Жираров?

— Я говорил вам — полевые мины, — рот Диггера изогнулся в сухой улыбке. — Жирар, Бернардель, Кролл, Делакру. Один из них наверняка возглавляет заговор. И заседание Международной торговой комиссии прикроет переговоры заговорщиков с торговцами наркотиками в этой стране. Я думаю, из рук в руки перейдут крупные суммы, достаточные для того, чтобы финансировать политический переворот во Франции. И у кого-то должны храниться имена, адреса, телефоны, графики встреч. Жирар приехал первым. Я рассчитывал найти эти сведения у него в номере.

— Ваш следующий шаг?

Диггер рассмеялся.

— Я — близкий друг Поля Бернарделя. Буду его гостем на торжественной встрече в субботу. Буду всюду сопровождать его

следующие несколько дней. И... жадно ловить каждое слово, кто бы его ни произнес.

Шамбрэн встал, прошелся по кабинету.

— Вы рассказали нам удивительную историю, мистер Салливан. Я сочувствую тому, что пришлось вам пережить. Мне не раз приходилось видеть, к чему приводят наркотики, и меня тревожит, что все больше людей попадает в сети торговцев этим зельем. Но я хочу, чтобы вы ясно поняли мою позицию. Де Голля могут свергнуть. Во Франции могут прийти к власти военные. Мне до этого нет дела. Да и вам, думаю, тоже. Вы хотите оправдаться перед Жульет Жирар, а я хочу найти убийцу Мюррея Кардью. И хочу, чтобы в моем отеле царили мир и спокойствие. Если дороги, ведущие к нашим целям, совпадут, будем работать рука об руку. Если нет — извините, я пойду своей, не обращая внимания на ваши любовные отношения или судьбу Французской республики, — он засмеялся и затушил окуроч в серебряной пепельнице. — Наверное, звучит высокопарно, но суть передана точно.

ЧАСТЬ II

Глава 1

Возможно, Шамбрэн уснул после нашей беседы. Не знаю. Кто-то, кажется, Джерри Додд, говорил, что Шамбрэн, как лошадь, может спать стоя и с открытыми глазами. В четыре утра он предложил мне отдохнуть, так как наступающий день сулил немалую суматоху. Сообщения для прессы о подробностях смерти Мюррея Кардью, допросы лейтенанта Харди и помощника окружного прокурора, да еще прибытие Поля Бернарделя и его свиты из международного аэропорта Кеннеди...

Как в тумане, я поднялся к себе. В голове все перемешалось. Я с трудом переваривал историю Салливана. Уж, конечно, борьба с международным наркобизнесом или сохранение политического равновесия во Франции не входили в круг моих обязанностей как пресс-секретаря «Бомонта». Меня заботило лишь то обстоятельство, что по нашим коридорам, не оставляя следов, ходил убийца. Именно на это указал Шамбрэн, прежде чем выпроводить меня из кабинета.

— Наркотиками должно заниматься Федеральное бюро, Марк. А французской политикой — политики Франции. Но мы не можем забывать ни о первом, ни о втором, потому что факторы определяют происходящее. Когда речь идет о ревности, мести или жадности, человек не один раз подумает, прежде чем пойдет на убийство. В нашем же случае этого ждать не приходится. Если вы что-то услышите, о чем-то догадаетесь, кого-то заподозрите, немедленно приходите ко мне. Я доверяю себе и доверяю вам. Больше никому.

— Благодарю.

— Почти каждый человек покупается, Марк. Эта свора, торговцы наркотиками и террористы, могут заплатить любую цену.

— Но они не стали покупать Кардью,— заметил я.— Не оставили ему возможности выбора.

— Вот это меня и пугает. У кого-то хватило ума понять, что Мюррей Кардью, на банковском счету которого нет ни цента, не продается. И этот кто-то прекрасно разбирается в чувствах Салливана, да и нас, похоже, знает неплохо. Они готовы на все, могут заплатить любые деньги, и человеческая жизнь для них — пустяк. Поэтому не думайте, что это — игра, и ловкий ход может заставить их отступить. Они не отступят. Слишком велик приз, который ждет их в случае победы.

Не так-то легко засыпать с мыслями обо всем этом, но мне удалось заснуть.

А потом начался новый день. Чего нет в «Бомонте», так это газеты. Отелю она не нужна. Диггер Салливан сказал, что будет ловить каждое слово. На следующее утро «Бомонт» гудел от разговоров. Должно быть, все тысяча двести служащих отеля, от коридорных и посудомоек до личного секретаря Шамбрэна, мисс Руйсдэйл, охранявшей вход в его кабинет от незваных гостей, обсуждали случившееся. Я понял это, когда около девяти утра вошел в свою приемную.

— Хороший сегодня денек,— произнес лифтер, доставивший меня на четвертый этаж. Как он ждал, что я хоть чем-то поделюсь с ним! Но я промолчал.

Шелда Мэйсон, моя красавица секретарша, обычно опаздывала на работу. На этот раз она пришла раньше и встала из-за стола, едва я появился в приемной.

154 — Говорить ты не можешь, так?

— Нет, во всяком случае, о том, что тебя интересует.

— А что насчет мистера Кардью?

— О чем ты?

— У меня на столе его гостевая карточка. Ни родственников, ни счета в банке, ни адвоката. Кто позаботится о нем?

— В каком смысле?

— Похороны. Церемония прощания. Старики, что не выйдут из «Спартанца», наверняка захотят проводить его в последний путь.

— Шамбрэн заботился о нем много лет,— ответил я.— Полагаю, он все устроит.

— Можно мне спросить у него, не могу ли я чем-нибудь помочь. Мне нравился мистер Кардью. Благодаря ему я убедилась, что мир, описанный сестрами Бронте, когда-то действительно существовал. Мне хотелось бы что-нибудь для него сделать. Что выяснила полиция?

— В четыре утра, когда я отправился спать, расследование еще не дало никаких результатов. А с Шамбрэном поговори. Думаю, он обрадуется, если ты поможешь ему в этом деле.

— А что нам уготовано на сегодня?

— Около одиннадцати прибывает из аэропорта Поль Бернардель. Я должен сидеть у телефона. Мне скажут, желает ли пышной встречи или нет. А у тебя показ мод в «Зеленой комнате».

От одного упоминания фамилии Бернарделя у меня по коже

побежали мурашки. В списке подозреваемых, составленном Салливаном, он занимал первую строку.

— Чуть не забыла, тебя же ждут, — воскликнула Шелда. — Месье Лакост, секретарь посла Франции. Ранняя птичка. Он уже четверть часа в кабинете.

Жан Лакост меня удивил. Именно он настаивал на том, чтобы Бернардель, Салливан и Жирары оказались за одним столом. Со слов Мюррея Кардью я представлял его грубым солдафоном, но увидел изнеженного гомосексуалиста.

— Мистер Хаскелл? — спросил он, едва я переступил порог. — Извините, что пришел так рано, но у меня к вам неотложное дело.

Идеальное английское произношение. Темно-синий костюм, слишком узкие брюки, подложенные плечи. Ботинки из темно-синей кожи. Черные, прилизанные волосы. Маленький рот, губы бантиком.

— В «Валдорфе» все просто потрясены. Вы, вероятно, знаете, что мистер Кардью был близким другом месье Делакру.

— Кажется, в прошлом они часто играли в шахматы, — встал я.

— Сражались! Месье Делакру относился к старому джентльмену с глубокой симпатией, поэтому ужасно расстроился. Ужасно. Он приехал бы сюда, если бы дипломатический протокол не требовал его присутствия в аэропорту. Он должен встречать месье Бернарделя. А меня попросили узнать у вас, не нужна ли какая помощь в организации похорон.

— Этот вопрос лучше задать мистеру Шамбрэну. Мне кажется, о похоронах еще не думали. Тело отправлено на медицинскую экспертизу.

— Как жаль. Такое потрясение, — бегающие черные глазки Лакоста впервые уперлись в меня. — Полиция что-нибудь нашла?

— Я не слышал.

— Разумеется, вы не вправе рассказывать все, что вам известно.

— Я действительно не могу сказать вам ничего нового.

— Должно быть, я один из последних людей, кто говорил с ним. Вы знаете, что он позвонил послу за несколько минут до смерти?

— Да, мне это известно.

— Он хотел поговорить с послом, но месье и мадам Делакру уехали на концерт вместе с месье и мадам Жирар. Они живут в вашем отеле.

— Я знаю. Сегодня у меня трудный день, месье Лакост. Вы, кажется, пришли ко мне по какому-то делу?

— Да, да. Речь пойдет о званом вечере в честь месье Бернарделя, намеченном на субботу. Мы с мистером Кардью составили список гостей и распределили их по столам в соответствии с дипломатическим протоколом. Теперь все эти заботы легли на меня. Мистер Кардью готовил окончательный вариант и говорил мне, что контроль за подготовкой карточек с фамилиями

гостей и посадочных листов возложен на вас. Он успел передать вам эти листы?

— Нет,— ответил я.— Вчера мы говорили с мистером Кардью о посадочных листах, но он мне их не передал.

Лакост взмахнул ухоженными руками, изображая отчаяние.

— Где же я их теперь возьму? Полиция, должно быть, наложила руку на все вещи мистера Кардью.

— Так ли велика беда, мистер Лакост? У вас же есть экземпляр списка приглашенных.

— Есть. Но их же надо рассадить!— Лакост покачал головой.— Никто не мог справиться с этим лучше мистера Кардью. Как вы думаете, полиция разрешит мне взглянуть на его черновики? Они же не имеют никакого отношения к убийству? Я хочу сказать, дорогой мистер Хаскелл, едва ли в размещении гостей за столами кроется мотив убийства.

— Попробую вам помочь, но ничего не обещаю,— ответил я.

— Мне следовало вспомнить об этом вчера ночью, когда полиция беседовала со мной, но меня так расстроило известие о смерти мистера Кардью! И я старался вспомнить, что он сказал по телефону.

Я постарался ничем не выразить своего любопытства.

— Вроде бы не сказал ничего особенного. Спросил месье Делакуру. Я ответил, что посол на концерте, а потом, возможно, заедет в ночной клуб. Мистер Кардью... Он был очень возбужден.

— Той ночью удача отвернулась от него,— заметил я.— Сначала он пытался связаться с нашим управляющим, мистером Шамбрэнном, но тот уехал в театр. Потом позвонил послу, но и его не оказалось на месте. Тогда нашел меня, но мне не удалось сразу подняться к нему в номер. Если б я пришел на десять минут раньше...

Черные глаза вновь уперлись в меня. И я начал понимать, что секретарь посла не так прост, как могло показаться с первого взгляда.

— Он так и не сказал вам, что его беспокоило?

— Нет. Он просто попросил меня зайти к нему в номер. Я пришел слишком поздно...

— Не смею больше отнимать у вас время,— Лакост двинулся к двери.— Но я буду у вас в вечном долгу, если добудете мне черновик посадочного листа. Вы понимаете, званого ужина никто не отменял.

Он кивнул на прощание и вышел. На моем столе звякнул телефон, и я снял трубку.

— С вами хочет поговорить господин Кролл,— сообщила Шелда.

— Предложи господину пройти в кабинет,— ответил я и подул, не остался ли Кролл у Лили Дориш на всю ночь.

— Мистер Хаскелл? — каждое слово звонким эхом отдавалось от стен.— Как я понимаю, вы — пресс-секретарь отеля.

— Совершенно верно, сэр.

— Я хотел бы уладить с вами некоторые вопросы,— как и Лили Дориш, Кролл не делал различия между служащими отеля, будь то пресс-секретарь или коридорный.

— Улаживайте, мистер Кролл,— не слишком вежливо ответил я.

— Скоро сюда прибудет месье Бернардель. В аэропорту он встретился с журналистами, но хочет, чтобы в отеле их не было. Из машины он поднимется в свой номер. Никаких репортеров. Никаких фотографов. Никаких сообщений о его приходах и уходах. Ни сегодня, ни в будущем, без личного одобрения месье Бернарделя. Я выразился достаточно ясно?

— Достаточно, мистер Кролл.

— Останется только сожалеть, если отель попытается использовать месье Бернарделя как свою рекламу.

— Вы выразились достаточно ясно, сэр.

— Надеюсь на это.— И все. Ни «благодарю», ни «до свидания».

Я вышел в приемную и перепоручил Шелде решение всех текущих вопросов. Мне надо было переговорить с Шамбрэном.

Шамбрэн был не один, но мисс Руйсдэйл пригласила меня в кабинет. Он сидел за столом, свеженький, как огурчик, словно спал не меньше двенадцати часов. Перед ним дымилась чашечка кофе по-турецки.

Беседовал он с миссис Вейч, нашей старшей телефонисткой, и шустрой рыжеволосой Джейн Придль, одной из ее подчиненных. От наших телефонисток требовалось не только мастерство, но и умение держать язык за зубами. Примерно восемьдесят процентов гостей «Бомонта» обманывали своих мужей или жен, так что телефонисткам, сидящим на коммутаторе, приходилось слышать многое, не предназначавшееся для чужих ушей. Но миссис Вейч и ее девушки не допускали ошибок. Во всяком случае, жалоб на их работу не поступало.

Во взгляде Шамбрэна я почувствовал симпатию. Должно быть, мой вид не оставлял сомнений в том, что выспаться мне не удалось. Я поздоровался с миссис Вейч и Джейн Придль.

— Миссис Вейч пришла ко мне с интересным известием, Марк. Миссис Вейч, не могли бы вы и Джейн повторить все с самого начала?

— Не знаю, знакомы ли вы с нашей системой, мистер Хаскелл. Две наши девушки соединяют гостей отеля с городом и две — город с отелем. У первых есть блокноты, в которые они записывают номера телефонов, продиктованные гостями. Затем они набирают эти номера и, если абонент на другом конце провода берет трубку, соединяют его с нашим постоянцем. После этого листок вырывается из блокнота и кладется в провололочную корзинку. Старшая телефонистка (днем — я, ночью — миссис Кайли) через регулярные промежутки обходит девушек и собирает листки. Листки регистрируются, и стоимость разговора вносится в счет. Какое-то время мы храним эти записи, случай, если у гостя возникнут претензии. Если разговор междугородный, на листке сразу отмечается его продолжительность.

— Очень эффективная система,— прокомментировал я.

Миссис Вейч довольно улыбнулась.

— Джейн работала в ночь, а утром, прочитав газету, сразу пришла ко мне.

— Я очень огорчилась, узнав, что случилось с мистером Кардью,— вступила в разговор девушка.— Вы, конечно, не представляете себе, мистер Хаскелл, что такое работа на коммутаторе. В наших руках жизни сотен людей. Мы не соединяем любовницу мужчины с его номером, если трубку берет жена. И наоборот. Мы делаем все возможное, чтобы лишние слова не достигли чужих ушей. Но вы думаете, нас благодарят за это? Как бы не так. Мы слышим только жалобы, на нас рывкают, а если чаевых за год набегают двадцать пять долларов, то это праздник! А вот мистер Кардью был совсем другим. Всегда подчеркнуто вежлив, никаких претензий. Я думаю, с деньгами у него было негусто, но к рождеству мы все получали от него по маленькому подарку. Прочитав об убийстве, я очень расстроилась, но потом кое-что вспомнила, о чем не упоминалось в газете, и подумала, что должна обо всем рассказать миссис Вейч.

— Ваше решение говорит о большой ответственности в работе,— вставил Шамбрэн.— Мы это обязательно учтем.

— Значит, так,— продолжала Джейн.— Около девяти часов, точное время указано на листке, позвонил мистер Кардью и попросил соединить его с «Валдорфом». Номер я знала. Туда звонили неоднократно. Я набрала номер и, когда трубку сняли, вырвала листок и положила его в проволочную корзинку. Несколько минут спустя вновь зажглась лампочка номера мистера Кардью. Он спросил мистера Шамбрэна. На листочке я, естественно, ничего не записала, за телефонные разговоры внутри отеля деньги не берутся. Я попыталась найти мистера Шамбрэна. Позвонила в его квартиру, в кабинет, затем мистеру Нэверсу, и тот сказал, что Шамбрэн уехал в театр. Я передала его слова мистеру Кардью. По голосу я поняла, что он чем-то взволнован. «Вы только что соединяли меня с «Валдорфом», Джейн,— сказал он.— Каким-то образом я вклинился в чужой разговор. Наверное, что-то замкнулось на их коммутаторе. Но мне не удалось поговорить с тем человеком, которому я звонил. Вас не затруднит вновь позвонить в «Валдорф»?» Я ответила: «Никаких проблем»,— набрала номер «Валдорфа» и подождала, пока он не попросил соединить его с послом Франции. Когда трубку сняли, я отключилась от разговора. Получалось, что мистер Кардью должен заплатить за первый разговор, хотя его соединили не с тем, кому он звонил. Поэтому я вынула тот листок из корзинки, позвонила старшей телефонистке «Валдорфа» и устроила ей скандал. Как только я положила трубку, вновь зажглась лампочка номера мистера Кардью. На этот раз он хотел поговорить с вами, мистер Хаскелл. В конце концов я нашла вас в «Гриле» и соединила с мистером Кардью. Вот, пожалуйста, и все.

● На моем лице, должно быть, отразилось недоумение.

— Джейн обратила внимание, что в газетной статье имеются неточности,— пояснила миссис Вейч.— Там сказано, что мистер Кардью звонил трижды — мистеру Шамбрэну, в «Валдорф» и мистеру Хаскеллу. Джейн уже ушла, когда полиция опрашивала телефонисток. Миссис Кайли показала им все листки. Но Джейн порвала листок, на котором отметила первый звонок

мистера Кардью в «Валдорф». Он вклинился в чей-то разговор, и мы, естественно, не имели права брать с него деньги за этот звонок, потому что он не переговорил с нужным ему человеком. Когда она рассказала обо всем, мы подумали, что эти сведения могут хоть в чем-то помочь расследованию.

— Возможно, и помогут, миссис Вейч, — кивнул Шамбрэн. — И еще один вопрос. Вчера вечером никто не звонил мистеру Кардью?

— Мы не фиксируем звонки в отель, если только нас не просят что-то передать, — ответила миссис Вейч. — Вчера работали Фло и Розали. Я думаю, они бы вспомнили, если бы кто-то спросил мистера Кардью. Вы же знаете нашу систему. Если кто-то спрашивает вас, мистера Хаскелла или мистера Кардью, мы интересуемся, кто говорит. Получив ответ, соединяемся с вами и передаем: «Звонит такой-то». Если вы отвечаете: «Соедините», — мы так и делаем.

— Благодарю вас, миссис Вейч. Четкость вашей работы всегда поражала меня.

— Но вы же сами придумали эту систему, мистер Шамбрэн. Шамбрэн улыбнулся.

— Возможно, вы правы. Еще раз благодарю вас.

Обе женщины ушли. Шамбрэн закурил, тяжелые веки прикрыли глаза.

— Что вы на это скажете, Марк? — наконец спросил он.

— Если он сначала звонил послу Франции, получается, что Харди прав и отель ни при чем.

Веки поднялись.

— Вполне возможно, что какой-то маньяк бродил по коридорам нашего отеля, увидел, что дверь в номер Кардью приоткрыта, вошел и убил его безо всякой причины. Но я в это не верю. Миссис Вейч чуть приоткрыла завесу, скрывающую мотивы преступления, но многое еще неясно.

— Мне ничего не ясно, — искренне ответил я.

Шамбрэн глубоко затянулся, выпустил струю дыма.

— Кардью требовалась помощь. Он позвонил троим. Послу, мне и вам. Я тут кое-что проверил. Никто не разговаривал с ним за обедом. Кардоза, который всегда обслуживал его в «Гриле», заверил меня в этом. После обеда он поднялся в свой номер. Ему не звонили. Что же произошло, если ему внезапно понадобилась помощь? Полагаю, миссис Вейч дала нам ответ на этот вопрос. Он вклинился в чужой разговор, понял, что без помощи ему не обойтись, позвонил мне, затем — послу Франции, своему давнему другу, которому доверял, и, наконец, вам, которому, он это знал, доверял я.

— Как он мог вклиниться в чужой разговор?

— Такое случается постоянно. На один журнал недавно подали в суд за то, что он опубликовал статью, основанную на подслушанном разговоре. Я полагаю, в «Валдорфе» такой же коммутатор, как у нас. Допустим, кто-то звонил из номера посла. Разговор еще продолжался, когда позвонил Кардью. Его звонок приняла другая телефонистка и соединила с номером посла. По идее в трубке должны были послышаться короткие гудки, озна-

чающие, что линия занята, но в коммутаторе что-то сработало. И Кардью невольно подслушал чужой разговор.

— Но посол был на концерте.

— Это не означает, что в его номере никого не было,— нетерпеливо возразил Шамбрэн.

— Лакост! — воскликнул я.— Он только что приходил ко мне и сказал, что говорил с Кардью, но, получается, когда тот звонил в «Валдорф» второй раз.

— Теперь мы можем действовать,— Шамбрэн наклонился вперед.— Что бы вы сделали, если б вклинились в чужой разговор?

— Попытался привлечь внимание телефонистки.

— Разумеется. Подождал бы минуту, думая, что телефонистка все поймет сама. А потом, если бы услышал что-то интересное, стал бы слушать дальше. Это не в правилах хорошего тона, но такое возможно.

— Я наверняка слушал бы до конца.

— Затем, потрясенный услышанным, мог вспомнить и о телефонистке. Пару-тройку раз нажал бы на рычаг, чтобы она прервала связь. А если б она не отреагировала, положил бы трубку.

— И что из этого?

— А то, что разговаривающие по щелчкам, вызванным движениями рычага, поняли бы, что к ним кто-то подключился.

— Но разве они могли узнать, кто именно?

— Нет, если только Кардью не сказал: «Телефонистка! Вы меня неправильно соединили!» И кто-то из собеседников узнал его голос. Может, этого и не случилось. Может, он просто положил трубку. Но говорившие не на шутку перепугались. Они тут же прекратили разговор и стали ждать, пока послу позвонят вновь. И вскоре раздался звонок. Кардью хотел поговорить с послом. Так или иначе, наши собеседники догадались, кто их подслушал.

Я на мгновение задумался.

— Такое возможно, сэр, но вы не учитываете временной фактор. Сразу после разговора с Лакостом Кардью позвонил мне. Меня задержали минут на двадцать. Но этого времени не хватило бы Лакосту, чтобы добраться сюда из «Валдорфа», подняться в номер Кардью, убить его и покинуть «Бомонт».

— Если только Лакост не мог позвонить кому-то в отель, чтобы тот убил Кардью,— возразил Шамбрэн.

По моей спине пробежал холодок.

— Макс Кролл! — воскликнул я.— Он значится в списке Салливана. И уже находился в отеле.

— Кролл — кандидат номер один. Джерри проверяет сейчас, что он делал вчера вечером,— Шамбрэн помрачнел.— С тех пор, как я стал управляющим этого отеля, впервые опасаюсь полностью доверять моим служащим. Как я вам вчера говорил, эти люди готовы заплатить сколько угодно, лишь бы добиться своего.

— Что же мог услышать мистер Кардью? — задал я риторический вопрос.

— Если б мы это знали, то не ломали бы сейчас голову.

Возвращаясь в кабинет, я размышлял над словами Шамбрэна. Его версия подслушанного телефонного разговора пока не подтверждалась фактами, но представлялась мне весьма логичной. Жан Лакост не значился в списке Салливана, но посол там был, а Лакост, его личный секретарь, скорее всего, подчинялся ему во всем. И Кролл, Кролл, или кто-то еще, получающий деньги от торговцев наркотиками, должно быть, уже шел к номеру Кардью, когда я разговаривал со стариком по телефону, сидя за столиком в «Гриле». Пожалуй, хоть этим я мог успокоить свою совесть. Я не успел бы спасти старика, даже если б не задержался в вестибюле из-за Лили Доринш.

Едва я вошел в приемную, Шелда как-то странно посмотрела на меня.

— Ты мне ничего не сказал!

— Что я должен был сказать?

— Ты не предупредил, что у тебя с ней встреча.

— С кем?

— Мадам Жирар. Она расположилась в твоём кабинете.

Гулко стукнуло сердце.

— В любезности тебе не откажешь.

— О чем ты?

— Ты сказал, что я лучше ее.

— При чем тут любезность,— я не слышал, что говорю.

Жульет Жирар в моем кабинете!

— Помоги ей, если сможешь, Марк,— внезапно Шелда стала серьезной.

— Помочь?

— Она в беде. Это видно с первого взгляда. Я не в обиде, что она красивее меня. Помоги ей.

На мгновение я даже забыл о Жульет Жирар.

— Ты — молодец,— улыбнулся я Шелде.

Когда я вошел в кабинет, Жульет Жирар стояла у окна и смотрела на парк. Она резко обернулась при звуке закрывающейся двери. Мгновенно я понял, что Жульет ожидала увидеть кого-то другого. Она подняла руку и прижала батистовый носовой платочек к алым губам. Шелда могла бы в подробностях описать ее наряд. Я — нет. Что-то темное, жакет, отороченный мехом, маленькая шляпка с вуалью, скрывающей широко раскрытые близорукие глаза.

Меня, конечно, задела такая встреча.

— Мистер Хаскелл? — спросила она.

— Мадам Жирар?

— Я знаю, что вы — друг Диггера. Вчера вечером я видела вас с ним в баре «Трапеция».

— Мы лишь недавно познакомились,— ответил я.

— Значит, мы окажемся перед вами в еще большем долгу.

Я уставился на нее. Она, должно быть, поняла, что я не знаю, о чем идет речь.

— Диггер не просил у вас разрешения на нашу встречу в этом кабинете?

— Боюсь, что нет, но я рад вашему приходу.

Слабая улыбка шевельнула губы, и лицо ее словно осветилось изнутри.

— Он не изменился,— прошептала она.

— Он назначил вам встречу здесь?

— Записка... Полчаса назад мне под дверь подсунули записку с просьбой встретиться с ним в вашем кабинете в половине одиннадцатого.

— И вы... взяли и пришли?

— Взяла и пришла,— она гордо откинула голову.— Вы бы не спрашивали, если б не знали нашего прошлого, мистер Хаскелл.

— Мне известно лишь то, о чем писали газеты, мадам Жирар,— ответил я.— Я также слышал, как ваш муж, очень сердитый, предложил Диггеру держаться от вас подальше.

— Бедный Шарль,— в ее голосе слышались искренняя озабоченность и жалость.— Он уехал в аэропорт встречать Бернарделя,— она посмотрела мне в глаза.— Поверьте, мистер Хаскелл, я пришла сюда не потому, что хочу предать его. Он — мой муж, и я обязана хранить ему верность. Но... но я не могу жить... не получив ответа на мучающие меня вопросы. Я должна знать, как все было на самом деле.

— Вы уже сомневаетесь в виновности Диггера?

— Мне известно, что он не убивал отца,— едва слышно прошептала она.— Вас интересует, как я это узнала?

— Да.

— Шарль доказал мне его невиновность.

— Ваш муж?

Она отвернулась к окну.

— Разве я не имею права увидеть Диггера, чтобы сказать ему об этом? Разве я не могу сказать ему, что... что он так и остался единственным мужчиной, которого я любила? Я не могу покинуть Шарля и останусь с ним до конца своих дней. Но Диггер должен знать, что теперь я ни в чем не виню его. Разве я не могу уделить ему десять минут, мистер Хаскелл?

Она могла попросить о чем угодно и не встретила бы отказа. Оставалось только гадать, какие чувства владели бы мной, если б я знал, что она любит меня, но навсегда останется недоступной.

— Может, ему будет легче, если он ни о чем не узнает? — услышал я свой голос.— Что вы имели в виду, когда вчера просили о помощи? Вы хотели, чтобы он помог вам найти возможность сказать об этом?

— Вы слышали! — воскликнула она.

— Вы находились совсем рядом со мной, ближе, чем сейчас.

Она вновь повернулась ко мне, помялась, словно раздумывая, можно ли на меня положиться.

— Вы мне поможете, мистер Хаскелл?

— Что я должен сделать?

— Убедите Диггера поверить в то, что я ему скажу.

— Что вы его любите?

Она покачала головой.

— В это он поверит и сам, мистер Хаскелл. Я хочу, чтобы он уехал отсюда... немедленно, прямо сегодня. Когда он узнает, что я больше не виню его в смерти отца, смогу ли я убедить его отказаться от поисков настоящего убийцы? Если он не откажется, с ним тоже расправятся. Он стал слишком опасен, и ему не дадут победить. Он хочет доказать мне свою невиновность. Она доказана. Ее доказал Шарль. Помогите мне, мистер Хаскелл, убедить его в том, что он должен незамедлительно уехать.

— Вы с мужем знаете, кто убил отца? — спросил я.

— Наемный убийца. Без имени, без лица. Убил за деньги. Главная опасность исходит от людей, заплативших ему. Против них улики нет. Диггер должен отказаться от дальнейшего расследования, потому что они следят за каждым его шагом. Если он действительно что-то найдет, его убьют, прежде чем он успеет раскрыть рот. Помогите мне, мистер Хаскелл, Диггер — романтик... он всегда готов на подвиг.

Я не успел пообещать ей полное содействие, потому что распахнулась дверь, и в кабинет влетел Диггер.

— Жульет! — воскликнул он.

Их разделяли несколько футов, но они застыли, не в силах их преодолеть.

— Я подожду в приемной, — пробормотал я.

— Благодарю, — Диггер даже не взглянул в мою сторону.

Я вышел в приемную. Шелда уставилась на закрытую дверь кабинета.

— Вот, значит, в чем дело!

— В чем?

— Подрабатываешь Купидоном, — она рассмеялась. — Я и не знала, что мой босс так сентиментален.

Те двое, что остались в моем кабинете, испытали немалое потрясение. Впервые с тех пор, как чуть ли не три года назад французский суд признал Салливана невиновным, им представилась возможность поговорить — если, конечно, не считать нескольких слов, торопливо произнесенных Жульет в баре «Трапедия». Когда-то они любили друг друга, но между ними встали убийство, ненависть, жажда мести. Теперь они встретились вновь, но непреодолимый барьер — Шарль Жирар — не позволял им соединиться.

Потом Диггер рассказал мне, что произошло в кабинете.

Они молча смотрели друг на друга. Диггер говорил, что у него бешено колотилось сердце. Наконец ему удалось разлепить губы.

— Ты посылала за мной, Жульет?

— Я?

— Я получил твою записку.

— Но... я не писала тебе. Это я получила твою записку.

— Я ее не писал.

Она быстро подошла к нему.

— Ты должен уехать отсюда, Диггер...

— Подожди! Я...

— Разве ты не понимаешь? Кто-то сознательно свел нас вместе. Я хотела тебя видеть. Поговорить с тобой. Но не теперь. Не

здесь! Кто-то заманил нас сюда. Пожалуйста, ничего не говори. Уходи!

Она положила руки ему на грудь и попыталась подтолкнуть его к двери. Но прикосновение Жульет ожгло его как огнем.

— О, мой бог! — Диггер сжал ее в объятиях, покрывая лицо поцелуями, вобравшими в себя страсть трехлетнего ожидания. — Я люблю тебя... люблю... люблю.

И в тот момент, забыв про супружеские обеты, она не могла устоять перед мужчиной, которого любила сама. Она что-то шептала ему, но он не вслушивался в слова, зная и так, что они означают.

В конце концов Жульет оторвалась от него.

— Тебе надо уходить, Диггер! Это ловушка. Мы встретимся где-нибудь. Поговори с Хаскеллом. Он знает, что я хочу сказать тебе.

— К черту ловушки! — взревел Диггер. — Ты думаешь, я отпущу тебя, когда ты уже здесь?

Но время было упущено.

Сквозь стеклянную стену приемной я увидел бегущего по коридору Жирара с бледным как мел лицом. Предупредить Диггера и Жульет я уже не успевал. Оставалось только загородить двери в кабинет.

В колледже я занимался боксом. На здоровье не жаловался. И считал, что в драке могу постоять за себя. Но вот что забавно: если судить об окружающем мире по кинофильмам или телепрограммам, может сложиться впечатление, что жизнь состоит из ситуаций, когда люди только и делают, что дубасят друг друга. Двое встречаются, перебрасываются парой слов, и в воздухе уже мелькают кулаки. На экране телевизора это можно видеть каждые полчаса. Но дело в том, что, прожив тридцать лет, я ни разу не видел, чтобы один человек ударил другого не на экране, а наяву. В армии, конечно, такое случалось, но армейские будни едва ли можно назвать нормальной жизнью. Так что мне уже казалось, что в цивилизованном обществе драк просто не бывает.

Я, конечно, заблуждался, и наказание последовало незамедлительно.

— Прочь с дороги! — прорычал Жирар.

— Одну минуту, месье Жирар, — я попытался остановить его...

Мгновением позже от резкого удара я повалился на стол, а Жирар ворвался в мой кабинет.

Я услышал, как вскрикнула Жульет.

Голова гудела как барабан. Перед глазами стоял туман. Но мне удалось найти взглядом Шелду, застывшую за своим столом.

— Беги за помощью, — губы меня не слушались, но Шелда сорвалась с места.

Я оперся о журнальный столик и попытался встать, но вместо этого столик свалился на меня. Я увидел, как из кабинета выбежала Жульет и метнулась в коридор. Из кабинета донесся треск ломающейся мебели.

Туман рассеялся. На этот раз мне удалось подняться и усто-

ять на ногах, хотя меня и качало из стороны в сторону. Затем нетвердым шагом я двинулся к кабинету.

Тишина нарушалась лишь тяжелым дыханием двух мужчин, пристально следящих друг за другом. Не приходилось сомневаться, что они готовятся к смертельному бою. Человеку в голову вечно лезет всякая несуразица, вот и я в тот момент подумал, что, предложи мне пари, я поставил бы на Жирара. Диггер был моложе и физически сильнее, но чувствовалось, что Жирар, в отличие от своего противника, знает, как убивать. Возможно, научился этому, сражаясь в рядах Сопротивления. Диггер, вытянув левую руку, не подпускал Жирара к себе, готовя удар правой. Но Жирар все-таки сблизился с ним, поднял обе руки, сложил их в замок и с силой опустил на шею Диггера. Тот упал на колени, и Жирар двинул ему в челюсть. Диггер распластался на полу.

Тут я словно очнулся и прыгнул на спину Жирара, схватив его за шею. А мгновение спустя взлетел в воздух и врезался в дальнюю стену. Оставаясь на полу, я увидел, что Диггер-таки поднялся на ноги. Низко пригнувшись, Жирар надвигался на него. Я предпринял еще одну попытку помешать им.

— Не вмешивайтесь, Марк! — прохрипел Диггер.

— Немедленно прекратите!

В результате я оказался между ними и словно угодил в камнедробилку. Они изо всех сил пытались добраться друг до друга. Жирар выругался по-французски. Кто-то из них сильно пнул меня. Несмотря на резкую боль, я не отступал, но следующий удар пришелся в солнечное сплетение, и я сразу потерял интерес к происходящему.

Как оказалось, мне удалось выиграть драгоценные секунды. Появившиеся Джерри Додд, Джонни Тэкер и пара дюжих коридорных разняли драчунов, правда, Додду пришлось унять Жирара ударом рукоятки пистолета по голове.

Когда я обрел возможность соображать, Шелда вытирала мне лицо влажным платком. По кабинету словно пронесся смерч. Врач приводил в чувство Жирара, ничком лежащего на полу. Диггер сидел в кресле, запрокинув голову и с закрытыми глазами.

Надо мной стоял Шамбрэн. Внезапно я испугался, столь холоден был его взгляд.

— Это вы устроили? — тихо спросил он.

— Устроил что? — переспросил я. Губы у меня раздулись, как олады.

— Вы устроили встречу Салливана и Жюльет Жирар в этом кабинете?

— О господи, конечно же, нет!

Взгляд Шамбрэна сразу же потеплел.

— Ваша секретарша сказала мне, что вы играете роль сводни.

— Моя секретарша — идиотка, — я крепко сжал руку Шелды.

Неожиданно она всхлипнула.

— С тобой все в порядке, дорогой?

— Какой уж тут порядок, — я с трудом поднялся. Все болело. — Кажется, кто-то сказал «дорогой»?

— У тебя одна дурь на уме,— фыркнула она.

— Возможно, и так,— я повернулся к Шамбрэну.— Мадам Жирар пришла сюда, потому что получила записку от Салливана с просьбой о встрече. Салливан мне ничего не говорил.

— Я не посылал ей записки,— донесся из кресла глухой голос Диггера.— Я сам получил записку от нее. Она говорит, что не писала ее. Нас заманили сюда, а потом дали знать Жирару. Как он?

— Будет жить,— отозвался врач.— Если мне кто-нибудь поможет, мы отведем его в номер.

Джерри Додд и Джонни Тэкер подхватили Жирара и поставили на ноги. Дышал он тяжело, колени подгибались. Но Диггера он заметил.

— Где она?

Диггер качнул головой.

— Если она ушла, чтобы где-то встретиться с тобой, я...

Диггер рассмеялся.

— В следующий раз я захвачу с собой пожарный топорик.

Но Жирар словно и не услышал его.

— Где моя жена? — повторил он.

Никто не нашелся, что ответить.

Глава 3

Далее действие переместилось в кабинет Шамбрэна. Он сам, Джерри Додд и я пили кофе, Диггер ощупывал руки, ноги, ребра, словно желая убедиться, все ли цело.

— Он собирался меня убить. И, клянусь богом, он знает, как это делается. Я не ожидал ничего подобного.

— Вы можете подать на него в суд,— заметил Шамбрэн.

Диггер покачал головой.

— Нет-нет. В суд я на него не подам,— он чуть улыбнулся.— Видите ли, я его хорошо понимаю. Правда, все произошло не так, как он себе представляет. Кто-то подстроил нашу встречу.

— Именно это меня и интересует,— пробурчал Шамбрэн.

— Я получил записку от Жюльет, в которой она просила встретиться с ней в половине одиннадцатого в кабинете Марка,— Диггер пошарил во внутреннем кармане пиджака и вытащил листок бумаги. На таких листках наши телефонистки записывали номера телефонов, если кто-то из гостей отеля просил соединить его с городом.

— Это почерк мадам Жирар? — спросил Шамбрэн.

— Понятия не имею,— коротко рассмеялся Диггер.— После первой встречи с Жюльет в Париже мы виделись каждый день, в письмах не было нужды. Так что я даже не знаю, какой у нее почерк.

— Каким образом записка попала к вам? — спросил Шамбрэн.

— Вместе с завтраком. Официант вкатил столик и передал мне эту записку. Сказал, что нашел ее под дверью.

— Разыщите официанта, Джерри. Пусть зайдет ко мне. Продолжайте, Салливан.

— Это все. Она назначила мне встречу. Вчера в «Трапедии», Марк может это подтвердить, она попросила о помощи. Естественно, в половине одиннадцатого я пришел в кабинет Марка.

— И миссис Жирар заявила, что не посылала вам записку?

— Да. Она сказала, что получила записку от меня.

— Ее подсунули под дверь после того, как Жирар уехал в аэропорт встречать Бернарделя,— добавил я.

— Вы говорили с ней?— взглянул на меня Шамбрэн.

— Да,— и я пересказал разговор с Жульет.

Глаза Шамбрэна сузились.

— Фальшивая записка вам, Салливан, фальшивая записка Жульет Жирар и третья записка— Жирару, вернувшая его в отель.

Из приемной появился Джерри Додд. Он звонил на кухню.

— Официант уже идет, босс. Ферруччио Конти, один из наших ветеранов. Между прочим, мадам Жирар покинула отель. Уэйтерс, швейцар, видел, как она вышла на Пятую авеню. Похоже, прямым из кабинета Марка. Кстати, я проверил, где Кролл, и установил наблюдение за ним, как только вы попросили об этом. Около десяти часов он уехал в аэропорт встречать Бернарделя.

— Нужно обо всем рассказать лейтенанту Харди,— в голосе Шамбрэна слышалось нетерпение.— Постарайтесь найти его, Джерри, и пригласите сюда,— он повернулся к Диггеру.— Мадам Жирар дала вам дельный совет. Почему бы вам не уехать, пока не закончится эта история?

— Нет,— покачал головой Диггер.— Если мне грозит опасность, я близок к цели. Иначе не было бы и опасности.

— Не забывайте, что Жирар при очередной встрече разорвет вас на куски.

— В следующий раз он не застанет меня врасплох,— Диггер начал подниматься.— Кто-то должен найти Жульет.

— Только не вы,— отрубил Шамбрэн.— Пора бы вам начать соображать, Салливан. Пусть ее ищет муж. Это его забота.

— Разве вы забыли, что Жирар значился в списке? Списке Лоринга?— напомнил Диггер.— Вам не приходило в голову, что каждое слово, сказанное им Жульет, могло оказаться ложью? Он снял с меня подозрения в убийстве, чтобы она считала, что именно он восстановил мое честное имя. Но, может, это ширма, прячась за которую Жирар принимает самое активное участие в заговоре? Нет, мистер Шамбрэн, я никуда не уеду. Я намерен найти Жульет и поговорить с ней.

Шамбрэн было запротестовал, но передумал:

— Пойдемте со мной, Марк,— и вышел из кабинета. Мы молча прошли к лифту. Он нажал кнопку «Вверх».— Не нравится мне все это. Я всегда говорил, что отойду от дел, если не буду знать, что творится у меня в отеле. А тут люди суют под двери записки и бог знает что еще. И я уже не уверен в своих подчиненных. Это чертовски неприятное ощущение,— он вновь нажал кнопку лифта.— Мы живем в мире денег. Так уж устроен «Бомонт» — дом вне дома для самых богатых. Но впервые здесь появились деньги, которыми готовы оплатить предательство.

И я собираюсь выяснить, Марк, кто стоит за этими деньгами, даже если после этого мне придется уйти из отеля.

— Куда мы едем? — спросил я.

— К Жирару. Я хочу знать, кто предложил ему заглянуть в ваш кабинет.

Если не считать шишки на затылке в том месте, куда опустилась рукоятка пистолета Додда, Жирар вышел из драки с куда меньшими потерями, чем Диггер. Он успел привести себя в порядок и надеть чистый костюм. Под левым глазом темнел «фонарь». Он сдержанно кивнул Шамбрэну и отступил в сторону, давая нам пройти в номер.

— Я ждал вас.

Таких номеров, как в «Бомонте», не найти ни в одном отеле. Любой из них не похож на другие. Так, в номере Жираров мебель, отделка стен и потолка соответствовали периоду Французской империи. Я уловил слабый аромат духов Жульет Жирар.

— Вы не привели с собой полицию? — спросил Жирар, закрывая за нами дверь.

— Салливан не намерен предъявлять вам обвинения, — Шамбрэн, похоже, тоже уловил запах. — Ваша жена вернулась?

— Нет, — Жирар коснулся синяка на щеке.

— Послушайте, Жирар, ваша ссора с Салливаном не имела бы ко мне ни малейшего отношения, если б не нарушала мир и покой моего отеля.

— Я готов оплатить причиненный урон.

— К черту урон! — воскликнул Шамбрэн. — Я не собираюсь играть с вами в кошки-мышки. Мне известна история ваших взаимоотношений с Салливаном. И многое другое. Я знаю, что мой отель используется вашими соотечественниками. Сюда привозят наркотики. Здесь плетут политические заговоры. Терпеть этого я не стану. Я не знаю, на чьей вы стороне, месье Жирар. Но вы поймете, почему я хочу задать вам несколько вопросов и, более того, получить на них ответы.

Холодная улыбка заиграла на губах Жирара.

— Постараюсь удовлетворить ваше любопытство.

— Как вы узнали, что Салливан и ваша жена встречаются в кабинете Хаскелла?

— Это мое дело.

— И мое тоже, — заметил Шамбрэн. — Марк, расскажите ему, что произошло, когда вы увидели миссис Жирар в своем кабинете. Расскажите обо всем.

Я рассказал. Ничего не опуская. У Жирара задергалась щека.

— Как видите, — заговорил Шамбрэн, — это не любовная встреча. Как и ваша жена, Салливан получил записку и решил, что ее послала Жульет. Кто-то это подстроил. Тот же «кто-то» вернул вас, чтобы вы застали их вместе. Я хочу знать, как это произошло. Почему вы вернулись в отель?

Глядя на Жирара, я подумал, а не он ли все и устроил, чтобы получить повод для расправы с Диггером. Эта версия показалась мне весьма логичной.

— Мне позвонили, — ответил Жирар.

— Позвонили! Кто с вами говорил?

— Женщина.

— Вы не знаете, кто она?

— Нет,— Жирар запнулся.— Я оставил Жульет в номере и отправился в аэропорт встречать Поля Бернарделя. В вестибюле меня окликнули. Сказали, что просят к телефону, и я могу поговорить с одного из аппаратов, стоящих на регистрационной стойке. Я взял трубку, и женский голос спросил, я ли месье Жирар. Я ответил, что да, и, в свою очередь, поинтересовался, кто она. Мне ответили, что это не имеет значения, но меня хотят предупредить, что в половине одиннадцатого моя жена собирается встретиться с Салливаном в кабинете пресс-секретаря отеля. Я еще раз спросил, как ее зовут, но трубку уже положили. Я соединился с коммутатором, и мне сказали, что звонили из города.

Жирар отошел к столу, достал из пачки сигарету. Когда он закурил, его рука дрожала.

— Поначалу я хотел вернуться и спросить Жульет, так ли это. Но потом принял другое решение. Я... я скажу вам, почему.

— Слушаю вас, месье Жирар.

— Оно связано с происходящим в вашем отеле. Но сначала нам нужно вернуться в прошлое.

В самые черные дни истории Франции я сражался в Сопротивлении,— глаза Жирара блеснули.— В те дни мы научились и драться, и убивать. Ячейкой, или группой, в которой я состоял, командовал армейский полковник, готовый отдать жизнь за свою страну. Его звали Жорж Вальмон. Хитрый, изобретательный, ненавидящий наци, поработивших Францию. Он сражался за Францию и за человека, в котором видел ее освободителя,— Шарля де Голля. Я был заместителем Вальмона и полюбил его, как отца. Моего-то убили в самом начале войны, при бомбардировке Парижа. Когда же война подошла к концу и Париж вновь стал свободным, мы попытались вернуться к мирной жизни. Я вновь стал адвокатом. Вальмон, правда, остался в реорганизованной французской армии. У него возникли осложнения личного характера. Его жена была американка. В начале войны она отказалась покинуть Париж, считая, что не должна расставаться с мужем. Осталась с ней и восьмилетняя Жульет. Потом жена Вальмона умерла от болезни, никто не мог сказать, от какой именно, было не до того. Девочку удалось переправить в Америку, к родственникам жены.

Вальмон хотел, чтобы дочь вернулась к нему, но американские родственники заартачились. Вальмона они практически не знали, возможно, с самого начала не одобряли этот семейный союз. Ему пришлось обратиться в суд, и он попросил меня представлять его интересы. Дело оказалось весьма сложным, но не имеющим никакого отношения к тому, что происходит сейчас. Я поехал в Америку, чтобы повидаться с родственниками жены полковника, и мне удалось убедить их отдать Жульет отцу без судебного разбирательства. Во Францию я вернулся вместе

с ней, веселой, красивой девушкой. Произошло это в сорок седьмом году.

Жульет росла на моих глазах. Я постоянно бывал в доме Вальмона. Свободного времени у меня было больше, чем у полковника, поэтому я водил ее в музеи, картинные галереи, в кино, ездил с ней за город. Я с радостью наблюдал, как она расцветает с каждым днем, и полюбил ее, как собственную дочь. Она была очаровательным ребенком. Так прошло десять лет. Наша жизнь более-менее упорядочилась. Я стал известным юристом, Вальмон работал в тесном контакте с генералом де Голлем. А Жульет... Жульет выросла.

Де Голля избрали президентом Франции. Более всего его тревожило положение в Алжире. Единственный выход он видел в предоставлении этой колонии независимости. Как вы знаете, его решение раскололо Францию надвое. Многие из нас, в том числе и я, всегда поддерживавшие де Голля, в тот момент не согласились с ним. И действительно, в Алжире началась гражданская война. Страну залила кровь. Но после референдума, в котором большинство французов одобрило позицию де Голля, я отбросил сомнения и стал его верным помощником. Нам всем постоянно приходится делать выбор, мистер Шамбрэн.

— Вальмон всегда оставался на стороне де Голля?

Жирар пожал плечами.

— Да. Возможно, в глубине души он мог в чем-то не соглашаться с генералом, но внешне это никак не проявлялось. И он принял самое активное участие в борьбе с оасовскими террористами,— Жирар глубоко вздохнул.— В пятьдесят девятом Жульет исполнилось двадцать лет. Как-то раз я пригласил ее поехать за город на машине. Не знаю, как это случилось. Возможно, виновато прикосновение ее руки, а может, выражение ее глаз, но я понял, что влюблен в этого ребенка, обратившегося в женщину,— голос Жирара дрогнул, и он на мгновение замолчал, чтобы справиться с волнением.

— Я клянусь, клянусь, что она почувствовала то же самое. Десять лет я был для нее «дядей Шарлем». Внезапно я стал мужчиной. На шестнадцать лет старше, но тоже достойным любви.

В тот же вечер я переговорил с Вальмоном. Мне показалось, он даже обрадовался. Полковник хотел, чтобы Жульет поскорее вышла замуж, так как сам находился в постоянной опасности. Но он ясно дал понять, что не будет оказывать давления на Жульет, торопить ее или принуждать.

Несколько дней спустя у нас с Жульет состоялся серьезный разговор. Эта девушка... эта женщина... честно призналась, что всегда любила меня, как «дядю Шарля». Теперь в ней проснулось новое чувство, и она должна осознать его и свыкнуться с ним. Она увидела во мне мужчину, а не любимого дядюшку, и нужно время, чтобы убедиться, что она готова связать со мной свою судьбу. Я признал, что это справедливо, и согласился.

Мне было тяжело. Без нее жизнь теряла всякий смысл. Неделя проходила за неделей, месяц — за месяцем, но в конце

концов мне стало казаться, что она уже близка к тому, чтобы сказать «да». У нас было много общего. Ее вкусы совпадали с моими, потому что формировались под моим влиянием. Я, можно сказать, приложил руку к тому, чтобы она стала женщиной, которую я так страстно полюбил. А потом... потом все разлетелось вдребезги!

Кулак Жирара опустился на стол. Его голос снова задрожал, теперь уже от ярости.

— К полковнику Вальмону пришел мужчина. Этот Салливан. Он принес рекомендательное письмо от Поля Бернарделя. Вальмон по своим каналам многое узнал о Салливане. Полковник вел очень опасную игру. Он твердо верил, что ОАС добывает деньги на покупку оружия, участвуя в торговле наркотиками. И теперь ему противостояли не только бывшие однополчане, но и хладнокровные убийцы, наживающие миллионы на человеческой беде. Он установил личность нескольких мелких рыбешек, но не трогал их, надеясь выйти на акулу. К примеру, он знал, что Лангло, механик Бернарделя, поставляет наркотики некоторым гонщикам и туристам, выходящим вокруг автогонки. Подозревал, что в этом замешан и сам Поль Бернардель. Доказательств, разумеется, у него не было. Полковник надеялся, что Лангло поможет их раздобыть. Но механика внезапно убили, возможно, из-за Салливана. Тот обратился к Лангло за героином для попавшего в аварию автогонщика, своего приятеля. Потом рассказал Бернарделю о побочном доходе механика. Он и Бернардель поехали в гараж и нашли Лангло мертвым. Салливан в притворной ярости заявил, что этого так не оставит. Бернардель дал ему рекомендательное письмо к полковнику Вальмону.

— В притворной ярости? — переспросил Шамбрэн.

— Я никогда не верил ему. Не поверил и сегодня, — прохрипел Жирар. — Вы думаете, что все это из-за Жульет. Нет! Я ненавижу его из-за Жульет. И не верю в искренность его намерений. Я не сомневался тогда и остаюсь при своем мнении теперь, что он пытался втереться в доверие к полковнику Вальмону. Не знаю, почему убили Лангло. Возможно, Бернардель и Салливан расставили ловушку. Когда Салливан без труда получил у него героин, они решили, что Лангло может «засветиться», и убрали его. Кроме того, смерть Лангло позволила Салливану сблизиться с Вальмоном. Салливан, бесстрашный американский автогонщик. Салливан, полный праведного негодования. Салливан, лучащийся обаянием. Будь он проклят!

Жирар тяжело дышал. Его рассказ изумил меня. Таким я Салливана не представлял. Правду говорил Жирар или ложь, чувствовалось, что сам он искренне верит в свои слова.

— Вальмон не сразу доверился Салливану. Сначала он переговорил со мной. Не мог ли Салливан оказаться шпионом, засланным в наши ряды Бернарделем? Может, располагающая внешность Салливана не более чем маска? Я умолял Вальмона не рисковать. Он меня не послушал. Решил, что проверит Салливана. Передаст ему ложную информацию и по реакции террористов узнает, попала она к ним или нет. С другой стороны,

Салливан мог оказаться важным союзником, если бы доказал свою честность.

В результате Вальмон принял Салливана, и тот встретился с Жюльет,— по телу Жирара пробежала дрожь.— Ее словно поразило громом. Его... кто знает? Я не могу отрицать, что он действительно мог влюбиться в нее. Отрицать это может только тот, кто никогда не видел Жюльет. Но представляется более вероятным, что он использовал эту внезапную любовь для того, чтобы ослепить Вальмона.

Жюльет пришла ко мне. Ее слова жгли, как раскаленный металл. Я не могу повторить их без боли в сердце. Она любила меня. Всегда любила. Верила, как никому. Собиралась сказать, что согласна выйти за меня замуж. Но появился Салливан. И она ничего не может с собой поделать. Ее охватила страсть. Она не испытывала ко мне такой любви, даже не подозревала, что можно так любить. Жюльет старалась подсластить пилюлю, но не собиралась менять решения.

Вальмон выразил мне сочувствие. Сожалел, что все так обернулось, но вмешаться не пожелал. Жюльет имела право решать все сама. Более того, он сказал, что Салливан не попал в расставленные ловушки. Я... я по-прежнему не доверял ему...

Тогда же Вальмона попытались убить. Он решил уйти в подполье. Настаивал, что никто, даже его агенты, не должны знать, где он находится. Кого-то из них могли подкупить, ОАС не испытывала недостатка в деньгах. Кого-то могли «расколоть» под пыткой. Такое случалось во время войны. Но он не мог обойтись без курьера. Он мог выбрать меня, боевого товарища, давнего друга. Но нет, он выбрал Салливана, из-за того, что Жюльет любила его.

А потом, несколько недель спустя, Вальмона убили.

Жирар вытащил из кармана носовой платок и промокнул лоб.

— Я тут же пришел на помощь Жюльет. Она была в шоке. Она видела Салливана собственными глазами, когда выстрелы еще эхом отдавались на городских улицах. Жюльет пыталась объяснить его бегство,— может, он преследовал убийцу. Но он не вернулся на место преступления. Позднее Салливан пытался связаться с ней по телефону, но я... я не дал им поговорить. А затем он исчез и появился лишь на следующий день с алиби, которое подтвердил Поль Бернардель. Бернардель, конечно, лжет. Жюльет видела Салливана. Это не вызывало сомнений. И она знала, что Салливан лжет. Я же не раз говорил ей тогда, что с самого начала не верил Салливану. Он использовал ее, чтобы сблизиться с полковником, а в итоге убил его, когда понял, что тот готов назвать имена главарей. Я в это верил. И верю сейчас, за исключением последнего. Он там был, но не убивал полковника Вальмона. Может, он не изолгался до конца. Может, действительно любил Жюльет и пытался помешать убийству Вальмона. Но у меня нет сомнений в его причастности к заговору против Вальмона. Не было их и тогда, и я прилагал все силы, пытаясь доказать, что его алиби — фальшивка. Мне это не удалось, но я решил не отступать и после того, как суд оправдал его.

Жульет не сомневалась, что Салливан — убийца, но любила его. Она открыла ему свое сердце и ничего не могла с собой поделать. Жульет хотела отомстить за отца, и я думаю, что она... думала о смерти.

Занимаемая мною должность позволяла продолжать расследование, привлечь лучшие силы полиции. Но результатов долго не было. Мы допросили сотни людей в том районе, где убили Вальмона. Оасовцев тогда боялись. И многие из тех, кто мог что-то сказать, предпочитали молчать, чтобы не навлечь на себя мести террористов. Руководил ими Бернардель, в этом я абсолютно уверен, хотя и по сей день доказательств у меня нет.

Жирар вновь глубоко вздохнул.

— Прошло еще два года, а мы ни на шаг не приблизились к истине. Жульет по-прежнему жила, как во сне. Я был ее ближайшим другом, «дядей Шарлем», верным соратником отца. Мы ходили в театр, на балет, в картинные галереи. Представляете, каково мне было? Сплошная мука! Однажды она заговорила со мной об этом. Сказала, что видит мои страдания, понимает, что, кроме меня, опереться ей не на кого, но она не сможет дать мне то, что дала Салливану. Если, зная это, я все еще хочу взять ее в жены... «Я не могу только брать у тебя, Шарль, ничего не давая взамен». Я спросил, что будет, если она вновь встретит Салливана. Жульет ответила, что чувство, которое испытывает к нему, не поддается контролю. Но она заставит себя не выходить за рамки приличий. Если мы все-таки поженимся, она мне это гарантирует. И я... я так хотел ее, что согласился на все. Я хотел ее, хотел, хотел!

Мы поженились, — голос Жирара упал до шепота. — Во время нашего медового месяца парижская полиция подтвердила невиновность Салливана. Умиравший от рака старик, окна квартиры которого выходили на дом Вальмона со стороны двора, рассказал о том, что видел два года назад. Все это время он молчал, опасаясь за свою жизнь. К дому Вальмона подъехал маленький черный «пежо». Из кабины вышел мужчина и по пожарной лестнице поднялся к окну квартиры Вальмона. Вытащил автомат и начал стрелять через окно. Затем быстро спустился вниз. Видел старик и Салливана, внезапно появившегося в окне. Убийца в этот момент как раз садился в «пежо», тут же сорвавшийся с места. Теперь старик знал, что его дни сочтены, и не боялся мести террористов.

Жирар повернулся и посмотрел на нас. Его лицо осунулось, глаза ввалились.

— Пытался ли кто-нибудь из вас лгать человеку, которого любил всем сердцем? Если да, то вы поймете, в каком я оказался положении. Едва Жульет стала моей, я получил сведения, обеляющие Салливана, — дрожащими руками Жирар поднес зажигалку к сигарете. — Несколько дней я боролся с собой, потом рассказал обо всем Жульет. Алиби Салливана — фальшивка. Он был в квартире. Но не убивал ее отца... Я собрал волю в кулак и предложил ей свободу, — Жирар облизнул губы. — Она поблагодарила меня... и отказалась. Я предупредил ее, что у меня не хватит мужества сделать то же самое еще раз. Только

богу известно, что она испытала в тот момент, но ответила: «Я вышла за тебя замуж, Шарль. И хочу остаться твоей женой». С того дня, господа, мы больше не возвращались к этой теме.

Через несколько дней после нашего приезда в Нью-Йорк мне позвонил месье Делакуру, посол. Он пригласил нас на званый ужин в честь Поля Бернарделя. Почти три года я безуспешно искал доказательства вины Бернарделя. Мы встречались, улыбались друг другу, но в душе знали, что мы — враги. Дипломатический протокол требовал нашего присутствия на приеме. Сообщил Делакуру и о том, что Бернардель пожелал видеть за своим столом Салливана. Зная нашу историю, Делакуру спросил, что я намерен предпринять. Я сказал, что должен посоветоваться с Жюльет. Впервые за два года мы заговорили о Салливане. «Делай то, что должен,— сказала мне Жюльет.— Для меня прошлое умерло». После этого я известил Делакуру о нашем решении.

Конечно, предстоящая встреча с Салливаном не радовала меня, даже пугала. Но я верил Жюльет... я ей верил. И вот... этим утром... телефонный звонок... Салливан хочет прокрасться к моей жене. Не убийца Вальмона, но, возможно, предатель и... негодяй. Я поднялся в ваш кабинет, Хаскелл, чтобы убить его.

После короткой паузы заговорил Шамбрэн.

— Я думаю, мы можем признать, что встречу Салливана с вашей женой организовал кто-то еще. Ваша жена утверждает, что не посылала записки, которая привела его в кабинет Хаскелла. И Салливан не писал вашей жене.

— Я уверен, что Жюльет ничего не писала ему,— ответил Жирар и с горечью добавил: — Но она пришла! Пришла, получив от него записку.

— Которую он не посылал.

— Это он говорит, что не посылал ее.

— Он показал нам записку от вашей жены.

— Ее он мог написать сам.

— А женщина, что говорила с вами по телефону?

Жирар рассмеялся.

— Ваш приятель Салливан знает, как подкатиться к женщинам. Они всегда готовы ему помочь.

— Но зачем он это сделал?

— Он знал, что я попытаюсь его убить. И на чьей стороне оказались бы ее симпатии? На его!

Я вошел в номер Жираров в полной уверенности, что Салливан — наш человек. Обуреваемый ревностью и жадной мести Жирар не вызывал у меня сочувствия. Но я не мог отмахнуться от его аргументов. Да, он относился к Дигтеру с предубеждением, но гораздо лучше, чем мы, представлял себе политическую обстановку во Франции в те дни, когда убили Вальмона. И еще в одном я мог не сомневаться: Жирар искренне верил в то, что говорил.

— Вы заявили, что не допустите политических заговоров или встреч торговцев наркотиками у себя в отеле, Шамбрэн,— продолжил Жирар.— Однако Салливан убедил вас, что борется с теми же людьми, что и вы. Хаскелл — его друг. Пьет с ним.

Защищает его в драке. Но я утверждаю, что Салливан — доверенное лицо Бернарделя. В Париже он действовал по указке последнего. Был шпионом Бернарделя в доме Вальмона. Остается его шпионом и в вашем отеле. И вот еще о чем я подумал. Он пытался отвлечь мое внимание от намеченных контактов оасовцев и торговцев наркотиками, начав эту возню вокруг Жульет. И, надо признать, ему это удалось. Где моя жена, Шамбрэн?

— Не знаю, — в голосе Шамбрэна я уловил некоторую отстраненность.

— Если и знаете, можете не говорить. Скажите только, что она в безопасности.

— Швейцар у дверей на Пятую авеню доложил, что мадам Жирар покинула отель. Больше мне ничего не известно.

Жирар покачал головой.

— Она ушла, чтобы встретиться с ним, ложной была записка или нет. Она пошла сказать, что верит ему, что все еще любит его. Салливан значит для нее гораздо больше, чем я.

— Я бы не спешил с выводами, — заметил Шамбрэн.

— А если он вновь использует ее? Вы сами видите, как легко с ее помощью вывести меня из игры. Я должен знать, на каком я свете. Но одно могу вам обещать. Если Салливан все-таки пытается отвлечь меня от Бернарделя и его делишек, клянусь богом, я его убью!

Шамбрэн вытащил из кармана серебряный портсигар, достал из него египетскую сигарету.

— Я сочувствую вам, месье Жирар. Возможно, ваша жена догадалась о ваших намерениях, когда вы ворвались в кабинет Марка. Возможно, ей надо побыть одной, чтобы разобраться, что к чему. Я буду вам очень благодарен, получив ответы на несколько вопросов, не касающихся Салливана. Прошлым вечером Мюррей Кардью — мы, как вы помните, уже спрашивали вас о нем — позвонил в номер Делакуру в «Валдорфе». И совершенно случайно вклинился в чужой разговор. Услышанное стоило ему жизни. И я хочу знать, какое участие принимал Делакуру в войне Вальмона с ОАС?

Жирар нахмурился.

— В те дни подозревали всех. Вальмон полагал, что каждый может оказаться предателем. В его списке значился даже я, его ближайший друг. Он знал, что я не одобрял алжирскую политику де Голля. Каждый, не согласный с президентом, мог перейти на сторону ОАС. Но я думаю (мне хотелось бы так думать), что в конце концов он мне поверил. Был в его списке и Делакуру. Но за два года, прошедших со дня смерти Вальмона, Делакуру проявил себя с самой лучшей стороны. Он бы не занимал столь высокий пост, если бы оставались сомнения в его лояльности.

— А Лакост?

— Секретарь Делакуру? — вопрос удивил Жирара. — Парижанин, закончил с отличием юридический факультет. Ему около двадцати восьми лет. Не воевал. Слишком молод. Он... он несколько женствен. Со своей работой, похоже, справляется. У вас есть основания полагать...

— Делакру с женой отправились на концерт. Мы знаем, что Лакост был в их номере, потому что Кардью говорил с ним, когда позвонил во второй раз. По крайней мере, Лакост должен знать, кто и о чем говорил из номера посла. А что вы можете сказать о Максе Кролле?

— Ближайший помощник Бернарделя, — незамедлительно ответил Жирар.

Шамбрэн подошел к Жирару, загасил сигарету в стоящей на столе пепельнице.

— Я понимаю, что вы не нуждаетесь в моем совете, меесь Жирар, но, тем не менее, хочу вам его дать. Ваша жена представляется мне благоразумной и добропорядочной женщиной. Дайте ей время подумать. Я уверен, она вернется и попытается все уладить. Что касается Салливана, держитесь от него подальше, пока мы не уясним, что — правда, а что — ложь. Импульсивное поведение может стоить вам будущего.

Глава 4

— Бедный Марк, — покачал головой Шамбрэн, когда мы шли по коридору к лифту.

— В каком смысле?

— Вы уже поверили одному мужчине, а тут на вас обрушилась история другого, причем достаточно убедительная. Так кому вам верить — Твидлдаму или Твидлди? ¹

— Оба они могут говорить правду, как она им видится, — ответил я.

Шамбрэн искоса посмотрел на меня.

— Да вы просто кладезь мудрости.

Мы остановились у лифта.

— Кто же мог позвонить Жирару?

— Есть одна безумная идея.

— Я жду, затаив дыхание, — улыбнулся Шамбрэн.

— Лили Дориш. Она жить не может без Макса Кролла. После ее приезда они ужинали у нее в номере. С шампанским.

Шамбрэн не успел ответить, потому что открылись двери кабины. Мы спустились на четвертый этаж и прошли в его кабинет. Лейтенант Харди уже ждал нас.

Шамбрэн взглянул на часы и нахмурился.

— Бернардель подъезжает к отелю, если уже не приехал. Я бы хотел, чтобы вы встретили его вместо меня, Марк. Принесите ему мои извинения. Скажите Бернардю, что я хотел бы повидаться с ним в удобное для него время. А сейчас мне необходимо ознакомить Харди с нашими находками.

У портье я выяснил, что Бернардель уже прибыл в отель и поднялся в свой номер. Лифт доставил меня на пятнадцатый этаж. Я просто сторал от любопытства. С одной стороны, Бернардель связывал воедино ОАС и торговцев наркотиками. Он значился в списке Лоринга, агента Федерального бюро,

¹ Персонажи сказки Керролла «Алиса в стране чудес», отличающиеся только именем.

и в списке полковника Вальмона. Его подозревали Салливан и Шарль Жирар. С другой стороны, он не только оставался на свободе, но и представлял Францию в Международной торговой комиссии. То есть настолько тонко вел свою партию, что никто не мог найти ни малейшей зацепки, чтобы придраться к нему.

Я позвонил в номер 15А. Изнутри слышались мужские голоса, чувствовалось, что их обладатели пребывают в отличном настроении. Потом дверь открылась, и передо мной предстал дух Конрада Вейдта — Макс Кролл. Он холодно оглядел меня.

— В чем дело?

— Я бы хотел поговорить с месье Бернарделем.

— Мне кажется, я указал вам, что месье Бернардель не нуждается в услугах пресс-бюро отеля.

— Я пришел сюда по поручению мистера Шамбрэна, который, к сожалению, не смог засвидетельствовать своего почтения месье Бернарделю. Я бы хотел приветствовать его в нашем отеле и убедиться, что он всем доволен.

— Он всем доволен, — Кролл не сдвинулся ни на дюйм. — Вчера я сам все проверил.

— Кто это, Макс? — из номера донесся громкий, веселый голос.

— Служащий отеля, который хочет узнать, нет ли у вас претензий.

— Так пригласи его в номер! — еще более оживился голос. — Очень хочется знать, что тут происходит. Из тебя, мой дорогой Макс, лишнего слова не вытянешь.

Уголок рта Кролла дернулся, но он отступил от двери, давая мне пройти.

Комната купалась в ярком солнечном свете. На столе стояли два больших ведерка со льдом, из них выглядывали горлышки бутылок шампанского. Пахло дорогими сигарами.

В кресле сидел высокий, эlegantный мужчина с серо-стальными волосами, маленькими черными усиками и холодными серыми глазами. Жак Делакру, посол Франции. Я видел его фотографии в газетах.

Бернардель меня поразил. Никто не говорил мне, как он выглядит, и я ожидал увидеть вкрадчивого, льстивого злодея из мелодрамы. Он оказался совсем другим. Невероятно толстым. И веселым! В его синих глазах, совсем маленьких на луноподобном лице, так и играли смешинки. Одевался он небрежно, но, похоже, у лучших портных. В одной пухлой руке он держал бокал с шампанским, в другой дымилась сигара. Часть пепла попадала в пепельницу, остальное — ему на жилетку. Я подумал, что из него вышел бы потрясающий Санта Клаус, криками «Хо! Хо! Хо!» вызывающий восторги детей. Чувствовалось, что расческа нечасто касается его густых вьющихся каштановых волос. Огромный живот судорожно дергался, когда он смеялся.

— Заходите, мой дорогой, заходите! — прогрохотал Бернар-

дель, взмахнув бокалом.— Макс, налей нашему другу бокал этого чудесного напитка.

— Это Хаскелл, пресс-секретарь отеля.— Кролл не двинулся с места. Моим титулом он словно предупреждал Бернарделя об опасности.

— Великолепно! — воскликнул Бернардель.— Он-то нам и нужен. Он может рассказать то, чего не знает никто другой. Вы знакомы с месье Делакуру, нашим послом на этих берегах?

Я кивнул симпатичному мужчине в кресле, серые глаза которого, казалось, читали, что написано на ярлыке, пришитом с внутренней стороны воротника моей рубашки.

— Месье Бернардель, меня прислал мистер Шамбрэн. К великому сожалению, он не может лично засвидетельствовать вам свое почтение.

— Я понимаю,— Бернардель хохотнул.— Убийство... драка между моим другом Диггером Салливаном и Шарлем Жираром. Ну почему все это произошло, когда я сидел в самолете, словно сардина в консервной банке? Макс, шампанского месье Хаскеллу! Как Диггер? Надеюсь, он достаточно легко отделался?

— С ним все в порядке. Сняжков много, но обошлось без серьезных повреждений.

— Бойцов Сопrotивления готовили на совесть, не так ли, Жак? — он посмотрел на Делакуру.— Жирару сорок один, а он без труда разделался с таким здоровяком, как Диггер. Вы должны сказать мне, месье Хаскелл, как это все произошло. Вот Макс говорит, что очаровательная Жульет вновь оказалась в центре событий.

Что-то этот Макс слишком много знает, подумал я.

— Не знаю, вправе ли рассказывать вам об этом.

— О, перестаньте, дорогой мой, перестаньте,— он подошел к столу и наполнил бокал пенящимся шампанским.

Его веселые глаза остановились на Кролле.

— Извините, Макс. Я забыл, как вам не нравится кого-то обслуживать. Сразу после войны Максу пришлось стать официантом, чтобы не умереть с голоду, месье Хаскелл. Он до сих пор не может прийти в себя. А теперь выпейте, мой друг, и расскажите обо всем, ничего не упуская.

— Драка волнует нас гораздо меньше, чем убийство мистера Кардью, как я понимаю, давнего друга посла Делакуру,— ответил я.

— Разве я не помню, как вы играли в шахматы со старым джентльменом, которого звали Мюррей Кардью? — Бернардель посмотрел на Делакуру.— Кажется, несколько лет назад я видел его в нашей квартире в Париже.

Делакуру кивнул.

— Меня потрясло известие о его смерти. Обаятельный, добрый, безвредный старик. Перед смертью он пытался дозвониться до меня.

Бернардель расхохотался. Чужая смерть, похоже, только добавляла ему бодрости.

— Может, ваш маленький секретарь убил его в приступе

ревности, Жак? Я тревожусь за мадам Делакуру. Этот утонченный Лакоств, должно быть, ужасно мучается, что кто-то может оказаться к вам ближе, чем он. Не зря же говорят, что секреты нельзя доверять ни наркоманам, ни гомосексуалистам. Меня удивляет, что вы держите Лакоства на столь ответственном посту.

Понемногу я начал осваиваться и понимать, с кем имею дело. Словесная рапира Бернарделя, кончик которой он обильно смазал ядом, разила без промаха. Сначала — начисто лишенный юмора Кролл, потом — Делакуру. Приближался и мой черед.

— Лакоств справляется с порученным ему делом, — сухо ответил Делакуру.

— Я рад за него, — Бернардель наполнил свой бокал. — Бедный Дигтер. Вчера он позвонил мне в Париж перед самым отлетом. Похоже, маленький Лакоств настоял, чтобы Жирары на званом вечере сидели за вашим столом, Жак. Дипломатический протокол. Неудобоваримая ситуация и для бедняги Дигтера, и для Жираров. Дигтер заявил, что не придет на прием. Я не хотел и слышать об этом. Как можно упустить такое развлечение — Дигтер и Жирар испепеляют друг друга взглядами, сидя за одним столом! И красавица Жульет, снедаемая любовью и жаждой мщения. Только дефективный Лакоств мог игнорировать эти нюансы, — смеющиеся синие глаза уперлись в Делакуру. — Но меня удивляет, что такой великий гуманист, как вы, Жак, не отменили решения этого балбеса. Не мог же Лакоств не знать, кто есть кто?

— Раз уж вы продолжали настаивать на присутствии Салливана, — ответил Делакуру, — я предложил Жирару сесть за другой стол. Он отказался.

— Как благородно! Как мужественно! Как глупо! — Бернардель одним глотком осушил бокал и наполнил вновь. — Что ж, возможно, утренняя стычка вправит ему мозги, — синие глаза внезапно метнулись в мою сторону, и я понял, что за внешней смешливостью скрывается холодный, трезвый ум. — Полагаю, мой давний приятель Шамбрэн сейчас рвет на себе последние волосы. Убийство, драка в кабинете, международные интриги, и все это в его драгоценном отеле. Большого святотатства он и представить себе не может.

— Он переживает, — заметил я, восторгаясь Бернарделем. Ничего не упустил, прошелся по всему, будь то убийство, драка, наркотики или политика. Я понял, что представление давалось ради меня. Он просто искал, на что же я клюну. Информация, ему требовалась информация, и он желал получить ее, не задавая прямых вопросов. Я чувствовал, что Делакуру и Кролл также наблюдают за мной. Они, правда, знали, чего ждать от Бернарделя.

— Удивительный человек, этот Шамбрэн, — поведал нам Бернардель. — Манеры придворного. И реальная власть, обретенная за тридцать лет, в течение которых по крупницам вынуждалась подноготная богатых и знаменитых. Глядя на него, поневоле забудешь, что он, в сущности, всего лишь хорошо оплачиваемый мажордом, — Бернардель посмотрел на меня, ожидая бурных протестов, но я лишь улыбнулся.

— А самая потрясающая его особенность заключается в том, что он презирает деньги,— продолжал Бернардель,— ненавидит сверхбогачей, ненавидит увешанных драгоценностями старушек, ненавидит власть денег, которая позволяет их обладателям вести себя, как им вздумается. Подозреваю, такое отношение к деньгам как-то связано с его низким происхождением. Его отец возил на тележке овощи по улицам Парижа,— вновь взгляд на меня в ожидании резкого отпора.— Так что небезынтересно будет понаблюдать за ним в ближайшие несколько дней. Он отыщет способ наказать тех, кто решился вызвать рябь на поверхности его маленького тихого пруда. Вы согласны, мистер Хаскелл?

— Я чувствую себя уютно на его стороне,— ответил я.— Кстати, мистер, в приведенные вами факты закралась неточность.

— О? — Бернардель искренне удивился.

— Это была рыба.

— Простите?

— Шамбрэн много раз говорил мне, что его отец торговал на улице рыбой, а не овощами.

Бернардель расхохотался.

— Снимаю перед вами шляпу, мистер Хаскелл. Вы отлично вымуштрованы. Я ожидал, что вы расскажете мне о происходящем за закрытыми дверями, о мыслях и чувствах всех, кто замешан в этой истории, а выяснил лишь то, что вы грудью защищаете вашего высокоуважаемого работодателя. Интеллигентность и верность. Товары, которые не продаются за деньги, если учесть, сколько вам платят в «Бомонте».

— Могу я что-нибудь сделать для вас? — спросил я.— Может, вас что-то не устраивает?

— Да... да, месье Хаскелл. Вы можете уйти отсюда и предоставить мне возможность залезать раны. В следующий раз, если я захочу что-то узнать у вас, я не буду ходить вокруг да около, а сразу перейду к делу.

Я кивнул Делакуру, который сухо улыбнулся в ответ. Кролл стоял ко мне спиной. Я направился к двери, и тут же звякнул звонок.

На пороге стоял Салливан. Увидев меня, он вздрогнул.

— Ну и ну!

— Мой дорогой Диггер! — загремел за спиной голос Бернарделя.

— Рассказывать обо всем будете сами,— сказал я Диггеру.

На его лице отразилось облегчение.

— За десять минут нашего общения месье Хаскеллу удалось практически ничего нам не сказать,— Бернардель подошел к двери.— Мой дорогой друг, я так рад видеть вас.

Диггер протиснулся в комнату.

У меня возникло предчувствие, что он добровольно лезет в ловушку. Он говорил нам, что намерен держаться как можно ближе к Бернарделю, чтобы ловить каждое ненароком брошенное слово. Но у меня создалось впечатление, что с этим толстяком подобные игры не доведут до добра.

Моя приемная напоминала сумасшедший дом. Ее заполнили репортеры и фотографы, и мисс Куингли, машинистка, стойко держала оборону. Обычно ко мне приходили обозреватели, ведущие колонки светской хроники, да журналисты, освещающие показы мод. Убийство привлекло в отель совсем другую команду, от них не укрылся разгром в моем кабинете. Теперь они обсуждали, кто дрался и по какому поводу. Полиция и прокуратура ограничились короткими заявлениями по делу Кардью и продолжили расследование убийства. К Шамбрэну репортеров не пустили, в моей приемной они тоже не получили искомым ответов.

Мисс Куингли устала повторять: «Извините, я ничего не знаю, подождите мистера Хаскелла». Чувствовалось, что она держится из последних сил.

— Где Шелда? — спросил я. Я не видел Шелды с тех пор, как она вытерла мне лицо влажным носовым платком. Мисс Куингли протянула мне листок бумаги. Я прочитал: «Пожалуйста, позвони мне домой. Срочно».

Беседа с репортерами не понравилась ни им, ни мне.

— Я не могу сказать вам больше того, что вы уже знаете, — признался я.

— Жирар застал свою жену в вашем кабинете с Салливаном?

— Скажем, все трое здесь побывали.

— Дрались из-за нее?

— Драка произошла по личным мотивам. Если вы хотите что-то узнать, спросите у Жираров или Салливана.

— Синяк на вашей челюсти, Хаскелл, показывает, что вы не стояли в стороне.

Я широко улыбнулся.

— Просто не успел увернуться.

— Жирары не захотят разговаривать с нами. И Салливана нам не найти. Не увидивайте, Хаскелл. Этот материал можно подать по-разному. Если вы хотите, чтобы мы облили ващ отель грязью, за нами дело не станет.

— Побойтесь бога, — воскликнул я. — У нас и так полно хлопот с убийством. Двое мужчин поссорились. Наверное, на то были причины, мы не собирались устраивать матч на первенство мира. Даже если мне известны их имена, назвать их я не могу. Мы не выставляем напоказ частную жизнь наших гостей.

Какое-то время наша перепалка продолжалась, но потом они поняли, что из меня ничего не выжмешь. Едва ли наша беседа позволила мне приобрести новых друзей среди пишущей братии.

Как только они ушли, я спросил мисс Куингли, когда Шелда пошла домой и когда позвонила. Драку мисс Куингли не застала. Она как раз относила программки в «Зеленую комнату», где во второй половине дня намечался показ мод. Потом зашла в кафетерий выпить чашечку кофе. Когда она вернулась, из моего

кабинета выносили остатки мебели, а нас с Шелдой на месте не было. Шелда позвонила за пять минут до того, как я появился в приемной, набитой репортерами.

Я пошел в кабинет и набрал номер Шелды. Она сняла трубку после первого звонка.

— Марк?

— Какого черта ты дома? Разве ты не понимаешь, что здесь творится?

— Не мог бы ты прийти сюда, Марк? — она говорила, как маленький испуганный ребенок.

— А что с тобой случилось?

— Мадам Жирар, Марк. Она у меня. Мы... мы не знали, что делать. Ее муж... Салливан...

— Как миссис Жирар попала к тебе?

— Она спросила меня, где может побыть одна. Она нуждалась в помощи, Марк. Я дала ей свои ключи. Что... чем все закончилось?

— Обошлось без жертв. Раз она хочет побыть одна, приходи ко мне. Тут полно дел.

— Пожалуйста, Марк. Она хочет поговорить с тобой.

— Дай ей трубку.

— Это ей не по силам, Марк. Пока не по силам. Пожалуйста, приходи.

— Как только смогу... если смогу,— ответил я.— Я должен поговорить с Шамбрэном.

— Но не с ее мужем,— предупредила Шелда.

184 Хочешь остаться без головы — начни улаживать отношения между мужем и женой. Шамбрэн мог бы и не говорить мне об этом. Но он согласился, что один из лучших способов не дать пожару разгореться вновь — вернуть Жюльет Жирар мужу. По меньшей мере Жирар успокоится, зная, где она и что с ней. Да и мне самому следовало выскользнуть из-под прицела настойчивых репортеров.

Квартира Шелды в восточной части Семидесятых улиц — одна из тех жемчужинок, что можно найти в перестроенных домах этой части города. Она находится на первом этаже, фактически даже на пару ступеней ниже уровня улицы, в нее ведет отдельный вход. Вполне вероятно, что раньше в ней располагалась кухня особняка, разделенного теперь на квартиры. С квартирой Шелде достался и маленький садик, который она обожает. Там у нее скамейка под ярким тентом, декоративные елочки в деревянных кадках и много цветов, меняющихся от месяца к месяцу. Шелда утверждает, что выращивание цветов — ее хобби. Правда, в последнее время в сад она выходит редко, потому что рядом строят новый дом, режут машины, летит пыль и грязь. Квартира состоит из большой гостиной, кухни, спальни и ванной. Идеальные условия для незамужней девушки. Шелда самоуверенно заявляла, что только квартира удерживает ее от замужества, хотя я ей этого и не предлагал.

Она встретила меня у двери, на пару минут задержала в крохотной прихожей. Чувствовалось, что она взволнована.

— Не знаю, много ли тебе известно о Жюльет.

— Достаточно,— ответил я.

— Это такое потрясение для нее, Марк... Я про драку...

— Ты могла бы пожалеть и меня,— я коснулся синяка на челюсти.

— Идиот! Она разрывается надвое. Между мужем и Салливаном.

— Это ее проблема, а не наша,— возразил я.— Я даже не знаю, правильно ли ты поступила, приведя ее сюда.

— Я не могла ее оставить, Марк!

— Чего ты от меня хочешь?

— Помоги ей!

— Ну, давай выясним, чем я могу помочь.

Жульет сидела на уголке большой тахты. Перед ней на столике стояла чашка кофе, бутылка бренди и пустая рюмка.

— Я рада, что вы смогли прийти, мистер Хаскелл,— низкий, хриловатый голос Жульет оказывал на меня магическое действие,— Шарль не знает, что я здесь и что вы пошли ко мне?

— Я ему не говорил.

Она наклонилась вперед.

— Все, что я сказала в вашем кабинете, мистер Хаскелл,— правда. Я останусь с Шарлем. Но перед тем, как я вернусь к нему... перед тем, как поговорю с ним... я должна увидеться с Диггером.

— Так повидайтесь с ним, мадам Жирар. Или вы просите у меня совета?

— Нет... нет.

— Вот и хорошо. Потому что я не могу вам советовать.

— Но вы же друг Диггера!

— Мне кажется, вы поспешили с выводами, мадам Жирар. До вчерашнего утра я не встречался с Диггером. И в баре «Трапеция», где вы увидели нас, мы впервые оказались вдвоем за одним столиком. Я слышал его историю, а некоторое время назад свою интерпретацию случившегося изложил нам ваш муж. Можно сказать, что я одинаково хорошо знаю вас троих, а вернее, совсем вас не знаю.

— Тогда вам известно о моем отце? О том, за что он боролся? О причине его смерти?

— Да.

— Вы встречались с Полем Бернарделем?

— Полчаса назад я вышел из его номера.

— Он очень опасный человек, мистер Хаскелл,— она поникла головой.— Вы живете в Америке в полной безопасности, занимаетесь своими делами, выпиваете с друзьями, вы можете любить и смеяться, не оглядываясь по сторонам. И вам трудно понять, что творится во Франции. Мой муж и я, мой отец, Диггер, мы жили под постоянной угрозой насильственной смерти. Отца изрешетили пулями. Во Франции идет настоящая война. Причем обе стороны называют себя патриотами, действующими из самых благородных побуждений. Обе стороны вдохновляет один и тот же призыв: «Франция должна быть спасена!» Ваш президент, мистер Хаскелл, может путешествовать по всей стране и даже выезжать за рубеж. Его охраняет

ваша секретная служба, защищает от нападения какого-нибудь психа. Нашего президента может убить человек, сидящий рядом с ним на званом обеде,— важный промышленник, известный поэт или писатель, знаменитый ученый. Каждая сторона настроена только на победу, не признавая никаких правил, никаких ограничений. Возможны любые крайности. Кто прибег к террору, чтобы не допустить независимости Алжира, нанести поражение политике де Голля? Честнейшие люди, лучшие офицеры французской армии, бизнесмены, стремившиеся поставить на ноги пошатнувшуюся экономику страны. В нормальных условиях, мистер Хаскелл, эти люди отшатнулись бы от торговли наркотиками, отвергли бы саму идею извлечения прибыли из несчастья наркоманов. В нормальных условиях они направили бы свои усилия на борьбу с этим злом. Но условия далеки от нормальных. Им нужны деньги, чтобы продолжать борьбу. Им нужны пушки, автоматы, пистолеты, патроны, которые можно купить только за деньги. Они думают, что делают все это ради Франции, заставляют себя прибегать к таким методам, заставляют себя свыкнуться с убийствами. Все это делается ради Франции!

— Из вас получится отличный адвокат.

— Нет! Я их не защищаю. Я только хочу, чтобы вы поняли, мистер Хаскелл! Когда я говорила у вас в кабинете, что Диггера необходимо убедить прекратить поиски убийцы моего отца, то сразу почувствовала, о чем вы подумали. Мелодрама! Романтическая женщина, которая так и не пришла в себя после смерти отца. Ничего такого не может произойти в Америке, тем более в роскошном «Бомонте».

— Уже произошло,— ответил я.— Убили Мюррея Кардью.

Она коротко глянула на меня.

— Есть какая-то связь?

— Вполне возможно.

— Тогда вы меня поймете. Вы мне верите?

— Думаю, что да.

— Значит, вы мне поможете,— ее глаза широко раскрылись.— Диггер ввязался в эту историю только из-за меня! Исход политической борьбы во Франции не имеет для него особого значения. Но чем дольше он будет искать, тем ближе подойдет к точке, откуда возврата нет. Если он получит доказательства, которые откроют истинное лицо Бернарделя, его убьют без малейшего колебания, как убивают муху, жужжащую на оконном стекле. Он должен понять, что я верю ему, и просто отступить, пока еще не поздно.

— Ваш муж полагает, что Диггер воюет на другой стороне баррикады.

— Бедный Шарль. У него все преломляется через ревность.

— Что вы от меня хотите?

— Приведите сюда Диггера. Дайте мне возможность убедить его. А потом я вернусь к Шарлю.

— Разумеется, он вам поможет, не так ли, Марк? — вмешалась Шелда.

— Не пойму, в чем должна заключаться моя помощь, мадам

Жирар. Вам надо снять трубку, позвонить в «Бомонт», попросить найти Диггера и пригласить его сюда.

— Но он не придет, если вы не уговорите его.

— Он влюблен не в меня. Не нужно вовлекать в ваши отношения ни меня, ни Шелду. Я лишь могу обещать, что постараюсь избегать встреч с вашим мужем. Я не хочу стоять между вами и не хочу впутывать Шелду.

— Я останусь с вами, Жульет,— возразила Шелда.

— Ты пойдешь со мной. Мадам Жирар и Салливан должны все решить сами. Ты и так слишком много знаешь.

— Много знаю?

— Разве тебе не приходило в голову, что кое-кто может раздеться с нами точно так же, как и с Кардью?

Стоял чудный день, и мы с Шелдой пешком прошлись до «Бомонта». Она все еще протестовала. Настаивала, что не следует оставлять Жульет одну.

— Ты сказал, что я слишком много знаю. Она-то знает гораздо больше. Ей, должно быть, известно все, что знала ее отец.

— И в течение этих трех лет ей удалось остаться в живых. Послушай, дорогая, благодаря тебе никто не знает, где она спряталась. Если мадам Жирар не может довериться Диггеру, то не поверит никому.

— Но уж ему-то она может довериться! — негодуяюще воскликнула Шелда.

— Ее муж так не думает.

— Ее муж... чудовище!

— Отнюдь. Просто он любит женщину, которая влюблена в другого. Это больно. Но мне кажется, что Жирар — глубоко порядочный человек. И очень жаль, что он и Салливан не могут работать вместе. Они составили бы отличную пару. А теперь вернемся к нашим делам. Бери под свою опеку показ мод в «Зеленой комнате» и позволь пятидесяти миллионам французов самим распутывать их политические интриги.

— Марк?

— Что?

— Иногда ты меня удивляешь.

— Я ничего не прячу в рукаве.

— Ты проявляешь куда больше здравого смысла, чем я ожидала. Для нашего будущего это плюс.

— Какого будущего?

— Ну почему ты всегда прикидываешься дурачком? Ты отлично знаешь, о каком будущем идет речь.

Я улыбнулся.

— Ты делаешь мне предложение?

— Если я решусь, ты сразу все узнаешь. Я не буду ходить вокруг да около.

— Сгораю от нетерпения.

— Ты еще можешь пожалеть об этих словах.

Странно, конечно, но именно тогда мне впервые пришла в голову мысль о неизбежности нашего с Шелдой союза. То есть я разом перестал думать о том, каково мне будет в отсутствие Шелды. Ощущение было такое, словно я проснулся в незнакомом месте, не зная, как туда попал.

Шамбрэн был не один, когда я вошел в его кабинет. Компанию ему составляли лейтенант Харди и незнакомый мужчина, которого представили мне как Гарри Кларка, агента Федерального бюро по борьбе с распространением наркотиков. По короткому взгляду, брошенному на меня Шамбрэном, я понял, что с отчетом о посещении Жюльет Жирар следует повременить.

Кларк мне понравился — симпатичный, светловолосый, скро-рый на улыбку. Он пришел в «Бомонт» на встречу с Сэмом Лорингом, римским агентом Бюро, который пару лет назад доверился Диггеру и показал список подозреваемых. Лоринг, похоже, прилетел из Франции вместе с Бернарделем.

— Мы думаем, что близится завершение операции, которая длится уже добрых три года. Вот-вот оасовцы и местные торговцы наркотиками заключат крупную сделку. Беда в том, что слишком много подозреваемых. Бернардель — наша главная цель, но он скользкий, как угорь. Лорингу уже с десяток раз казалось, что ему некуда деваться, но он все равно выходил сухим из воды, словно чуял западню и обходил ее стороной. Бернардель — достойный противник. Мы полагаем, что в ближайшие дни в вашем отеле, мистер Шамбрэн, несколько килограммов героина обменяют на доллары. Миллионы долларов. Мы можем пристально следить за Бернарделем, но он лишь посмеется над нами, а обмен произойдет за нашими спинами. При участии Кролла, или Лакоста, или самого посла, или Жира-ра, а может, кого-то еще, находящегося вне подозрений.

— А вы не можете следить сразу за всеми? — наивно спро-сил я.

— Конечно, можем, — ответил Кларк, — но тогда ничего не произойдет. Мы двинем на них армию, а они просто изменят место и время обмена. Нет, мы должны держаться в тени и надеяться на удачу. Если мы не возьмем их с поличным, придется все начинать сначала. Поэтому я здесь, мистер Шам-брэн.

Шамбрэн кивнул.

— Вы не хотите торчать на виду.

— Совершенно верно. Так же, как и Сэм Лоринг. Его просто все знают. И у меня такое ощущение, что они сразу распознают наших агентов! Если в отеле появится дюжина моих сотрудни-ков, считайте, что операция провалилась. Но в некотором смыс-ле нам повезло.

— То есть? — сухо спросил Шамбрэн.

— Убийство Кардью, — пояснил Кларк. — Возможно, оно свя-зано с обменом наркотиков на деньги, как думаете вы и Харди. А если и нет, у Харди есть законное основание для пребывания в отеле. Он и его детективы расследуют убийство. Они возьмут на себя часть наших забот, но еще большей помощи мы ждем от вас, Шамбрэн. У вас большой, хорошо организованный, внушаю-щий доверие персонал. И кто-либо из ваших подчиненных все-гда может находиться там, где он более всего нужен. Дежурная по этажу или горничная может постоянно сообщать нам, что

делается в номере Бернарделя, кто приходит к Жирару, кто — к Кроллу. Если вы скажете слово, я смогу сидеть в вашем кабинете и знать больше, чем скажут мне мои агенты. Ваш коммутатор будет контролировать телефонные разговоры. Ваши швейцары сообщат, кто ушел и кто пришел. Мы сможем расставить ловушку и захлопнуть ее в самый подходящий момент.

— А не кажется ли вам, что обмен героина на деньги произойдет на скамейке Центрального парка, или в вагоне подземки, или просто в магазине? — спросил Шамбрэн.

— Такие варианты возможны, — признал Кларк, — но слишком уж велика сделка. От этих денег зависит судьба огромного заговора. Их не могут передать кому попадая, можете в этом не сомневаться. Деньги получит одно из главных действующих лиц: Бернардель, Кролл, Лакост, Делакуру. Они знают, как это рискованно, и знают, что все они под подозрением. В этой ситуации лучшее место для обмена героина на деньги — среди суетящейся толпы, там, где их появление не вызовет подозрений, то есть в «Бомонте».

— Делакуру и Лакост не живут здесь, — напомнил Шамбрэн.

— Я знаю. Вот на что я хотел бы вам указать. Получивший деньги немедленно отправится во Францию. Там их ждут. Едва ли это будет Лакост или Делакуру. Они работают в этой стране и понимают, что мы набросимся на любого из них, кто внезапно заспешит домой. Бернардель, Кролл и Жирар, наоборот, должны уехать после завершения заседаний торговой комиссии.

— И вы возьмете их в оборот, — предположил Шамбрэн. Кларк нетерпеливо махнул рукой.

— Такие попытки уже предпринимались. Таможенный до-
смотр, утерянные чемоданы, которые не терялись, — чего мы только не делали. Мы должны взять их до того, как они приготовят деньги к дальнейшей транспортировке. В этом вы можете нам помочь, Шамбрэн.

Опущенные веки скрыли глаза Шамбрэна.

— Мои подчиненные действительно могут сделать то, о чем вы просите, но есть одна загвоздка. Эти люди могут предложить такую взятку, перед которой не устоять. И попросят за это совсем ничего: в нужный момент посмотреть в другую сторону.

— Да, есть и такая возможность. Кто-то проскользнет у нас под носом. Придется рискнуть.

— Все не так просто, — продолжал Шамбрэн. — На месте Бернарделя я купил бы Марка Хаскелла, или мисс Руйсдэйл, моего секретаря, или Джерри Додда, возглавляющего службу безопасности отеля. Им нужно купить человека, который знает каждый наш шаг. Если у них это получится, вы можете сворачивать операцию, мистер Кларк.

● Кларк помялся.

— Вы действительно подозреваете... — он стрельнул взглядом в мою сторону.

Шамбрэн рассмеялся.

— Я упомянул трех моих подчиненных, за кого я могу поручиться головой.

Настроение у меня сразу улучшилось.

В «Бомонте» бывали случаи, когда служащих отеля просили уделить особое внимание определенному гостю. Пьяницы, драчуны, муж, рвущийся в номер к подруге жены, кинозвезда или известный политик, не желающие, чтобы их донимали репортеры или любители автографов,— короче, в отеле знали, как это делается.

На этот раз ситуация существенно осложнилась. Под наблюдение попадали четверо гостей отеля — Бернардель, Кролл, Жирар и мисс Лили Дориш (ее добавил Шамбрэн, полагая, что она могла позвонить Жирару и рассказать о встрече в моем кабинете), а также посол Делакуру, Лакост и другие представители посольства. Телефонистки миссис Вейч получили необычный приказ подслушивать все разговоры с номерами Бернарделя, Кролла, Жирара и мисс Лили Дориш. Швейцары, бармены, сотрудники Дерри Додда, бригадиры коридорных, официанты, горничные, дежурные по этажам — все получили соответствующие инструкции. Обо всем, что касалось указанной выше компании, сообщалось в кабинет Шамбрэна: гости, телефонные звонки, посылные, телеграммы, почта. Ничего не оставалось без внимания.

190 Столь тщательная слежка не могла не вызвать у персонала вопросов. Большинство из них так и остались невысказанными, но мистер Эттербюри, дневной портье, напрямую спросил Шамбрэна, что все это значит. Босс ответил, что идет поиск убийцы Кардью. Все сразу успокоились, потому что старика в отеле любили, и его убийство вызвало всеобщее негодование.

Не прошло и двадцати минут после объявления тревоги, как к Гарри Кларку, занявшему кабинет Шамбрэна, начали поступать интересующие его сведения. Делакуру покинул номер Бернарделя и на такси уехал в «Валдорф». Мисс Лили Дориш присоединилась к Кроллу и Бернарделю в номере последнего, Бернардель заказал четыре бутылки шампанского и фунт черной икры. Жирар оставался у себя. До того, как телефоны стали прослушиваться, он дважды звонил, с интервалом в полчаса, некоей мисс Маргарет Хиллхауз, проживающей на Парк-авеню. Кларк это выяснил через телефонную компанию. Связавшись с Бюро, он установил, что мисс Хиллхауз — тетка Жюльет. Жирар, решили мы, пытался найти жену и позвонил ее единственной нью-йоркской родственнице в надежде, что Жюльет связалась с ней. К четырем часам дня механизм слежки был запущен на полный ход.

В начале пятого я улучил минуту, чтобы подняться к себе. Мне хотелось принять душ и переодеться.

Телефон зазвонил, когда я стоял под горячей струей. Кляня всех и вся, я вылез из душа, обернулся полотенцем и подошел к телефону.

— Да?

— Марк? — женский голос, который я никогда раньше не слышал.

— Это Марк Хаскелл.

— Жульет Жирар,— голос звенел в истерике. Я бы не узнал ее, если б она не представилась.

— В чем дело, мадам Жирар? Что случилось?

Я услышал долгий, дрожащий выдох.

— Он мертв, мистер Хаскелл.

— Кто мертв? О ком вы говорите?

— Диггер! — и она разрыдалась.

— Мадам Жирар! — вода на моем теле внезапно обратилась в лед.— Мадам Жирар!

— Он... он пришел. Мы... мы говорили. Потом услышали какой-то шум в саду.

— В саду?

— Диггер... Диггер пошел посмотреть, что там такое. Мужчина вытащил пистолет. Диггер выхватил свой. И тут же загремели выстрелы. Они оба мертвы, мистер Хаскелл.

— Вы позвонили в полицию? — автоматически спросил я, не осознавая еще происшедшего.

— Я... я не знала, что делать, Марк. Я... я позвонила вам.

— Оставайтесь на месте.— Глупость, конечно. Все равно, что сказать: «Налейте себе чашечку чаю и подождите, пока я приду».

— Он мертв,— взвизгнула Жульет. Чувствовалось, что сейчас она разрыдается.

— Прекратите! Через пять минут к вам подъедет патрульная машина. Я уже выхожу.

Я позвонил в кабинет Шамбрэна и пересказал Кларку разговор с Жульет Жирар. Потом трубку взял Шамбрэн.

— Встретимся у главного входа.

Никогда я не одевался так быстро. Подумал о Шелде, наблюдающей сейчас за показом мод в «Зеленой комнате». Решил, что лучше не трогать ее.

Галстук я завязывал уже в кабине лифта. Несмотря на все разговоры об опасности и насилии, я только сейчас осознал, что это не досужие выдумки. Я не верил, что Диггеру грозит опасность. Пропускал мимо ушей такие слова, как «хладнокровное убийство». Жульет Жирар оказалась права. Я не представлял себе, что такое возможно в нашем цивилизованном мире. Диггер мертв!

Шамбрэн и Харди ждали меня у парадного подъезда. Лейтенант отправил к дому Шелды патрульную машину и позвонил в местный полицейский участок. Шамбрэн успел рассказать ему, что Шелда разрешила Жульет побыть в ее квартире, и я общался там с миссис Жирар. Я слово в слово пересказал мой телефонный разговор с Жульет.

— Вы передавали Салливану просьбу мадам Жирар?

— Нет. Я не хотел впутываться в это дело. Полагаю, она позвонила ему и попросила прийти.

— Вы можете нарваться на неприятности, пряча ее в квартире вашей секретарши,— пробурчал Харди.

— Неприятности ему могут грозить со стороны одного челове-

ка — Жирара, — вставил Шамбрэн. — Она прячется только от мужа. Больше ее никто не ищет.

— Вы позвонили Жирару? — спросил я.

— Если б она хотела увидеть его, то позвонила бы сама, — ответил Шамбрэн. — Но она позвонила вам.

Мы подъехали к дому Шелды. У подъезда уже стояли две патрульные машины. В саду толпились люди. Жульет Жирара сидела на тахте, полицейский с блокнотом в руке задавал вопросы. Лицо ее посерело, лишь огромным усилием воли ей удавалось сдерживать слезы.

Через открытые двери в саду я видел двух детективов и полицейского в форме, стоящих над телами.

— Марк! — позвала Жульет.

Я подошел, сел на тахту, взял ее ледяную руку. Шамбрэн и Харди ушли в сад. Я не хотел идти с ними. Я не хотел видеть Диггера.

— Они все время спрашивают меня, — она говорила так тихо, что я едва разобрал слова. — Мы сидели здесь, на тахте. Внезапно Диггер сказал: «В саду кто-то есть». Встал и пошел к дверям. Потом я услышала, как он негромко выругался. Достал из кармана пистолет. Я... я умоляла его вернуться. Вы знаете, Марк, чего я боялась. Но он не обращал на меня никакого внимания. Выбежал в сад, и они начали стрелять друг в друга. — Жульет закрыла лицо руками. Я взглянул на полицейского. Тот бесстрастно смотрел на нас. — Я... я увидела, как они оба упали. Подбежала к Диггеру. Им уже не требовалась моя помощь...

Три года назад она вбежала в квартиру, чтобы найти на полу изрешеченного пулями отца. И вот теперь Диггер, человек, которого она любила.

Внезапно в комнате стало тихо. Я взглянул на полицейского. Тот сверился с часами.

— Конец рабочего дня.

Я понял, что строители остановили свои грохочущие механизмы.

— За этим шумом выстрелов никто не слышал, — пояснил полицейский.

— Разве это важно? — с горечью воскликнул я. — Они же убили друг друга! — Меня мучила совесть, казалось, я мог предотвратить несчастье. Следовало попытаться уговорить Диггера держаться подальше от Жульет. Но убийца, должно быть, следит за ним и решил, что квартира Шелды — лучшее место для осуществления намеченного.

Врач в белом халате и санитар с носилками прошли через комнату в сад. Я следил за ними взглядом. Врач склонился над Диггером. Достал что-то из саквояжа. Мне показалось, что он делает Диггеру укол. Я тут же вскочил и метнулся в сад. Мертвецам уколов не делают! Диггера положили на носилки. Врач мельком глянул на второе тело, пожал плечами. Он и санитар подхватили носилки и двинулись к дверям в гостиную. У меня перехватило дыхание. Я глянул на Диггера. Тело укрыли одеялом. Лицо перекосило, словно от жуткой боли.

— Жив? — услышал я свой голос.

Врач коротко глянул на меня.

— Десять против одного, до больницы он живым не доедет.

Харди шел следом за врачом.

— Будем надеяться, он заговорит, прежде чем отдаст концы. За моей спиной вскрикнула Жульет.

— Я поеду с вами. Я не сомневалась, что он мертв. О боже, что я могу сделать для него?

— Ничего, — Харди пристально смотрел на нее. — Вы не сказали Хаскеллу, что знали второго убитого, мадам Жирар.

— Знала его?

Она оперлась о мою руку.

— Шамбрэн говорит, что это давний друг вашего отца. Боюсь, вам придется остаться здесь и ответить на некоторые вопросы сержанту Декеру.

— Друг моего отца?

Глаза Харди сузились.

— Убитый — Сэм Лоринг, агент Федерального бюро по борьбе с распространением наркотиков.

— Но он был другом Диггера! — воскликнул я.

— Интересная у них получилась дружба, — буркнул Харди.

Сейчас уже трудно восстановить последовательность событий, имевших место в последующие час или два, слишком уж стремительным был их круговорот.

Сержант Декер, один из детективов в штатском, что стояли в саду, на несколько минут стал центральной фигурой. Спокойно, но настойчиво он пытался выудить хоть какие-то показания у вконец измученной Жульет. А она постоянно поворачивалась ко мне, словно не могла заставить себя вспомнить о происшедшем. Шамбрэн, застыв у дверей в сад, внимательно слушал, его лицо напоминало маску. Похоже, он уже успел рассказать Декеру о том, что случилось ранее в отеле.

— Вы пришли сюда после того, как ваш муж подрался с Салливаном? — спросил Декер.

— Да. Мисс Мэйсон... Мисс Шелда Мэйсон, это ее квартира... привела меня сюда.

— Вы хотели, чтобы Салливан пришел поговорить с вами?

— Да, — дрожащий шепот.

— Как вы связались с ним?

— Я... я не связывалась.

Я уставился на нее, подумав, что ослышался.

— Как же он узнал, что вы здесь?

— Я... я полагала, мистер Хаскелл... или мисс Мэйсон...

— Подождите, Жульет, вы же собирались позвонить ему.

— Я пыталась... три, четыре раза. Его не могли найти. Затем звякнул дверной звонок... Это был Диггер.

— Он не сказал, как ему стало известно, что вы здесь?

— Это не имело значения. Нам нужно было столько обсудить... Я просто решила...

Должно быть, Шелда, подумал я. Скорее всего, она столкнулась где-нибудь с Диггером и сказала ему. Она могла не искать его специально, но, случайно встретив, конечно же, все рассказала.

— Вы сидели здесь, разговаривали с Салливаном, когда ему показалось, что в саду кто-то есть? — продолжил Декер.

— Да.

— Он направился к дверям, доставая на ходу пистолет?

— Да.

— Где он носил пистолет?

— Я... я не знаю. Внезапно он оказался у него в руке.

— Мужчина в саду не мог находиться более чем в десяти или пятнадцати футах от Салливана. Они были давними друзьями, во всяком случае, общались долгое время. Они ничего не сказали друг другу?

— Я... я звала Дигтера и не слышала, о чем они говорили. Сразу раздались выстрелы.

— Лоринг не крикнул что-нибудь вроде «вы арестованы» или «бросьте оружие»?

— Я ничего не слышала.

— Что-то у вас не сходится, — покачал головой Декер. — Лоринг — сотрудник государственного правоохранительного учреждения. Он не мог стрелять без предупреждения.

Жульет посмотрела на меня, на него.

— Я лишь говорю вам, что слышала, а что — нет.

— Салливан выстрелил первым?

— Не знаю! Все произошло слишком быстро.

Декер полез в карман за сигаретами. Он вспотел.

— Хорошо, они начали стрелять одновременно. Что потом?

— Этот человек... Лоринг, как вы сказали... его качнуло, он повернулся и упал лицом вниз. Дигтер... просто стоял, глядя на него. На мгновение я подумала, что он даже не ранен. А потом у него подогнулись колени, и он рухнул на землю.

— Дальше?

— Я подбежала к нему и увидела ужасную рану на груди. Он не открывал глаз. Из рта текла кровь. Он... он не дышал. Во всяком случае, мне показалось, что он не дышит.

— А потом?

— Я убежала в дом, чтобы позвонить мистеру Хаскеллу.

— Вы не взглянули на Лоринга?

— Нет.

— Как же вы определили, что он мертв?

— Я увидела, как после выстрела Дигтера у него между глаз появилась дыра. Я... я знала. По тому, как он упал...

— Почему вы позвонили Хаскеллу, а не в полицию?

— Я не знала, кому звонить. Мистер Хаскелл — мой друг. Я подумала, он знает, что нужно делать в таких случаях.

— И вы позвонили ему через две или три минуты после выстрелов?

— Думаю, да. Прогревели выстрелы. Они оба упали. Я подбежала к Дигтеру. Затем вернулась в комнату и позвонила. Наверное, прошло две-три минуты.

Декер положил сигарету, которую так и не закурил, в пепельницу на кофейном столике.

— Теперь, мадам Жирар, вернемся к Лорингу. Шамбрэн гово-

рит, что он знал вашего отца. Работал с ним в Париже несколько лет назад. Но вы не узнали его.

— Раньше я никогда его не видела,— ответила Жульет.

— Он никогда не приходил в ваш дом в Париже? Ваш отец не представлял его?

— Нет. Я... я знала, что есть такой человек... Лоринг, связанный с правительством Соединенных Штатов... агент по борьбе с распространением наркотиков. Мой отец говорил о нем. Он ему доверял. Но я никогда его не видела.

— Значит, вы не знали, кто он, до того момента, как мы назвали вам его имя?

— Совершенно не знала, во всяком случае, понятия не имела, как он выглядит.

И тут появился Гарри Кларк, коллега Лоринга. Бледный, как полотно, по скулам ходили желваки. Остановившись посреди комнаты, он пронзил Жульет взглядом, затем прошел в сад и склонился над телом Лоринга. Приподнял простыню и долго вглядывался в мертвое лицо.

— Сукин сын,— повторял он снова и снова.— Сукин сын.

Наконец Кларк встал и вернулся к дверям.

— Ну, Шамбрэн, теперь-то мы знаем, кто есть кто.

— Неужели? — отозвался Шамбрэн.

— Жирар оказался прав в отношении Салливана. Сэм, должно быть, получил доказательства его вины и следил за Салливаном, рассчитывая, что тот приведет его к месту обмена денег на наркотики.

— Вы абсолютно уверены в Лоринге? — спросил Шамбрэн.

Кларк едва не ударил его. Он даже шагнул к Шамбрэну, взмахнул рукой, но сдержался.

— Абсолютно уверен, Шамбрэн. Абсолютно.

Наступившую тишину нарушил дрожащий голос Жульет.

— Я думаю, мне лучше вернуться к Шарлю.

Она с видимым усилием поднялась. Кларк и Декер переглянулись.

— У вас нет возражений? — спросил я.

— Нужно, чтобы она подписала показания,— сказал Декер.

— Разве она не может сделать это в отеле? Сколько, по вашему, можно выдерживать такое напряжение? Ей же нужно прийти в себя.

Сержант все еще колебался.

— Я пошлю с ней своего сотрудника.

— Я провожу ее,— отрезал я.— Кто-то должен рассказать ее мужу, что произошло. Он ничего не знает.

— Может быть... он действительно не знает,— пробурчал Гарри Кларк.

Я думаю, Жульет его не слышала. Она уже двинулась к двери. Шамбрэн поддержал меня.

— Марк может узнать у нее чуть больше. Ей легче говорить с ним, ведь они друзья.

— Идите, Хаскелл,— принял решение Декер.— Если она скажет вам что-то новое...

Я не ответил. Разозлился, что из меня хотят сделать доносчика. Жюльет требовалось только участие.

Кто-то из полицейских остановил нас такси. Жюльет забилась в угол, глядя прямо перед собой. Как я мог объяснить, что чувствовал себя счастливым, находясь рядом с ней.

— Я убила его,— она не повернула головы. Ее начала бить дрожь. Я взял ее руку и крепко сжал.

— Вы ни в чем не виноваты перед ним.

— Он пришел, потому что знал, где я, потому что я хотела поговорить с ним. Если б я смогла убедить его, что опасность слишком велика.

— Опасность от этого не уменьшилась бы, да и Дитгер не повернул бы назад. Он сам сказал нам об этом.

— Я ничего не понимаю,— Жюльет покачала головой.— Если второй мужчина — Лоринг, как они его называли, что могло между ними произойти?

— Рано или поздно мы это узнаем,— глубокомысленно ответил я.

Широко раскрытые синие глаза повернулись ко мне.

— Вы знаете, что теперь подумает Шарль? Он будет утверждать, что происшедшее доказывает его правоту. Что Лорингу стало известно об участии Дитгера в заговоре, и тому не оставалось ничего другого, как убрать Лоринга.

Об этом же думал и я. Не хотелось, конечно, так думать, но другого объяснения я не находил.

— В одном можно не сомневаться. Он пришел повидаться с вами, потому что любил вас.

— И я люблю его, какой бы горькой ни оказалась правда,— Жюльет вздохнула.— Эта любовь, как болезнь, от которой нет лекарств. Марк, вы поможете мне?

— Ну, разумеется.

— И... Марк?

— Да.

— Пообещайте, что будете говорить мне о любых изменениях в его состоянии. Хорошо?

— Конечно, Жюльет. Я обещаю.

Такси остановилось у «Бомонта». Я расплатился с водителем, помог ей выйти из кабины, и мы поспешили к лифтам. Судя по всему, в отеле еще не знали о перестрелке в саду Шелды.

Мы поднялись на пятнадцатый этаж и по коридору прошли к номеру Жираров.

Дверь открыл Жирар. Увидев Жюльет, он просиял.

— Жюльет!

Она припала к его груди, а он посмотрел на меня и, похоже, понял, что произошло нечто неординарное.

— Мне хотелось бы поговорить с вами,— прервал я затянувшуюся паузу.

— Заходите.

Жюльет буквально повисла на нем. Она едва переставляла ноги, а в гостиной чуть слышно прошептала: «Шарль, я хотела бы уйти в свою комнату. Марк тебе все объяснит».

Он ушел с ней и вернулся пару минут спустя.

— Где она была?

Я рассказал ему, что Шелда предложила Жульет воспользоваться ее квартирой. О том, что там произошло. Должно быть, ему стоило немалых трудов не высказать свои чувства — облегчение и удовлетворенность.

— У Салливана тяжелые ранения?

— Очень тяжелые.

— Я оказался прав, а вот особой радости нет, — вздохнул Жирар. — Ну почему все это случилось у нее на глазах? Теперь она будет во всем винить себя. Как мы сможем с этим жить?

— Ей выпало суровое испытание, месье Жирар, но развязка была неизбежна, пришел бы Диггер к ней или нет. Жульет просто не повезло, что все произошло в ее присутствии. Вы должны попытаться убедить ее, что она не несет ответственности за эти выстрелы.

— Я готов отдать за нее жизнь, — с горечью воскликнул Жирар, — но именно Салливан, даже будучи предателем, подчинил себе ее сердце, ее будущее. Будь он проклят, проклят, проклят!

— Она в шоке, — напомнил я. — Ей необходимы нежность, участие... и время.

— Я знаю, — он протянул мне руку. — Благодарю за помощь, Хаскелл.

Глава 3

В кабинете Шамбрэна Гарри Кларк выслушал доклад Джерри Додда. Пока Кларк ездил на квартиру Шелды, Додд следил за тем, что делалось в «Бомонте». Жирар не покидал номера. Бернардель, Кролл и мисс Лили Дориш перекочевали в бар «Трапеция». Никто из посторонних к ним не подходил.

Когда я вошел в кабинет, Кларк разговаривал по телефону с одним из своих сотрудников. Он хотел, чтобы тот привез из «Валдорфа» Делакру и Лакоста.

— Я соберу их всех здесь, — сказал он Шамбрэну, положив трубку. — И узнаю от них правду, даже если придется выбить ее свинцовой трубой.

— Едва ли это будет разумным решением, — Шамбрэн направился к комоду, на котором стоял кофейник.

— О чем вы? — сердито отозвался Кларк.

— Если вы правы в отношении Лоринга...

— Я прав!

— Он отдал жизнь, чтобы раскрыть заговор. А вы сорвались и можете все испортить. Найдите точный ход, и тогда, возможно, мы решим задачу, над которой бился Лоринг.

— Какой еще ход? — спросил Кларк.

— Допустим, убийца у вас в руках. В больнице, живой или мертвый. Возможно, он же убил Кардью и участвовал в подготовке убийства полковника Вальмона. Это ваша большая победа, мистер Кларк. Объявите о ней. Обрадуйте газеты сенсацией. Публично заявите о том, что поймали крупного бандита и перекрыли канал, по которому в США доставлялся героин. Амери-

канский плейбой во главе международной банды торговцев наркотиками! Все будут рады, и произойдет то, чего вы ждете, — обмен денег на героин. Если же вы соберете всех здесь, начнете давить на них, сделку отложат до лучших времен. Вы просто растеряете то, что собрал Лоринг.

Кларк все еще колебался.

— У вас есть надежда на успех, если вы будете полагаться на логику, а не на эмоции, мистер Кларк. Пока Салливан жив, остается вероятность, что он заговорит. Очень часто на смертном одре признаются в том, о чем молчали долгие годы. Это тоже ваш шанс. Салливан может выложить все: назвать фамилии, подробности готовящейся сделки. Вы, возможно, даже узнаете, что произошло в саду на самом деле.

— На самом деле? Салливан начал стрелять в Лоринга, а Сэм, защищаясь, подстрелил его.

— Возможно, — Шамбрэн налил кофе в маленькую чашечку.

— Возможно? Ради бога, Шамбрэн, женщина же все видела!

— Ой ли? — Шамбрэн шел к столу, держа чашечку на ладони. — Она сидела на тахте, спиной к дверям. Это Салливан, сидящий к ней лицом, увидел, что в саду кто-то есть. Она, как я полагаю, полуобернулась, но не могла видеть того, что видел Салливан.

— Но...

— На ограждающий сад стене могли сидеть пять человек. Из-за низкого навеса над дверьми она не могла их увидеть. А за шумом клепальных молотков на стройке их все равно не было слышно. Пять человек, конечно, абсурд, но я хочу сказать, что стрелять мог и кто-то еще, кого не видела миссис Жирар. Если б я вел это расследование, то предложил бы эксперту по баллистике убедить меня, что Сэм Лоринг застрелен из пистолета Салливана, и наоборот.

— Вы что, сошли с ума? — взвился Кларк. — Вы пытаетесь убедить меня, что Салливан не убивал Сэма?

— Я лишь хотел бы получить доказательства того, что Салливан убил Лоринга, а Лоринг — Салливана, — Шамбрэн уселся за стол.

— Что ж, мы вам это докажем.

Я взглянул на Шамбрэна, и по спине у меня пробежал холодок. Его глаза под тяжелыми веками ничего не сказали. Бойня на квартире Шелды рассеяла мои последние сомнения. Жирар оказался прав. Диггер своим обаянием обманул нас всех, включая Жюльет. А теперь вот Шамбрэн намекает, что все не так просто. Действительно, в саду мог быть кто-то еще. Жюльет его не увидела. И в грохоте клепальных молотков не поняла, что стреляли трое.

— Прежде чем мы продолжим обмен мнениями, — спокойно заметил Шамбрэн, — я прошу вас еще раз подумать, Кларк. На вашем месте я бы отменил приказ в отношении Делакру и Лаоста. Не нужно везти их сюда. Лучше вызовите в больницу лейтенанта Харди и сделайте совместное заявление для прессы. Ваше и его дела закрыты. Он нашел убийцу Кардью. Вы поймали главаря международной банды, промышленявшей наркотика-

ми. Этим мы ублажаем мистера Бернардела и его сообщников. Пусть они почувствуют себя в полной безопасности. А мы тем временем ужесточим слежку. Будем держать под контролем каждый их шаг. И, будем надеяться, они попадут в нашу сеть.

Кларк медленно кивнул.

— Я должен получить добро от начальства. Можно воспользоваться телефоном в вашей приемной и позвонить в Вашингтон?

— Конечно. Но сначала я бы договорился относительно Делакры и Лакоста. Пусть их пока не трогают.

— Хорошо,— кивнул Кларк и вышел из кабинета.

Джерри Додд и я молча ждали разъяснений. Но Шамбрэн сидел, погруженный в свои мысли. Наконец он посмотрел на нас и улыбнулся.

— Вы помните то время, Джерри, когда девушка из шестьсот девятого номера звонила на коммутатор и просила прислать ей справочники с телефонами других городов? Ей принесли три или четыре толстых справочника. Самое странное заключалось в том, что она никуда не позвонила.

— Я помню,— кивнул Джерри Додд.

— Раскусила ее миссис Вейч,— продолжал Шамбрэн.— Она связалась со мной и рассказала о странных просьбах. Я предположил, что эта девушка любила писать письма незнакомым людям. Миссис Вейч решила иначе. Она посчитала, что на справочники можно встать.

— Когда мы добрались до шестьсот девятого, девушка успела повеситься,— вздохнул Додд.

Шамбрэн кивнул.

— Такое случается. С первого взгляда все вроде бы ясно, но потом тебя начинает грызть червь сомнения.

— Теперь он завелся у вас?— спросил Додд.

— Да, Джерри. Сэм Лоринг, судя по всему, был первоклассным агентом. Он возглавлял римское отделение Бюро, боролся с крупными итальянскими поставщиками наркотиков, руководил этим расследованием во Франции. Так вот, такие люди, как Лоринг, не работают в одиночку. Слишком опасно. Они поддерживают постоянную связь со штаб-квартирой и докладывают не только о полученных уликах, но и о своих подозрениях. Пару лет назад Лоринг поверил Салливану. Даже показал список подозреваемых. Когда же он изменил отношение к нему?

— Кто знает?— подал голос Джерри.

— К примеру, Кларк должен знать об этом,— ответил Шамбрэн.— Кларк, который работал вместе с Лорингом. Если бы Лоринг заподозрил Салливана, неужели он ничего не сказал бы Кларку? Они же вместе расставляли ловушку. Неужели Лоринг скрыл бы свои подозрения относительно Салливана, когда тот крутился под носом у Кларка? Быть такого не может.

— Вроде бы логично,— согласился Джерри Додд.

— И уж конечно, если бы он добыл улики, достаточные для ареста Салливана, он не стал бы молчать. Так что же привело его в квартиру Шелды и почему он перелез через забор, чтобы попасть в сад? .

— Перелез через забор? — спросил Джерри. — Может, Лоринг проник в сад до того, как мадам Жирар пришла в квартиру Шелды?

Шамбрэн хмыкнул.

— Шпионил за Шелдой? Перестаньте, Джерри.

— А если за мадам Жирар?

— Как Лоринг узнал, что она придет туда? Это решение родилось на ходу. Мадам Жирар выскочила из кабинета Марка. Спросила Шелду, не знает ли та места, где можно побыть одной. Шелда отвела ее в свою квартиру. Лоринг мог попасть в сад только через забор.

— А что делал там третий человек? — Додд, похоже, совсем запутался. О себе я и не говорю. — Шелда его не интересовала. Значит, мадам Жирар?

— Нет, он следил за Салливаном. Дигтеру же говорили, что его жизнь в опасности. Жульет Жирар предупреждала об этом. Третий человек видит входящего в квартиру Салливана и перелезает через забор. Но его самого преследует Лоринг. Салливан замечает, что в саду кто-то есть, вытаскивает пистолет, зная, что незнакомец хочет убить его. Начинается стрельба. Появляется Лоринг, во всяком случае, попадает в поле зрения Жульет. Он стреляет не в Салливана, а в незнакомца. Но тому удается подстрелить и Салливана, и Лоринга и удрать тем же путем, через забор.

— То есть, когда они добудут пули из Салливана и Лоринга, выяснится, что они выпущены не из их пистолетов и орудие убийства исчезло?

— Возможен и такой вариант.

— Значит, вы все еще верите в Салливана, — заметил Джерри Додд.

— Я верю в Сэма Лоринга, — возразил Шамбрэн. — Он слишком хороший агент, чтобы заподозрить Салливана и не сообщить об этом. Я думаю, он выслеживал кого-то из тех, кто значился в списке. Того же человека опасался и Салливан.

— Ни Бернардель, ни Кролл, ни мисс Дориш не покидали отеля.

— Но никто не следил за Делакру или Лакостом, — ответил Шамбрэн.

— Да, в саду мог быть один из них, — признал Додд.

— А Жирар? — спросил я. — Он же сказал нам, что убьет Салливана, если тот попытается еще раз подойти к его жене. Он мог идти следом за Салливаном к квартире Шелды и застать его там с Жульет. Жирар был в списке Лоринга. Лоринг мог следить за ним.

— Но Жирар не выходил из номера, — Додд сверился с лежащим перед ним листком, на который заносились поступающие от персонала отеля сведения об интересующих нас людях.

— Он мог выскользнуть незамеченным. Может, кого-то подкупил. Вы, мистер Шамбрэн, сами говорили, что такое возможно.

— Подкупил дежурную по этажу, лифтера, сотрудника Джерри в вестибюле и швейцара? Едва ли, Марк.

— Может, он нанял кого-то следить за Диггером?

— Вот это не исключается. Но кого? — Шамбрэн покачал головой. — Вам, Марк, нравится Диггер и не нравится Жирар. Но это все эмоции. Мы же должны учитывать только факты.

— Ваша версия о третьем человеке в саду также не подтверждена фактами, — упорствовал я.

— Как раз наоборот, — покачал головой Шамбрэн. — Сэм Лоринг не стал бы держать при себе подозрения в отношении Салливана. Факт номер один. Если Лоринг не подозревал Салливана, с какой стати тому стрелять в Лоринга, да еще в присутствии Жюльет Жирар? Факт номер два. Мы можем надеяться, что баллистики докажут нам и факт номер три — Лоринг и Салливан убиты пулями, выпущенными из третьего пистолета.

Зазвонил телефон. Джерри Додд снял трубку, послушал, затем прикрыл микрофон рукой.

— Бернардель разговаривает с Жираром по телефону из бара «Трапедия». Жирар выкладывает ему всю историю.

Шамбрэн устало кивнул. Подозвал меня. А Додд вышел в приемную за Кларком.

— Постарайтесь разыскать в больнице лейтенанта Харди, — попросил Шамбрэн. — Если Диггер еще жив, скажете лейтенанту, что к нему ни в коем случае нельзя никого пускать. Есть люди, которые очень не хотят, чтобы он заговорил.

Прошло несколько минут, прежде чем Харди взял трубку.

— Как Салливан? — спросил я.

— Еще жив.

— Выживет?

— Едва ли.

Я передал ему просьбу Шамбрэна.

— Скажите своему боссу, что сплю я ночью, — Харди, похоже, рассердился. — Но Салливан еле дышит, какие уж тут разговоры. Две пули в груди, одна — в шее. Он потерял прорву крови. Врачи думают, что его частично парализовало.

— Пули вытащили?

— Какая разница? Вам нужен сувенир?

— Шамбрэн думает, что стрелять могли трое. Его интересуют данные баллистической экспертизы.

— Какие трое? — взвился Харди.

— Баллистики...

— Баллистики быстро докажут, что это бред. Будьте уверены. А Шамбрэну скажите, к Салливану никто не подойдет... пока он жив.

Я положил трубку. Распахнулась дверь, и в приемную вошел Бернардель.

— А, мистер Хаскелл. Шамбрэн у себя?

— Да.

— Как Диггер?

— Я только что говорил с больницей. Особых надежд нет.

— Он смог рассказать им, что произошло?

— Говорить он не может.

Бернардель сердито взмахнул пухлой ручкой. От бывшего Санта-Клауса не осталось и следа.

— Вы знаете, почему он лежит там, из последних сил цепляясь за жизнь, мистер Хаскелл?

— Три пулевых ранения,— ответил я.

— Потому что он преступно беззаботен в отношении собственной жизни,— Бернардель повернулся ко мне спиной и ворвался в кабинет Шамбрэна.

Глава 4

Атмосфера в кабинете накалилась. Там, должно быть, знали, что идет Бернардель, и появление толстяка никого не удивило. Гарри Кларк побледнел от злости. Я знал, что Бернардель для него враг номер один, ответственный за смерть Сэма Лоринга, кто бы ни нажимал на спусковой крючок пистолета.

— Я рад, что вы здесь, мистер Кларк,— кивнул ему Бернардель.

— Полагаю, вы пришли сюда, чтобы изобразить убитого горем друга,— процедил Кларк.

— Давайте не терять времени на оскорбления,— Бернардель не собирался обижаться.— Как я понимаю, вы оказались тем фермером, что позабыл запереть ворота конюшни, а теперь ищет пропавшую лошадь.

— Послушайте...

Слушать Бернардель не захотел.

— Диггер Салливан — мой давний друг. Естественно, я расстроен тем, что произошло. Но давайте выложим карты на стол, мистер Кларк. Я знаю, кто вы, знаю, что вы обо мне думаете. И могу догадаться, что вы сейчас думаете о Диггере.

Усилим воли Кларк сдержался.

— Тут нет никаких секретов. К слову сказать, мы готовим заявление для прессы.

Значит, Вашингтон одобрил предложение Шамбрэна.

— Хотите, я угадаю, что вы в нем пишете,— Бернардель, похоже, тоже рассердился.— Вы поймали главаря банды, международной банды торговцев наркотиками. Этот же человек, скорее всего, убил Мюррея Кардью и, возможно, несколько лет тому назад полковника Вальмона. Этим вы рассчитываете убаюкать бдительность настоящих преступников. Вы рассчитываете, что они обезумеют от счастья и сами прыгнут в расставленную вами ловушку. Детский лепет, мистер Кларк.

— А я — тот ребенок, что это придумал,— вставил Шамбрэн.

— Меня это удивляет,— продолжал Бернардель.— Играете вы не с детьми. Вы, мистер Кларк, не единственный, кто хочет раскрыть этот заговор. Если б вы действительно боролись в одиночку, ваш план, возможно, и сработал бы, хотя я в этом сомневаюсь. Но в сегодняшней ситуации, даже если вы, поверив собственному заявлению, закроете дело, смертельные враги по-прежнему останутся лицом к лицу,— его губы изогнулись в саркастической улыбке.— Я догадываюсь, о чем вы думаете, мистер Кларк. Что за игру я затеял? Что мне нужно? Ради чего я заявился сюда?

— Так ради чего? — спросил Шамбрэн.— Лучше услышать это от вас, чем гадать.

Улыбка Бернарделя стала еще шире.

— Не знаю, что вам и сказать. Если правду, вы мне не поверите, потому что я — темная личность. Если ложь, вы, возможно, поверите, потому что хотите верить именно в это. Так как же мне донести до вас мою мысль?

— Действительно, проблема, — кивнул Шамбрэн. — Но вы пришли сюда, значит, нашли способ разрешить ее.

Бернардель достал из кармана сигарету, раскурил ее, посмотрел на Шамбрэна и Кларка сквозь облако синеватого дыма.

— Что ж, давайте попробуем. Сделка заключена, и вот-вот должен состояться обмен миллионов долларов на наркотики. Деньги пойдут врагам нынешнего французского правительства. Это дело, господа, чисто французское. Исход борьбы едва ли имеет хоть какое-то отношение к сидящим в этом кабинете. Вам незачем брать ту или иную сторону. Не должна вас волновать и позиция. Если скажу, что я заодно с правительством, вы мне не поверите. Так что допустим, что я в стане его врагов.

— Мы и так это знаем, — буркнул Кларк.

Бернардель пожал плечами.

— Вот видите, доказывать что-то бесполезно. Но этого недостаточно, чтобы считать меня негодяем. В конце концов, ваш Джордж Вашингтон был врагом правительства, стоявшего в те дни у власти. С точки зрения англичан он был предателем. Для вас же — отцом-основателем государства, национальным героем. Во время нашей гражданской войны предателем для правительства был генерал Роберт Ли. Но сегодня даже живущие на севере признают, что человеком он был хорошим, даже прекрасным. Я говорю об этом только для того, чтобы показать, что мое противодействие французскому правительству отнюдь не означает, что я — Джек-потрошитель или детоубийца, или чудовище. Если я смог вас в этом убедить, то вы, возможно, сообразово- 203

— Говорите, — подал голос Шамбрэн.

— Меня беспокоит Диггер. Я бы хотел дать официальные показания. Вы можете спросить, почему я выбрал именно этот момент? Потому что пришли времена, когда жизнь стоит дешево, — его, Мюррея Кардью, Лоринга и моя! Боюсь, что второй возможности мне уже не представится.

— Вы хотите сказать, что вам грозит опасность? — недоверчиво спросил Кларк. Такого он не ожидал.

— Если я тот, за кого вы меня принимаете, верный голлист может в любой момент разделаться со мной. Если же я сторонник правительства, то стану целью главным заговорщиков. Те ли, другие, но времени у меня осталось немного. Поэтому я хочу дать показания.

— Говорите, — пробормотал Кларк.

Сверкнули зубы Бернарделя, белые и крепкие.

— Диггер — барашек в волчьей стае, — продолжил он. — Я знал его еще до того, как он впутался в это дело. Нас свели автомобили. Он был первоклассным гонщиком, не знающим страха. Но некоторых бесстрашие заводит слишком далеко. К таким принадлежит и Диггер. Не боясь смерти за рулем автомоби-

ля, он решил, что она не страшна ему и при других обстоятельствах. У человека действительно умного здравого смысла должно быть больше. Он должен осознавать, что правда и честность не всегда одерживают победу. Я — такой человек, господа. Я знаю, когда бояться. И сейчас я в испуге. Диггер пошел дальше, потому что не боялся, а не из храбрости. Если бы он позволил себе испугаться, то не лежал бы при смерти.

Диггер пришел ко мне и сказал, что мой механик Лангло поставлял наркотики некоторым автогонщикам, в том числе приятелю Диггера, который покончил жизнь самоубийством. Диггер и я поехали к Лангло, но того успели застрелить.

— Вероятно, по вашему приказу, — вставил Кларк. Бернардель злоуще улыбнулся.

— Да, конечно, мы же условились, что я — злодей. Возможно, я приказал убить Лангло, чтобы он не открыл Диггеру мое истинное лицо. Диггер потребовал у меня объяснений. Я обрисовал общую картину, и он захотел принять участие в борьбе с торговцами наркотиками. — улыбка Бернарделя стала шире. — И у меня, главаря этих торговцев, возникла блестящая идея подsunуть Диггера полковнику Вальмону, смертельному врагу наркобизнеса. Почему? Потому что я надеялся, что простофиля Диггер будет держать меня в курсе всех замыслов Вальмона. Не так ли, мистер Кларк?

— Продолжайте, — хмуро ответил тот.

— Значит, я послал его по этой причине или потому, что был с Вальмоном заодно. Так или иначе, Диггер присоединился к Вальмону, чтобы бороться с наркомафией. Он стал помощником Вальмона. Даже попытался спасти жизнь полковнику. Но эта попытка принесла ему неприятности — серьезные неприятности. Жюльет Вальмон внезапно решила, что он — не тот, за кого себя выдает. Шарлю Жирару удалось бы это доказать, если бы я не спас Диггера фальшивым алиби.

— Почему? — спросил Шамбрэн.

— Чтобы не брать грех на душу. Видите ли, Шамбрэн, даже если я — Джордж Вашингтон заговорщиков, мне безразлична судьба моего невинного друга. Я попытался убедить Диггера прекратить борьбу, но он отказался. Он хотел доказать Жюльет, что не имел отношения к убийству ее отца. А потом, не без помощи Лоринга, упокой господь его душу, он начал верить, что я — его враг. Допустим, это так. Допустим, я использовал его. Но тогда я лучше других знал, к чему он стремится. Искал он на ощупь. То подходил вплотную к цели, то отдалялся на мили. И опасен он был только тем, что мог случайно наткнуться на истину. Во всяком случае, он не шел по следу врага. Сегодня он наткнулся на истину и, как следствие, получил три пули. Но, как бы то ни было, Диггер — тот, за кого себя выдает, и сделал он именно то, о чем рассказал. Ваш Лоринг знал это и доверял ему.

— Поэтому он и умер, — прохрипел Кларк.

— Мой дорогой Кларк, — Бернардель вздохнул, — Диггер не убивал Лоринга. Такое невозможно. Невозможно даже в этом безумном мире, — он рассмеялся. — Лоринг был его другом,

а такие, как Диггер, не убивают друзей, даже защищаясь. Такие, как Диггер, никогда не выстрелят в слугу закона.

— Так кто его убил... И как? — спросил Кларк.

Бернардель вновь вздохнул.

— Просто поверьте мне, Кларк, и ищите убийцу в другом месте. Диггер — невинный барашек.

— Вы знаете, кто убил Лоринга? — теперь уже вопрос задал Шамбрэн. Бернардель улыбнулся одними губами, глаза оставались серьезными.

— Если я тот, кем вы меня считаете, Шамбрэн, то есть главный заговорщик, я бы не назвал вам имени убийцы, даже если б и знал его. Если я на стороне правительства, то и в этом случае у меня есть причины не говорить вам то, что мне известно.

— Что это за причины?

— Мистер Шамбрэн, кто-то из заговорщиков вот-вот получит несколько миллионов долларов в обмен на героин. Эти деньги пойдут на финансирование заговора. Допустим, я назвал бы имя убийцы до того, как деньги перейдут из рук в руки. Обмен перенесут в другое место, проведут с участием других людей. Поймите, Шамбрэн, речь идет о деньгах. Заговорщикам необходимо их получить. Другая сторона стремится этому воспрепятствовать. И путь здесь только один. Чек можно объявить недействительным, если он потерян, и выписать новый. Но наличные — совсем другое дело. Их нельзя заменить. И чтобы эти миллионы не попали заговорщикам, сторонники правительства должны их перехватить. Для обеих сторон обладание этими деньгами — вопрос жизни и смерти. Поэтому, если б и боролся с заговорщиками, я бы не стал мешать обмену, а схватил бы заговорщиков сразу после того, как они получат деньги от торговцев наркотиками. Тогда, и не раньше! Убийца может играть ключевую роль в этом обмене, поэтому я не буду называть имен. Вы можете отнести меня к любому лагерю, господи, но теперь вам должно быть ясно, что в любом случае я не могу назвать вам убийцу. И, кто бы я ни был, я всем сердцем верю, что стараюсь для блага моей страны.

— А если Диггер заговорит? — спросил Шамбрэн.

— Охраняйте его.

— Чтобы он смог назвать убийцу, — хмыкнул Кларк. — Этот ваш невинный барашек!

— Как я понял со слов Жирара, ему стреляли не в спину. Он видел того, кто стрелял.

На столе Шамбрэна зазвенел телефон. Он снял трубку. Мне сразу подумалось, что звонят из больницы и новости самые печальные. Выслушав, Шамбрэн сказал: «Благодарю вас». Мы ждали продолжения, но он молчал. Тяжелые веки почти закрыли глаза.

Бернардель выдохнул облако сигарного дыма.

— Я сказал вам все, что хотел, — он одарил Кларка невеселой улыбкой. — Для вас я по-прежнему злодей. Остается только надеяться, что мне удалось хоть немного поколебать вашу уверенность в вине моего друга.

— Мне следовало бы вас арестовать,— Кларк, скорее, говорил сам с собой, а не с Бернарделем.

Бернардель улыбнулся, как отец, утешающий маленького ребенка.

— Конечно, вам этого хочется, но обвинить меня не в чем. Я знаю, что вы следите за мной с того мгновения, как я ступил на американскую землю. Вы — мое алиби, если оно мне потребуется,— он чуть поклонился Шамбрэну, повернулся и вышел из кабинета.

Кларк негромко выругался.

— А ему хоть бы хны. И так уже три года. Все нити тянутся к нему, а у нас никаких улик!

— Мне кажется, он пришел сюда, чтобы помочь Дигтеру,— заметил я.

— А я могу поспорить, что он пришел защитить себя,— отрезал Кларк.

— Салливану может понадобится помощь,— Шамбрэн разглядывал поверхность стола.— Звонил Харди. Он получил результаты баллистической экспертизы.

— Вы ошиблись? — спросил Кларк.

Шамбрэн кивнул.

— Сэм Лоринг убит пулями, выпущенными из пистолета, который нашли в руке Салливана. В Салливана стреляли из пистолета Лоринга. Третьего пистолета не было.

— Я с самого начала говорил об этом! — воскликнул Кларк.— Салливан открыл огонь по Лорингу, а тот, защищаясь, выстрелил. Это несомненно! Не приходится удивляться, что Бернардель хочет отвлечь наше внимание от Салливана. Салливан действительно его друг. Давний друг. Они заодно с самого начала. Что говорят врачи?

— Никаких изменений.

— У Харди есть какие-то сомнения относительно случившегося?

— Нет.

— А у вас?

Тяжелые веки поднялись.

— Разве это имеет значение?

— Ради бога, Шамбрэн, мы же не можем игнорировать факты.

— Нет, факты нужно уважать,— кивнул Шамбрэн.

— Значит, ваша версия не подтвердилась.

— Не подтвердилась,— эхом отозвался Шамбрэн.

На этом Кларк закрыл дискуссию.

— Ну что ж, мне остается сидеть здесь и ждать обмена денег на наркотики. Харди будет в больнице, на случай, если Салливан заговорит.

— А как насчет заявления для прессы?

— Какой от него толк? Бернардель знает, что это — фальшивка.

— Я все-таки предлагаю не отказываться от него.

Кларк хохотнул.

— У вас возникли сомнения относительно Бернарделя?

— Вы хотите, чтобы сделка состоялась, и можно было бы поймать их за руку. Остальные, возможно, не так принципиальны, как Бернардель. Есть покупатели наркотиков, которые могут на это клонуть. Во всяком случае, публичное заявление вам не повредит. Но может принести определенные дивиденды.

— Пожалуй, вы правы,— с неохотой согласился Кларк.— Но Бернардель, скорее всего, отменит обмен.

— А если все-таки вы принимаете его не за того, кто он есть на самом деле...

— Перестаньте, Шамбрэн. Насчет Салливана вы ошиблись. К чему новые промахи?

— И я стремлюсь более их не допускать,— сухо ответил Шамбрэн.

Глава 5

Шелда не выходила у меня из головы. К этому времени, думал я, известие о перестрелке облетело отель. А каково узнать, что один человек убит, а второй — при смерти, и произошло это в твоём саду. Шелда могла вообразить, что во всем виновата только она. И пока Кларк готовил пресс-конференцию, я прошел в свой кабинет.

Стол Шелды в приемной пустовал, но мисс Куингли сказала мне, что она в кабинете. Там она и сидела, бледная, как смерть. Увидев меня, Шелда бросилась мне на грудь, я обнял ее и подождал, пока она выплечется.

— У нас полно хлопот и без твоих слез,— улыбнулся я.

— Марк...

— Я все знаю. Ты отвела Жюльет в свою квартиру. Ты сказала Диггеру, что она там. Во всем виновата только ты.

Она с негодованием оттолкнула меня.

— Черта с два!

— Я рад это слышать.

— Ей, должно быть, очень грустно. Столько лет любить человека и узнать, наконец, что он — подонок. Как он?

— Еще жив.

— Теперь, наверное, я не смогу поверить ни одному мужчине. Я ни на секунду не сомневалась в Салливане. И она так любила его.

— Может, оно и к лучшему, что все стало на свои места.

— Кстати, я ему ничего не говорила.

— О чем ты?

— Я не говорила Диггеру, что она в моей квартире и хочет его видеть. Не говорила. Должно быть, мадам Жирар сама позвонила ему.

— Она не звонила.

— Тогда как он узнал?

Шелда задала хороший вопрос. Кто-то расставил ловушку. Скорее всего, Бернардель.

— Тебе придется жениться на мне раньше, чем я предполагала,— добавила Шелда.

— Как так? — я сразу забыл про толстяка-француза.

— Вероятно, я больше не смогу жить в своей квартире. Представить страшно, что там было сегодня днем. Я даже не хочу возвращаться туда за вещами.

— Ничего себе причина для замужества.

— Ну почему ты такой зануда?

Телефонный звонок прервал этот несколько абсурдный разговор.

— Мистер Хаскелл? — я узнал голос Шарля Жирара. — Вас не затруднит подняться к нам на несколько минут?

Ровный, бесцветный голос.

— Хорошо. Я сейчас приду.

— Что слышно в больнице?

— Пока изменений нет.

— Заранее благодарю вас за то, что вы уделите нам время.

— Я уже выхожу.

— Только это тебя и спасло, — хмыкнула Шелда, когда я положил трубку.

Бодрости она, похоже, не потеряла.

Я чуть не ахнул, когда Жирар открыл мне дверь номера. Он постарел лет на десять. Морщины на лице стали глубже, глаза запали, кожа посерела.

— Пожалуйста, заходите.

Я не мог не пожалеть Жирара. Мне бы не хотелось оказаться на его месте.

Жульет ждала нас в гостиной, стоя у окна.

— Просто невыносимо находиться здесь, не зная, что происходит, — начал Жирар. — Особенно после того, что выпало на долю Жульет. Этот заговор оплел наши жизни. Жульет потеряла отца. А теперь перестрелка Салливана и Лоринга. Она однозначно указывает на то, что Лоринг нашел улики, за которыми мы гоняемся три последних года. Я уверен, мы тоже можем помочь, но никто не приходит к нам. Никто не задает вопросов.

Его глаза горели мрачным огнем. Он разглядывал меня, словно надеялся прочесть на моем лице ответы на мучившие его вопросы. Жульет так и не повернулась.

— Сегодня сумасшедший день, — признался я. — Одновременно идут два расследования. Лейтенант Харди ищет убийцу Кардю. Теперь, я полагаю, ему придется искать и убийцу Лоринга. Агент Федерального бюро по борьбе с распространением наркотиков, его фамилия Кларк, пытается выйти на след торговцев этим зельем. Я уверен, что кто-то из них обязательно придет к вам, месье Жирар.

— Они же должны знать, что во Франции я вел это дело.

— Если у вас есть сведения, которые, по вашему мнению, могут помочь расследованию, снимите трубку и позвоните Кларку в кабинет Шамбрэна.

— Но я не могу сидеть здесь, как птица в клетке! — воскликнул Жирар.

Я никак не мог понять, почему он послал за мной. Не для того же, чтобы стравить пар. Но тут Жульет неожиданно объяснила мне, что к чему.

— Марк, я должна поехать в больницу. — Она все так же

смотрела в окно, Жирар, у стола, подносил к сигарете зажженную спичку. Рука у него дрожала.

— Вы хотите увидеть Диггера? — спросил я. — К нему в палату никого не пускают.

— Кто? Врачи?

— И полиция. Если он придет в сознание и заговорит, то первые вопросы задаст ему лейтенант Харди.

— Я хочу быть там! — воскликнула она. — Как можно допустить, чтобы он пришел в себя и не увидел рядом ни одного дорогого лица. Будь я его родственницей, то получила бы такое разрешение. Даже если он очнется на мгновение и увидит, что я рядом, ему сразу станет лучше. Никогда не прощу себе, если он позовет меня, а я буду сидеть здесь, в номере отеля.

— Вас к нему не пустят, — повторил я.

— Пустят, если я буду в больнице, а он позовет меня.

— Жульет хочет поехать в больницу и подождать там, — вмешался Жирар. — Жульет чувствует, что она... самый близкий для Салливана человек, — эти слова давались ему с большим трудом.

— Боюсь, я не понимаю, чем могу вам помочь.

Жульет повернулась ко мне.

— Дорогой Марк, вы должны понимать, в какое мы попали положение. У меня нет сил объясниться с властями, но я не могу просить Шарля сделать это за меня. Они, скорее всего, посмеются за его спиной, не понимая, какой он благородный и великодушный человек. Вы же можете попросить их оказать мне такую услугу, не вызывая тайной усмешки.

— Ну конечно, — кивнул я. — Я все сделаю. В больнице наверняка есть комната для посетителей, где вы сможете посидеть. Переговорю с Кларком и вернусь.

Теперь досталось и Жирару, думал я в кабине лифта, спускающегося на четвертый этаж. Нелегко оказаться в ситуации, когда жена ясно показывает, что любит другого человека.

Кларк быстро принял решение. Отрицательное.

— Я хочу, чтобы все, связанное с этим делом, находилось у меня на глазах. И никто из них не должен приближаться к Салливану. Кто-то может пойти на все, чтобы не дать ему заговорить.

— Но не Жульет, — возразил я.

— Ее муж значился в списке Лоринга.

— Так пусть она поедет одна, — предложил я, — и будет в больнице, когда Диггер придет в себя. Он захочет поговорить с ней, постарается обелить себя в ее глазах. Возможно, он скажет ей больше, чем полиции.

Шамбрэн пришел мне на помощь.

— В доводах Марка что-то есть. Какими бы сложными ни были отношения этих людей, Диггер, несомненно, любит эту женщину. И может сказать ей то, что не сказал бы никому. Пусть она едет в больницу.

— Я не хочу, чтобы она одна болталась по городу, — упорствовал Кларк. — А свободных людей у меня нет.

— Я поеду с ней, — предложил я.

Кларк еще колебался.

— Если вы поедете с ней и не будете отходить от нее ни на шаг...

— Даю слово.

— Скажите Жирару, что его из отеля не выпустят.

— Будет лучше, если вы скажете это сами.

— Хорошо,— кивнул Кларк.

— Вы не возражаете?— спросил я Шамбрэна.

— Нет, нет. Не выпускайте ее из виду, Марк. Я сообщу Харди, что вы поехали к нему. Если возникнут какие-то осложнения, вам помогут.

Я коротко взглянул на Кларка, который уже разговаривал по телефону с Жираром.

— Вы думаете, ей тоже угрожает опасность?

— Салливан предупреждал нас о старых минах.

Меня радовало, что я хоть чем-то могу помочь Жульет. Она все еще зачаровывала меня, как и при нашей первой встрече.

Когда я вернулся в номер Жираров, Жульет уже ждала меня. Вечер выдался прохладный, и она надела легкое, свободного покроя, пальто. На плече висела большая сумка.

— У нас никогда не было такого верного друга, Марк,— улыбнулась она.

Жирар стоял рядом, его тонкие губы изогнулись в горькой улыбке.

— А я — пленник. Ирония судьбы, но я у них под подозрением.

— Они следят за всеми, кто может иметь хоть малейшее отношение к заговору,— я попытался успокоить его.— За всеми, даже за послом.

Жульет повернулась к мужу.

— Возможно, ждать придется долго, Шарль.

— Я знаю,— кивнул он.— Ты можешь звонить мне время от времени.

— Я позвоню. Обещаю.

Мы с Жульет спустились в вестибюль. Я чувствовал на себе взгляды служащих отеля. Кто-то из них наверняка уже звонил Кларку. Система Шамбрэна действовала безукоризненно.

Но не только они интересовались нашими персонами. Макс Кролл и Лили Дориш беседовали с сотрудником экскурсионного бюро. Кролл заметил нас и что-то шепнул Лили, которая тут же обернулась. Мы вышли на Пятую авеню. Уэйтерс, швейцар, остановил такси. Когда мы садились на заднее сиденье, я почувствовал, что Жульет всае дрожит.

— За нами наблюдают столько людей,— прошептала она.

— Обычное дело,— ответил я.

— Марк, я прошу от вас слишком многого. Вам совсем не обязательно ехать со мной.

— Я не против, да и Кларк поставил такое условие.

— Почему?

— Надо смотреть правде в глаза, Жульет. Бернардель и его друзья пойдут на все, чтобы не дать Дигтеру заговорить. Они, как и мы, понимают, что вам он может сказать то, чего не

скажет никому другому. Возможно, они попытаются этому помешать.

— Понятно.

— Но вы не волнуйтесь,— я расправил грудь.— Я же буду с вами, и лейтенант Харди, и еще один или два полицейских. Вы будете в безопасности.

От специфического больничного запаха меня всегда начинает подташнивать. Нас встретили у дверей. Палата Диггера находилась на втором этаже. Мы поднялись на лифте. Харди ждал нас в холле, сердитый и усталый.

— В конце коридора есть комната, где вы можете посидеть. Я сомневаюсь, что вам удастся увидеть Салливана сегодня вечером.

— Как он? — спросила Жульет.

— Состояние удовлетворительное,— ответил Харди.— Другого врачи не говорят. Он все еще без сознания.

— Мы подождем. Но, пожалуйста, лейтенант, если появятся какие-то признаки, что он приходит в себя...

— Я вас позову,— кивнул Харди.— Я не меньше вашего хочу, чтобы он заговорил.

Мы сидели вдвоем в комнате для посетителей и через открытую дверь видели спешащих по коридору медицинских сестер и врачей. Палата Диггера находилась в другом конце. У двери на стуле сидел полицейский и читал газету. Я взглянул на часы. Почти девять. Я не ел с утра, но не чувствовал голода. Спросил Жульет, не хочет ли она снять пальто.

— Наверное, это нервы,— ответила она,— но мне холодно.

Жульет так и застыла в кресле. Я непрерывно курил. Каждые полчаса седовласый доктор заглядывал в палату Диггера и тут же выходил в коридор. Вероятно, это означало, что изменений в состоянии раненого нет. Скорее всего, кроме Харди, в палате находилась и медицинская сестра.

В четверть одиннадцатого у меня кончились сигареты. Я пошел к столику дежурной сестры и спросил, где можно купить сигареты. Она сказала, что у кафетерия на первом этаже есть автомат.

От столика дежурной сестры я направился к полицейскому, охранявшему палату Диггера. Он посмотрел на меня, оторвавшись от газеты.

— У меня кончились сигареты. Пойду вниз, куплю новую пачку. Приглядывайте, пожалуйста, за миссис Жирар.

— Хорошо,— ответил тот,— если она останется на месте. Я не могу покинуть свой пост.

Я сказал Жульет, что схожу за сигаретами, и предложил принести кофе и сэндвич. Она ответила, что выпила бы кофе. Я спустился на первый этаж. В кафетерии толпился народ. Автомат выдал мне две пачки сигарет, и я занял очередь к прилавку, чтобы купить кофе и пару сэндвичей.

На это ушло минут десять. Выйдя из кафетерия с кофе и сэндвичами в руках, я увидел Жульет, спешащую к выходу на улицу, позвал ее и побежал следом. Она остановилась перед вращающимися дверями.

— Жюльет! Что вы тут делаете?

— Мне внезапно стало нехорошо. Я подумала, что свежий ночной воздух...— она коснулась рукой вращающейся двери.— Со мной все в порядке, Марк,— толкнула дверь и вышла на улицу.

Я поспешил за ней. Она стояла, покачиваясь, на верхней ступени лестницы.

— Не могли бы вы принести мне нашатыря, Марк? Боюсь, я сейчас...

— Вам лучше сесть,— широкая пустая лестница вела к тротуару.— Я не могу оставить вас одну, но попробуйте выпить кофе. Может, вам станет лучше,— я бросил сэндвичи и начал снимать крышку со стаканчика. И тут увидел Бернарделя.

Он отделился от стены, рот его изогнулся в хищной улыбке.

— Марк,— воскликнула Жюльет. Через пиджак я почувствовал ее ногти, впившиеся мне в руку.

— Идите в больницу... быстро!— приказал я.

Она не пошевелилась. Толстяк держал в руке пистолет.

— Я думаю, мадам, это конец пути,— он протянул левую руку.— Вашу сумку, пожалуйста.

Жюльет опустила мою руку, но не сняла сумку с плеча. Похоже, она ждала помощи. Но не от меня. Я шагнул было вперед, чтобы встать между ней и Бернарделем.

— Стойте на месте, мистер Хаскелл. Вашу сумку, мадам. Надеюсь, то, что мне нужно, в ней. Мне бы не хотелось раздевать вас публично.

212 — Не знаю, к чему вы стремитесь, Бернардель,— подал я голос,— но вам это просто так не пройдет.

— Не идиотничайте, Хаскелл.— Бернардель не спускал глаз с Жюльет.— Помощи ждать бесполезно, мадам. Тот, кого вы ждете, не придет. Его задержали... навечно.

Я не знал, о чем он говорил, но и не мог стоять и смотреть, как он угрожает Жюльет. Нас разделяло лишь пять футов, и он не отрывал взгляда от Жюльет. Я бросился ему в ноги, но выстрела не последовало. Мы покатались по ступеням. Я слышал, как он ругается по-французски, и не отпускал его, пытаюсь добраться до пистолета. Краем глаза я заметил, как Жюльет пробежала мимо нас, перескакивая со ступени на ступень, к тротуару. Я крикнул, чтобы она вернулась в больницу, где ее защитит Харди.

— Дурак! Идиот!— рявкнул Бернардель. И ударил меня рукояткой пистолета. Я отлетел на пару шагов, а он устремился за Жюльет.

Она остановилась, не добжав с десяток ступеней до тротуара. Пять или шесть человек преградили ей путь. Несколько человек появились и на верхней ступени лестницы.

К моему удивлению, среди стоящих внизу я узнал Шамбрэна.

Бернардель подошел к Жюльет, и я услышал пронзительный вопль разъяренного животного. С трудом верилось, что он вырвался из груди Жюльет.

В сумке, что висела на плече Жульет, лежали пакеты с героином общей стоимостью в два миллиона долларов. Весили они всего десять фунтов.

Мужчина, принесший деньги, уже сидел в полицейском участке в двух кварталах от больницы. Деньги хранились в сумке, как две капли воды похожей на сумку Жульет. Два миллиона предназначались террористам ОАС. Мужчину взяли на соседней с больницей улице, где он дожидался Жульет.

Все это мне рассказали в такси по дороге в «Бомонт». Я еще кипел от ярости и слушал не слишком внимательно. Похоже, меня использовали, как посадную утку, чтобы усыпить бдительность Жульет. Особенно я злился на Бернарделя, который ехал в такси вместе с нами, хотя он продолжал извиняться за то, что ударил меня по плечу. Плечо, кстати, болело, что также не улучшало моего настроения. А Бернардель улыбался во весь рот, несмотря на длинные красные царапины на лице — отметины ногтей Жульет.

Все, естественно, кроме меня, всё знали, и я чувствовал себя круглым идиотом. Наконец, такси остановилось, мы вылезли из машины — Шамбрэн, Бернардель и я — и вошли в вестибюль. Там нас поджидали Гарри Кларк и Делакуру, посол Франции. Бернардель подошел к Делакуру, и они обнялись.

— Все кончено, Жак, — услышал я Бернарделя. — Деньги и наркотики в руках полиции.

— А Жульет? — спросил Делакуру.

— Поймана с поличным.

— Все-таки в это трудно поверить, — покачал головой Делакуру. — Я-то не сомневался, что это Шарль, а она абсолютно чиста.

— На проверку вышло иначе, — ответил Бернардель. — Теперь пора заняться и Шарлем.

— Он знает?

Бернардель вопросительно взглянул на Шамбрэна.

— Он не звонил, и ему не звонили, — ответил Шамбрэн. — Скорее всего, он ничего не знает.

— Пойдемте к нему, — Кларк двинулся к лифту.

Вшестером мы поднялись на пятнадцатый этаж и подошли к номеру Жираров. Кларк постучал. Жирар тут же открыл дверь, его лицо изумленно вытянулось, а затем медленно посерело.

— Жульет? — прошептал он.

— Игра закончена, Шарль, — ответил Делакуру.

— Она жива?

— Как видно по моему лицу, — Бернардель приложил к кровоточащим царапинам носовой платок.

Жирар медленно повернулся и прошел в гостиную.

— Деньги и наркотики у полиции, Шарль, — Делакуру ввел его в курс дела.

Жирар повернулся, в его глазах стояли слезы.

— Если б я сказал вам, Делакуру, что рад, вы бы мне поверили?

— Возможно, Шарль.

— Ее обвинят в контрабанде наркотиков? — спросил Жирар.

— Нет, месье Жирар, ей предьявят обвинение в убийстве Сэма Лоринга, — ответил Кларк.

Я, должно быть, остолбенел так же, как и Жирар.

— Это все выдумки Салливана? — голос Жирара дрожал. — Убийство! О чем вы говорите?

— Салливан все еще без сознания, — ответил Кларк.

— Мой дорогой Шарль, в этой долгой, жестокой борьбе Жульет допустила одну ошибку, — добавил Делакуру, — и мы обнаружили ее благодаря мистериу Шамбрэну.

— Шамбрэну? — Жирар повернулся к моему боссу.

— Если бы не Шамбрэн, вам бы удалось выйти сухим из воды, Шарль, — прогремел Бернардель. — Я попытался сыграть героя и налетел на честного, не ведающего сомнений Хаскелла. Но я тоже хотел бы узнать, как мистер Шамбрэн докопался до сути.

Тяжелые веки почти закрыли глаза Шамбрэна.

— Я, возможно, и не вмешался бы в эту историю, если б не бессмысленное убийство моего давнего друга, Мюррея Кардюю. Но я сразу понял, что его смерть связана с борьбой за власть между двумя группами французов. И свое внимание я сосредоточил на вас, месье Жирар, потому что еще до убийства Кардюю горничная застала Салливана в вашем номере.

— Так это был Салливан! — воскликнул Жирар. — А мы-то думали, какой-то мелкий воришка. У нас же ничего не пропало.

214

— Потому что он искал то, что постоянно находилось при мадам Жирар, — продолжал Шамбрэн. — Кларк говорил мне, что труднее всего обнаружить контрабандные наркотики у женщины с пышными формами. Она без труда может спрятать их на себе. Ее не обыскивали на таможне. Никто не подозревал, что она связана с контрабандой наркотиков. Да и у кого могли возникнуть подобные мысли? Разве она — не дочь полковника Вальмона, отдавшего жизнь в схватке с наркомафией?

— О да, — саркастически хмыкнул Бернардель. — Этот великий герой, верный сторонник де Голля! Смертельный враг террористов. Смех, да и только!

Я выгарачился на него.

— Все было бы проще, если б месье Делакуру поделился с нами известными ему сведениями, — заметил Шамбрэн.

— Это французские проблемы, — ответил Делакуру, — и решить их должны французы.

— Если б только вы не пытались решить их на нашей территории, — возразил Кларк. — Будь у меня такая возможность, я бы спросил с вас, месье Делакуру, за убийство Сэма Лоринга.

— Едва ли я мог довериться вам, — ответил Делакуру. — Лоринг среди прочих подозревал и меня. И у меня не было доказательств вины Жульет. Из нас всех только она была вне подозрений. Вы бы только посмеялись надо мной.

— Один человек заподозрил, что Жульет не так уж проста, — вставил Шамбрэн. — Салливан! Он подозревал ее и в то же время пытался спасти. Он работал в одиночку и теперь может поплатиться за это жизнью, — Шамбрэн посмотрел на меня. —

За последний час, Марк, мы узнали, что полковник Жорж Вальмон совсем не герой. Он говорил, что, по его убеждению, в верхних эшелонах власти французского государства есть предатель. И был прав. Предателем был он. Играя роль убежденного врага террористов, на самом деле руководил ими. Утверждал, что борется с торговлей наркотиками, а в действительности всемерно способствовал их обмену на деньги для ОАС. И его убили не террористы, а сотрудники службы безопасности правительства, которое он предал.

— Ситуация тогда была довольно сложная,— пояснил Делакуру.— Правительство решило скрыть предательство Вальмона. Он был активным участником борьбы с нами. Его смерть, предположительно, от рук террористов, вызвала гневное возмущение общественности. Проку от этого было больше, чем от его ареста. Шамбрэн кивнул.

— То есть Салливан использовали. Но не месье Бернардель, которого мы принимали за злодея, хотя на самом деле он верно служил де Голлю, а двуликий Вальмон. Со смертью Вальмона поток наркотиков не иссяк, как надеялось правительство. Наоборот, он усилился. Пришлось искать нового человека, который занял место Вальмона. Я прав, господа?

— Абсолютно,— согласился Делакуру.

— Мы полагали, что это Шарль,— Бернардель посмотрел на Жирара.— Близкий друг Вальмона, его заместитель в годы войны. Мысль о Жульет поначалу не приходила нам в голову.

— Мне тоже,— глухо пробурчал Жирар.

— На текущий момент мы можем принять два допущения,— заметил Шамбрэн,— в надежде, что мадам Жирар и Салливан подтвердят их обоснованность. Первое, Жульет Вальмон и Салливан действительно любили друг друга. Они сражались за власть по разные стороны баррикад, но любовь была настоящей. Второе, Жульет-таки поверила, что Салливан убил ее отца. Поверила, потому что знала истинное лицо и отца, и Салливана. Поверила, потому что сама, не колеблясь ни секунды, убила бы хорошего друга, если б тот оказался на пути к цели.

— Жульет — фанатичка,— эхом отозвался Жирар.— Она горячо любила отца и могла отомстить за его смерть.

— Жульет оказалась в уникальной позиции.— Шамбрэн покачал головой.— В час беды ей на помощь пришел верный друг, месье Жирар, доверенное лицо голлистов. Ежедневно она узнавала от него, как идут дела в лагере врага. Ее же агенты доносили, что Салливан настойчиво пытается найти истину. Кто-то, должно быть, все-таки вышел на ее след. Я думаю, месье Жирар мог бы рассказать об этом подробнее. Во всяком случае, в какой-то момент она почувствовала, что Жирар может стать для нее опасен. И сообразовала предложить ему жениться на ней. Безумно влюбленный, он не мог устоять. А уже потом, после бракосочетания, она выбрала удобную минутку, чтобы сказать правду о себе. Не так ли все было, месье?

Жирар кивнул.

— И вы, Шарль, перестали быть французом,— прогремел Бернардель.

— Она заставила забыть обо всем,— пробормотал Жирар.
— Но несколько часов назад вы ничего этого не знали,— обратился я к Шамбрэну.

— Кое-что знал, Марк,— возразил тот.— Знал, но не мог доказать. Во-первых, я ни секунды не верил, что Диггер Салливан заодно с террористами. Распознавать людей — наша работа. С какой стати Салливан, американец, будет участвовать в политической борьбе на одной из сторон? По убеждениям? Едва ли. Из-за денег? Их у него предостаточно. Он сам сказал нам, что будет сражаться бок о бок с Жюльет. Помните? Что он, мол, выступит даже против президента Соединенных Штатов, если она попросит его. И он говорил серьезно, другого, собственно, и нельзя ждать от влюбленного. Но он и в мыслях не допускал, что Жюльет попросит его стать на сторону преступников. Я уверен, что Лоринг известил бы Вашингтон, если бы подозревал Салливана. И еще одно я знаю наверняка: Салливан мог убить Лоринга, только если тот угрожал жизни Жюльет. Поэтому я и предложил версию третьего человека в саду Шелды.

— Но баллистическая экспертиза показала, что вы ошиблись.

— А заодно позволила найти убийцу,— Шамбрэн поднес огонек зажигалки к египетской сигарете.— Сопоставляя результаты баллистической экспертизы со своими рассуждениями, я впервые подумал о Жюльет. Она же была в квартире. Да, она любила Салливана, но у фанатиков цель всегда стоит на первом месте. Любая помеха сметается с пути. Внезапно до меня дошло, что она находилась в центре всех событий. Драка в нашем кабинете, Марк. В ее присутствии. Если она и Жирар работали в паре, смысл этой драки ясен и грудному ребенку. Жирар мог убить Диггера, не понеся при этом никакого наказания. Вы и Жюльет разыграли этот маленький спектакль?

Жирар медленно кивнул.

— Понятно. Но в результате у вас лишь прибавилось хлопот. Салливан жив, а отель внезапно превратился в ловушку. Как же обменять наркотики на деньги? Вы, разумеется, чувствовали, что за вами следят сотни глаз. Но Жюльет и тут нашла выход. Шелда говорит, что она предложила Жюльет свою квартиру. Если она как следует пороется в памяти, Марк, то поймет, что предложение исходило от Жюльет. Из этой квартиры она могла звонить кому угодно, могла без помех строить свои планы.

Теперь она могла обо всем договориться, решить, как обменять наркотики на деньги. Но внезапно выяснилось, что она не одна. Незванным гостем оказался Лоринг, шедший за ней следом и притаившийся в саду. Когда она осталась одна, Лоринг вошел в дом, чтобы арестовать ее, а может, допросить. Возможно, он подслушал ее телефонный разговор. Она выстрелила в него. Что же потом? Избавиться от тела она не могла, поэтому позвонила Салливану, и он со всех ног бросился к любимой женщине.

Вероятно, она вывела его в сад, предварительно вооружившись пистолетом Лоринга. Салливан был обречен. Она застрелила его. Всадила в него три пули в полной уверенности, что отправила его на тот свет. Затем вложила пистолет Лоринга в его руку, а свой пистолет, из которого убила Лоринга, в руку Салливана. После чего, Марк, позвонила вам.

— Но все это — догадки, сэр,— ответил я.

— Нет, Марк. Я же сказал вам, что баллистическая экспер-

тиза позволила установить личность убийцы. Исходя из фактов и моих рассуждений, я пришел к логичному ответу. Уговорил Кларка продолжить проверку, и мы вышли на единственную ошибку Жульет. На таможне, чтобы отвлечь внимание от героина, спрятанного под одеждой, она постаралась убедить таможенников, что скрывать ей нечего. Она предьявила и меха, и драгоценности, и даже пистолет. У нее было французское разрешение на владение оружием. Ей разрешили везти пистолет в нашу страну, но записали регистрационный номер и фирму-изготовитель. Там мы и узнали, что в руке Салливана был ее пистолет.

— До чего же она хладнокровная! — вставил Бернардель.

— Как теперь избавиться от наркотиков и получить деньги? Она не могла покинуть отель одна. Или могла? Разве кто-то помешал бы ей поехать к человеку, которого она любила? Как оно было, месье Жирар? До того, как позвонить Марку, она связалась с покупателем наркотиков и договорилась о встрече неподалеку от того места, куда увезут Диггера, будь то больница или морг?

— Да, она позвонила нашему человеку из квартиры Шелды. Она не сомневалась, что ей разрешат поехать к Салливану. Хаскелл, конечно, мешался под ногами, но она думала, что сможет избавиться от него на десять — пятнадцать минут. Тому, кто принес бы деньги, оставалось только узнать, куда отвезут Салливана, и поджидать там Жульет.

— Именно в тот момент я решил совершить геройский поступок, — вмешался Бернардель. — Я уже знал наверняка, чем занимается Жульет. Когда она исчезла после драки, я едва не признал свое поражение. Но уж потом, когда она вернулась к Жирару, не спускал с нее глаз. Вслед за ней и Хаскеллом я поехал в больницу. На этот раз я успел вовремя, но она убежала бы, если бы не мистер Шамбрэн. Он тоже раскусил ее, но не захотел прослыть героем и обратился за помощью.

— Такие вот дела, Марк, — заключил Шамбрэн.

— А Мюррей Кардью? — спросил я.

— Бедный Мюррей. Наши предположения подтвердились. Лакост и Кролл входили в организацию Жульет. Лакост следил за Делакру, Кролл — за Бернарделем. Лакост готовил операцию в Америке. Он и Кролл арестованы Харди по обвинению в убийстве Мюррея. Жульет, похоже, позвонила Лакосту из автомата в Центре Линкольна, куда она отправилась на концерт. Этот разговор и подслушал Мюррей, узнав все планы террористов. Наверное, он попросил телефонистку отсоединить его, а Лакост по голосу догадался, кто их подслушивал. Не оставалось ничего другого, как заставить Кардью умолкнуть навсегда. Лакост перезвонил Кроллу в «Бомонт», а уж тот принял меры, чтобы старик ничего никому не рассказал.

Шамбрэн положил сигарету. Выглядел он уставшим.

— Мы с Марком хотели бы уйти, мистер Кларк, если у вас нет к нам вопросов. Пора вернуться к делам отеля.

«Бомонт» — образ жизни. Завтра никто и не заметит, что по гладкой поверхности пруда Шамбрэна пробежала рябь. Он об этом позаботится.

В низкой комнате темный воздух —
 Только занавесы качнут...
 Мы опять играем во взрослых!
 Ах как скучно играть во взрослых!
 Ах как долго играть во взрослых!
 Но осталось пару минут.
 Помолчим, успокоим руки.
 Так ли тошен червонный сон?
 Страшно ль, Господи, в первой вьюге,
 В первой памяти, в первом круге?
 Но спиралью уходит он.
 Ах, как мы играем старательно —
 Худо-бедно ли — все едино:
 Те, кто выживет, — в дочери-матери,
 А кто сгинет, — в отца и сына.
 До последнего, до упада —
 Лишь бы душу не загубя...
 Не казни себя, мальчик, не надо.
 Это сделают за тебя.

ПОСЛЕДНИЙ ДРАКОН

Плохо мне, плохо.
 Старый я, старый.
 Чешется лес, соскребают листья.
 Заснешь ненароком — опять кошмары.
 Проснешься — темень да шорох лисий.
 Утро. Грибы поднимают шляпы.
 Бог мой драконий, большой и добрый!
 Я так устал: затекают лапы
 И сердце бьется в худые ребра.
 Да, я еще выдыхаю пламя,
 Но это трудно. И кашель душит.
 В какой пустыне метет крылами
 Ангел, берущий драконьи души?
 Мне кажется, просто меня забыли,
 Когда считали — все ли на месте.
 А я, как прежде, свистнуть не в силе,
 Чтoб дохли звезды и падал месяц.
 Возьми меня, сделай такое благо!
 В холодном небе жадные птицы.
 Последний рыцарь давно оплакан
 И не приедет со мной сразиться.
 Я знаю: должен — конный ли, пеший —
 Прийти, убить и не взять награды...
 Но я ль виноват, что рыцарей меньше
 Ты сотворил, чем нашего брата?
 Все полегли, а мне не хватило.
 Стыдно сказать, до чего я дожил!
 В последний рев собираю силы:
 За что я оставлен без боя, Боже?

Научились, наверно, закатывать время в консервы,
И сгущенную ночь подмешали во все времена.
Этот век все темней,
И не скоро придет двадцать первый,
Чтоб стереть со вчерашней тюремной стены имена.

Мы его нагружали ушедших друзей голосами,
Нерожденных детей именами — для новой стены.
Мы с такою любовью его снаряжали, но сами
Мы ему не гребцы, даже на борт его не званы.

Но отмеренный груз укрывая рогожею грубой,
Мы еще успеваем горстями просеять зерно —
Чтоб изранить ладони, но выбрать драконовы зубы
Из посева, которому встать после нас суждено.

За блаженные вопли цикады,
За упорство каменных кремней —
Наши души вернутся в Элладу
Для прощального круга над ней.
На исходе оборванной пряжи,
Сдавши глине дыханье и вес,
Все леса и скалистые кряжи
Мы увидим с горячих небес.
А тогда засмеемся счастливо,
И возница коней охлестнет.
Перекрученной веткой олива
Нам небрежно по ветру плеснет.

Вот и печка нагрета, и мать не корит,
И не нужно смертельной отваги.
Но зигзаг Ориона над нами горит,
Как устам — повторенье присяги.
Те же звезды внимательно смотрят на нас,
Те же сны, затаивши дыханье,
Наблюдают за нами: погас — не погас
В испытаньи бездонным скитаньем.
Те же струны печалют подросших юнцов,
Хоть иную узду обгрызают.
Лютый смерч декабря —
Не отыщешь концов! —
Обелить наши тени дерзает.
Как рискованно след по пороше вести:
Сразу видно, куда и откуда!
Ни слепец, ни певец не укажет пути,
И смеется с осины Иуда.
Многомерное эхо двуслойных словес
Ищет глотку с улыбкой волчицы.
Но все те же огни с отдаленных небес
В нас глядят, как озябшие птицы.

Публикация
Евгения Данилова.

ДУША НАРОДА

или Россия глазами живописца
МИХАИЛА НЕСТЕРОВА

С какой стороны ни смотреть на историю духовной жизни Отечества, какой ни брать период развития русской культуры — дореволюционный или советский, — имя Нестерова всегда в ряду первых и лучших. Он родился в Уфе в 1862 году, пережил три революции и четыре войны, четверть века работал при советской власти. Вот такой исторический диапазон. И всегда оставался самим собой — со своим лицом художника и гражданина, со своими творческими поисками и напряженной внутренней жизнью. Был и остался Нестеровым при двух Александрах, Освободителе и Миротворце, при Николае Кровавом и Керенском, при Ленине и при Сталине.

Удивительнее всего то, что мир Нестерова внезапно приблизился к нам, людям конца двадцатого, компьютерного столетия. Казалось бы, какая связь между

бледными девушками, уходящими от суетного мира в тишь монастырей, бесплотными, согбенными старцами, мальчиками с мистическими глазами — и жгучими проблемами нашего бурного времени? Ответ не лежит на поверхности. Небывалый успех выставки работ художника в марте — апреле прошлого года в залах музейного объединения «Государственная Третьяковская галерея» — всего лишь отправная точка, данность момента, смысл же лежит глубже.

Наше общество, находящееся в стадии гуманизации, переживает серьезный моральный и экономический кризис: инкубационный период заболевания закончился, организм начал сопротивляться, перестраиваться, включать защитные системы. Температура и давление при этом сложном процессе подползли к опасным отметкам, кто-то растерялся, другие спекулируют на трудностях перестрой-

ки, третьи откровенно рвутся к власти, иные стремятся построить духовное меню народа на чисто коммерческой основе. Но большинство нащупывает новые устойчивые духовные опоры, способные заменить подточенные жизнью, пошатнувшиеся. Идет поиск истоков и корней, исторических и нравственных ценностей. Отсюда актуальность Нестерова и его мира, мира нетронутой природы, отдаленных скитов, тихих монахов, бродячих проповедников, всей взыскующей правды Руси, внешне пассивной, но полной особого внутреннего спора. Богоискательство, внешние приметы религиозности — только предлог для размышлений о жизни народной, о судьбах страны. В душе он был реалистом. Это понимали наиболее проницательные и дальновидные исследователи еще в самом начале века. Poleмизируя с теми, кто считал живо-

писца «чистым мистиком», автор одной из первых искусствоведческих книг о нем, критик С. Глаголь, писал: «Если нужно непременно отнести Нестерова к какой-либо группе так или иначе настроенных по отношению к религии художников, то все-таки он верный сын воспитавшей его школы. Отличие от других реалистов того же течения (речь идет о передвижниках. — Б. З.) только в выборе сюжета и в самой живописи».

Наиболее сильное и яркое проявление таланта Нестерова и его мировоззрения — большая программная картина «На Руси». Судьба этого замечательного полотна сложна. Много десятилетий оно, скрытое от глаз, пролежало в музейном запаснике намотанным на вал. Художник работал над картиной более десяти лет, мучительно долго оттачивая свои идеи. Чрезвычайно высоко ставя «Явление Христа народу» А. Ива-

МИХАИЛ НЕСТЕРОВ.
Видение
отроку Варфоломею.

нова, Нестеров задумал дать новую трактовку темы, соотнеся ее евангельское содержание с чаяниями и историческим путем русского народа. Отсюда и первоначальное название картины: «Христиане». Сохранился подготовительный этюд с фигурой Христа в темно-бордовом хитоне, в задумчивости бредущего по берегу русской реки. После долгих раздумий и колебаний в окончательном варианте на место Христа был вписан мальчик — воплощение национального духовного предводителя, отличительной чертой которого выступает не мудрость зрелости, а детская чистота и наивность. За мальчиком художник изобразил фигуру изгаляющегося юродивого как символ религиозного фанатизма, следом — молчаливую шеренгу мирских и церковных владык, идейных наставников, среди которых выделены Толстой и Достоевский; тут же

слепого солдат с сестрой милосердия. А дальше — море голов, народ.

Нестеров писал в 1916 году Александру Турыгину, товарищу по недолгим занятиям в Петербургской академии художеств и, по словам самого художника, «другу № 1», другу на всю жизнь:

«Я живу — хлеб жую, — работаю, большая картина движется, народ все приходит, толпа растет и движется. Обошел ее краской со всех четырех сторон. Осталось больших фигур девять да голов с десяток... Пока картина во многом меня удовлетворяет, есть жизнь, есть действие, основная мысль кажется понятной (евангельский текст «блаженны алчущие и жаждущие правды, яко тии насытятся»).

С советской властью и новыми руководителями изобразительного искусства отношения у художника сложились не сразу. У него отобрали сначала

квартиру, потом мастерскую. С «бывшим» не церемонились. Дочь Нестерова Наталья Михайловна, изображенная на известной картине «Девушка у пруда», с неугасшей за много лет горечью рассказывала, как по выброшенным во двор этюдам, наброскам и эскизам большого мастера ходили люди и ездили телеги, вбивая их в грязь. Но живописец не пал духом. Он продолжил серию знаменитых «нестеровских» пейзажей, создал целую галерею дивных по своим живописным качествам портретов ученых, артистов, художников 20—30-х годов. Все они вошли в золотой фонд советского искусства. И вот с тех самых пор, спустя более чем полвека, — первая персональная выставка. На ее обсуждении я воспользовался давним знакомством с Натальей Михайловной и взял у нее короткое интервью.

— Насколько полно представлено творчество Михаила Васильевича?

— Работники Третьяковки старались, но собрали далеко не все. К тому же отец много времени уделял настенной живописи и образам. О киевском Владимирском соборе все знают, но он делал подобные работы для храма Воскресения в Петербурге и для часовни в Новодевичьем монастыре, для церквей в Новой Чартории, Гаграх и Абастумане, расписал храм Марфо-Мариинской обители в Москве. Это был титанический труд.

— На открытии выставки один из ораторов говорил, что Нестеров не имел ни почетных званий, ни наград. Так ли это?

— После первых трудных послереволюционных лет, где-то в начале 30-х годов, он начал получать признание, а затем и официальные почести: орден Трудового Красного Знамени, звание за-

служенного деятеля искусств РСФСР. В 1941 году ему присудили Государственную премию первой степени. За книгу воспоминаний «Давние дни» и серию очерков — отец имел незаурядный литературный талант — его приняли в Союз писателей.

— Как относился художник к модернизму?

— В начале века Михаил Васильевич наслушался упреков в «декадентских изломах» и т. д. После революции он стал ретроградом, «правым». Руководитель отдела изоискусства Д. П. Штеренберг вычеркивал его из списков на получение художественных материалов: тогда ведь кисти, холст и краски распределялись по карточкам. Ну, а вообще Нестеров ценил талант, а не направление. Над слабыми авангардистами посмеивался, мол, пусть их. Ему как-то сказали, что Ф. — формалист. «Какой же он формалист, — возразил Михаил Васильевич, — просто средний художник». Не жаловал он и посредственных реалистов.

— Как обстоит дело с созданием музея-квартиры Нестерова?

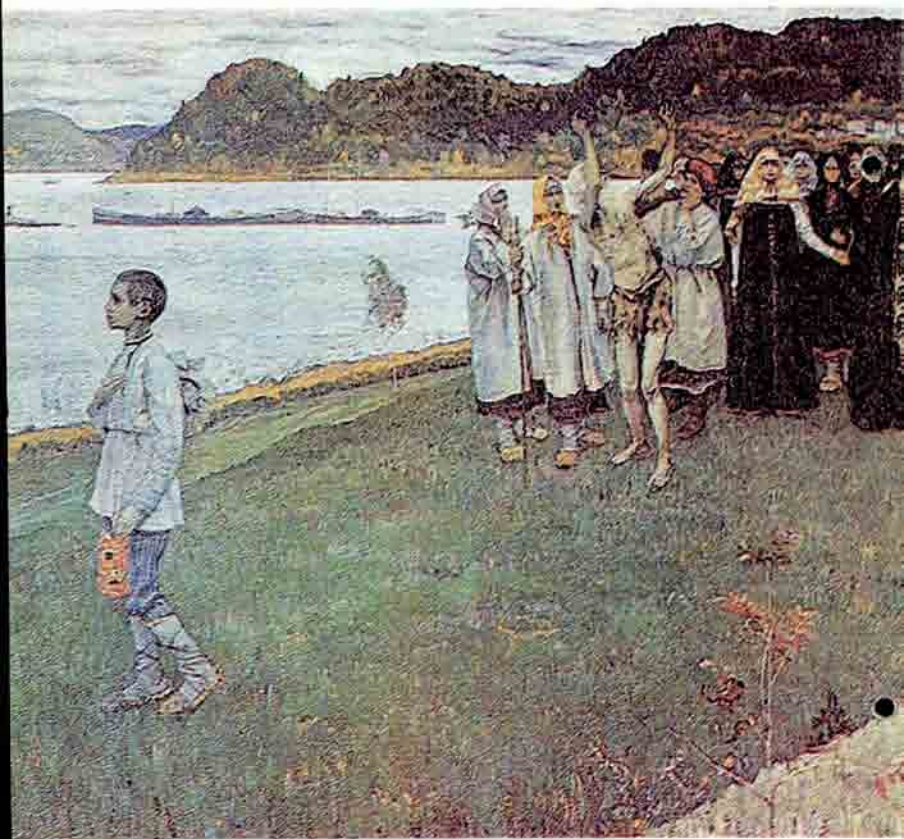
— Сначала мы жили на Новинском бульваре. Это здание приглянулось Троцкому, и его занял Реввоенсовет. После нескольких лет мытарств семья надолго обосновалась на Сивцевом Вражке. Уже было решение о создании музея. Однако пять лет назад дом номер 43 очистили для издательства «Радуга». И все застряло, хотя разговоры продолжаются, и все «за»...

— Каким был Михаил Васильевич в жизни?

— Не в пример многим героям своих картин, отец отличался жизнерадостностью. Он был шумен, весел, энергичен. Во время работы, если дело ладилось, напевал. До самой смерти в 1942 году сохранял бодрость и работоспособ-

Девушка у пруда.

На Руси.

Пустынный.

ность, веру в победу, в силу народа...

В искусстве Нестеров шагал не по широкой, гладкой, усыпанной розами дороге. Его решения и жребии вели сквозь заросли, заставляли карабкаться по острым камням, а порой приводили к глубокому разочарованию. При всей внешней умиротворенности нестеровских святых старцев и монахинь — христовых невест — в подоснове его художественной работы лежал конфликт. Нестеров учился у Перова, рос в передвижнической среде, питался ее идеями. Ранние работы живописца — типичные жанровые сценки той эпохи: назидательные, критикующие или сентиментальные. Сохранился эскиз к задуманной еще совсем юным художником сугубо перовской картине «Панихида». На холсте изображено заснеженное кладбище, погруженное во мрак раннего зимнего вечера. У свежей могилки — священник в парче, с кадилом. В ярком свете лампы видны фигуры безутешных родителей. Тут же две потушившиеся детские фигурки. На фоне темного неба — кресты церковки да стаи ворон.

А через несколько лет у Нестерова был уже «Пустынник». Он вызвал у некоторых именитых коллег и искусствоведов недоумение: «Как мог Третьяков купить такую вещь?» Здесь не было привычного рассказа о событии или явного действия, не просматривался неременный морализаторский вывод или общественный, в духе времени, приговор. Брел старец по берегу озера — и все. Не портрет. Не жанр. Но и не пейзаж!.. Нестеров учился показывать внутреннее действие, напряжение духовного поиска. На этой почве он в дальнейшем приблизился к Толстому и разошелся со многими, даже со своим высоко в общем-то цени-

мым другом Горьким. Писатель тоже внимательно следил за творческим развитием Нестерова, стремился к общению с ним, был в переписке, специально приезжал в Абастуман, когда художник расписывал там храм по заказу царской семьи. Словом, была взаимная приязнь. Но стоило Нестерову почувствовать в произведениях писателя нарушение балансировки между духовным и материальным в пользу последнего, как наступило охлаждение. На очередной встрече в каком-то собрании Нестеров просто не подошел к Горькому. Не заехал он к писателю и во время своего очередного тура по Италии, хотя такой визит в среде передовой русской интеллигенции считался ритуальным.

Михаил Васильевич упорно шел своим путем. В кругу близких не раз повторял: «Я сам по себе». А независимым достается и справа, и слева. Ортодоксы передвижничества критиковали Нестерова за отход от визионизма, от прямолинейной трактовки народных революционных традиций. Новаторы-западники громили творчество художника за увлечение русской стариной, в которой сами они ничего, кроме дремучей, примитивной мистики, религиозного фанатизма и духовной истерии, не находили. «Образа съели Нестерова», — утверждал один из авторитетных «арбитров изящного», А. Н. Бенуа. Однако имя Нестерова становилось все более известным. Нет, не зря один из «трех китов» русской живописи кануна двадцатого века — Виктор Васнецов — приглашал молодого художника работать в новопостроенный киевский Владимирский собор. Образа не могли «съесть» того, чей талант только набирал силы. Он расписывал стены и паруса храмов, а на выставках появлялись все более интересные станковые картины —

«Видение отроку Варфоломею», «Великий постриг», «Святая Русь», десятки эскизов, портретов, пейзажей.

«Видение отроку Варфоломею» произвело взрыв в художественной среде. Видный идеолог передвижничества Г. Мясоедов доказывал, что золотой венчик вокруг головы святого надо закрасить: «Ведь это же абсурд даже с точки зрения простой перспективы. Допустим, что вокруг головы святого золотой круг. Но ведь вы видите его вокруг лица, повернутого к вам анфас? Как же можете видеть его таким же кругом, когда это лицо повернется к вам в профиль? Венчик тогда тоже будет виден в профиль, т. е. в виде вертикальной золотой линии, пересекающей лицо, а вы рисуете его таким же кругом! Если же это не плоский круг, а шаровидное тело, окутывающее голову, то почему же сквозь золото так ясно и отчетливо видна вся голова? Вдумайтесь, и вы увидите, какую написали нелепость». Столкнулись два века, и каждый говорил на своем языке: упрощенный, визионистский реализм боролся с попыткой показать реалии внутреннего мира человека. Протест вызывали и нимб, и старец, и пейзаж, и бесплотный отрок (по семейному преданию, он писался с «Больнушки» — деревенской больной девочки из-под Троице-Сергиевой лавры).

К П. М. Третьякову явилась целая депутация художников с требованием отказаться от приобретения «Варфоломея». К счастью для нашей культуры, прозорливый коллекционер проявил твердость и ультиматум отклонил. Это подлило масла в огонь. Конфликт с передвижниками нарастал. В то же время организаторы нового художественного объединения «Мир искусства» С. Дягилев и А. Бенуа

хотели за счет авторитета Нестерова усилить свои ряды «из тактических соображений», закрыв глаза на то, что творческие устремления художника лежали вне их концепций и принципов. Нестеров, в свою очередь, тянулся к «открытой форточке», чтобы глотнуть свежего воздуха, окунуться в новую волну искусства. Однако произвол и диктат симпатичных новаторов «мирикусников» оказался куда жестче ворчания и дружеских нотаций старых художников Товарищества. Кстати, это хороший урок тем, кто верит в демократизм нынешних экстремистов, рвущихся к власти в области культуры. Нестерову не понравилась ситуация в «Мире искусства», не воспринял он и нигилистическое отношение к русским корням и традициям. Живописец колебался в правильности своего выбора, когда начались атаки на тех, кто выпестовал его и дал первоначальные импульсы, то есть на Перова и Крамского. Потом «Мир искусства» отверг приглашенных опять-таки «из тактических соображений» Васнецова и Репина. И Нестеров помирился с Товариществом передвижников, как примиряются с немодными и поцарапанными, но приношенными ботинками.

Наступило время грозных общественных подвижек. Россию сотрясали трагические события войны с Японией и первой революции. Судьба Родины глубоко волновала Нестерова. Ее будущее он пытался прочитать в прошлом, в истории страны и народа. Михаил Васильевич объездил почти все старые русские города, подолгу работал в Угличе, Ростове Великом, Ярославле. Побывал и на Соловках. В храмах допетровской эпохи, в преданиях старообрядцев, в звонах уединенных монастырей и скитов, в древних руко-

писных книгах, во встречах с твердыми духом людьми глубинки черпал он и образы, и уверенность в неисчерпаемых силах народных. Постепенно Нестеров освобождался от налета мистицизма и религиозной экзальтации, проявившей себя наиболее выпукло, пожалуй, в уничтоженной потом картине «Чудо». По редчайшей сохранившейся черно-белой репродукции можно судить о замысле автора. Он изобразил обезглавленную женщину, простирающую руки над лужей крови, в которой плавают ее собственный лик с выражением странного экстаза.

Основными принципами своего творчества Нестеров сделал — уже окончательно — народность и православие, трактуемое, с одной стороны, как некую историческую национальную объединительную идею, а с другой — как поле для показа тончайших, музыкальных, порой таинственных движений человеческой души.

На выставках у работ Нестерова толпились люди разных чинов и званий. Здесь можно было увидеть священнослужителей в лиловых шелковых рясах, студентов в форменных тужурках, генералов в крестах и аксельбантах, рабочих в косоворотках и черных пиджаках, нарядных дам и скромно одетых курсисток. Написанное в разгар первой русской революции большое полотно «Святая Русь» вызвало столкновения и споры, породило целую литературу. Популярные искусствоведы М. Волошин и И. Грабарь дали малоприятные отзывы; мыслитель В. Розанов, хотя и сделал более глубокий анализ картины, признал ее несвоевременной, архаичной. Черносотенная пресса била в бубны и литавры. Могучий интеллект Л. Толстого и здесь оказался на высоте. Вперекор правым реакционерам писатель оценил «Святую

Русь» как панихиду православию.

На международной выставке в Мюнхене картина завоевала большую золотую медаль.

Нестеров был самостоятелен во многих видах живописи. Он положил начало новому типу пейзажа, который в среде художников и любителей получил прочное название «нестеровского». Михаил Васильевич не стремился к внешней красивости, к броским цветовым и композиционным эффектам. Он писал обычный смешанный лес, тонкие молодые березки, пригорки, поросшие сорными травами, да еще тихие речки и спокойное серое небо. Но спутать такой пейзаж уже невозможно ни с чем. Где, у кого так передано щемящее чувство русской природы, ее душа? Разве что в «Грачах» Саврасова.

Всю жизнь Нестеров вел напряженный интеллектуальный и нравственный поиск. В духовное окружение художника, в сферу культурных интересов входили почти все выдающиеся деятели русской культуры первой трети двадцатого века. Он общался с писателями Толстым и Горьким, с артистом Шаляпиным, с философами Булгаковым и Флоренским, с академиком Павловым и Северцовым, со скульпторами Шадром и Мухиной, с певицами Обуховой и Держинской. Неблагодарная задача перечислять, но как не сказать о выдающемся хирурге Юдине, об архитекторе Щусеве? Умышленно я не назвал имена друзей и коллег по кисти — их список включил бы в себя всех лучших художников России.

Протоиерей
АЛЕКСАНДР МЕНЬ

СЫН ЧЕЛОВЕЧЕС- КИЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ОТ ВИФЛЕЕМА
ДО КАПЕРНАУМА

Глава первая
«ВО ДНИ ЦАРЯ ИРОДА»
4 г. до н. э.

Перенесемся теперь мысленно в Иудею последних месяцев Иродова правления.

Жители Иерусалима, привыкшие, что их город часто посещают пилигримы из дальних стран, вероятно, не обратили внимания на караван чужеземцев, который двигался по его улицам зимой 750 года от основания Рима. Но вскоре о них заговорили, так как стало известно, что путешественники разыскивают царя Иудей, причем вовсе не Ирода, а другого, недавно родившегося. «Мы видели восхождение его звезды и пришли поклониться ему», — объясняли они. Оказалось, что это были восточные маги, обнаружившие в небе знак великого Властелина. То, что

Продолжение. Начало в № 6.

разыскивать его они пришли в Иерусалим, удивить никого не могло. Все слышали пророчества о таинственном Человеке из Иудеи, Которому надлежало покорить мир.

«Где родившийся царь иудейский?» — спрашивали волхвы, но вместо ответа испуганные люди торопились пройти мимо. Нужно было хоть немного знать о положении дел в Иерусалиме тех лет, чтобы понять, насколько вызывающим и неосторожным казался сам этот вопрос. Но путники, ехавшие издалека, едва ли догадывались о своей оплошности. Вероятно, они пребывали в полном неведении относительно всего, что творилось в Иудее при Ироде.

Жизнь этого монарха, прозванного льстецами Великим, могла бы дать сюжет для нескольких трагедий в духе «Макбета». Захватив власть при поддержке римлян и против воли народа, он тщетно пытался завоевать популярность. За тридцать три года его царствования, внешне блестящего, враждебность к Ироду только увеличилась.

Человек жестокий и честолюбивый, постоянно терзаемый страстями, Ирод был далек от религиозных проблем, которые волновали тогда иудеев. Дворцовые интриги и женщины, войны и строительство поглощали его целиком. При нем страна вновь получила автономию. Ирод покрыл ее десятками крепостей и воздвиг в городах множество зданий в западном стиле. Он с одинаковым усердием занимался сооружением театров, ипподромов, святилищ в честь своего покровителя Августа и ремонтом иерусалимского Храма. Правда, последний был предметом особенных забот царя. В своем тщеславии Ирод хотел затмить древнего Соломона. Он гордился Храмом, в который вложил огромные средства и который превратил в одно из чудес света. Однако даже этим он не мог завоевать доверия подданных.

Отец Ирода был иудейским сановником, а мать — арабского происхождения; законных прав на корону он не имел. Как все узурпаторы, царь страдал болезненной мнительностью, и ему всюду мерещилась измена. Хасмонеи, потомки свергнутой им династии, вызывали наибольшие опасения Ирода; поэтому он использовал любой повод, чтобы избавиться от них.

Роковую роль в судьбе царя сыграло то обстоятельство, что его жена Мариамна (кажется, единственное существо, которое он искренне любил) была княжной хасмонейского рода. В этой гордой и смелой красавице жил дух воинов, боровшихся за независимость страны. Она не умела скрывать своего презрения к мужу, а ее мать Александра, часто вмешиваясь в их жизнь, возбуждала тревогу и без того подозрительного Ирода.

Когда Александра, используя влияние египетской царицы Клеопатры, добилась для своего семнадцатилетнего сына звания первосвященника, она невольно толкнула его на гибель. Ирод заметил, что юноша стал пользоваться любовью в Иерусалиме, и не мог этого стерпеть. В 35 г. до н. э. во время праздников брата Мариамны утопили ночью на глазах у царя. Его конец был представлен как несчастный случай, но сестра и мать прекрасно понимали, что произошло в действительности.

В 30 году положение Ирода было прочным как никогда. После

ГЮСТАВ ДОРЭ. Звезда Майзена.

Актийской битвы, которая принесла Октавиану полноту власти, царь Иудеи получил надежный политический ориентир. Доверие и поддержка Августа обеспечивали незыблемость его трона. Но чем удачнее шли дипломатические дела Ирода, тем невыносимей становилась жизнь в его собственном доме.

К 29 году семейная драма достигла катастрофической точки. Ненависть Мариамны стала столь явной, что царь заподозрил и ее в причастности к заговору. И однажды, подстрекаемый родственниками, Ирод в припадке ярости вынес приговор той, что была ему дороже всего. Послушные судьи быстро согласились с волей царя.

На казнь Мариамна шла, не прося пощады, и держалась с удивительным достоинством. Мать же в страхе за свою участь публично поносила ее. Эта сцена привела в содрогание всех свидетелей последних минут царицы.

Ирод с трудом пережил роковой день. Когда все было кончено, он почти лишился рассудка. Его преследовал образ убитой, он без конца звал Мариамну по имени, кричал, чтобы ее привели к нему, напивался до бесчувствия, проводил ночи в оргиях, устраивал бешеные скачки, но призраки не оставляли его. Здоровье царя было настолько подорвано, что, казалось, он на пороге смерти.

Тем не менее Ирод поправился и с удвоенной энергией продолжил вакханалию убийств. Он казнил Александру, казнил мужа своей сестры и многих других близких и царедворцев.

Сыновей от Мариамны, Александра и Аристубула, прибыв-

ших из Рима после долгой отлучки, Ирод сначала принял радушно, но вскоре и они вызвали у него недоверие. Фальшивые письма, доносы, показания, вырванные под пытками у слуг, — все было пущено в ход в отвратительной игре, которая кончилась тем, что обоих князей повесили в Самарии.

Последние годы жизни Ирода были особенно мрачными. Хотя партия «иродиан» видела в нем идеального монарха, чуть ли не Мессию, он знал, что ненависть народа к нему только возросла. Эти настроения поддерживались в стране фарисеями, которые бойкотировали любые начинания царя. Многие из них были казнены за то, что предсказывали скорый закат преступного правления.

Легко вообразить, в какое смятение пришел семидесятилетний царь, когда узнал, что какие-то восточные послы расспрашивают в городе о «родившемся царе иудейском». Кто этот очередной претендент на престол? Какие силы стоят за ним?.. Самым неприятным в известии было для Ирода то, что он впервые слышал об этом очередном заговоре.

Встретившись с иностранцами, Ирод выяснил, что речь, по видимому, идет о Ребенке, Которого считают будущим Мессией. С такого рода посягательствами на свою власть царь не раз имел дело и понимал, что здесь нужны быстрота и решительность. Он стал выяснять у священников, где ожидалось рождение Мессии, и, когда ему назвали Вифлеем, послал туда волхвов, прося их сообщить подробные сведения о новоявленном царе иудейском. Меньше всего Ирода заботило исполнение библейских пророчеств. Помутившийся разум старика строил планы новой расправы.

Вифлеем был расположен недалеко от столицы. Когда чужеземцы прибыли в городок, там уже давно знали о таинственном Младенце, родившемся в укрытии для овец. Местные пастухи — первые, кто видел Его, — рассказывали о необыкновенных знамениях, которые привели их в пещеру.

Плотник Иосиф и Мария, родители Младенца, были выходцами из Галилеи; они появились в Вифлееме года полтора назад во время переписи, проводившейся в связи с присягой Августу.

Рассказывали, что, когда Мать пришла с Младенцем в Иерусалим для выполнения очистительных обрядов и посвящения первенца, Ее Сыну предсказали великое будущее. Прозорливый старец Симеон, взяв из рук юной Матери Дитя, принес благодарение Богу и сказал, что теперь может умереть спокойно, ибо видел Спасение, которое Бог «уготовал для просвещения язычников и славы Израиля». Праведник благословил изумленных родителей и добавил, обращаясь к Марии: «Вот Он лежит на падение и на восстание многих во Израиле и в знамение пререкаемое, Тебе же самой душу пройдет меч»¹.

Об этом пророчестве услышали многие находившиеся в храме. Те, кто ожидал «утешения Израилева», передавали его из уст в уста. Дошло оно, конечно, и до Вифлеема. Поэтому волхвы без труда смогли отыскать Иосифа и Марию. Войдя в их дом, они сложили у ног Ребенка свои дары и, поклонившись Ему, удалились...

Крещение Господне.

Ирод безрезультатно ждал вестей: маги предпочли идти на родину другим путем, минуя Иерусалим.

Убедившись, что его план не удался, царь решил разом покончить с предполагаемой опасностью. В Вифлееме был направлен отряд солдат с распоряжением умертвить там всех младенцев моложе двух лет.

В какой степени приказ был исполнен, неизвестно. Ирод, несомненно, давал его в глубокой тайне. Иосиф Флавий, писавший о тех временах, не упоминает о Вифлеемской трагедии. Впрочем, в его глазах она могла быть слишком незначительной в сравнении с бесчисленными зверствами Ирода.

Как бы то ни было, Тот, Кого искали убийцы, был уже далеко от города. Галилейская семья скрылась вскоре после ухода волхвов. Иосиф знал, что разумнее совсем покинуть пределы Иродовых владений, и отправился в Египет — один из ближайших центров, где жили евреи «рассеяния».

Таким образом мы видим, что с первых же дней мир встретил Мессию ненавистью и угрозами. Но это был не весь мир. Те, кто верил и ждал, кто был чист сердцем и полон надежд, встретили Христа иначе. Вифлеемские пастухи, старец Симеон и восточные мудрецы признали в Нем грядущего Царя.

Весной того же года тяжкая болезнь приковала Ирода к постели. Его продолжали мучить страхи, он то и дело выслушивал доносчиков, несколько раз менял завещание. Царю не давала покоя мысль, что народ с нетерпением ждет его конца. Узнав, что какие-то юноши, подстрекаемые раввинами, разбили на храме золоченого орла — эмблему Рима, он велел их немедленно арестовать и судить со всей строгостью. Невзирая на недуг, Ирод нашел в себе силы даже присутствовать на процессе. Обвиняемых приговорили к сожжению на костре, что вызвало бурю негодования в Иерусалиме.

Умиравшего царя увезли в Иерихон, где пытались лечить водами. Был момент, когда боли чуть не привели Ирода к самоубийству; его едва успели спасти. Шум и крики челяди донеслись до старшего сына царя, находившегося под стражей, тот решил, что отец скончался, и просил тюремщика освободить его. Но стражник донес об этом Ироду, и тот в ярости отдал приказ немедленно умертвить князя. А через пять дней смерть настигла и самого монарха.

Агония его была ужасна, он сыпал проклятиями, бредил новыми казнями. Говорят, будто он велел перерезать группу знатных заложников, чтобы хоть таким образом лишить народ радости и заставить его проливать слезы. День смерти Ирода стал впоследствии национальным праздником евреев.

Семья царя устроила ему пышные похороны. Облаченное в пурпур тело несли на золотых носилках. За ними в сопровождении гвардейцев шли его сыновья: Архелай, Антипа, Филипп и другие, родившиеся от многочисленных жен Ирода. Но не успели смолкнуть вопли наемных плакальщиц, как началась борьба за власть между наследниками. По завещанию Иорданская область и Галилея отходили к Антипе, земли к северу от

них — Филиппу, а иерусалимский трон, Иудея и Самария — Архелаю. Однако для утверждения раздела нужно было ехать в Рим. Перед отбытием царской семьи в городе вспыхнули беспорядки; народ требовал наказать соучастников преступлений Ирода. Архелай отверг все петиции и уехал, поручив Иерусалим римскому командованию, которое жестоко расправилось с восставшими. Тем не менее страна продолжала бурлить, а к императору отправились делегаты с просьбой о полном устранении ненавистной династии.

Август одобрил завещание Ирода. Каждый из трех его сыновей получил свою долю наследства. Но Архелай, вопреки его ожиданиям, вернулся домой без царского титула. Цезарь дал ему только звание «этнарха», правителя народа, хотя при этом обещал, что сделает его царем позднее, если он докажет свою лояльность сенату.

Глава вторая

НАЗАРЕТ

3 г. до н. э. — 27 г. н. э.

Когда известие о смерти Ирода достигло Египта, плотник Иосиф, надеясь, что опасность миновала, стал собираться на родину. Но он боялся преследований со стороны Архелая и не вернулся в Вифлеем. Он предпочел переселиться на Север, в небольшой городок *Назарет*, где еще прежде жил с Марией.

В те времена Галилея была густонаселенной областью, а географическое положение делало ее открытой всем ветрам мира. «Тут,— пишет Фредерик Фаррар,— были вблизи Финикия, Сирия, Аравия, Вавилон и Египет. Острова язычников и все славные страны Европы были почти видны за блестящими водами западного моря. Знамена Рима развевались на равнине... Фараоны и Птолеми, эмиры и арсакиды, судьи и консулы — все боролись за обладание этой прекрасной областью. Здесь блеснули копыта амалекитян, тряслась земля под колесницами Сезостриса, по ней шли македонские фаланги, здесь слышались удары широких римских мечей, здесь предназначено было раздаваться крикам крестоносцев, греметь артиллерии Англии и Франции. Казалось, что на этой равнине Изреэль приходили в столкновение Европа и Азия, иудейство и язычество, варварство и цивилизация, Ветхий и Новый Завет, история прошлого и надежды будущего»¹.

Впрочем, сам Назарет стоял в стороне от этих больших исторических дорог, в евангельскую эпоху он считался захолустным селением. Сложилась даже поговорка: «Может ли быть что доброе из Назарета?». И словно для того, чтобы опровергнуть все человеческие оценки, именно этот бедный поселок стал «отечеством» Христа; в нем прошла большая часть Его жизни. Почти четверть века Он ходил по его каменистым улицам и поднимался тропинками на окрестные холмы. Немногие знали о действительном месте Его рождения, но даже те, кто слышал об этом, называли Его *Ханоури*, Назарянином.

Если бы мы могли очутиться в Назарете тех лет, то увидели

ГЮСТАВ ДОРЕ. Иоанн Креститель в пустыне.

бы около сотни белых домов с плоскими крышами, разбросанных на горе, обрамленной виноградниками и оливковыми рощами. С пологих возвышенностей открывается живописная панорама, на которой, вероятно, не раз покоился взор Иисуса: голубые цепи гор, зеленые долины, засеянные поля.

Многое изменилось с тех пор, но природа Галилеи осталась почти такой же, как две тысячи лет назад. Путешественники в один голос утверждают, что Назарет и его окрестности — неповторимый уголок святой земли, его называют «горной розой» и «земным раем». Воздух высот чист и прозрачен. После зимних дождей назаретские склоны превращаются в сад; их покрывают разнообразные цветы самых нежных оттенков: лилии, горные тюльпаны, анемоны. Иисус любил цветы. Он говорил, что с ними нельзя сравнить даже украшения царя Соломона.

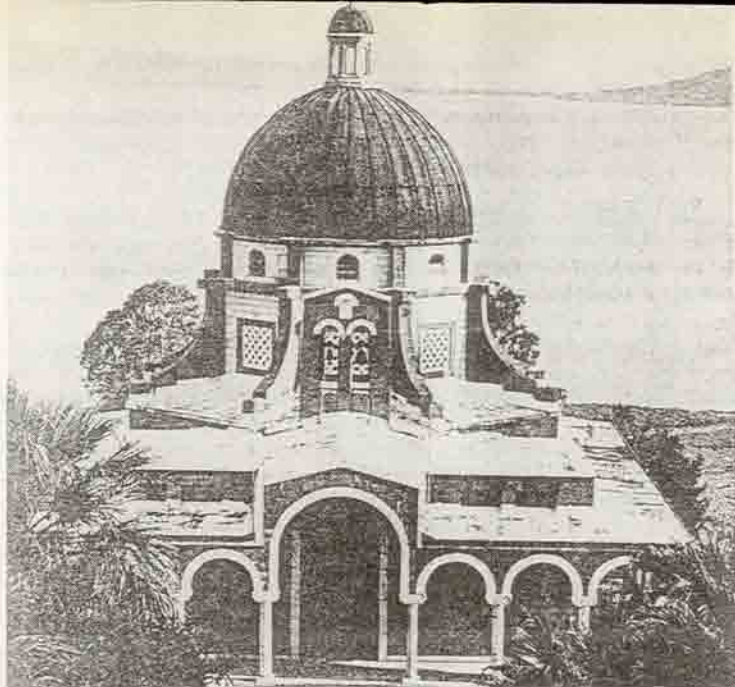
Весной поля Назарета оглашают трели жаворонков, далеко разносится воркование горлинок, в густой синеве неба прощывают стаи розовых пеликанов. Птицы, как и цветы, стали в речах Христовых образом души, возложившей свое упование на Бога. Он приводил их в пример суетным и многозаботливым людям.

Галилеяне — здоровые, сильные, непосредственные люди — в большинстве своем занимались сельским хозяйством. Они выращивали виноград, смоковницы, оливковые деревья, пасли на лугах коз и овец, обрабатывали поля. По утрам назаретские женщины шли с кувшинами к роднику, который и поныне снабжает округу водой. К нему же ходила Дева Мария. Колодец и сейчас носит Ее имя.

238 Как жила Она в Назарете? Как жил Иисус? Апокрифические легенды рассказывают об этих годах множество подробностей. Но мы не можем считать их достоверными, хотя бы уже потому, что они находятся в резком противоречии с евангельским духом. Матфей же и Лука, касаясь этого периода жизни Христа, предпочли сдержанный лаконизм и говорили лишь о том, что им было хорошо известно.

Только два факта, сообщаемых апокрифами, кажутся заслуживающими доверия. Они утверждают, что Иосиф умер, когда Иисусу было девятнадцать лет. Легенды же обычно склонны приводить символические числа. Иисуса во время Его общественного служения называли «Сыном Марии», а это значит, что Иосифа уже не было в живых. Согласно другому сказанию, Иисус, будучи подростком, пас овец. Интонации, которыми проникнуты Его притчи о пастухах, косвенно подтверждают это. Во всяком случае, назаретский Отрок постоянно видел людей, заботливо охраняющих свои стада. Видел Он и виноградарей, подвязывающих лозы, сеятелей на весенних полях, жнецов с серпами, срезающих колосья. Позднее все эти картины послужили образами для Его притч. Они переносят нас в мир тихого галилейского селения, который с юных лет окружал Иисуса.

По субботам семья Иосифа приходила в назаретский молитвенный дом, синагогу, где народ слушал Св. Писание и беседы

Здесь впервые прозвучали заповеди блаженств.

наставников. Чтец произносил славословия, а все присутствующие вторили ему. Иисус любил эти выражения искренней веры, и позднее в Его проповеди не раз прозвучат отголоски молитв, слышанных Им в Назарете с юных лет.

Но было бы неверно рисовать жизнь Галилеи в виде безмятежной идиллии. И там кипели страсти, и там мечтали о свободе. Народ находился под двойным и даже тройным гнетом: мытари выколачивали из него имперские подати, Иерусалим брал свою десятину, а местные землевладельцы притесняли крестьян. Люди, однако, верили, что рано или поздно восторжествует справедливость. Книги пророков, которые читали в синагогах, и апокалиптические писания, ходившие по рукам, вселяли надежду на скорый конец старого мира.

Когда умер Ирод, по Галилее прокатилось восстание. Его возглавил Иуда Гавлонит, предводитель партии **зилотов**, «ревнителей». Анархисты религиозного толка, Иуда и его единомышленник фарисей Садок отвергали любую власть над народом Божиим, кроме власти Самого Творца.

Толпы отчаянных галилеян, воодушевленных теократической идеей, образовали целую армию и с боем взяли город Сепфорис, где находился арсенал. Легионерам Квинтилия Вара с трудом удалось подавить мятеж. Сотни повстанцев были распяты на крестах.

В 6 году Архелай, который унаследовал пороки, но не государственные таланты Ирода, был смещен и отправлен в ссылку.

Управлять его землями стал первосвященник Иерусалима, а общий контроль над областью был передан прокуратору Копонно. Как и при Помпее, ее включили в состав сирийской провинции Рима. Антипа и Филипп, хотя и сохранили марионеточную власть тетрархов, оказались в еще большей зависимости от империи.

Сразу же после низложения Архелая губернатор Сирии Квинрий начал перепись по всей Палестине с целью установить размеры подати. Иуда Гавлонит, воспользовавшись этим, снова поднял Галилею против римлян, но скоро был убит в сражении. Его гибель не смогла, однако, угасить дух воинственного мессианизма. Правитель Галилеи Ирод Антипа, человек, больше всего на свете ценивший свой покой, терял его очень часто. Каждый раз, когда появлялся новый вождь, звавший народ к оружию, галилеяне немедленно устремлялись за ним, уповав, что в критический момент с неба сойдут ангелы и вместе с ними сокрушат римского орла. «Этих бойцов,— пишет Флавий,— никогда нельзя было упрекнуть в недостатке мужества»². Недаром шестьдесят лет спустя, когда армия Веспасиана шла через Галилею, ей приходилось брать штурмом почти каждую деревню.

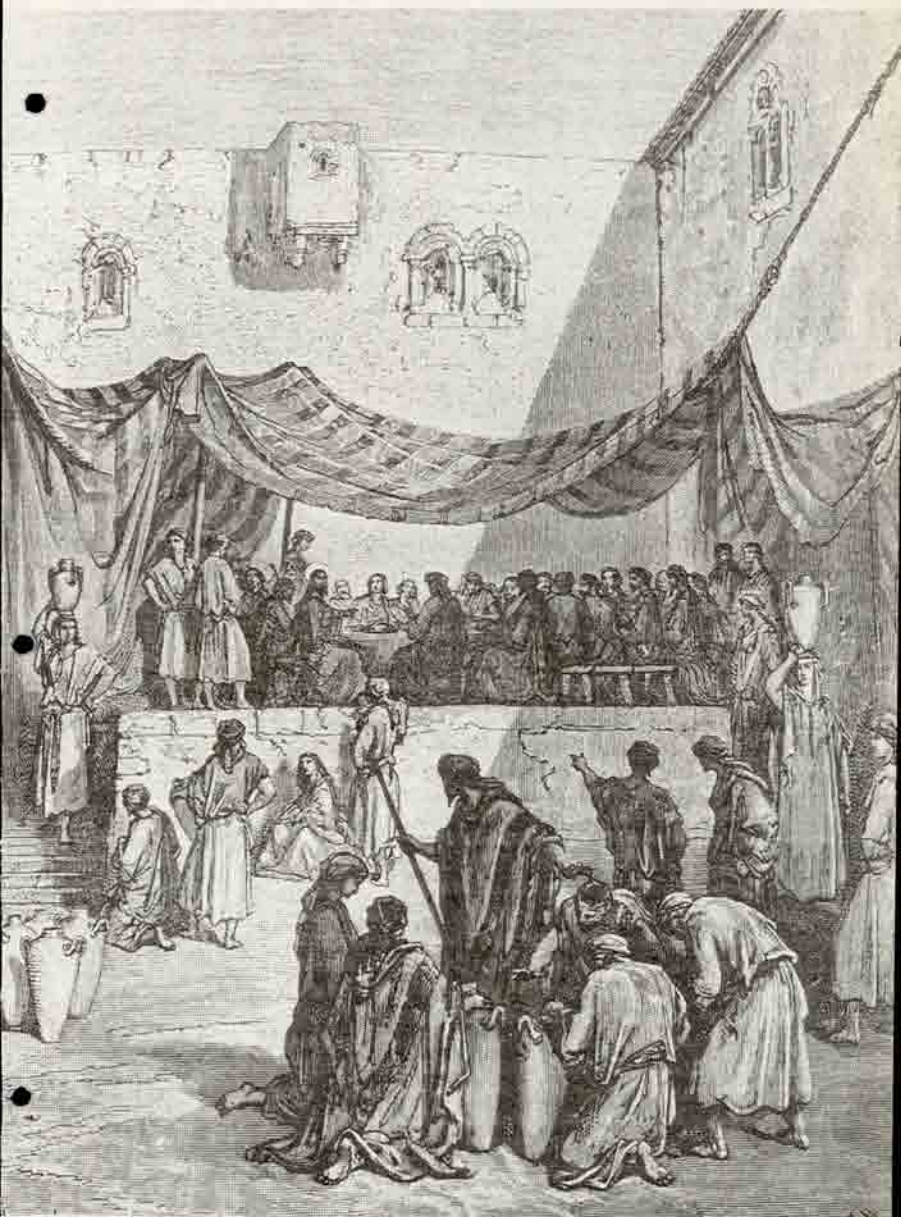
В доме Иисуса должны были знать о восстании Иуды, так как Сепфорис находился вблизи Назарета. Быть может, там появлялись некоторые из партизан, и Сын Марии видел их. Сам Он тоже будет говорить о свободе и владычестве Божиим, но между Ним и людьми, избравшими путь насилия, проляжет пропасть. В Назарете готовился духовный переворот, смысл которого останется непонятным зилотам.

Авторы апокрифов не скупилась на описание чудес, которыми в детстве якобы поражал всех Иисус. Но из Евангелий видно, что в то время Он ничем не обнаруживал превосходства над другими людьми и, напротив, как бы скрывал от посторонних Свою тайну. Лишь один раз Он дал понять родителям, что принадлежит не им, а иному, высшему миру. Это случилось в пасхальные дни, вероятно, незадолго до галилейского восстания.

Как и все набожные иудеи, Иосиф каждый год ходил в Иерусалим на праздник. Женщинам паломничество в обязанность не вменялось, но Мария, любившая Храм, всегда посещала святой город. Когда Ее Сын достиг церковного совершеннолетия, Она взяла Его с Собой.

В те дни по дорогам, ведущим к столице, тянулись пестрые вереницы людей, а над долинами звучало пение псалмов. В Иерусалим прибывали тысячи богомольцев, стража с трудом поддерживала порядок. Площадь храма была запружена толпами народа, непрестанно приносились жертвы, а вечером семьи собирались в домах для праздничной трапезы.

По окончании торжеств Иосиф и Мария отправились в обратный путь. Они шли вместе с родными и соседями, и поэтому первое время их не тревожило, что Иисуса нет с ними. Когда же они поняли, что Он остался в городе, то, охваченные смятени-

ГЮСТАВ ДОРЕ. Свадьба в Роне.

ем, поспешили в Иерусалим. Время было беспокойное, и сердце Марии сжималось в страхе.

В переполненном городе Сына было найти нелегко. Иосиф и Мария долго ходили по улицам, пока не пришли в одну из галерей, окружавших храм. Там обычно проводили время в богословских беседах и толковании Закона раввины и книжники. Среди них Мать и увидела Иисуса. Он сидел, слушая речи ученых и задавая им вопросы. Знатоки Писания изумлялись «разуму и ответам» безвестного галилейского Отрока, не учившегося в их школах...

— Дитя Мое,— воскликнула Мария,— почему Ты с нами так поступил? Вот отец Твой и Я с болью Тебя ищем.

— Что же вы искали Меня? — ответил Иисус.— Не знали вы, что Мне надлежит быть во владениях Отца Моего?

Казалось, внезапно Он стал далеким и загадочным, и Его слова вызвали у родителей замешательство. Они не поняли, что Он имеет в виду. Однако Иисус тут же поднялся и последовал за ними. Единственный раз неземной луч сверкнул из-за облака и скрылся. Он снова — обыкновенное Дитя, подобное прочим детям.

После происшествия в Иерусалиме Иисус, по словам евангелиста, жил «в повиновении» у родителей, «преуспевая в премудрости и возрасте и в любви у Бога и людей». Мария же «сохранила в сердце Своем» этот первый знак исполняющегося пророчества³.

242

Иисус не учился в богословской школе, как Его сверстники, имевшие религиозное призвание. Он стал плотником и каменщиком и после смерти Иосифа кормил Мать трудами Своих рук.

Евангелист Лука говорит, что окружающие любили Иисуса; но для них Он был лишь сельским юношей, хотя, быть может, несколько странным, часто погруженным в какие-то Свои, никому не ведомые думы. Зная Его близко, сталкиваясь с Иисусом почти каждый день, жители Назарета не замечали в Нем ничего сверхъестественного. Когда Он начал проповедовать Царство Божие, это застало их врасплох и повергло в искреннее удивление. По-видимому, среди земляков у Него не было доверенных друзей. Никто из них, кроме двух-трех женщин, не последовал за Иисусом.

Неверие назарян изумляло Самого Христа. По Его словам, они подтвердили пословицу: «Нет пророка в своем отечестве».

У Марии и Ее Сына было в городке много родных: сестра Марии с семьей, двоюродные братья и сестры Иисуса. Однако и эти люди в большинстве своем остались духовно далеки от Него. Их тесный мир ограничивался своей улицей, домом, работой. Позднее, узнав о проповеди и делах Иисуса в Капернауме, братья Его были встревожены и решили, что Он обезумел.

Душевное одиночество Иисуса отражают и не записанные в Евангелии Его слова: «Те, кто рядом со Мной, Меня не поняли»⁴. Единственным близким существом оставалась лишь Мать.

Евангелисты мало говорят о Ней; но даже если бы они не

сказали о Марии ни единого слова, это не умалило бы величия Матери Мессии. Он рос у Нее на глазах, Она давала Ему первые материнские уроки, Она была единственной свидетельницей совершавшегося в нем чуда.

Марии было открыто, что Ее Сын — Помазанник Господень, но нам сейчас трудно понять, как много нужно было духовных сил, чтобы сохранить веру в это; ведь мы смотрим в другой перспективе. Если же представить себе будничную назаретскую жизнь, то можно догадаться, что между Благовещением и Воскресением Мария прошла долгий путь испытаний.

Франсуа Мориак, тонкий знаток человеческой души, сделал попытку увидеть этот путь. «Ребенок становился юношей, взрослым человеком. Он не был велик, Его не называли Сыном Всевышнего; у Него не было престола, но лишь табуретка у огня в бедной хижине. Мать могла бы усомниться, но вот свидетельство Луки: «Мария сохраняла все в сердце Своем»... Она хранила пророчества в сердце и не говорила о них никому, быть может, даже Своему Сыну»⁵.

Становление любой личности, а особенно — необыкновенной, всегда загадка, тем более не дано нам проникнуть в тайну души Иисуса. Можем ли мы знать, о чем думал Он, работая в маленькой мастерской, о чем молился? Одно только кажется бесспорным: Он был свободен от конфликтов, которые с детских лет терзают человека; над Ним не имели власти демонические стихии. Если и знал Он внутреннюю трагедию, то рождали ее лишь одиночество, сострадание, боль от соприкосновения с миром зла, а не муки греха и борьбы с темными инстинктами. Об этом свидетельствует все, что известно о характере Иисуса.

Даже такой враждебный христианству ученый, как Давид Штраус, после длительных размышлений над Евангелием признал, что гармоничность духа Иисусова была не следствием внутреннего кризиса, а результатом естественного раскрытия заложенных в Нем сил. «Все характеры, — писал Штраус, — очищенные борьбой и сильными потрясениями, например, Павел, Августин, Лютер, сохранили неизгладимые следы такой борьбы, их образ дышит чем-то суровым, резким, мрачным. Ничего подобного нет у Иисуса. Он сразу предстает перед нами как совершенная натура, повинующаясь только своему собственному закону, признающая и утверждающая себя в своем сознании, не имеющая нужды превращаться и начинать новую жизнь»⁶.

В Нем не было чувства греховности, которое присуще каждому святому, не было ничего ущербного. Пусть даже часто Он оставался непонят и одинок, это не омрачало просветленности Его духа; Иисус постоянно был с Тем, Кого Он называл Своим Отцом.

Вероятно, в свободные от труда часы Иисус, как и позднее, в годы проповедничества, любил уходить в уединенные места, где среди тишины звучал в Нем небесный голос. Там, на холмах Назарета, незаметно готовилось будущее мира...

Кто мог знать об этом в то время? Римские политики не подозревали, что придет день, когда их потомки преклонят колена перед Плотником из далекой восточной провинции.

Великие и малые события сменяли друг друга. Германцы нанесли легионам поражение в Тевтобургском лесу; поочередно вспыхивали мятежи на Дунае и Рейне, в Галлии и Фракии. Умер Август, причисливший себя к сонму богов, а его наследником стал сумрачный и подозрительный Тиберий. Умерли Овидий, Тит Ливий, Гиллель. Родился Плиний Старший; философ Сенека вернулся в Рим из Египта. В Иудею был назначен пятый прокуратор — Понтий Пилат.

В Назарете же внешне все, казалось, протекало без перемен. Однако долгий подготовительный период жизни Иисуса близился к концу. Ему было около тридцати лет, когда, полный духовных и телесных сил, Он уже только ждал знака, чтобы бросить в мир первые семена Благой Вести.

И знак был дан.

Глава третья

ПРЕДТЕЧА.
ИИСУС В ПУСТЫНЕ
27 г.

244 Однажды группа людей, состоявшая из духовенства и книжников, вышла за ворота Иерусалима и отправилась по дороге, ведущей к берегам Иордана. Предпринять путешествие их побудил слух о молодом пустынноике **Иоанне**. За короткое время о нем стало известно по всей стране. Посольству было поручено выяснить, каковы притязания этого человека, чему он учит и не является ли он опасным возмутителем народа.

Иоанн называл себя «гласом вопиющего»*, что само по себе говорило о многом.

Пять веков назад, когда кончились дни изгнания и иудеи смогли вернуться из Вавилона, великий учитель веры Исайя Второй сложил гимн о Богоявлении. В нем описано пасхальное шествие через бесплодную пустыню, которая расцветает перед лицом Господним, превращаясь в сад. Впереди — глашатай. Он призывает расчистить путь Идущему.

С тех пор мессианские надежды связывались с этим видением. Ожидали, что предтечей Избавителя станет сам пророк Илия, который вновь будет послан на землю.

Жившие у Мертвого моря ессейские монахи уверяли, что роль глашатаев выпадет именно на их долю. Но им казалось, что мир слишком глубоко погряз в беззакониях и только «Сыны света» достойны встретить Мессию. Обитатели Кумрана смотрели на себя как на единственных избранных. История мира, по мнению ессеев, не удалась, и все, кроме них, обречены. Они жили за стенами своих поселков, пунктуально соблюдая обряды и веря, что только с ними будет заключен Новый завет, предсказанный пророком Иеремией.

* Т. е. голосом глашатая, вестника.

Конечно, и среди сектантов попадались люди, которых заботил жребий «сынов тьмы». Не каждый из них мог радоваться гибели мира или спокойно примириться с ней. Один из кумранских богословов писал: «Разве не все народы ненавидят Кривду?.. Разве не из уст всех народов раздается голос Истины?»¹. Но тут же он с горечью признавал, что на деле никто не следует правде Божией. А если так, то рассчитывать грешникам не на что. Святые должны оставаться на страже. Что им за дело, если нечестивцы получают по заслугам?..

Проповедь Иоанна, вероятно, привела ессеев в замешательство. Им не в чем было упрекнуть его, и тем более не могли они причислить отшельника к «сынам тьмы». Иоанн вел жизнь аскета, еще более строгую, чем кумранцы. Он одевался в грубую пастушескую власяницу из верблюжьей шерсти, хранил казореиские обеты, то есть не стриг волос и не пил вина. Его пищу составляли сушеная на солнце саранча и дикий мед. Однако этот пустынный не разделял холодного самодовольства ессеев, не отвернулся от мира, а стал проповедовать «всему народу израильскому».

Иоанн происходил из священнического сословия. Он рано потерял родителей, и его вырастили чужие люди. Весьма вероятно, что он был усыновлен не кем иным, как ессеями, которые нередко брали сирот на воспитание. Но когда Иоанну исполнилось тридцать лет, Бог призвал его покинуть пустыню. Ему было открыто, что на него возложена миссия стать «гласом вопиющего», предшественником Избавителя.

Из пустыни Иоанн пришел в соседнюю с ней долину Иордана, где и начал свою проповедь. «Покайтесь,— говорил пророк,— ибо близко Царство Небесное!». Его слова упали на подготовленную почву и сразу же нашли широкий отклик. К реке толпами шли люди из окрестных городов и сел. Шли книжники и солдаты, чиновники и крестьяне. Впечатление от речей и самого облика пророка было огромным. Он говорил о Суде над миром, и, казалось, все вокруг Иоанна дышало предчувствием близости великих событий.

Символом вступления в мессианскую эру Иоанн избрал обряд погружения в воды Иордана, реки, которая издревле считалась рубежом святой земли. Подобно тому как вода оmyвает тело, так и покаяние очищает душу. Когда язычник присоединялся к ветхозаветной церкви, над ним совершали тевила, омовение. Пророк же требовал этого от самих иудеев в знак того, что они родились для новой жизни. Поэтому Иоанна называли «Хаматвилем», *Крестителем*^{*}.

Многих израильтян задевало, что им предлагают пройти через омовение, словно они — новообращенные иноверцы. Разве принадлежность к народу Божьему не освящает сама по себе? Но Креститель, не колеблясь, объявил подобный взгляд заблуждением. Когда он увидел на берегу книжников, он заговорил

^{*} Слово «тевила» означает погружение, омовение; по-русски оно обычно переводится как «крещение».

с ними резко и сурово: «Отродье змеиное! Кто указал вам бежать от будущего гнева? И не думайте говорить сами себе: «отец у нас Авраам», ибо говорю вам, что может Бог из камней этих воздвигнуть Себе детей Авраама»². Не рождение делает сынами Завета, а верность заповедям Господним.

Иоанн упрекал в легкомыслии и тех, кто рассчитывал, что одного обряда тевилы уже достаточно для прощения грехов. Он требовал переоценки всей жизни, искреннего раскаяния. Перед крещением люди «исповедовали грехи свои». Но и этого было мало. Нужны были реальные результаты внутренней перемены. «Сотворите,— говорил пророк,— достойный плод покаяния!.. Уже топор лежит при корне деревьев; итак, всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубается и бросается в огонь»³.

Чего же хотел Иоанн? Призывал ли он народ бежать от мира и запереться в монастырских стенах? Это звучало бы вполне естественно в устах аскета. Но Креститель хотел большего: чтобы люди, оставаясь там, где живут, сохраняли верность слову Божию.

По свидетельству Иосифа Флавия, Иоанн учил народ «вести чистый образ жизни, быть справедливыми друг к другу и благоговейными к Предвечному»⁴. Подчеркивая важность этических норм Закона, Креститель тем самым следовал традиции древних пророков. Мало говоря о ритуалах, он ставил на первое место нравственный долг человека: «У кого две рубашки, пусть поделится с неимущим, у кого есть пища, пусть так же поступает»⁵. Пророк не предлагал солдатам бросать свою службу и говорил, что для них важнее избегать насилия и наущничества. Ко всеобщему изумлению он не осудил даже презираемое ремесло сборщиков налогов — мытарей, но требовал только, чтобы они не брали больше положенного. (Часто, собирая имперскую подать, мытари наживались за счет населения.)

В то же время по отношению к сильным мира сего Иоанн вел себя настолько независимо, что скоро вызвал недовольство. По преданию, Креститель однажды посетил Иерусалим и там выступил против членов Совета. Когда его спросили, кто он и откуда, Иоанн сказал: «Я человек, и жил там, где водил меня Дух Божий, питая меня кореньями и древесными побегами». На угрозу расправиться с ним, если он не перестанет смущать толпу, Иоанн ответил: «Это вам надо перестать творить ваши низкие дела и прилепиться к Господу Богу своему». Тогда оказавшийся в собрании ессей по имени Симон презрительно заметил: «Мы ежедневно читаем священные книги, а ты ныне вышел из леса, как зверь, и смеешь учить нас и соблазнять людей своими мятежными речами»⁶. После этого Креститель больше никогда не приходил в столицу.

Иоанн обычно жил вблизи Бетании, или Бетавары,— речной переправы, где и крестил проходящий к нему народ. Вскоре вокруг него образовалась община, которой Иоанн дал свои правила и молитвы. По имени мы знаем только двух из учеников Крестителя — Андрея из Вифсаиды и юношу Иоанна, сына

Зеведеева. Оба были рыбаками и пришли с берегов Галилейского моря.

Как смотрели иоанниты на учителя? Скорее всего они видели в нем эсхатологического Пророка, чей приход ожидался многими. Но у некоторых сложилось убеждение, что сам Креститель и есть обетованный Мессия.

Влияние Иоанна возрастало с каждым днем. В своих речах он стал затрагивать и Ирода Антипу, которому принадлежала Иорданская область. В результате, пишет Флавий, тетрарх «начал опасаться, как бы власть Иоанна над массами не привела к каким-нибудь беспорядкам»⁷.

Был встревожен и Синедрион, и именно поэтому на Иордан были отправлены священники с полномочиями от него.

— Кто ты? Не Мессия ли? — задали они вопрос Крестителю.

— Я не Мессия. — отвечал тот.

— Что же? Ты Илия?

— Я не Илия.

— Пророк?

— Нет.

— Тогда кто же ты, чтобы дать нам ответ пославшим нас? Что ты говоришь о самом себе?

— Я глас вопиющего: «В пустыне выпрямите дорогу Господу», как сказал пророк Исайя.

— Что же ты крестишь. — спросили его, — если ты не Мессия, и не Илия, и не Пророк?

И тогда они услышали ответ, полный смирения и веры, который ясно определил призвание Иоанна как *Предтечи Христа*:

— Я крещу водою, посреди же вас стоит Тот, Кого вы не знаете, Идущий за мною, Который впереди меня стал. Кому я недостоин развязать ремень обуви Его... Он будет крестить вас Духом Святым и огнем. Лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Свое и соберет пшеницу Свою в житницы, а мякину сожжет огнем неугасимым⁸.

Все поняли, что это значит. Мир должен пройти через огонь правды Божией, Иоанн же — лишь предвестник очистительной грозы.

О Мессии говорили уже давно, но только иорданский учитель возвестил, что дни Его прихода наконец *наступили*. Слушая Предтечу, народ постоянно «находился в ожидании». Многие знали, что Избавитель долго будет скрываться неузнанным, поэтому слова Иоанна: «Он стоит среди вас» — заставляли учащенно биться сердца.

В это самое время на берегу среди толпы появился Человек из Назарета.

Приход Его едва ли привлек внимание, тем более, что Он вместе с другими готовился принять крещение от Иоанна. Однако, когда Он подошел к воде, всех поразили странные слова пророка, обращенные к Галилеянину: «*Мне* надо креститься от Тебя».

Знал ли Иоанн еще прежде или только теперь почувствовал,

что перед ним не простой человек, а Некто, больший его самого? Ответ Иисуса: «Допусти сейчас, ибо так подобает нам исполнить всякую правду» — ничего не объяснил окружающим⁹. Хотел ли Он сказать, что «нам», людям, нужно начинать с покаяния? Хотел ли дать пример? Или смотрел на крещение как на акт, знаменующий начало Его миссии? Во всяком случае, для Иоанна эти слова имели определенный смысл, и он согласился совершить обряд.

Это была символическая встреча. Отшельник во власянице, с почерневшим от солнца, изможденным лицом, с львиной гривой волос, воплощавший собой тернистый путь дохристианской религии, а новое откровение приносил Человек, Который внешне, казалось, ничем не отличался от любого простолюдина из Галилеи.

В тот момент, когда Иисус стоял в реке и молился, произошло нечто таинственное. Впоследствии Иоанн говорил своим ученикам: «Я увидел Духа сходящего, как голубь, с неба, и Он пребыл на Нем. И я не знал Его, но Пославший меня крестить водою, Тот мне сказал: «На ком увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Он есть крестящийся Духом Святым». И я увидел и засвидетельствовал, что Он есть Сын Божий»¹⁰.

248

После крещения Иисус тотчас же покинул Бетанию и углубился в пустыню, лежащую к югу от Иордана. Там, в окрестностях Мертвого моря, среди голых, безжизненных холмов, где молчание нарушалось лишь плачем шакалов и криками хищных птиц, Он провел в посте более месяца. По словам евангелистов, в те дни на пороге Своего служения Он был «искушаем дьяволом».

Предстало ли Иисусу видение, как это обычно любят изображать художники, пытался ли кто-нибудь из обитателей пустыни увлечь Его на ложный путь, или все свершалось в душе Христовой незримо? Об этом не мог рассказать никто, кроме Самого Иисуса. Он поведал ученикам только суть происшедшего. Сатана предложил Мессии три собственных способа завоевать Мир. Первый заключался в том, чтобы привлечь массы обещанием земных благ. Накорми их, «сделай камни хлебами», и они пойдут за Тобой куда угодно, говорил искушитель. Но Иисус отказался прибегнуть к подобной приманке: «Не хлебом единым жив человек...».

В другой раз Назарянин стоял на высокой горе. У ног Его лежали пепельные зубцы скал, за которыми угадывались «царства мира сего». Где-то далеко двигались непобедимые римские легионы, плыли по морю корабли, волновались народные толпы. Что правит ими, что царит над миром? Не сила ли золота, не власть ли меча, не стихия ли эгоизма, жестокости и насилия? Кесарь потому лишь повелевает народами, что признал владычество темных начал в человеке. «Тебе дам всю эту власть, — сказал Сатана, — и славу их, потому что мне предана она, и я, кому хочу, даю ее». Стань таким, как повелители империй, и люди будут у Твоих ног. Подобного Мессию-воина ждали иудейские зилоты. Однако Иисус не уступил соблазну меча; не

для того пришел Он, чтобы идти по стопам порабитителей. «Отойди от Меня, Сатана,— был Его ответ,— написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи».

Из пустыни Иисус направился в Иерусалим. Но и там дух зла не отступал от Него. «Бросься вниз»,— предложил он, когда Христос стоял на одной из высоких храмовых площадок; ведь толпа, увидев человека, который упал на камни и остался невредим, наверняка сочтет Его великим чародеем. Но и путь кричащего чуда, по которому пошли как ложные мистики, так и поклонники «технических чудес», не мог быть принят Иисусом. Свою силу Он всегда будет стараться скрывать, избегая духовного насилия над людьми.

Евангелия говорят, что побежденный Сатана отступил от Христа «до времени». Иными словами, искушения не ограничились этими переломными днями Его жизни.

Возвращаясь в Галилею, Иисус на некоторое время снова остановился в Бетании. Когда Иоанн увидел Его, он сказал, обращаясь к окружающим его людям: «Вот Агнец Божий, Который берет грех мира»¹¹. Слово «Агнец» напоминало о пророках, которых преследовали и убивали, а в Книге Исаии Агнцем был назван слугитель Господень, Чьи муки совершатся ради искупления грехов человечества.

Креститель повторил свое свидетельство и в кругу близких учеников, после чего Андрей и Иоанн стали искать встречи с Иисусом. Однажды, увидев Его, они робко пошли за Ним, не зная, как начать разговор. Иисус обернулся и спросил:

— Чего вы хотите?

— Равви, где Ты живешь? — спросили они, немного растерявшись.

— Пойдемте и увидите.

Они пришли с Ним в дом, в котором Он остановился, и пробыли с Иисусом весь день. Мы не знаем, о чем беседовали они, но на следующий день Андрей отыскал своего брата Симона и с восторгом заявил: «Мы нашли Мессию...».

Поразительная весть мигом распространилась среди галилеян, которые пришли на Иордан. Некоторые колебались. Уж очень все было непохоже на предсказанное. Один из земляков Андрея, Нафанаил, недоверчиво качал головой: Мессия из Назарета? Но ему ответили просто: «Пойди и посмотри». Нафанаил согласился, и первые же слова Назарянина пронзили его душу. Намек, обнаруживший прозорливость Иисуса, рассеял все сомнения.

— Равви, Ты Сын Божий, Ты Царь Израилев! — воскликнул Нафанаил.

— Истинно, истинно говорю вам,— сказал в ответ Иисус,— увидите небо открытым и ангелов Божиих, восходящих и нисходящих на Сына Человеческого.

Он не произнес слова «Мессия», однако выражение «Сын Человеческий» было им понятно; оно означало, что новый Учитель — Тот, Кого все давно с нетерпением ждали.

Скорее всего, эти простосердечные люди решили, что найден-

ный ими Царь скрывается лишь до поры до времени, но придет час, и вокруг Него сплотятся смелые люди, силы небесные возведут Его на престол, а они, первыми узнавшие Христа, стяжают славу в мессианском Царстве...

Итак, на Север Иисус пришел уже не один, а в сопровождении приверженцев.

Глава четвертая

ГАЛИЛЕЯ. ПЕРВЫЕ УЧЕНИКИ.

Весна 27 г.

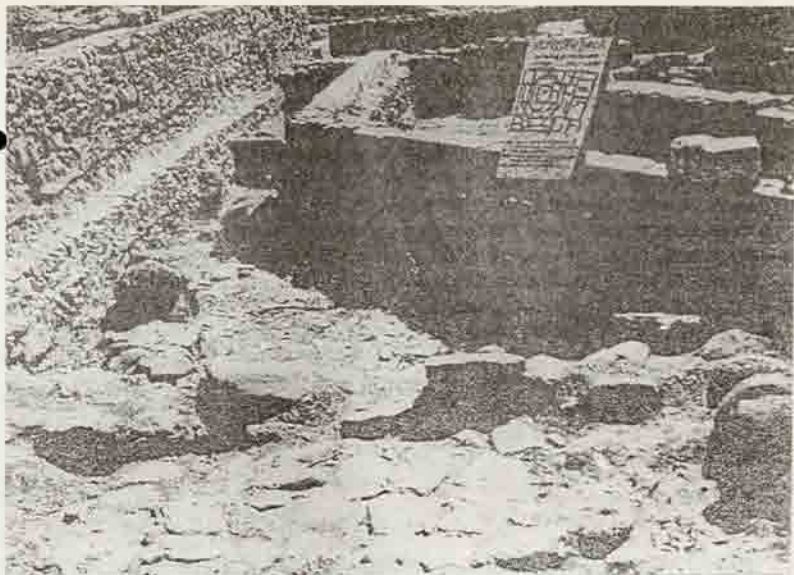
Вначале могло показаться, что проповедь Христова была лишь продолжением миссии Иоанна Крестителя. Оба говорили о близости Царства Божия, оба звали народ к покаянию и приняли в качестве обряда водное крещение. Тем не менее некоторое различие между двумя учителями стало заметным сразу. Если Иоанн ждал, пока к нему соберутся слушатели, то Иисус сам шел к людям. Он обходил города и селения; по субботам Его речь звучала в молитвенных домах, а в остальные дни — где-нибудь на холме или у моря, под открытым небом. Иной раз толпа бывала настолько велика, что Иисус садился в лодку и оттуда обращался к расположившемуся на берегу народу.

Живя в Галилее, Учитель неизменно вставал рано и часто встречал восход на уединенных вершинах. Там ученики находили Его и просили продолжать беседы с пришедшими. День Иисуса был заполнен напряженным трудом: до самой темноты за Ним по пятам следовали больные, ожидая облегчения недугов, верующие жадно ловили Его слова, скептики задавали нелепые вопросы или вступали с Ним в споры, книжники требовали разъяснения трудных мест Библии. Порой Иисусу и Его ученикам некогда было поесть. Однако в Евангелиях только дважды говорится, что Учитель сильно устал. Обычно же мы видим Его неутомимым и полным энергии. «Пища Моя,— говорил Он,— творить волю Пославшего Меня и совершать Его дело».

Нас не должно удивлять, что не сохранилось изображений Христа, сделанных Его современниками. Ведь не существует достоверных портретов ни Будды, ни Заратустры, ни Пифагора, ни большинства других религиозных реформаторов, а в Иудее вообще не было принято изображать людей.

Первохристиане не сохранили памяти о внешних чертах Иисуса; им прежде всего был дорог духовный облик Сына Человеческого. «Если мы и знали Христа по плоти,— говорил ап. Павел,— то теперь уже не знаем»¹.

Самые ранние фрески, где лик Иисуса представлен таким, каким он окончательно установился в церковном искусстве, относятся ко II или даже III веку. Трудно сказать, насколько этот образ связан с устной традицией. Но, во всяком случае, Учитель, совершавший долгие переходы под знойным солнцем Палестины, руки Которого знали тяжелый физический труд, едва ли походил на Христа итальянских мастеров. Он одевался

Развалины дома Симона Петра в Капернауме.

не в античную тогу, а в простую одежду галилеян — длинный полосатый хитон и верхнюю накидку; голова Его, вероятно, была всегда покрыта белым платком с шерстяной перевязью.

В русской живописи XIX века наиболее достоверен внешний облик Христа у В. Д. Поленова, но его картины не передают той духовной силы, которая исходила от Сына Человеческого.

Именно ее и запечатлели евангелисты. В их рассказах чувствуется покоряющее воздействие Иисуса на самых разных людей. Он почти молниеносно завладел сердцами Своих будущих апостолов. Храмовые стражи, которых послали задержать Назарянина, не смогли выполнить приказ, потрясенные Его проповедью. Было в Нем нечто, заставлявшее даже врагов говорить с Ним почтительно. Книжники называли Его «Равви», Наставник. У Пилата один вид и немногие слова Иисуса вызывали против воли тайное уважение.

Какая-то волнующая загадка, необъяснимая притягательность создавали вокруг Него атмосферу любви, радости, веры. Но нередко учеников охватывал рядом с Иисусом священный трепет, почти страх, как от близости к Непостижимому. При этом в Нем не было ничего жреческого, напыщенного. Он не считал ниже Своего достоинства прийти на свадьбу или делить трапезу с мытарями в доме Матфея, посещать фарисея Симона, Лазаря. Меньше всего Он походил на отрешенного аскета или угрюмого начетчика. Святоши говорили о Нем: «Вот человек, который любит есть и пить вино».

Рассказывают, что один средневековый монах проехал мимо

живописного озера, не заметив его. Не таков Иисус. От Его взгляда не ускользают даже житейские мелочи; среди людей Он дома.

Глубоко человеческим рисуют Христа евангелисты. На глазах Его видели слезы, видели, как Он скорбит, удивляется, радуется, обнимает детей, лобуется цветами. Речь Его дышит снисходительностью к слабостям человека, но Своих требований Он никогда не смятает. Он может говорить с нежной добротой, а может быть строг, даже резок. Подчас в Его словах мелькает горькая ирония («отцеживают комара и проглатывают верблюда»). Обычно кроткий и терпеливый, Иисус беспощаден к ханжам; Он изгоняет из Храма торговцев, клеймит Ирода Антипу и законников, упрекает в маловерии учеников. Он спокоен и сдержан, порой же бывает охвачен священным гневом. Тем не менее внутренний разлад чужд Ему. Иисус всегда остается Самим Собой. За исключением нескольких трагических моментов, ясность духа никогда не покидает Христа. Находясь в гуще жизни, Он одновременно как бы пребывает в ином мире, в единении с Отцом. Близкие люди видели в Нем Человека, Который желает лишь одного: «творить волю Пославшего Его».

Христос далек от болезненной экзальтации, от иступленного фанатизма, свойственных многим подвижникам и основателям религий. Просветленная трезвость — одна из главных черт Его характера. Когда Он говорит о вещах необыкновенных, когда зовет к трудным свершениям и мужеству, то делает это без ложного пафоса и надрыва. Он мог запросто беседовать с людьми у колодца или за праздничным столом, и Он же мог произнести потрясшие всех слова: «Я — Хлеб жизни»: Он говорит об испытаниях и борьбе, и Он же повсюду несет свет, благословляя и преображая жизнь.

Писателям никогда не удавалось создать убедительный образ героя, если портрет его не оттенялся недостатками. Исключения составляют евангелисты, и не потому, что были непревзойденными мастерами слова, а потому, что они изображали непревзойденную Личность.

Нельзя не согласиться с Руссо, утверждавшим, что выдумать евангельскую историю было невозможно. По мнению Гете, «все четыре Евангелия подлинны, так как на всех четырех лежит отблеск той духовной высоты, источником которой была личность Христа и которая является божественной более, чем что-либо другое на земле»³.

В противоположность отшельникам Кумрана, Иисус не отворачивался от мира, не прятал от него сокровищ духа, а щедро отдавал их людям. «Когда,— говорил Он,— зажигают светильник, не ставят его под сосуд, но на подсвечник, и светит всем в доме»⁴. Слово Божие должно быть «проповедано на кровлях» — такова Его воля.

Древнееврейский язык к тому времени чаще употреблялся как литературный. Для разговоров же обычно пользовались арамейским наречием. Именно на нем говорил Христос, беседуя с народом. Об этом свидетельствуют арамейские слова и выражения, сохранившиеся в Новом завете.

В Своей проповеди Иисус прибегал к традиционным формам священной библейской поэзии. Нередко слова Его звучали величественным речитативом, напоминая гимны древних пророков. Кроме того, Он следовал приемам книжников: выражался афоризмами, ставил вопросы, не пренебрегал и логическими доводами. Особенно любил Иисус примеры из повседневной жизни — **притчи**. В них наиболее полно запечатлелось Его учение.

Притчи издавна были известны в Израиле, но Иисус сделал их основным способом выражения Своих мыслей. Он обращался не к одному интеллекту, а стремился затронуть все существо человека. Рисуя перед людьми знакомые картины природы и быта, Христос нередко предоставлял самим слушателям делать выводы из Его рассказов. Так, избегая абстрактных слов о человеческом братстве, Он приводит случай на иерихонской дороге, когда пострадавший от разбойников иудей получил помощь от иноверца — самарянина. Подобные истории западали в душу и оказывались действеннее любых рассуждений.

Побережье Галилейского моря, куда пришел Иисус, впоследствии сильно пострадало от войн; только сравнительно недавно этот край стал обретать прежний облик. В евангельские же времена Генисарет отличался, по словам Флавия, «изумительной природой и красотой». Фруктовые сады, пальмы и виноградники окаймляли голубые воды. За оградами росли акации, олеандры, миртовые кустарники с белыми цветами. Урожай снимали в течение всех месяцев. Озеро давало обильный улов. Днем и ночью его поверхность была усеяна рыбацкими лодками.

Есть глубокий смысл в том, что проповедь Евангелия оказалась тесно связанной с этой страной. Весть о Царстве Божиим впервые прозвучала не в душных, пыльных столицах, а у берегов лазурного озера, среди зеленеющих рощ и холмов, напоминающая о том, что красота земли есть отражение вечной красоты Неба.

Вокруг Генисарета тянулся ряд небольших приморских городков, из которых Иисус отдал предпочтение **Капернауму**. Евангелисты даже называют Капернаум «Его городом». Там, рядом с синагогой, построенной римлянином-прозелитом, жил Он в доме Симона, брата Андрея; отсюда Иисус шел проповедовать, направляясь по берегу в Вифсаиду, Хоразин, Магдалу, отсюда ходил на праздники в Иерусалим и туда возвращался. В Капернауме люди стали свидетелями Его первых исцелений и видели, как Он одним словом остановил конвульсии одержимого, который кричал: «Оставь! Что Тебе до нас, Иисус Назарянин? Ты пришел погубить нас! Знаю Тебя, Кто Ты, Святой Божий!..»

Родные Иисуса, узнав о Его проповеди и чудесах, решили, что Сын Марии «вышел из себя». Они поспешили в Капернаум, желая силой увести Иисуса обратно в Назарет; но им так и не удалось проникнуть в дом, который буквально осаждался народом.

С тех пор Марии было уже тягостно оставаться среди назарян, которые смотрели на Иисуса как на безумца. Было выска-

зано предположение, что она переселилась на время в Кану, где какие-то люди, вероятно, родственники, дали Ей приют.

Однажды, когда в их семье справляли свадьбу, туда был приглашен Иисус с учениками, и Мать смогла вновь увидеть Его.

В самый разгар скромного торжества, к великому огорчению и стыду хозяев, кончилось вино. Очевидно, все лавки уже закрылись, и нечем было угощать собравшихся. Мария, заметив это, обратилась к Сыну: «Вина нет у них».

На какую помощь Она надеялась? Или просто ждала слов ободрения? Кажется непонятным и ответ Иисуса, произнесенный как бы со вздохом: «Что Мне делать с Тобой? Час Мой еще не пришел» — так примерно можно передать смысл Его слов. Тем не менее Мария поняла, что Он все же готов как-то помочь, и сказала слугам: «Сделайте все, что Он вам скажет». Иисус велел налить воды в большие каменные чаны, предназначенные для омовений, и, почерпнув из них, нести распорядителю пира. Слуги в точности исполнили странное приказание, и когда распорядитель попробовал напиток, то, поразившись, сказал жениху: «Хорошее вино всегда подают сначала, а ты сберег его до сих пор...»

Так проявление власти Христа над природой началось не устрашающими знаменьями, а за праздничным столом, под звуки свадебных песен. Он употребил ее, чтобы не омрачился день веселия, как бы невзначай. Ведь Он пришел дать людям радость, полноту и «избыток» жизни⁵.

Галилейские рыбаки были глубоко поражены происшедшим в Кане. Евангелист Иоанн говорит, что именно с этого момента они по-настоящему уверовали в Иисуса. И когда однажды, найдя их на берегу, Он позвал их следовать за Собой, они без колебаний оставили свои сети и отныне целиком принадлежали только Учителю.

Новообразованная община, которую несколько лет спустя стали называть «Назорейской», в отличие от орденов Будды или св. Франциска, не была нищенствующей. Она располагала средствами и была даже в состоянии оказывать помощь бедным. Деньги поступали от учеников и принадлежали всему братству. Этот принцип был позднее усвоен Иерусалимской Церковью.

Вероятно, все первые последователи Иисуса были молоды. Старшинство принадлежало рыбаку родом из Вифсаиды — **Симону бар-Ионе***. Его имя стоит в начале каждого списка апостолов. Когда Учитель о чем-либо спрашивал учеников, Симон обычно отвечал за других. Христос дал ему прозвище **Кифа**, камень, что по-гречески звучит как Петр. Смысл этого имени Иисус объяснил Своему ученику позднее. Порывистый темперамент сочетался в Симоне с робостью. Но он больше остальных учеников был привязан к Наставнику, и эта любовь помогала Петру побеждать свойственное ему малодушие.

Симон жил в Капернауме с братом, женой и ее матерью. Иисус постоянно пользовался их гостеприимством и лодкой Петра. Дом Симона надолго стал Его домом.

* Т. е. сыну Ионы (в некоторых рукописях «сын Иоанна»).

Петра привел к Учителю его брат **Андрей**, о котором мы знаем так же мало, как и об **Иакове**, сыне рыбака Зеведея. Зато другой сын Зеведея, **Иоанн**, младший из апостолов, обрисован в Евангелиях полнее. Вероятно, он походил на свою мать Саломею, энергичную, искренне верующую женщину, которая впоследствии тоже присоединилась к Иисусу. Слушая проповеди Крестителя, Иоанн проникся убеждением в близости Царства Мессии. Юноша «не книжный и простой», он, однако, был, по-видимому, знаком с учением **есеев**, что углубило в нем апокалиптическую настроенность. Он хотел видеть в Иисусе громовержца, Который будет поражать молниями Своих врагов. Иоанн и Иаков втайне мечтали занять первые места у трона Христова. Иисус называл обоих братьев **Бенереgez**, «сынами грозы»⁶. Пылкий Иоанн стал Его любимым учеником.

В Капернауме у берега находилась таможня. Посетив ее, Иисус встретил там мытаря **Левия**, по прозвищу **Матфей**, и сказал ему: «Следуй за Мной». Матфей не только сразу же присоединился к назаретскому Учителю, но и привел к Нему и других мытарей. Позднее этот человек, вероятно, первым начал записывать слова Христовы.

Кроме четырех генисаретских рыбаков и Матфея, в ближайший круг приверженцев Иисуса вошли **Нафанаил бар-Толомей*** из Каны, его друг **Филипп**, житель Вифсаиды, лучше других владевший греческим языком, **Симон Зилот**, который оставил ради Христа партию воинствующих экстремистов, рыбак **Фома**** , а также **Иуда Фаддей** и **Иаков Алфеев**. Все они происходили из Галилеи, южанином был только уроженец города Кериота **Иуда бар-Симон**. Последнему Иисус поручил хранение денежных средств Своей общины. Тем самым Он, быть может, хотел подчеркнуть Свое доверие к Иуде.

Имя этого человека давно символом низости и вероломства. Однако сомнительно, чтобы Христос желал приблизить к Себе морального урода, существо нравственно безнадежное. Вероятно, представления Иуды о деле Учителя были превратными, но в этом он мало отличался от Петра и других апостолов. Всем им было трудно преодолеть иллюзии, прочно укоренившиеся в сознании. Многие ученики отошли от Иисуса, когда стало ясно, что Он не таков, каким они воображали Мессию. Драма Иуды также была связана с потерей веры в Учителя. Но разочарование родило в нем чувство озлобленности и толкнуло на предательский шаг. Быть может, таким образом он желал отомстить за разрушенные честолюбивые планы. Во всяком случае, считать, что Иудой руководила только алчность, значит неправомерно упрощать евангельскую трагедию.

Все евангелисты утверждают, что эти люди, которых Иисус приблизил к Себе, первое время плохо понимали Его Самого и Его цели. Подчас им было трудно уловить даже простую мысль

* Греч.: Варфоломей.

** Фома (арам.), или Дидим (греч.), т. е. Близнец.— вероятнее всего, прозвище. Согласно древним свидетельствам, имя апостола было Иуда.

Учителя. Это, конечно, должно было огорчать Иисуса, но Он терпеливо воспитывал учеников и радовался каждый раз, когда что-то прояснялось для них. «Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли,— восклицал Иисус в такие моменты,— что Ты скрыл это от мудрых и разумных и открыл это младенцам!»⁷. Если бы Благая Весть была сначала вручена «мудрецам», возникла бы опасность, что ее суть останется затемненной. Так произошло сто лет спустя, когда новую веру приняли восточные оккультисты и переплели христианство с гностической теософией. В подлинной же чистоте Евангелие смогли сохранить именно простецы, чуждые гордости и «лидерства», не отравленные сухой казуистикой и метафизическими теориями, люди, которые внесли в учение Иисуса минимум своего. Личность, мысль, воля Господа были для них единственным и самым дорогим сокровищем.

Иисус любил эту духовную семью и ставил Свою связь с ней выше кровного родства. Когда во время большого скопления народа Учителю сообщили, что снаружи у ворот Его ждут Мать и братья, Он указал на учеников: «Вот мать Моя и братья Мои...»

Постепенно молва о галилейском Наставнике и Учителе распространилась по всей округе. За Иисусом постоянно следовали толпы. Стоило Ему удалиться, чтобы побыть одному, как ученики находили Его: «Все ищут Тебя». И тогда Иисус снова и снова шел к ожидавшим Его.

Но были и в этой подвижнической жизни редкие дни или, вернее, часы покоя. Когда думаешь о них, невольно представляется вечер на берегу Геннисарета. Солнце заходит за городом. Массивный силуэт синагоги резко выделяется на фоне заката. Вечер чуть шевелит тростник и ветки деревьев. На востоке раскинулись фиолетовые холмы. Издали доносится пение возвращающихся домой рыбаков.

Иисус сидит на прибрежных камнях, глаза Его обращены к затихшей глади воды. Появляются Симон и другие ученики. Они молча останавливаются, боясь потревожить Учителя. А Он сидит неподвижно, погруженный в молитву, озаренный тихим вечерним светом. Понимают ли, догадываются ли ученики, глядя в этот момент на Иисуса, что в Нем откроется им то Высшее, что созидает и движет Вселенную?..

Коротки южные сумерки, и вот уже над морем загораются звезды. Все идут в дом Симона. Комната освещена колеблющимся огнем глиняной лампы; у стола собрались Учитель и ученики. Женщины подают скромный ужин. Иисус произносит благодарственную молитву и преломляет хлеб. Он говорит о Царстве, ради которого нужно смело и решительно оставить все; тот же, кто «взялся за плуг и оборачивается назад», для дела Божия непригоден.

У Симона, наверно, есть много вопросов, но он робеет, хотя готов идти за своим Господом на край света. Глаза Иоанна сверкают; в его уме проносятся видения всемирного Суда и образ Сына Человеческого, увенчанного короной Давида...

Иисус продолжает говорить.

Над Капернаумом спускается ночь.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1

¹ Лк 2, 22 сл. Слова «падение и восстание» указывают на тех, кто примет или отвергнет Мессию. «Знамение пререкаемое» означает чудо, явление, которое вызовет пререкания и споры.

Глава 2

¹ Ф. Фаррар. Жизнь Иисуса Христа. СПб., 1904, с. 120.

² И. Флавий. Иудейская война. III, 3, 2.

³ Лк 2, 41—52. Поясняя слова «преуспевал в премудрости и возрасте», св. Иустин говорит, что Иисус «рос, как растут все люди, отдавая должное каждому возрасту» (св. Иустин. Диалог с Трифоном, 88).

⁴ Эти слова сохранились в апокрифических «Деяниях Петра» (гл. X). По мнению видного современного специалиста по Новому Завету И. Иеремияса, они скорее всего подлинны.

⁵ N. F. Mauriac. La vie de Jésus. Paris, 1962, p. 33.

⁶ Д. Ф. Штраус. Жизнь Иисуса. М., 1909, т. 1, с. 195.

Глава 3

¹ Книга Тайн. 8—11.

² Мф 3, 7—9. Здесь игра слов «банаяя» и «абнаяя», сыновья и камни.

³ Мф 3, 8, 10.

⁴ И. Флавий. Арх. XVIII, 5, 2.

⁵ Лк 3, 10 сл.

⁶ См. славянскую версию «Войны» Флавия, II, 2. Присутствие ессея на Совете было вполне возможным. Некоторые из них жили в городах и пользовались влиянием. Ирод покровительствовал им. Одного из ессеев, Менахема, он даже сделал главой раввинского Совета. И. Флавий. Арх. XV, 10, 5.

⁷ И. Флавий. Арх. XVIII, 5, 2.

⁸ Ин 1, 19 сл.; Лк 3, 16—17; Мф 3, 11—12.

⁹ Мф 8, 14—15.

¹⁰ Ин 1, 32—34.

¹¹ Ин 1, 29 сл. Из общего контекста Ин явствует, что это свидетельство Предтечи было произнесено перед уходом Иисуса в Галилею и, следовательно, уже после пребывания Его в пустыне. Фактически IV Евангелие начинает рассказ с событий, происходивших после крещения Христова и Его искушения от дьявола.

Глава 4

¹ 2 Кор 5, 16.

² Лк 7, 34.

³ И. П. Эккерман. Разговоры с Гете. М., 1934, с. 847.

⁴ Мф 5, 15.

⁵ Ин 10, 10.

⁶ Это арамейская транскрипция слова «Воанергес» (Мк 3, 17). Причина прозвища может быть объяснена эпизодами вроде того, что приводится у Лк 9, 51—56. «Некнижным простецом» называет Иоанна Лука (Деян. 4, 13). На знакомство апостола с кругом ессееских идей указывают все писания, носящие его имя.

⁷ Мф 11, 25.

Продолжение следует.

На вопросы
журнала «Смена»
отвечает
председатель
Гостелерадио СССР
МИХАИЛ МЕНАШЕВ.

ЧТО МОЖЕТ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

— Михаил Федорович, говорят, Вы хорошо играете в теннис.

— Увы, в теннис я играю плохо и редко. Нет времени. А вот бегом занимаюсь около двадцати лет. Каждое утро, в любую погоду. Это мое увлечение еще с тех пор, когда жил на Урале. С того времени, как я перешел из института с преподавательской работы в Магнитогорский горком партии. Нагрузки увеличились, и бег помогал их преодолевать. Бег поддерживает не только физическую, но и моральную форму.

Встаю в половине седьмого. Каждый раз, особенно когда на дворе дождь, снег — кому охота выходить на улицу! — это победа над собой. Выходишь, бывает, с тяжелым настроением: мало ли какой был день вчера — неприятная встреча или разговор, а возвращаешься бодрым. Мне исполнилось шестьдесят лет, а чувствую себя хорошо, силы есть.

— Вы преподавали в институте, работали секретарем Магнитогорского горкома партии, секретарем Челябинского обкома, главным редактором газеты «Советская Россия», теперь возглавляете Гостелерадио. В какой области Вы себя считаете профессионалом?

— Прежде всего я педагог-просветитель.

— А какой период был все же самым интересным в Вашей жизни?

— Работа в газете. Каждый день видишь результат своей деятельности — плохой или хороший. Журналистика — одна из немногих профессий, где желание увидеть, что ты конкретно за день сделал, реализуется.

Берешь в руки только что принесенную из типографии газету. — разложишь на столе, гладишь... Это все равно что рождение ребенка. И эта радость — каждый день. И понимаешь, есть за что по-

страдать, выдержать испытания.

— Каково Ваше жизненное кредо?

— У меня было два деда. Они говорили мне: надо жить так, чтобы, когда ты ложишься спать, тебе не было стыдно перед собой. От окружающих можно что-то скрыть, а вот от себя ничего не скроешь. Наверное, это и есть то главное, что должно нас подталкивать. — вопрос к себе: а то ли ты делаешь?

— Когда Вы в конце 70-х — начале 80-х, то есть в разгар застоя, работали в «Советской России», к этой газете резко вырос читательский интерес, она была одной из самых острых центральных газет. Какой ценой это давалось?

— Время, когда мы начинали создавать свою «Советскую Россию» — шел 1978 год, — было и сложнее, и проще. Проще, во-первых, тем, что очень уж стандартными были многие газеты. Поэтому на таком фоне сделать газету, отличающуюся от других, было все-таки легче, чем сегодня.

Убежден, что в коллективе большинство должны быть единомышленниками, но для остроты нужны и инакомыслящие. И в редакции у нас были люди, не разделявшие моих взглядов. Зайцы потому хорошо бегают, что существуют волки. Они обленятся до предела, если волков не будет. Это надо иметь в виду, ибо, когда коллектив однообразен и все хотят только одного, продвижение вперед весьма затруднительно.

Да, в ту пору сложнее было говорить правду, критиковать: ощущалось сильное сопротивление. Неординарность, свежая мысль вызывали неадекватную реакцию. И у тех, кто управлял газетами, и у наших коллег из других изданий. «Что это она себе позволяет, эта самая «Совроська»?»

Однажды мы вдруг отказались от передовиц, заменили их размышлениями публицистов, письмами читателей. Кстати, «Правда» применяет сейчас этот прием. Но это же было двенадцать лет назад! И тогда говорили: «Нельзя этого делать! Должно быть главное что-то!» А мы сделали, и ничего.

Когда есть сопротивление, возмущения, творческий коллектив работает интереснее; идет борьба, она стимулирует. Сложнее, когда все можно. Человек иногда теряет форму, когда нет сопротивления.

Я принадлежу к очень большой части людей, которые в те годы все четче понимали суть застойного периода. Раздражало наше бездумное послушание, оно вызывало желание противоречить. Кто не хотел проявлять бездумное послушание, сразу выделялся и становился нежелательным. Не случайно тогда сформировалось много инакомыслящих, их быстро превращали в противников, и люди стали уезжать...

Хотелось быть самим собой, отражать реальный мир таким, каким он был, а не таким, каким хотели его видеть. Это потом заговорили, что скудость и бедность нашей пропаганды заключается в том, что одно мы пишем в газете и совсем другое люди видят в жизни. В этом — неэффективность пропаганды. Это людей и обижало, и раздражало, и унижало.

Мы в «Советской России» вышли на критику, остроту, на темы, в то время запрещенные. В частности, дали серию критических материалов по Москве. А это было, мягко говоря, очень непривычным. Ведь существовала традиционная установка: в Москве не может быть ничего плохого, это столица, образцовый город. И вдруг «Совроська» критикует!.. Кое

у кого наверху это вызвало, конечно, большое раздражение...

А у нас появлялись новые соборы, которые «мутили воду» на местах. Возьмите Краснодар. Наши отношения с Медуновым вызывали замечания в адрес редакции в Отделе пропаганды ЦК, у секретарей ЦК партии. Состоялись резкие разговоры: «До каких пор? Кто вам позволил?!» Никто, конечно, не позволял, мы просто это делали.

Или — тема преступности. Когда мы написали о банде, орудующей в Центральной России, позвонил Чурбанов и раздраженно спросил: «Кто вам это позволил? Какие могут быть в Советской стране банды?!»

Когда меня направляли работать в «Советскую Россию», один мудрый человек сказал мне: «Главный редактор должен не только быть мужественным, но должен быть еще и хорошим тактиком. Вы, как новый человек, сейчас мало знаете о газете, и вам надо ваше незнание превратить тактически во благо. Вот вы сейчас и начинайте объяснять все неординарные поступки редакции (а я не знал, что этого делать нельзя), и пусть люди сами ищут объяснения. Примерно через год наступит какое-то привыкание: дескать, в других газетах определенные вещи делать нельзя, а в «Советской России» можно. Более того, начнет работать стереотип (я это уже чувствовал!): наверняка они это согласовали, им и разрешили». Даже про Медунова на улице «Правды» ходили разговоры, что «Советской России», поскольку она странная немножко газетенка, разрешили писать в таком тоне. А ведь на самом деле никто нам не разрешал!

Главный редактор, если он хочет подталкивать своих сотрудников на риск, на смелые деяния,

должен значительную долю тех стрел, что обрушиваются на газету и ее авторов со всех сторон, принимать на себя. Должен уметь держать удар. Если журналисты видят, что редактор не берет на себя ответственность, они так работать не будут.

— Когда Вы говорите, что телевидение должно нести утешение, что имеете в виду?

— Есть два принципиальных момента, из которых я исхожу, утверждая, что телевидение должно и утешать. Первое. В нашей пропаганде, информации слишком много рационального. А в человеке все же два начала: рациональное и эмоциональное. Голова и сердце. Если дошел до разума, это только полдела. Еще не знаешь, что прикажет сердце. А мы, к сожалению, в нашей пропаганде эмоциональное начало явно недооценивали. Считали: главное — до разума донести, все остальное решится само собой. А это очень спорно. Я давно говорил: мы слишком рациональны, вся пропаганда трескуча, декларативна, поэтому неэффективна. Возьмите дома политпросвещения — сколько сухомытки!.. А с другой стороны — религия. Что в ней рационального? Мы ведь знаем, что бога нет. А почему религия до сих пор эффективна? Потому что действует на эмоции, на сердце.

И второе. Есть вечные ценности, носителями которых является каждый человек индивидуально. И напоминать ему об этих ценностях — особенно в трудное время невзгод, переломов, в условиях которого мы сейчас живем, — очень важно. Как бы ни было сложно с колбасой, и не только с ней, великое предназначение человека не сводится только к ее потреблению.

Не хочу утешать, призывая: на-

деньте розовые очки. Нет. Но все же в любое время, даже самое трудное, продолжают существовать честь и совесть, добро и зло, любовь и ненависть, справедливость и несправедливость. И надо помнить об этом. Тем более в сложные периоды. Чтобы, извините, человек не одичал, не обзлился на все и вся, чтобы остался человеком. Потому что он должен нести ответственность за тех, кто идет следом.

Уральский поэт Борис Ручьев, с которым мы дружили, пятнадцать лет просидевший на Колыме и, что удивительно, не обзлившийся, говорил мне: «Не следует судить впереди идущих слишком строго, ведь надо всегда помнить, что за тобой тоже идут».

Ну и, наконец, еще почему я считаю утешение важнейшей функцией телевидения. Телевидение ведь отличается от печати: в нем всегда присутствует зрительный ряд. Телевидение — еще и зрелище, оно сочетает в себе и журналистику, и искусство. А искусство всегда рассчитано не только на разум. Поэтому так важно, чтобы воздействие на духовную, нравственную сферу было равно влиянию, которое мы оказываем на разум. Особенно теперь. Телевидение сегодня в связи с политизацией жизни очень деформировалось. Не потому, что Ненашев пришел туда или другие — я как раз по натуре больше лирик, — это само время вызвало, оно объективно. И процесс политизации, когда главным героем дня стал политик — не по должности даже, сейчас все политики, все произносят речи, — телевидение не может не отражать.

А, с другой стороны, что происходит? Год, второй, третий мы все политиканствуем; прихожу вечером домой, включаю первую программу — сидят люди за тумбами:

«круглый стол», по второй идет сессия Верховного Совета, включую «Добрый вечер, Москва!» — тумбы опять, четвертая программа — назидательная — опять сидят педагоги и назидают — как что делать, включую Ленинград — тоже заседание...

Начинаешь думать: соотношение политики и всей остальной жизни явно у нас нарушено. Поэтому сегодня уравновешение общественно-политической, информационной функций с художественной особенно важно. Тем более когда мы знаем, что у нас тысячи городов и деревень, где нет театров, дворцов спорта, галерей; телевидение же в какой-то мере заменяет все это.

То есть я понимаю утешение в очень широком смысле — в смысле удовлетворения тех духовных запросов, которые мы так долго не удовлетворяли в полной мере, командуя, задерживая, унижая. Мы оказались в сложном положении. У нас нарушена экология культуры. А ведь экология природы связана с экологией культуры. И самый большой дефицит сейчас — дефицит культуры. И, может, какое-то время спустя, когда мы оглянемся, то поймем, что в этом причины и многих других наших трудностей. Это влияет и на отношения руководителей с подчиненными, и на то, что мы производим такие вещи, которые никому не нужны, и так далее.

— *За что конкретно отвечает председатель Гостелерадио СССР?*

— Мои попытки стать редактором, который смог бы держать в поле зрения все редакции и передачи, успеха не принесли: это физически невозможно. У нас сорок с лишним редакций, каждая самостоятельная. Значит, председатель должен взять на себя только то, что или не могут, или не должны делать другие. Прежде

всего стратегическое соотношение программ, передач, определение приоритетов. Сбалансирование общественно-политических, литературно-художественных, музыкальных материалов — очень сложная задача: у нас идет нещадная борьба между редакциями, причем в технически ограниченных условиях. Все требуют: давайте откроем еще один канал! Но мало кто знает, что, по существу, при нынешних условиях канал полноценный лишь один — первый. Если бы у нас было десять — пятнадцать каналов, тогда кто что хотел, то и смотрел бы, но у нас лишь первая программа охватывает девяносто процентов населения, вторая — семьдесят, остальные — десять — пятнадцать.

Во-вторых, председатель регулирует процесс планирования. Иначе в результате очень резкой конкуренции между редакциями побеждать будет тот, кто сильнее и совсем не обязательно лучше. Надо, чтобы кто-то был судьей, требуется на правовой основе регулировать, планировать передачи. Сейчас перед нами стоит задача добиться, чтобы механизм планирования программ — у нас есть дирекция программ — работал, как секретариат в газете, с учетом специфики телевидения. Конечно, не все такое мнение разделяют и рассматривают это как административное вмешательство, в газетах это уже отмечалось. Отношусь к этому спокойно, ибо если бы я был главным редактором редакции, тоже бы, наверное, сопротивлялся, рвался к свободе, захватывал эфир. Но если никак не управлять этим, деформации, которые существуют на ТВ сейчас, будут углубляться. В этом регулировании и состоит одна из главных функций председателя и его заместителей.

Ну и, конечно, структурные вопросы. Они сейчас очень назрели, структура Центрального телевидения и радио устарела, механизм управления тоже. Надо все это создавать заново.

За долгие годы мы привыкли руководить журналистами, творческими работниками только административными методами, правовые положения для этого были не нужны. Например, ЦК мог быть третейским судьей, решать все вопросы. А теперь мы оказались в таком положении, когда административные методы уже не срабатывают, а правовых норм еще не создали.

Ни одно телевидение в мире не существует без своего устава, кодекса, где четко записано, что может человек, работающий в эфире, а чего нет. Сейчас, если мы отстраняем человека за явное, грубое нарушение, то ведь делаем это административно.

Вот у нас, например, что-то случилось в горячей точке страны, поехал туда журналист и сразу передает в эфир. А на Западе — особенно когда речь идет о катастрофах, о гибели людей, — нельзя давать впрямую, нужно сначала обязательно сослаться на официальную статистику, полицию. У нас же тут нет никаких правил. А ведь мы иногда выходим на двести миллионов телезрителей и можем такой субъективной информацией принести огромный вред и вызвать протесты общечеловечности.

Все эти вопросы должен, конечно, решать председатель.

...Нужен закон о радио и телевидении. Нужна контрактная система работы. Сейчас не все понимают это, но талантливые люди однозначно «за». В контракте можно определить и приоритет, и более высокую зарплату. Не выполнил условия контракта — придет-

ся расстаться. Не хочу никого обижать, но, следуя правде, скажу, что на телевидении, к сожалению, немало творчески слабых, недостаточно профессиональных людей. Контрактная система может выбрать лучших и на законных основаниях распрощаться с худшими, что сделать в обычных условиях невозможно.

— С кем из руководства партии и страны Вам приходится встречаться и как часто?

— В отличие от того времени, когда работал в газете и Госкомиздате, такие контакты и беседы бывают постоянными практически со всеми лидерами страны. Нет, пожалуй, ни одной недели, чтобы не было разговоров, советов с М. С. Горбачевым, Н. И. Рыжковым.

— А нагоняи бывают?

— Резких разговоров почти не бывает. Может, оттого, что авторитет телевидения теперь несколько иной. Ну и времена, конечно, другие. Чаще разговор идет доброжелательный и на равных.

Другое дело, когда испытываю горькие минуты оттого, что мы не всегда объективны и точны. Вот пример. Воскресенье, уже поздно, сижу дома, смотрю программу «Время». (Когда нет ничего чрезвычайного, иногда бываю в воскресенье дома.) Показывают митинг в Уфе. Там большая авария: выпустили фенол в воду, людей травят. И вот наш комментатор говорит: искали причины аварии, тех, кто виноват в ней, и нашли — Министерство химической промышленности. Буквально через несколько минут звонит министр и говорит: не мой это завод, не мы виноваты. А двести миллионов уже услышали...

— Вы около полутора лет возглавляете Гостелерадио. Можете ли сказать, что за это время уже собрали свою команду?

— Если в «Советской России» творческих работников было шестьдесят — семьдесят, то здесь восемь тысяч. Поэтому, наверное, такое понятие, как «команда», здесь не совсем приемлемо.

— Вы доктор наук. О чем и когда написаны Ваши диссертации?

— Первая написана в 1956 году. Тема ее очень актуальна в наши дни: «Ленинское учение о революционной ситуации». Вторая, докторская, защищалась в 1978 году в Москве и посвящена вопросам эффективности пропаганды и информации.

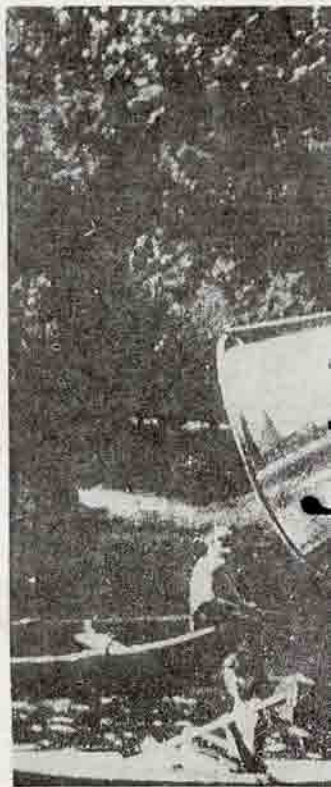
— А что Вам говорили дома, когда Вы уходили работать в Гостелерадио?

— Скорбели и жалели меня.

— Ну, а Вы ни о чем не жалеете?

— Нет, пожалуй. Да и какой смысл, если решение принято? К тому же, вот когда завершу этот «эксперимент» — работу на ТВ, — может, в результате появится полезная книга. Мне ведь довелось пройти все сферы массовой информации: газету, книги, теперь радио и телевидение... Есть о чем рассказать.

**Беседу вел
ЮРИЙ РАГОЗИН.**

30**ТЕЙМУРАЗ
МАМАЛАДЗЕ**

"Черепашкой"

265

С тартую в сверхмарафонском забеге. Дистанция — жизнь. Таков замысел редакции, предложившей мне написать очерк о физкультурном движении в нашей стране. Вряд ли этот замысел осуществим — слишком уж огромна и сложна трасса. Поэтому писать намерен лишь о том, как бежитса мне на отрезке собственной жизни, — все остальное буду брать так называемым боковым зрением.

УГОЛ ЗРЕНИЯ

Физкультура и спорт у нас идут под литавры. Монументальные дяди, ни разу в жизни не ударившие по мячу ногой, руководят нашим спортивным движением в позах, созревших для мемориального мрамора. По их медальным лицам бродят разноцветные отсветы спортивных стягов и загадочные улыбки, заставляющие верить в существование прекрасной музыки, которая слышна только им.

Но самоварная медь оркестров гаснет в лучах перестройки. Куда там медальность ликов и монументальность поз, когда у нас в предраковом кашле заходятся семьдесят миллионов курильщиков, а четыре миллиона граждан ежедневно хворают; когда баскетбольные мячи никуда не годятся, гимнастический канат служит не больше года, а трем миллионам бассейнов в США мы от силы можем противопоставить три тысячи.

Так что же, рыдать по всем этим поводам? Ни в коем случае. Если в чем-нибудь (кроме высшей технологии) мы действительно позарез нуждаемся, то в чувстве юмора. Не умаляя феномена советского спорта (ну разве что только дураку по силам умалить, например, рекорды Сергея Бубки), может, производительнее посмеяться над тем, сколько лет мы ловко дурачили себя, называя отъявленных профессионалов неиспра-

вимыми любителями или зачисляя в разрядники и мастера спорта еще не развившихся в материнских утробах эмбрионов, так что число произведенных спортсменов вдруг превзошло население некоторых республик?

...Итак, старт дан. Встречайте на дистанции. Я только сверну ненадолго в свое детство, а дальше попробую продолжить трассу, уже нешуточную.

Сворачиваю, и вот он — Верийский квартал Тбилиси — моя Иокнапатофа. У каждого должна быть своя Иокнапатофа. Если бы Верийского квартала не было, то его следовало бы придумать. Но он такой, что лучше не придумаешь.

В этом квартале дети играют не только в скоростной футбол, что вполне естественно, учитывая наш темперамент, но и в многоэтажный, что тем более естественно ввиду нашего террасообразного рельефа.

В этом квартале есть верхние дворы и есть дворы нижние, они сообщаются спусками и подъемами, и когда на верхних кипит атака, на нижних в ожидании мяча вратари треплют палками шерсть. Вот почему Верийский квартал славится своими форвардами и своими шерстяными тюфяками. В этом квартале есть закоулки, где даже в летний полдень вам может повстречаться тень какого-нибудь Шашо Верели*, и, смущенно откашлявшись, предложит провести схватку по правилам грузинской борьбы. Не вздумайте отказываться. Тени великого борцовского прошлого не дадут вам прохода, даже если дядя Габо откроет его.

О, этот дядя Габо, кошмар моего детства! Ключарь и привратник

* Известный борец в старом Тбилиси.

знаменитого баскетбольного стадиона в Кировском парке. Габо был беспощаден к «зайцам» любого происхождения и наповал отстреливал их едва ли не всеми известными карательному делу способами.

Из чего я делаю далеко идущий вывод о порочности единовластия, будь то должность сторожа единственного в городе баскетбольного стадиона или положение Генералиссимуса Советского Союза.

Единоличная монополия на ключи, метлу и грабли закономерно перерастает в тиранию в масштабе одного, отдельно взятого стадиона, что абсолютно верно и в отношении одной, отдельно взятой страны.

Хвала тебе, мелкий стадионный генералиссимус Габо! Ты преподавал подростку начала великой науки, и ты же своим свирелым сквернословием оттенил ему прелести добросердечия, воплощенного в душе и повадках Верийского квартала.

Чего только нет в нем! И все, что есть, — единственно и неповторимо.

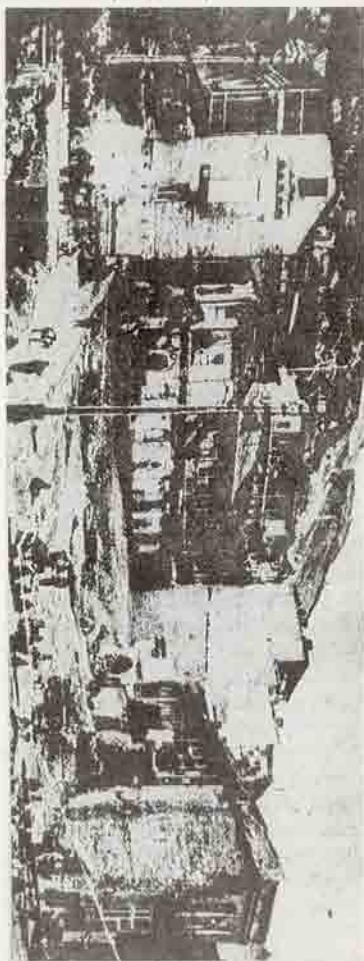
Родильный дом, в котором ты появился на свет. Школа, куда пошел в первый класс. Паром, с которого сигал в Куру. Парк, где впервые поцеловал девушку. Загс, куда пришел жениться, а потом регистрировать рождение первенца. Кладбище, на котором тебя когда-нибудь похоронят, — все единственно для тебя в этом квартале, где живут твои «духи места».

Признаю над собой абсолютную власть места, где родился и делал первые шаги, дома, в котором жил, виноградника, который дарил тень и гроздь, медного крана, к которому припадал в жажде.

Все, что имеет надо мной абсо-

лютную власть, — единственно. Единственно все, что делает меня таким, каков я есть.

Даже городской сумасшедший — увы, не единственный — имеет надо мной власть в том смысле, что наделяет меня своими странными причудами. Например, я, пятидесятилетний, готов от зари до зари гонять мяч с детьми на задах церкви Иоанна Богослова. Если, конечно, мне, пятидесятилетнему, хватит сил гонять мяч от зари до зари.

— Хватит, хватит! — говорит мне с того света моя мать. — Ведь хватало же их священнику отцу Георгию делать то же самое в сорок втором.

То же самое, но не только это.

О, грешные игры моего детства! Изгой, отверженный, неприкасаемый обретал в них утраченную свободу бытия. Насильники, доноски, подонки, негодяи утрачивали свою власть над тобой, когда одним ударом бабки, биты, мяча ты возвращал их на положенное им место.

Ты любил игру за то, что она восстанавливала справедливость, которой тебя лишали злая воля социальных обстоятельств или жестокие установления властей.

Если верно, что спортивное состязание — это модель человеческого бытия, то столь же верно и то, что спорт в любом своем обличье, будь то неприкрашенные народные игры или рафинированное олимпийское действие, — это борьба за торжество справедливости.

Я выбегаю из бывшего Кирпичного переулка и по бывшей Ольгинской улице сбегая к бывшей Московской заставе, где когда-то царил духан «Не уезжай, голубчик мой». Теперь там царят роскошный водноспортивный комплекс имени Ленинского комсомола, корпус шелкоткацкого объединения и Площадь Героев. Все три «объекта» на карте моего отчества помечены особыми знаками. Треугольник славы и бесславия.

Площадь Героев — детище тридцатых. Дом на Площади Героев, многоквартирный гигант-комбинат — тоже их дитя. В доме на Площади Героев, естественно, жили сплошные герои. Сто квартир — сто героев времени. Одни из них, как я сейчас понимаю, были явными его героями, другие — тайными, а третьи — и такими, и сякими,

и разэтакими. Одни выявляли свой героизм при свете дня, другие — под покровом ночи, а третьи — и так, и сяк, разэтак.

Некто из последнего списка — явно секретный герой времени — внешность имел самую негероическую, хотя и устрашающую: голый, костистый череп, сутулая спина труженика ночных промыслов, загнутый крючком нос, округло разведенные руки на рукоятках мощного «Харлей-Давидсона». Славенький паучок, оседлавший супермотоцикл того времени. Механический кентавр тридцатых. Нашим нынешним доморожденным рокерам и не снился тот шум, который кентавр извлекал из своей мотоциклетной основы. Ад звуков, заглушавших крики протеста и мольбу о снисхождении.

Мой «амаркорд» побуждает меня с повышенной, несколько даже болезненной, пристальностью всматриваться в эту фигуру. На то есть много причин, и как минимум три из них лежат на поверхности воспоминаний. Первая — между мотоциклетным человеком и моей безотцовщиной ощущалась какая-то связь. Вторая — он был не только мото-спортсменом, но и футболистом, играл на стадионе, который, кстати, носил тогда имя Лаврентия Берия. Даже при таком сочетании футбол, на мой взгляд, не лишается своей человечности, однако и здесь молва наделяла героя какой-то сверхъестественной, сатанинской силой. Будто бы на тренировке он пробил мяч от ворот до ворот и не просто пробил, а всадил «штуку» знаменитому в те годы вратарю тбилисского «Динамо» Александру Дорохову.

Наконец, третья причина: у динамовского мото-кентавра из НКВД была дочь...

О, Теа... Я меняю твое истинное имя на это вымышленное, чтобы

иметь право отказаться от вымысла в остальном. Сказав так много обидного для твоего дочернего чувства, не могу не сказать еще: я любил тебя. И нет ничего постыдного в публичности моего признания, ибо моя любовь к тебе была лишь частицей открытой и явной любви, которая была всенародной, ибо народ любит своих героев.

Живя в Доме Героев на Площади Героев, ты не могла не быть героиней. Трудно соответствовать рангу, титулу, званию, если они крупнее личности. Ты соответствовала званию героини, а точнее — они соответствовали тебе, чемпионке и рекордсменке республики в плавании на боку.

— На левом боку! — утверждал влюбчивый Рауль-Гомбеш, победитель районных турниров по прыжкам с трамвая № 5.

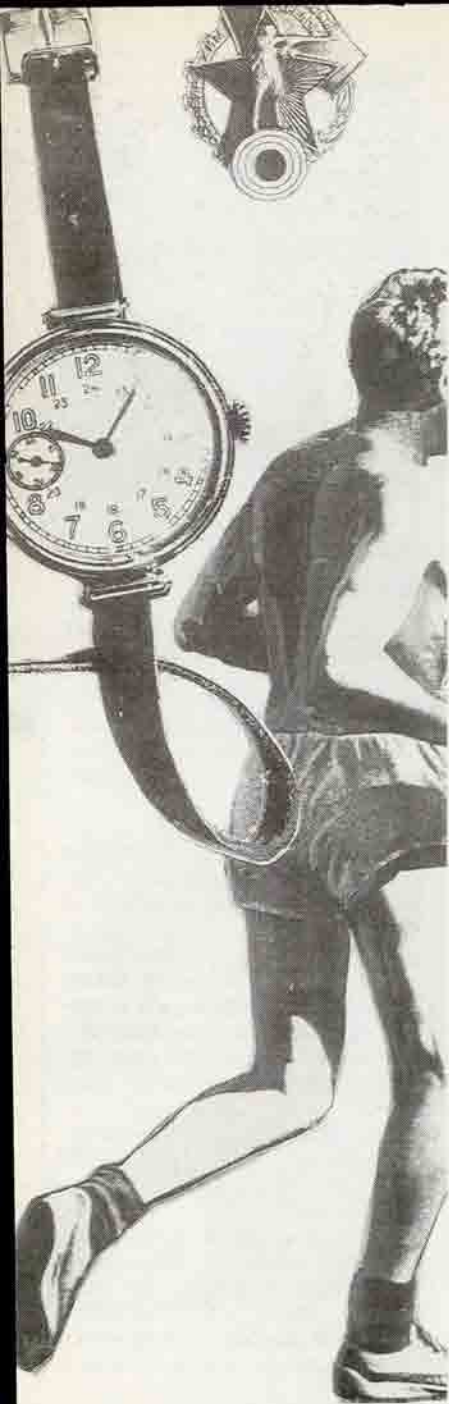
— На правом! — оспаривал Боцман-Чубук, прирожденный толкатель тяжелых одушевленных предметов.

А мне было все равно, ибо — с какого бока ни возьми — рекордсменка была прекрасна, как богиня, и, как богиня, недосыгаема.

Есть женщины Боттичелли. Есть женщины Рубенса и Мурильо, Гойи и Ренуара. Персональный идеал гения воплощал в себе коллективный идеал времени. Ты была женщиной с полотен Дейнеки, Теа. Женщиной, царившей в бассейне Парка Физкультурников, что на набережной имени Сталина.

Советские мадонны из бывших кухарок и свинок, трансформировавшиеся в великих певиц и членов правительства, деятельные, жизнерадостные, спортивные, били рекорды оптимизма и преуспеяния в кинокомедиях той поры. Правда, я знавал других мадонн — из длинных тюремных очередей, — и одна из них была

моей матерью, но искусство подчас ярче жизни.

Когда девушка-героиня живет в Доме Героев на Площади Героев, а юноша — не герой, сын врага народа, — обитает в Кирпичном переулке, никакому Шекспиру не соединить их. Такое титанам моей эпохи было не по плечу. Заткнув за пояс эпоху Возрождения, они творили куда более занятные трагедии.

Но когда юноша из Кирпичного переулка любит девушку-рекордсменку, ему не остается ничего другого, как самому стать рекордсменом. Пожалуй, лишь это дает современному Капулетти единственный шанс хотя бы приблизиться к кухне Монтекки.

И юноша поступил в школу начинающих рекордсменов. Стал ли он им? Но какое теперь это может иметь значение? Теперь гораздо важнее совсем другое.

Несколько лет назад в водно-спортивном комплексе имени Ленинского комсомола я увидел девушку с Площади Героев. Она шла по бортику бассейна с секундомером в руках и весело отчитывала девочку-пловчиху, как две капли воды похожую на Теа, какой та была сама тридцать лет назад.

И вот вижу ее идущей мне навстречу с тренерским секундомером в руках, отсчитывающим время в обратном направлении. Узнала меня, улыбнулась, и я ответил тем же. Мы узнали друг друга, ибо смотрели друг на друга, сегодняшних, глазами прошлого.

— Моя дочь, — сказала она, проследив за моим взглядом. — Похожа? Как видишь, тоже рекордсменка.

— Очень похожа. Твоя копия. И тоже в плавании на боку? — подыграл я.

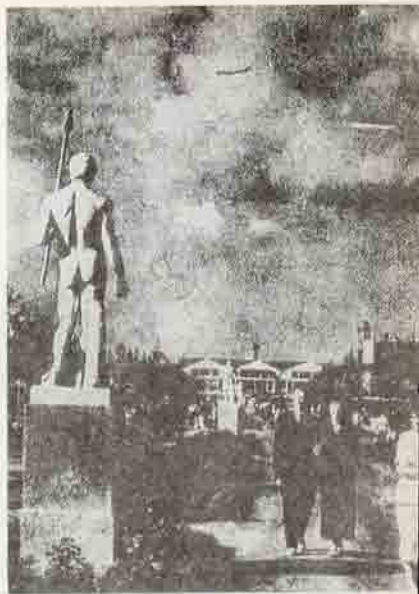
— Брасс, — уточнила она. — «Бок» отменен. Разве не знал? Ты отстал от времени.

— Да, — ответил я, — слишком засиделся в прошлом. Я и сейчас по уши в нем.

Из малахитовой воды доверчиво и дерзко на меня смотрела девочка-чемпионка, дочь моей Теа. И, глядя ей в глаза, невольно отвечая на ее невысказанный вопрос, я вдруг с необычайной, пронзительной ясностью понял, что самозабвенно люблю свое время. Со всем, что было в нем доброго и скверного, светлого и мрачного, со всеми потерями и утратами, в которых я исподволь обретал себя, нынешнего. Я рос, жил, строился в нем. Это мое время, другого у меня не будет. Могу ли я не любить его, мое время, время моих друзей и родных, время моей страны?

Рвется из мальчишеских рук, надуваясь ветром, кумачовый транспарант: «Физическую культуру — в массы!». Спасительный парус моего отрочества. Не я один ставил его на кораблике начинавшейся жизни. Оглядываясь назад, вижу друзей, приятелей, знакомых, соседей, родичей, сослуживцев — бегут, наступают, и вот уже мы идем вместе, слитной массой, слышим дыхание друг друга, и нас уже не десяток-другой, а миллионы. И плывет над ними портрет человека, пославшего народ в этот великий забег. И трепещет, надуваясь парусом победы, алый транспарант с надписью: «Да здравствует товарищ Сталин — лучший друг советских физкультурников!».

Незадолго до своей гибели мой отец повел мою мать на тбилисский стадион «Динамо». Не знаю, был ли он спортсменом, но рекордсменом и притом мировым он был. В маленьком горняцком городке Чиатура, помнящем концессию американского миллионера Гарримана, мой отец бил мировые рекорды в строительстве промыш-

ленных воздушно-канатных дорог.

Страна была одержима рекордами, это был ее образ жизни и действий. Рекордные перелеты летчика Чкалова, рекордная угледобыча шахтера Стаханова, рекордные съемы ткани ткачихи Виноградовой, рекордные урожаи сборщицы чая Купуня, рекордные сборы хлопка маленькой узбечки Наханговой — тысячи и тысячи именитых и безвестных выходили за предел человеческих возможностей.

Рекорд — это всегда незаурядный результат, достигнутый незаурядной личностью. Рекорд не по силам испуганному, охваченному страхом человеку. Незаурядная личность рекордсмена езыскует идеала. Собственно говоря, рекорд и есть идеал, к которому стремится личность. Для одних это прорыв в космос, для других — тонны сверхпланового угля, для третьих — труднейшее па, которое до них на балетной

сцене не исполнял никто, для четвертых — достижение полюса холода... Череда рекордов казалась бесконечной, вечной, непрерывной, казалось, она всегда будет удостоверять правильность песенных рефренов эпохи: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью... Нам нет преград ни в море, ни на суше...»

Никак не могу уразуметь одного: почему, имея такую страну и такой народ, наш вождь и учитель не понял самого элементарного, а именно: теория легко заменяемых «винтиков» враждебна практике незаурядных рекордов, выражавших массовый порыв к общественному идеалу.

«Когда страна прикажет быть героем, у нас героем становится любой...» Опозтизированный песенником приказ — ядро командной системы — демонтировал уникальное устройство, вырабатывающее лучший продукт, какой только знало человечество, — самоотверженность, творчество...

Но об этом после. Пока же оглянусь в тридцатые годы, в тот летний день, когда мой отец, еще не ошельмованный «врагом народа», привел мою мать на трибуну тбилисского стадиона «Динамо». Был большой футбол, играли великие баски. В Испании шла война, фашизм пробовал силы. Баски были велики своим спортивным искусством, но величие бойцов превосходило величие футбольных чародеев. Они сражались за республиканскую Испанию. «Но пасаран!» «Фашизм не пройдет!» Рабочие парни из Бильбао, игравшие в футбол так, как никто не играл в то время, приехали в Советский Союз за помощью.

Они ее получили.

Мой отец был одним из многих, кто внес посильную лепту в нее. Он мог бы дать еще больше, если бы не другие события, в преддвее-

рии второй мировой войны потрясшие страну.

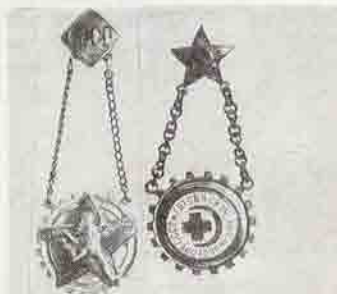
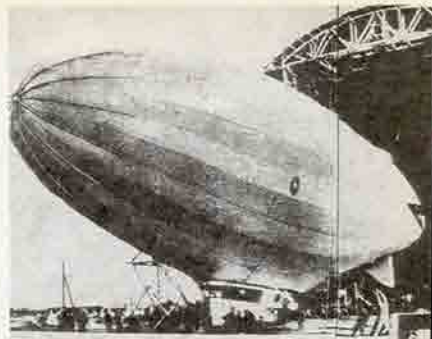
На исходе того года отец был арестован, а спустя несколько месяцев расстрелян «Винтик», не пожелавший поддаться отвертке, попросту сломали.

От отца у меня остался белый футбольный мяч с автографом знаменитого Лангары. Этому недошевленному предмету еще предстоит стать одушевленным героем моего повествования.

Семейное предание о матче с басками перегружено милыми подробностями. «На мне было платье из крепдешина, тогда он был в зените моды». Не со слезами — с улыбкой сообщала моя мать эту деталь. Никак не вяжется этот рассказ о модной в тридцатых годах ткани с эпосом, героиней которого она стала.

В этой большой книге жизни множество глав написано спортивными судьями с секундомерами и рулетками, отмерявшими мои результаты в беге на сто метров и прыжках в длину. Результаты смешные, называть их — сильно занижать крепкое, помимо воли прущее из меня чувство. Мизерные по нынешним временам, эти секунды и метры сложились в итоге именно в тот результат, которого страстно желала моя мать для своего сына: изгнать из него социально неполноценное существо, меченное тавром позорной в глазах многих людей безотцовщины.

Когда мой отец шел на матч своих земляков с басками, он нес в себе любовь к республиканцам и ненависть к фашизму. Это был сложный, отлитый из противоречий эпохи идеал. Идеал моей матери был прост: не дать огромному и всеильному злу задавить малое и беспомощное. Дать ему развиваться в большое всеильное добро. Ее сына могли как и где угодно

третировать, не пропускать, лишать, изгонять, но с воллощенной в нем формуле «Быстрее, выше, дальше» никто ничего поделать не мог. Его Величество Спортивный Результат был сильнее каверз происхождения.

Взяв на вооружение олимпийский девиз, моя мама презрела олимпийский канон и вступила в долгое сражение. Это была ее тайная война со Сталиным.

Она вела ее, заручившись поддержкой замечательных союзников. Из толпы бегущих лет летит ко мне знакомый голос, и я отключаюсь звонкой радостью.

— Работай, работай! — кричит, взмахивая беспалой ладонью, пожилой лысоватый мужчина с сухими мускулистыми ногами и сутулой спиной стайера. — Давай лидируй! Идешь лучше рекордного графика! Не отсиживайся за спиной у Чубука! Спуртуй за круг до финиша!

И вольный воздух юности вливается в мои уставшие легкие. Подхваченный нечаянной скоростью, ощущаю досылающее вперед прикосновение руки моего первого и единственного тренера.

Он появился в нашем школьном дворе не в самый лучший день моей жизни. Накануне я лишился отцовского наследства. Банальнейшая история: белый футбольный мяч со стершимся автографом баска Лангары, возвышенный игрой и возвышающий душу предмет, пал жертвой низменных страстей. Он испустил дух под финкой вора Цуцурмы.

Мы играли на задах церкви Иоанна Богослова, на площадке, образовавшейся после заполнения оврага земляной выемкой из тоннельного бомбоубежища. Иоанн Богослов отрядил нам в помощь соборного священника отца Георгия. Церковь и бомбоубежище не гарантировали безопасности. Была еще зенитная батарея, и батарейцы тоже любили футбол. Мы играли с командой зенитной батареи, одноглазый отец Георгий учил ее меткой стрельбе по воротам.

Вор Цуцурма сидел поодаль на корточках и катал «зари». Тривиальная игра в кости с нетривиальными ставками.

Мы выигрывали матч у зенитчиков. Цуцурма проигрывал, и когда проиграл все, что имел, Черный Крысик сказал ему: «Давай сыграем на твою жизнь». Цуцурма не согласился: «Лучше на тот мяч». Он знал, что ставил на кон. Читателю иных, чем я, годов рождения не понять, чем был для нас изстоящий футбольный мяч. Чем он был для меня — эы, навернсе, догадываетесь.

В безвыходности смертельного проигрыша Цуцурма избрал достойный своей брэнной оболочки эквивалент. Он подхватил откатив-

шийся мяч и всадил в него нож. Командир расчета Толик Жигалин побежал к турели и развернул ее для стрельбы прямой наводкой, но отец Георгий раскинул руки на пути огня...

Воры ушли, и мы остались одни с нашим горем.

Впоследствии отец Георгий говорил мне, что боялся за мой рассудок. «Хвала всевышнему, что-то дало тебе силы выстоять!»

Не что-то, а кто-то, и этим самым кем-то был мой тренер по легкой атлетике — Виталий Ильич Кадеишвили.

Он появился в нашем школьном дворе не в самый лучший для меня момент, когда я безуспешно пытался выполнить нормы на значок БГТО.

Пожалуй, надо расшифровать эту аббревиатуру — в ней тоже знак нашего времени. Надо бы пояснить, что моему поколению была дана целая иерархия геральдических отличий, в которой значок БГТО был первой желанной ступенью.

Металлический рельеф бегуна, разрывавшего финишную ленточку с надписью «Будь готов к труду и обороне», привинчивался к груди как знак изначальной гражданской доблести. Это была продуманная система физической закалки молодежи, столь же неукоснительная, как и планы выплавки стали. Нас хотели закалить как сталь. Уже в начальных классах школы учили метать гранату, стрелять из мелкокалиберной винтовки, преодолевать полосу препятствий, бегать короткие и средние дистанции, прыгать в длину и высоту, плавать.

Бойна с фашизмом была неизбежна, страна готовилась к ней.

В песне футбольный вратарь уподоблялся часовому, пространство ворот, которые он защищал, — пограничной полосе.

Не спешите с выводами о милитаризации общества. Ни один народ, ни одна страна не желают самозаклания. Мы готовились к труду и обороне в годы аншлюса и франкистского мятежа, мюнхенского сговора и Халхин-Гола. И в конце концов мир спасли мальчишки, сдававшие в школьных дворах нормы на значок ГТО. Прыгавшие с парашютом с парковых вышек и аэроклубных бипланов и получившие за это значок «Осоавиахима». Стрелявшие по черным бумажным мишеням и зеленым фанерным силуэтам в надежде добыть значок «Ворошиловского стрелка».

Счет шел на миллионы. Миллионы одинаковых и взаимозаменяемых выдвигали из своих рядов единственных и неповторимых. Неповторимость плохо сочеталась с государственной максимой «Незаменимых — нет!». Если каждый — всего лишь винтик, то кто же тогда мотор? Однако, следуя старым теориям, новых высот не осилишь. И всегосударственный лозунг «Физическую культуру — в массы!» заменили другим — «Массовость плюс мастерство». Это был критерий страны, обретающей статус великой спортивной державы.

И то, и другое планировалось централизованно. План исправно работал, производство значкистов ГТО и чемпионов мира действовало безотказно. Но вот однажды многие стали замечать, что огонь в тигле массовости слабеет, а реторта мастерства треснула. В поисках причин многие стали задумываться над тем, что есть человек в спорте — средство для добывания победы или венец ее.

Крошечная дюймовочка, выполняющая на гимнастическом бревне немислимые элементы «ультра-си»; белокурый гигант, вздымающий на вытянутых руках

умопомрачительные стальные килограммы; спортсмен-мыслитель, изорвавший сухожилия в рекордных шагах и скачках тройного прыжка; добродушный хоккеист, орудующий на ледяном поле клюшкой как веслом в ладье победы, — чья воля забрасывает в небытие вас, отработавших свое на помостах и аренах?

И почему справедливость по отношению к вам никак не дотянется до уровня той высшей благодарности, которую рождали в нас ваши выступления?

Однажды мы открыто спросим об этом, придет такое время.

А пока я стою в школьном дворе и настраиваюсь на последнюю попытку. Высота смехотворна — один метр тридцать сантиметров, ее взяли все, кроме меня. Все, кроме меня, сдали нормы на значок БГТО. Учитель физкультуры, добрый человек, ослабляет натянутый между стойками шнур, прогибает его, чтобы поощрить неудачника к прыжку. Два конфуза подряд на глазах именитого гостя — это уже слишком!

Гость, однако, не смотрит на меня. Рыжая щеточка усов вздернута вверх, беспалая ладонь козырьком приставлена к бугристым надбровьям, узким прищуром взяты, втянуты в зрение нависающие над школой отвесы горы, тропинки, пересекающие ее раздутые бычьи бока. Через неделю я узнаю, куда смотрел мой тренер Виталий Ильич, а спустя десятилетия — как он углядел во мне, придавленном и безвольном, так и не перешагнувшем в тот день метр тридцать, нужного ему спринтера.

— Опять вы пошли не туда, куда я велел?! И что вы нашли в этой луже под названием Черепашье озеро? Я вам велел бежать на гору Удзо по гребню Мтацминда, там хорошая «пахота», укреп-

ляет голеностоп, развивает кроссовую выносливость, а какой вид, какие пейзажи, какие леса и долины окрест, черт вас побери, лентяи вы этакие!

Но бывало и так, что мы бежали туда, куда он велел, он сам бежал впереди, и постепенно бег переходил в полет, в парение с распластанными крыльями — над нашим городом с серой, в мареве зноя, змейкой Куры, над синим хребтом Иално в рыжих подпалинах осенних лесов, над обрушенными кровлями базилик, где в открытые алтари забрасывало ветви, трепеща на ветру, одинокое древо желания...

Теперь я понимаю: он задался целью вернуть нас назад, в городские кварталы, другими людьми, и он преуспел в этом. Нет, он не избавил меня от тоски и уныния, и горестная правда об отце по-прежнему довлела надо мной, но теперь мои думы и чувства были уже не только моими, они сливались со своеобразным течением речки Вере и мерцающими фресками храма Бетания, со снеговым пыланием Главного хребта и взмывающей бог весть на какую высоту, а вернее — не знающей предела песней жаворонка, и от того, что мои думы и чувства были уже не только моими, я становился сильнее.

Прежде чем научить нас брать низкий старт и прыгать стилем «хорайн», приучить к финальному взрыву усилий и терпеливости на дистанции, он самым простым для себя способом показывал нам, как прекрасен мир, постигаемый через движение. Взяв по осыпающейся тропинке к развалинам Асуретской крепости и втягивая нас в ее вертикали, за которыми — провал, бездна, и — хочешь не хочешь — взлетай, чтобы не разбиться, он словно говорил нам:

вот — ты, а вот — вершина, и нет иного способа соединить себя с ней, кроме как пойти ей навстречу.

И мы шли. И хотя немногие выбрались на самый верх, все или почти все увидели мир с высоты. Поверьте, в четырнадцать лет это совсем немало.

А уже потом, после всего этого, каплю за каплей вливая нас в хмельную чашу стадиона, тренер Виталий осыпал нас иными радостями.

— Ты идешь на первом этапе. Точно в коридоре передаешь эстафету Гураму, а там дальше, на третьем этапе — Дэви, полетит по виражу и первым выведет Толика на финишную прямую. Эстафета — наша. Все, ребята, пошли выигрывать...

Эстафетная палочка, запущенная в небо после финиша, кувыряясь, летит вниз и падает на головы четверки парней, сошедшихся в объятии победы. Сняв шиповки и вздымая их во вскинутых руках, мы трусим по влажному газону, вписывая в гудящий овал стадиона безмерную нашу радость. Мы — чемпионы! Пусть всего лишь района или города, но тот, кто когда-нибудь испытывал такие мгновенья, знает, что в них он равен самым великим спортсменам.

Пространство стадиона дает тебе возможность стать в один ряд с самыми сильными и славными людьми спорта, и отсвет их славы, падая на тебя, пробуждает надежду на лучшее и большее. Стадион — это равенство стартовых шансов чемпиона и новичка, а неравенство замеряется самой объективной мерой, какая только может быть на свете. И даже когда к чистому напитку радости подмешивают отраву обмана и предвзятости, ты знаешь, что это

аномалия, на которую решаются тайком. Настоящий же спорт — это всегда открытая всем норма человеческой порядочности, всегда максимум человека в минимум времени. И пока спорт таков, он — вечен.

Мой спортивный идеализм зарождается в годы, когда советский спорт уверенно и победительно выходит на мировую арену, когда чемпионаты мира и Олимпийских игр вплетают новые лучи в ореол страны, победившей фашизм. Это было время нового строительства и самопознания мира, в том числе средствами самого созидательного соперничества народов — средствами спорта.

Энтузиазм — родной брат идеализма. Все дело, однако, в том, кто и как трактует идеал.

В один прекрасный день пятидесятых годов мы вдруг узнали: распущены, а по существу — разогнаны, армейские клубы страны. Причина — проигрыш олимпийского футбольного матча сборной страны, многие игроки которой были членами армейского клуба. Одним мановением руки Верховный Главнокомандующий, разъяренный проигрышем — и кому?! — югославам! — смахивает с арен тысячи человеческих судеб.

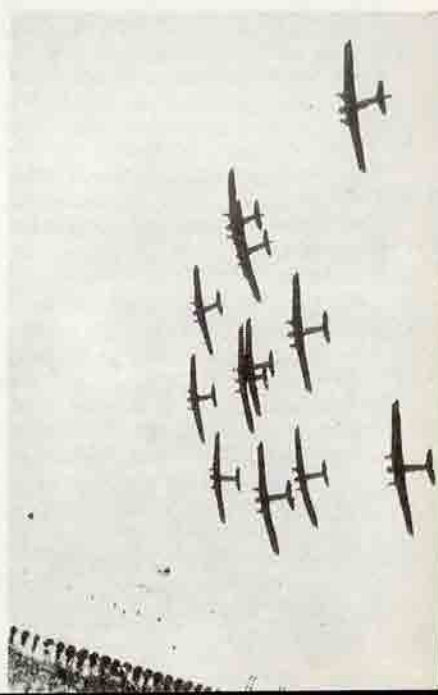
Если что и подтачивало изнутри наше спортивное движение, так только подобная авторитарность, самодурство, бюрократическое окостенение управляющего аппарата, подмена энтузиазма самодеятельных начал приказным волеизъявлением, безудержная эксплуатация спортсмена как машины для делания рекордов...

...Я бегу по тенистой аллее, проложенной в зарослях акации на склоне лесистой горы. Это мой последний шанс удержаться на дорожке жизни. Вчера я вернулся из олимпийской Москвы. Ждал

четвертой олимпийской победы Виктора Санеева и ушел из Лужников с надорванным сердцем. Накануне известный кардиолог вынес мне приговор: «У вас был тяжелый инфаркт, вы это знаете. Последствия таковы, что даже думать нельзя о занятиях спортом». Что ж, значит, не вписался я в новый общегосударственный лозунг страны: «Главный рекорд — здоровье»?

Что моя беда в сравнении с драмой уходящего Санеева? Однако, как человек, познавший счастье борьбы и победы, я равен ему и не желаю досрочного поражения...

...Рядом со мной бежит по аллее мужчина в голубой майке с красным оттиском ползущей черепахи. Черепаха медленно ходит и долго живет. Это эмблема и девиз клуба любителей ходьбы и бега «Черепаха». Усмешливый вызов «скоростникам», загнанным

в забегах за плановыми медалями.

Эмблему, девиз, вызов и клуб задумал мужчина, бегущий рядом со мной по аллее тбилисского парка Ваке. Зовут его Джумбер Хубуа, ему сорок два года, он инструктор физической культуры и неисправимый энтузиаст оздоровительного бега. В созданном им клубе, кроме меня, новичка, — около восьмидесяти человек в возрасте от десяти до семидесяти, двадцать шесть инфарктов, три чемпиона Грузии, восемь победителей городских кроссов и ни одного, кто бы вновь свалился в сердечном недуге после прихода в «Черепаху». Наравне с Джумбером ведут занятия Лексо и Тенгиз, инженер и студент, у них свои ученики и свои чемпионы. И если действительно главный рекорд — здоровье, то Джумбер, Лексо и Тенгиз — главные рекордсмены, достойные звания «Заслуженный мастер спорта».

Но у Джумбера не то чтобы звания — приличных кроссовок нет. Недавно в его квартиру забрались грабители и унесли все мало-мальски ценное. Разношенные в дым, многократно латанные и клеенные кроссовки ценностью они не посчитали. Между тем для Джумбера этот доисторический реликт с маркой экспериментального производства Главспортпрома — самое главное его достояние. Лишись он его — и не в чем будет бегать. А бег для него больше чем спорт — жизнь.

Победитель международного Московского марафона мира Лев Хитерман из города Воткинска попросил дать ему взамен всех полученных призов пару приличных кроссовок. Между прочим, в городе Воткинске есть завод, где до недавнего времени делали оперативно-тактические ракеты, как трудно догадаться — продукт высшей технологии. Теперь это

уже не секрет — по условиям советско-американского Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности Воткинский завод включен в число инспеклируемых объектов, и сейчас там работает группа американских контролеров.

Тайной, причем необъяснимой для многих, остается, однако, другое: почему в стране, выводящей на космические орбиты самую мощную и совершенную в мире ракету-носитель «Энергия», не могут наладить выпуск нормального, отвечающего современным стандартам спортивного оборудования и инвентаря, а то, что выпускают, большинству не достается. А ведь большинство это и есть тот самый народ, здоровье которого, как возглашает новый лозунг нашего спортивного движения, — главное богатство страны.

Слышу раздраженный голос «ветерана»:

— Зажрались! Забыли, как за победу в городских первенствах получали майку и пару резиновых тапочек?

Отчего же? Помню. Все помню. Некоторые участники первой Всесоюзной спартакиады 1928 года выходили на старт босиком. У меня есть библиографический раритет — уникальный альбом спартакиадных фотографий, на которых спортсмены сходятся на борцовских коврах в тюбетейках и папахах. Люди несли в спорт высших по тем временам достижений здоровую народную основу честного соперничества и неистребимый духовный энтузиазм. Это помогало им побеждать, но этого сегодня недостаточно для побед ни в большом, ни в массовом спорте.

В эпоху рекортана, фибергласса, композитов, компьютерных разработок оптимальных моделей инвентаря и подготовки спортсмена

к стартам — самоотверженный энтузиазм, помогавший когда-то бить мировые рекорды или поголовно зарабатывать универсальные общедоступные значки ГТО, уже перестал быть спасительной соломкой, за которую хватались руководители спорта в поисках «первых номеров». Самородки всегда были, есть и будут, но их блеск гаснет, а вес уменьшается, когда почву, из которой они вышли, плохо обрабатывают.

Никогда не забуду, как больно хлестнули меня слова одного западногерманского тренера, у которого мой коллега Тенгиз Сулханишвили поинтересовался, что тот думает о советском футболе.

— Он напоминает мне вашу экономику, — был ответ.

Уважаемый наставник Герда Мюллера и Франца Беккенбауэра не прав. Все-таки советский футбол конкурентоспособнее нашего машиностроения, и наши команды не раз обыгрывали клубы ФРГ, чего не скажешь о наших станкостроителях и обувщиках. И дело отнюдь не в том, что почти все сборные команды моей страны пользуются услугами фирмы «Адидас», а Джумбер Хубуа и Лев Хитерман, как и миллионы им подобных, бегают в разваливающихся тапочках. Дело отнюдь не в соотношении между масштабами и качеством производства в группе «А» и группе «Б». Когда, говоря словами советского публициста Ксении Мяло, хроническое «недопотребление все больше становится результатом недосозидания», то в пору признать, что где-то допущен серьезный просчет, и он, конечно же, сказывается на спорте.

Перестройка вынесла на свет гласности все изъяны нашего бытия. Она коснулась и спортивного движения. И хотя все еще дают знать о себе рудименты ведомственного мышления и охранни-

тельства, хотя любые попытки пролить свет на главные недуги спортивной жизни встречают хорошо организованный отпор «карманных писателей» спортивных комитетов, удалось, наконец, выдвинуть на передний план здоровье народа как главный приоритет спортивного движения, подчеркнуть его всеобъемлющую социальную направленность. Удалось, наконец, также осознать, что экстенсивное развитие спорта, тяготевшее, как и развитие экономики, к административным решениям, уже не может служить ему путеводным ориентиром. Что спорт, как самое массовое демократическое движение, своими масштабами сравнимое с движением за мир, уже не может управляться недемократическими методами.

— Может быть, в поле зрения чиновников, наконец, окажется футбольное поле, а не политика? — спрашивал один из моих зарубежных коллег в репортаже, посвященном чемпионату мира по футболу 1982 года.

Увы, это недостижимо, по крайней мере — сегодня. Все самоценное, значимое для народной жизни небезразлично ни чиновникам, ни оспаривающим их власть людям. И сколько бы те и другие ни открещивались от обвинений в использовании спорта в политических целях — политика в наши дни неотделима от спорта. Стремясь оказать нужное той или иной группе воздействие на общественное или национальное сознание, манипулируют народными увлечениями и пристрастиями, в том числе и спортом, будь то футбол или перетягивание каната, выдавая свои действия за защиту общественных и национальных интересов.

Феномен спорта сознательно приносится в жертву феномену политики. Или — так тоже быва-

ет — используется в определенных политических целях. Один умный человек правильно сказал, что монополия на власть уничтожила в нашей стране политическую жизнь как область взаимодействия политических сил. Свято место пусто не бывает. Политика переделалась в спортивную форму и перебралась на футбольные поля и трибуны стадионов — я мог бы множеством примеров из былой нашей жизни проиллюстрировать этот тезис. Под видом спортивных вокруг матчей и судейства бушевали самые настоящие политические страсти.

И что удивительного в том, что теперь поверх футболок и маек на спортсменов натягивают наспех сшитые одеяния политического выбора? До спортивных ли результатов, когда в приоритеты выдвигается желаемый политический итог?

Не намерен критиковать принятые в некоторых республиках решения о выходе национальных федераций из всесоюзных — это очень сложная, деликатная, болезненная тема, чтобы касаться ее походя, не имея достаточно тонкого инструментария, исходных данных, всех аргументов «за» и «против». Однако скажу также, что любые подмены всегда чреватые серьезными потерями. Не знаю, выигрывает ли политика, если проигрывает спорт. Если, принесенный в жертву политике, лишится немаловажных для торжества народного самосознания критериев действенности своей силы, утверждающейся в единоборстве лишь с самыми сильными. Ведь только в таком естественном для себя состоянии он может выражать борьбу за справедливость, за восстановление в законных правах обиженного и угнетенного, будь то человек, нация или страна.

...Я бегу по аллее, прорублен-

ной на склоне горы организаторами клуба «Черепаха». Бегу в майке с эмблемой, нанесенной на ее ткань их руками. Бегу под наблюдением врача, одного из энтузиастов «Черепахи». Завтра я стартую в забеге вокруг Тбилисского моря, и это состязание тоже проводится этим народным клубом. Для них оно, как я думаю, — возможность протеста, отторжения, неприятия всего того, что глушит инициативу и индивидуальность, что мешает человеку быть не средством и условием эффективного производства, а высшей и конечной целью любого развития. И, независимо от того, кто победит, победа уже обеспечена каждому таким вот выявлением индивидуальной самостоятельности.

Я бегу по дистанции, проложенной клубом «Черепаха», одним из десятков тысяч самостоятельных народных объединений любителей бега.

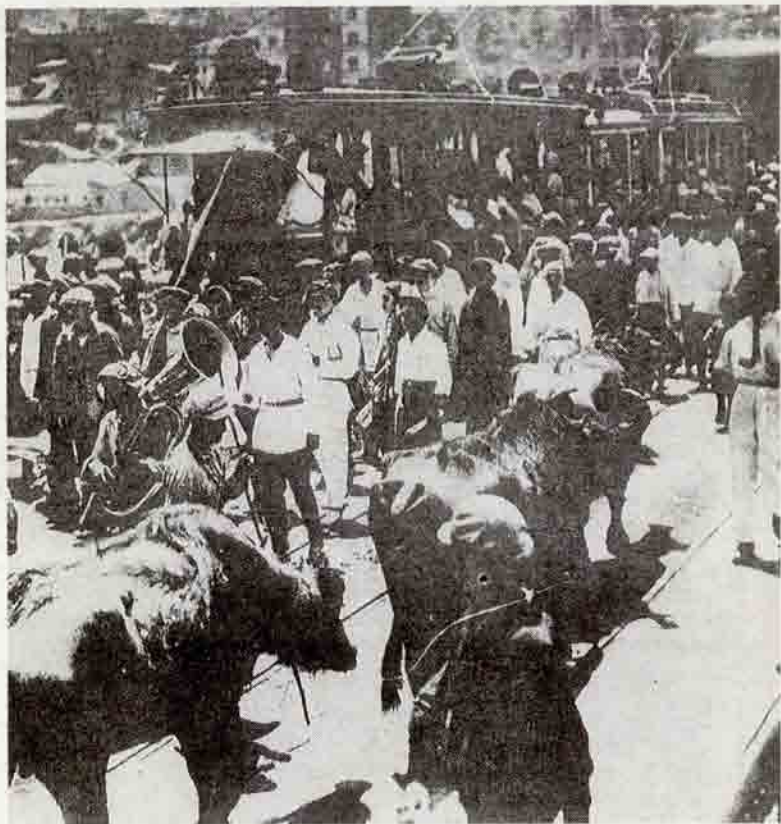
«Черепаха» движется медленно, но долго живет. Она живет уже десять лет, живет без какой бы то ни было поддержки, в атмосфере безразличия и усмешливой снисходительности, и выживает. А что же будет, когда не станет всего этого и она получит признание социально значимой организации? Не того регистрирующего бюрократического признания, что на корню загубило не одну народную инициативу, а истинного, смыкающего воедино запросы личности с интересами страны? Скольким людям вернет она тогда надежду и веру в собственные силы, радость движения и счастье от сознания самой возможности преодолеть невзгоды!

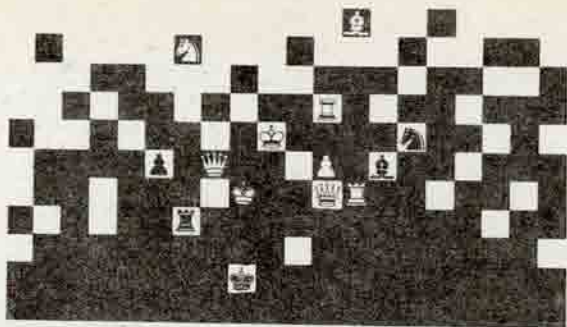
Все это будет, а пока мы бежим по тенистой аллее, и этот бег — священный ритуал единомышленников, их молитва, моление о лучшем будущем страны, символ ее движения вперед, которому они

посильно хотят придать ускорение.

Ускорение — и «Черепаша»? Но это всего лишь юмор, которым всегда наделены сильные и умные и никогда — дураки.

Я бегу за «Черепашой». Никогда нелишне улыбнуться в пути.

32-я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
гроссмейстера
**ВИКТОРА
ЧЕПИЖНОГО**

282

Сегодня «Смена» заканчивает публикацию заданий очередной шахматной олимпиады. В последнем туре нашего заочного соревнования любителям шахмат предстоит решить две трехходовые задачи и четыре этюда. Учитывая пожелания читателей журнала, мы в заключительных турах давали задания средней трудности, что, надеемся, позволило большинству участников олимпиады сохранить интерес к борьбе за победу в соревновании. Обращаем внимание читателей на то, что при равенстве суммы набранных баллов прежде всего будут учитываться обнаруженные дефекты в конкурсных заданиях: побочное решение, нерешаемость, дуаль и т.п. Сумма набранных в ходе соревнования баллов определит также, какие разрядные нормативы по шахматам покорились участникам олимпиады.

Ответы на задания следует присылать на отдельных открытках (без конвертов!) с пометкой «32-я шахматная олимпиада. Седьмой тур». На открытках последнего тура, кроме решения, следует указать фамилию, имя и отчество, профессию, спортивный разряд и адрес.

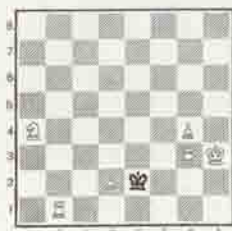
Последний срок отправки открыток (по почтовому штемпелю) — 1 ноября.

СЕДЬМОЙ ТУР

Белые: Крe5, Фе6, Се1, п.e7 (4)
 Черные: Крe8 (1)
Мат в 3 хода (1 балл)

II

Белые: Крh3, Лб1, Лг3, Ка4, пп.
 d2, g4 (6)
 Черные: Крe2 (1)
Мат в 3 хода (2 балла)

III

Белые: Крh2, Кс4, пп. d6, g2, h3
 (5)
 Черные: Крh4, Фа2 (2)
Выигрыш (3 балла)

IV

Белые: Крс4, Са7, Кf5 (3)
 Черные: Кра1, Ле8, п.h2 (3)
Ничья (3 балла)

V

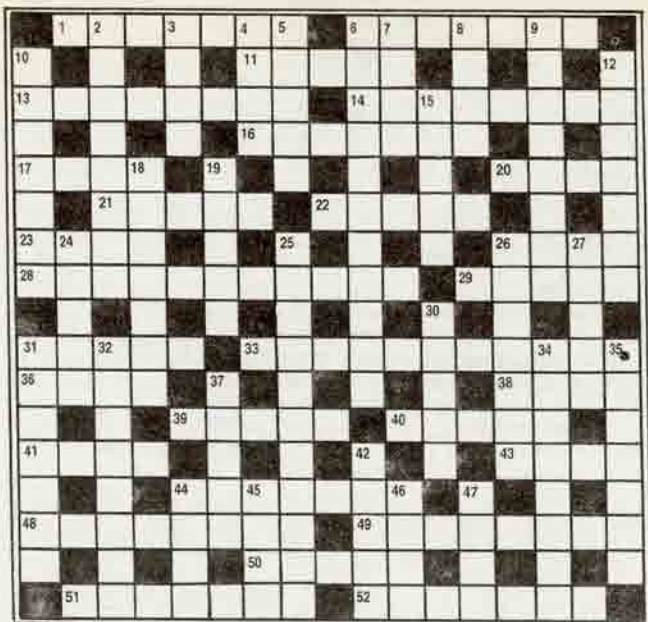

Белые: Крf8, Кс4, п.d7 (3)
 Черные: Кра6, Лb1 (2)
Выигрыш (3 балла)

VI

Белые: Крh2, Сg6, Ch4, Kg8
 (4)
 Черные: Крг4, Лd4, Лg7 (3)
Выигрыш (3 балла)

1. Обычная форма кристаллов благородной шпинели. 6. Самый первый литературный памятник Индии. 11. Голландский математик, первым признавший ноль корнем уравнения и, следовательно, числом. 13. Журнал, любимое детище Ивана Киреевского. 14. Самый стойкий по отношению к щелочам металл. 16. Украшение осенинской героини, обещающей сарафан заплетить синей рюшкой. 17. Нижняя часть носка или чулка. 20. Время года, когда убитый кит-горбач тонет. 21. Адыгейская вечеринка с приглашением гостей, обильным угощением, танцами, музыкой, играми, состязанием в силе, ловкости. 22. Салатный сорняк. Из молодых листьев варят зеленые щи. 23. Ручка сохи. 26. Сто песева. 28. Основоположник, вместе с П. Масканьи, веризма в музыкальном театре. 29. В сказке «Василиса Прекрасная» А. Н. Афанасьева вокруг избушки Бабы Яги стоит забор. Каждая из деталей забора, заменяемых человеческими ногами. 31. Дом с детьми — базар, без детей — ... (тюркская поговорка). 33. Гоголевский Манилов по своей сути. 36. Громко свистящая в полете горная птица. 38. Любимый знак препинания Марины Цветаевой. 39. Отец самой известной Татьяны. 40. Знаменитый композитор и пианист, двадцать четыре прелюдии закончивший на острове Мальорка. 41. Посуда, какой Аксинья плеснула кипятком на Никифора (А. Чехов. «В овраге»). 43. Профессия, которую родители прочили Колумбу. 44. Квазичастица; связанный электрон и дир-

ка в полупроводнике. 48. Животное, образ которого принял Вишну во втором превращении (аватаре). 49. Камень; на Урале ему первому подарили имя «самоцвет». 50. Концертный зал. Древнейший построил Перикл в Афинах. 51. Прозвище Афродиты по родине цветной капусты. 52. Прилив крови (по В. Далю).

По вертикали:

2. Живописец, чью роспись купола в церкви Сан-Джованни (Парма) немецкий художник Р. Менгс признавал самой красивой в мире. 3. Река, призванная спасти Севан, хотя ее воды в жаркую пору и без того не достигали Аракса. 4. Фруктовый «герой» убогой рекламы. 5. Греческий поэт, преклонявшийся перед русской лирикой. 6. Мировоззрение, движение к которому всегда чревато массовыми казнями. 7. Цветок — знак страдания и боли в средневековье. 8. Шторка на зеркало души. 9. Немецкий скульптор, прозванный Греком, Подражал Канове. 10. Лапта по-американски. 12. Настроение, способное кончиться параличом. 15. Металл, скопившийся на дне Женевского озера. 18. Эпос приволжского народа, в котором воспета чудесная страна Бумба. 19. Владыка амазонских джунглей. 24. Город в самой алмазной стране мира. 25. Поэма, которой нет в деттизовских изданиях А. Пушкина. 26. «Просветленная ночь» А. Шенберга (жанр). 27. Одно из средств объединять в ансамбль отдельные издания и предметы. 30. Спортсмен, у которого все впереди. 31. Венгерский художник, писавший «красками пустыни». 32. Самое дальнее в близком краю. 34. Американский президент, сказавший: «Самую четкую печать не разберешь, читая сквозь золотую монету». 35. Мясной продукт, богатый тиамином. 37. Белка и Стрелка (порода собак). 42. Квант, мчащийся со скоростью света. 44. Две проекции сведены в одну плоскость (чертеж). 45. Мирское вече. 46. Город в стране со столицей Уагадугу. 47. Ненецкий Конец Земли.

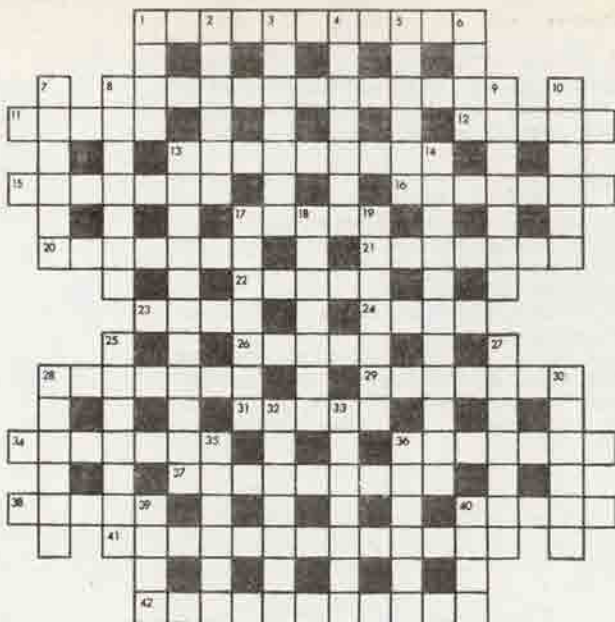
ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали:

1. Люстр. 6. Ясень. 10. Метан. 12. Рекорд. 13. Спарта. 14. Шторм. 15. Герцог. 17. Лифарь. 18. Ротвейлер. 23. «Жерминаль» (З. Золя). 24. Пикассо. 26. Бурлеск. 27. ...благодать. 31. Пастернак. 35. Случай. 36. Дарвин. 37. Морфи. 38. Апрель. 39. Челнок. 40. Цапля. 41. Сцена. 42. Зажим.

По вертикали:

2. «Юнкера». 3. Террор. 4. Фестиваль. 5. Бахрейн. 7. Сапфир. 8. Нарзан. 9. Дриго. 11. Вальс. 16. Горностай. 17. Ленинград. 19. Петух. 20. Емеля. 21. Гарде. 22. Исеть. 25. Хлорофилл. 28. Оттоман. 29. Устав. 30. Мудрец. 31. Паслен. 32. Камера. 33. Звенки. 34. Оникс.

**Кроссворд
составил
В. ШИЛКИН,
г. Барань
Витебской
области**

По горизонтали:

1. Город, возникший как поселок строителей моста через Обь. 8. Первый отклик В. Маяковского на смерть В. И. Ленина. 11. Памятный значок. 12. Недомогание. 13. Советский траулер «Эксперимент» как двухкорпусное судно. 15. Густое смазочное вещество. 16. Один из организаторов советской кавалерии на Дону. 17. Пристань на Камском водохранилище. 20. Фазовращатель, применяемый в автоматике, электроприборах. 21. Буквица; древнейший элемент оформления книги. 22. Прибрежный кустарник, первым встречающий весну. 23. Знаменитый энтомолог, автор книги «Жизнь насекомых». Был хранителем музея в Сан-Марселе. 24. Японский принц, маршал, упоминаемый в романе А. Степанова «Порт-Артур». 26. Известный певец, солист Ереванского театра оперы и балета. 28. Форма городской танцевально-бытовой музыки в Америке, предшествовавшая джазу. 29. Хозяйка прошлого, говорящая с чужих слов. 31. Средство от морской болезни. 34. Поджаренный ломтик свинины. 36. Дважды два — четыре (суть). 37. Узорная среднеазиатская шапочка. 38. Морская птица, предупреждающая об опасности дальневосточных турпанов. 40. В Оружейной палате можно увидеть золотой колт с изображением князя Глеба (ювелирная техника). 41. Художественные закономерности в строении скульптуры. 42. Русский поэт, сказавший, «что творения, развивающие чувствительность, в то же время просвещают совесть».

По вертикали:

1. Газ, инертнее которого только гелий.
2. Ироничское название крепостного крестьянина в русской литературе.
3. Индонезийский остров с вулканом Тамбора.
4. Обычный жанр в творчестве Ф. Вийона (стилизация под него есть у В. Брюсова и М. Кузмина).
5. Процесс, свойственный радиоактивному элементу.
6. Полный провал.
7. Крупнейшая река на полуострове Индокитай.
8. «Мини-вертолет», питающийся нектаром.
9. Часть спектакля.
10. Причальная свая.
13. Инструмент, которому М. Равель поручил голос чудовища в балете «Сказки матушки-гусыни».
14. Наука о монетах, основоположником которой был венский ученый И. Эккель.
17. Римское боевое гребное судно.
18. Партнер М. Мироновой по астраде.
19. «Табачный бес».
25. Обработка ювелирного камня.
27. Жительница города, где сохранился дом, в котором родился Рафаэль.
28. Французский драматург, чью пьесу «Орленок» боготворила М. Цветаева.
30. Зерновая культура, заходящая далеко на север.
32. Гора, сделавшая знаменитым непальца Норгея Тенцинга.
33. Каждый из составляющих музыкальный созвук.
35. Подставка для нот.
36. Короткий скифский меч.
39. Бедуин по национальности.
40. Остров на западе Шотландии.

НЕ УПУСТИТЕ ШАНС!

Если вам нет тридцати лет и вы хотите стать демонстратором одежды, мечтаете участвовать в конкурсах красоты и фотоконкурсах, в шоу-программах популярных эстрадных исполнителей, съемках рекламных фильмов, телевизионных и видеоклипов, если вам хочется увидеть свои портреты на обложках популярных журналов или украшать своим присутствием презентации, выставки и распродажи продукции западных фирм — вам необходимо стать клиентом Фотобанка Центра международных проектов.

Три фотографии (можно любительские) — два портрета и одна в полный рост, квитанция об оплате 7 рублей 40 копеек и свой адрес — вот и все, что требуется для этого от юношей и девушек страны. Не забудьте также указать свой возраст и рост.

Фотобанк в течение года будет вашим надежным, квалифицированным агентом. Ваши фотографии будут заявлены и показаны всем заинтересованным отечественным и зарубежным фирмам.

**ДЕНЬГИ ВЫ МОЖЕТЕ ПЕРЕВЕСТИ ПО
ПОЧТЕ НА КОРР. СЧЕТ 161625 в МГУ**

Госбанка СССР, «Диалогбанк», п/с 345014 МФО
201791.

**ФОТОГРАФИИ И КВИТАНЦИИ ОБ
ОПЛАТЕ ПРИСЫЛАЙТЕ ПО АДРЕСУ:
103104, Москва, Южинский переулок,
д. 1/14, строение 7.**

Фотобанк Центра международных
проектов.

ИНДЕКС 70820. 70 КОП.

ПОДРОБНО КТОС

МУЗЫКАЛЬНАЯ АНТЕННА ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Все началось
Сначала романсы

Татьяна

